

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

И. М. Кобозева

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Эдиториал УРСС • Москва • 2000

ББК 81-3я73

Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса) в рамках конкурса
«Новая учебная литература
по лингвистике и литературоведению».

Рецензенты: д. ф. н. В. И. Подлеская, д. ф. н. Е. В. Рахмина, д. ф. н. Л. О. Чернойко

Кобозева Ирина Михайловна

Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.

ISBN 5-8360-0165-0

В учебнике излагаются основные вопросы семантики как раздела курса общей теории языка. Первая часть содержит введение в предмет, краткий очерк истории семантических учений, включая новейшую, и знакомит с понятиями, применимыми при семантическом описании любых значимых языковых образований, от морфемы до целого текста. Вторая часть посвящена содержательной стороне слова как единицы языка и речи. В третьей части анализируется семантика предложения-высказывания с учетом трех ее аспектов: логико-семантического (пропозиционального), коммуникативного и прагматического, и обсуждаются формальные средства (метаязыки), используемые для ее описания. Проблемы семантики рассматриваются в учебнике с точки зрения деятельностного подхода к языку и в контексте многообразных задач, стоящих перед прикладной лингвистикой. Ряд глав учебника представляет собой развернутые иллюстрации излагаемых идей и методов на материале конкретных семантических исследований автора.

Учебник адресован не только студентам лингвистических отделений факультетов филологического профиля, но и всем тем, кто по роду своих занятий имеет дело с созданием или анализом текстов на естественном языке: литературоведам, журналистам, переводчикам, копирайтерам и т. п., а также всем, кого интересует устройство и функционирование языка.

Директор — Доминго Марин Рикой
Заместители директора — Наталья Финогорова, Ирина Максеева
Администратор — Леонид Иосилевич
Компьютерный дизайн — Виктор Романов
Главный редактор — Елена Кудряшова
Верстка — Михаил Кириллов
Обработка графики — Елена Ефремова
Обработка указателя — Андрей Стулов
Техническая поддержка — Наталья Аринчева, Наталия Бекетова
Менеджер по продажам — Алексей Петяев

Издательство «Эдиториал УРСС», 113208, г. Москва, ул. Чергиновская, д. 2/11, к.п.
Лицензия ИР № 064418 от 24.01.96 г. Лингвистический сертификат на выпуск книжной
продукции № 77.ФЦ.Я.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г. Подписано к печати 01.08.2000 г.
Формат 60 × 88/16. Тираж 1500 экз. Печ. л. 22. Зак. № 59.
Отпечатано в АОУТ «Политех-4». [29]10, 1. Москва, ул. Б. Перемышльская, 46.

ISBN 5-8360-0165-0

© Эдиториал УРСС, 2000

*Посвящается светлой памяти моего отца,
генерал-майора СВР КГБ СССР
Михаила Ивановича Лопатина*

Предисловие автора

Предлагаемая книга представляет собой учебное пособие для студентов, изучающих базовый курс семантики в рамках лингвистических направлений («Лингвистика и новые информационные технологии», «Лингвистика и межкультурная коммуникация»), однако оно вполне может быть использовано и при преподавании раздела «Лексика и семантика» в традиционном филологическом курсе «Общего языкознания». Вообще лингвистическую семантику (с той или иной степенью подробности, с акцентами на тех или иных аспектах) должны изучать все, кто по роду своих занятий имеет дело с созданием или анализом текстов на естественном языке, а круг таких профессий постоянно растет. Поскольку язык — это прежде всего средство выражения и передачи информации, то практически любой аспект его формальной структуры (не считая тех, которые определяются ограничениями, связанными с биологической природой человека) имеет в конечном счете семантическую мотивировку. Поэтому человек, профессионально работающий с языком (будь то лингвист, литературовед, журналист, копирайтер или имиджмейкер) должен разбираться в том, что представляет собой та информация, которая может кодироваться языковыми средствами, каковы ее типы, внутренняя структура, правила соединения одних фрагментов информации с другими при построении и интерпретации целостных сообщений, а получить систематическое представление об этом он может только из курса лингвистической семантики.

В основу книги положен курс лекций, который я читаю с 1988 года по настоящее время на отделении теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. С некоторыми несущественными модификациями данный курс предлагался в качестве курса по выбору для студентов-лингвистов русского отделения того же факультета, а его сокращенный вариант я уже более пяти лет преподаю студентам-китаистам на филологическом факультете Института стран Азии и Африки МГУ. Кроме того в качестве развернутых иллюстраций к различным темам курса в учебник включены избранные исследования автора (одно из которых выполнено в соавторстве с А. Н. Барановым), публиковавшиеся в научных журналах и сборниках статей.

Цель данного учебника — дать начинающему лингвисту, вступающему на «территорию» современной семантики, надежные ориентиры, которые позволяли бы ему, двигаясь в любом направлении, понимать, где он в данный момент находится и в какую сторону должен устремиться, чтобы достичь желаемой цели. Для этого надо было представить знания, накопленные различными школами семантики за всю историю развития

этой науки (включая и тот период, когда она еще не выделилась в качестве самостоятельной научной дисциплины), с единых теоретических позиций, в единых терминах, чтобы обеспечить сопоставимость имеющихся достижений в конкретных областях исследования и возможность их взаимообогащающего синтеза. Разумеется, существует немало работ, в том числе и солидных монографий, авторы которых ставили перед собой ту же задачу. Тот взгляд на предмет семантики, ее структуру и проблематику, который нашел отражение в предлагаемом учебнике, сложился у меня под влиянием моих учителей — профессоров, преподавателей и научных сотрудников ОТиПЛ (до 1988 года ОСиПЛ). И первым в их ряду следует назвать В. А. Звегинцева — основателя ОТиПЛ, виднейшего историка языкознания и автора первой отечественной теоретической монографии по семантике «Семасиология». Во многом именно благодаря его педагогической деятельности, острым полемическим статьям и книгам в науку в 60–70-х годах пришло поколение лингвистов, убежденное в том, что занятия языком в отрыве от семантики не только практически бесплодны, но и в принципе не могут привести к построению адекватной теории языка. Взгляд В. А. Звегинцева на место и роль семантики в лингвистике нашел дальнейшее развитие в трудах другого моего учителя, его младшего коллеги, ныне возглавляющего кафедру теоретической и прикладной лингвистики МГУ — А. Е. Кибрика, «Лингвистические постулаты» которого стали своего рода манифестом того лингвистического направления, которое можно было бы назвать функционально-коммуникативным. Именно с позиций этой научной парадигмы решается в данном учебнике вопрос о границах семантики и ее соотношении с прагматикой. Ученик В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкий, открывавший для нас, студентов ОТиПЛ конца 60-х — начала 70-х мир семантики в курсе лекций, построенном на основе его монографии «К проблеме семантической типологии», заложил те принципы систематизации великого многообразия сущностей и явлений, относящихся к плану содержания, которые я, взяв их за основу, развиваю в своем учебнике. Другой ученик В. А. Звегинцева, мой научный руководитель, блистательный лектор В. В. Раскин своими спецкурсами, построенными на основе новейших для того времени мировых разработок в области семантической теории и практики семантического анализа, навсегда избавил нас от опасности научного изоляционизма, приводящего рано или поздно к стагнации и безнадежному отставанию.

Разумеется, круг тех ученых, под влиянием которых сложилась концепция предмета, развиваемая в данном учебнике, не ограничивается рамками ОТиПЛ (ОСиПЛ) филологического факультета МГУ. Не меньшими, а в некоторых вопросах и большими авторитетами для нас в юности были И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян и другие представители Московской семантической школы, которые, как нам тогда казалось, изобрели столь совершенные методы описания

означаемых, что остается только научиться ими пользоваться — и любая семантическая задача будет решаться столь же строго и точно, как задача из школьного учебника по алгебре. Действительно, вклад данной школы в формализацию лексической семантики получил всемирное признание, и поэтому основные ее идеи и методы, выдержавшие проверку временем, нашли отражение в соответствующем разделе учебника. Вместе с тем, впоследствии стало очевидно, что данная научная парадигма, воплощенная в семантическом компоненте модели «Смысл \leftrightarrow Текст», обладает целым рядом существенных ограничений, а ее исходные допущения о сущности смысла отнюдь не бесспорны. Понять это многим из нас помогло участие в разработке искусственно-интеллектуальных систем, включающих в свой состав подсистемы понимания и порождения текстов на естественном языке, и обсуждение возникающих при этом проблем в междисциплинарном семинаре по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог» («Модели общения»), организованном А. С. Нариньяни в середине 70-х годов и руководимом им по сей день. В диалоге с представителями смежных дисциплин, изучающих и пытающихся моделировать интеллектуальную деятельность человека, многие лингвисты, занимающиеся семантикой, осознали, что семантическое описание языка должно быть согласовано с накопленными другими науками знаниями о процессах, протекающих в сознании человека при взаимодействии с окружающим миром. Поэтому в учебнике не обойдено вниманием и относительно новое и еще не вполне теоретически оформившееся направление, известное под названием «когнитивной семантики». Что касается семантики предложения, то в этом разделе учебника мы опираемся прежде всего на органично вписывающиеся в контекст мировой лингвистической науки работы Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой и других лингвистов, объединяемых принадлежностью к неформальному научному объединению — группе «Логический анализ языка», членом которой является и автор данного учебника. Характеризуя таким образом идейные источники той концепции семантики, которая воплощена в предлагаемой книге, хочу подчеркнуть, что упомянутые выше авторы не несут ответственности за мою интерпретацию их взглядов и смею лишь надеяться, что последняя сохраняет верность оригиналу.

Опыт моей работы со студентами-лингвистами разных специальностей показал, что сведений, полученных ими во вводном лингвистическом курсе (будь то «Введение в языкознание» или «Введение в специальность») оказывается вполне достаточно для успешного освоения основ современной лингвистической семантики, излагаемых в данном учебнике. В свою очередь, овладев содержащимися в нем базовыми знаниями, студент может в дальнейшем углублять их самостоятельно, специализируясь в различных областях этой дисциплины.

Книга состоит из трех частей, каждая из которых подразделяется на главы, в конце которых указывается список литературы, рекомендуемой для расширения знаний по данному разделу.

Часть I — «Введение в предмет лингвистической семантики» — состоит из трех глав. В Главе 1 обсуждается принципиально двойственный предмет данной науки, изучающей как относительно абстрактную, конвенционально связанную с языковым выражением информацию (значение), так и ту конкретную актуальную информацию, которую языковое выражение передает при его употреблении в речи (смысл) и на этой основе проводится различие между узкой и широкой (включающей прагматику) концепцией семантики. Здесь же характеризуется место семантики в кругу традиционных лингвистических дисциплин и пунктирно прослеживается история ее развития с древнейших времен до наших дней. В Главе 2 вводятся в необходимом объеме основные понятия семиотики, на базе которых объясняется место значения в структуре языкового знака и характер его связи с формой знака. Здесь же вскрывается многозначность термина «значение», отражающая различия в трактовке этой категории в рамках существующих концепций знака. В Главе 3 («Типология значений») вводятся основные параметры, по которым может быть охарактеризовано значение любого языкового выражения: уровневая принадлежность означающего, степень обобщенности, характер передаваемой информации, связь с определенным типом знаний — и рассматриваются типы значений, выделяемых по данным параметрам.

Часть II, наибольшая по объему, посвящена лексической семантике. Она состоит из 12 глав, в которых рассматриваются основные понятия, концепции и методы данного раздела семантики: соотношение лексической семантики с лексикологией и лексикографией (Глава 1); противопоставление лексического и грамматического значения (Глава 2); компоненты лексико-семантической информации (Глава 3); понятия значимости, семантического поля и другие понятия, относящиеся к области лексико-семантической парадигматики (Глава 4); компонентный анализ лексических значений (Глава 5); тезаурус как модель парадигматической структуры плана содержания языка (Глава 6); лексическая синтагматика и инструменты ее описания (Глава 7); взаимосвязь между синтагматическими свойствами лексемы и структурой ее значения (Глава 8); проблема лексической многозначности и существующие подходы к ее описанию (Глава 9); семантическая структура многозначного слова — эпидигматика (Глава 10) — и взаимосвязи между эпидигматикой и парадигматикой на конкретном примере сопоставления способов когнитивной метафоризации двух близких лексических значений, собственных словам *мысль* и *идея* (Глава 11); эксперименты, применяемые в лексической семантике с подробным разбором конкретного эксперимента по выявлению стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов *немец*, *француз*, *англичанин* и *русский*.

Часть III посвящена семантике предложения и высказывания — области семантики, которая не получала достаточного освещения в выходивших ранее учебниках и учебных пособиях по этой дисциплине. Во вводной Главе 1 разъясняется различие между языковым значением

изолированного предложения и смыслом высказывания в контексте речевого акта, рассматривается понятие семантической правильности / аномальности предложения и высказывания, определяются основные виды логических отношений между предложениями и на этой основе вводится противопоставления асертивной и пресуппозиционной частей семантики предложения-высказывания. В Главе 2 дана развернутая характеристика основных компонентов смысла высказывания — пропозиционального, коммуникативного (упаковочного) и прагматического (иллокутивного). Глава 3 посвящена семантическим метаязыкам для описания смысла предложения-высказывания и дает представление о возможных способах формализованного представления семантической информации. Наконец, Глава 4 иллюстрирует понятия, введенные в предыдущих главах, на материале общепросительных предложений русского языка.

Я считаю своим приятным долгом выразить признательность рецензентам моего труда — Е. В. Рахилиной, В. И. Подлесской и Л. О. Чернейко, которые, несмотря на расхождения с автором во взглядах на некоторые из обсуждаемых вопросов, дали общую положительную оценку как замыслу учебника, так и степени соответствия его требованиям сегодняшнего дня в подготовке лингвистов и филологов широкого профиля. Я также искренне благодарю моих коллег, принявших участие в обсуждении рукописи учебника, проходившем на кафедре ТиПЛ: А. Н. Баранова, К. И. Казенина, Е. Э. Разлогову и С. Г. Татевосова, проницательные замечания которых очень помогли мне при доработке рукописи. Разумеется, благодарна я и моим многочисленным студентам, в общении с которыми на лекциях «обкатывались» те или иные способы изложения тем данного курса. Не могу не упомянуть о той неоценимой помощи и моральной поддержке, которую оказывал мне при подготовке этой книги к печати мой муж и коллега Л. М. Захаров. Спасибо также всем студентам-практикантам, помогавшим мне переводить рукописные тексты лекций в электронную форму, и особенно Свете Ильиной, составившей черновой вариант предметного указателя.

Раздел I

ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Глава 1

Семантика как лингвистическая дисциплина

1.1. Двойственность предмета семантики

Семантика, как и всякая научная дисциплина, имеет свой предмет. Но определить этот предмет не так просто, как это может показаться. Хотя большинство лингвистов согласилось бы с тем, что семантика изучает значение языковых выражений, на вопрос о том, что следует понимать под значением, не существует общепринятого ответа (подробнее о разных значениях «значения» см. раздел 1.2.3). Из-за разного понимания предмета по-разному проводятся границы между семантикой и другими лингвистическими дисциплинами, в частности, между семантикой и прагматикой. Поэтому вопрос о предмете семантики заслуживает самого внимательного рассмотрения.

Для начала, чтобы избежать «теоретически ангажированного», и в силу этого неоднозначного термина «значение», используем нейтральный термин «содержание», или «информация» и будем считать, что семантика — раздел языкознания, изучающий содержание единиц языка и тех речевых произведений, которые из этих единиц строятся.

Теперь обратим внимание на тот факт, что во многих естественных языках для обозначения содержания языковых выражений существует не одно, а (по меньшей мере) два слова:

смысл и значение в русском языке,
Sinn и Bedeutung в немецком,
sense и meaning в английском,
смисъл и значение в болгарском,
jelentoség и értelem в венгерском.

Что это — случайность, пример языковой избыточности или же отражение того факта, что в сознании носителей языка присутствует два связанных между собой, но не тождественных понятия о содержании, соответствующие двум ипостасям сущности, которую мы нерасчлененно обозначаем как «содержание» языкового выражения или «информацию».

передаваемую этим выражением? Если нам удастся показать, что верно последнее, то станет понятна причина разногласий в понимании значения как предмета семантики: ведь если у содержания языковых выражений есть по меньшей мере две разных ипостаси, то предметом семантики (значением) можно объявить либо одну из них, либо другую и, в соответствии с этим, проводить границы данной области языкознания.

1.1.1. Значение и смысл — две ипостаси содержания

Попробуем доказать двойственность предмета семантики, выявив понятия, воплощаемые в словах *значение* и *смысл* русского языка, которые мы часто употребляем в обыденной жизни, не задумываясь над тем, что за ними стоит. Для этого необходим анализ контекстов, в которых данные слова обозначают тот или иной вид информации. Назовем такое употребление интересующих нас слов «информационным».

Признаком «информационного» употребления наших слов является возможность замены их на описательные выражения типа 'то, что X означает / обозначает / выражает' или 'то, что кто-то хотел сказать, употребляя X' без ущерба для содержания исходного сообщения и без нарушения его правильности. Так, в примере:

(1) *Значение этой надписи не ясно.*

слово *значение* имеет «информационное» употребление, что показывает возможность перифразы:

(1') *Не ясно, что означает эта надпись.*

А в примере (2):

(2) *Значение этого события огромно.*

слово *значение* употреблено не «информационно», так как замена его на описательный оборот нужного типа невозможна:

(2') **То, что означает / обозначает / выражает это событие, огромно.*

Синонимические словари русского языка подают *смысл* и *значение* в интересующих нас употреблениях как синонимы. Толковые словари, толкуя то *смысл* через *значение*, то *значение* через *смысл*, тем самым тоже рассматривают эти слова как синонимы, хотя и не абсолютные. Так, в словаре С. И. Ожегова *значение* определяется как 'то, что данное явление, понятие, предмет значит, обозначает', а *смысл* как 'значение, внутреннее содержание чего-либо, постигаемое разумом'. Из данных толкований видно, что при наличии общей части, которую можно обозначить как 'содержание' или 'информацию', второе отличается от первого введением дополнительного «участника ситуации» — постигающего это содержание разума. Однако иллюстративный материал словарных статей недостаточен для того, чтобы убедиться, что *смысл* отличается от *значения* тем, что он «постигается разумом», да и сама формулировка отличительного признака представляется слишком туманной. Поэтому необходим более детальный анализ различий в употреблении данных слов.

Исследуем контекстное окружение *смысла* и *значения*, принимая во внимание следующие его аспекты, или параметры:

- носитель 'содержания', например *надпись* в (1) или *долгая речь* в (3):
- (3) *Смысл этой долгой речи в том, что без денег ничего не выйдет.*
 - истолкование 'содержания', например *без денег ничего не выйдет* в (3);
 - операции, которые производятся над 'содержанием', например *исказить* в (4):
- (4) *Он исказил смысл моих слов.*
 - определения к 'содержанию', например *заманчивый (смысл), точное (значение)*;
 - область бытования 'содержания', например *группы в будущем и в восприятии населения* в (5):
- (5) *Я не исключаю, что в будущем слово «партия» в восприятии населения наполнится каким-то другим смыслом.*

Рассмотрим эти параметры в указанной последовательности.

Тип носителя содержания. Множество выражений, выступающих в роли носителя содержания хотя бы при одном из анализируемых слов, разбивается на три естественных класса: 1) названия знаков по преимуществу (*слово, речь, стихи, элемент герба, обычай красить яйца* и т. п.); 2) названия объектов природного происхождения и стихийных процессов (*лицо, природа, сон, суматоха* и т. п.); 3) названия искусственных объектов и контролируемых процессов, для которых знаковая функция выступает как дополнительная к их главной функции. Так, например, *храм* — место общения с Богом и вместе с тем знак, несущий информацию об устройстве Вселенной, ср. (6):

- (6) *В этой последовательности «храм», «дом», «мир» — все составляющие раскрывали по-своему один и тот же смысл. Так, храм — это отражение Вселенной... Архитектура Храма... вмещала в своем пространстве, декоре и росписях землю, море, воздух, планеты и звезды. (Из газет)*

а *казнь*, будучи в первую очередь высшей мерой наказания, во вторую очередь своей формой может информировать о характере преступления.

Сравнивая носители *смысла* и *значения*, мы увидим, что множество первых является собственным подмножеством последних. *Смысл* могут иметь доступные восприятию объекты любого из трех классов, начиная со слов и кончая наблюдаемой сценкой случайного столкновения двух прохожих. Ср. (4), (6) и (7):

- (7) *...здесь оказались сразу: резко пахнувший сырым деревом забор, фонарь, славная белокурая малютка в голубом в объятьях негра под пламенеющим небом. Будь нас четверо или пятеро, мы, наверное, отметили бы*

это столкновение, ...мы посмеялись бы над растерянным выражением двух детских лиц. Но одинокого человека редко тянет засмеяться — группа приобрела для меня на миг острый, даже свирепый, хотя и чистый, смысл. (Ж.-П. Сартр)

Значение же могут иметь только те носители информации, для которых знаковая функция является если не главной, то по крайней мере побочной, а значит, существуют правила и договоренности, регламентирующие способ интерпретации таких носителей в рамках некоторого сообщества. Если же мы встречаем слово *значение* применительно к стихийному явлению, то это сразу переводит данный феномен в разряд знаков, т. е. намекает на включенность его в какую-то знаковую систему. Так, например, сон в следующем отрывке из «Евгения Онегина» трактуется как имеющий значение:

(8) *Ее тревожит сновиденье. Не зная, как его понять, мечтанья страшного значенье Татьяна хочет отыскать. (А. С. Пушкин)*

А это влечет за собой представление о том, что сон — текст на некотором языке, который можно прочесть, воспользовавшись сонником, своего рода толковым словарем языка снов.

Таким образом, сочетаемость *смысла* и *значения* с разными типами носителей показывает, что понятие *значения* в обыденном сознании связано с презумпцией существования знаковой системы, элементом или текстом которой выступает носитель значения. Понятие *смысла* такой презумпции не имеет.

Истолкование смысла и значения при одном и том же типе носителя. Различие между *смыслом* и *значением* отчетливо выявляется при сравнении способа их истолкования (экспликация) при одном и том же носителе. Для наших целей достаточно рассмотреть хотя бы один такой носитель — *слово*.

Когда говорят о *значении слова*, имеют в виду прежде всего его словарное толкование. См. следующие примеры:

(9) *Значенье слова «коса» различно. (В. И. Даль)*

(10) *Бопре приехал в Россию pour être outchitel, не очень понимая значение этого слова. (А. С. Пушкин)*

Когда говорят о *смысле слова*, то, как правило, имеют в виду нечто иное. Что же именно?

Во-первых, экспликацией *смысла слова* может выступать указание на множество тех сущностей, которые могут обозначаться данным словом (так называемый экстенционал, подробнее см. в разделе II.2.2). Так происходит в тех случаях, когда предполагается вариативность в оценке границ этого множества. Ср. (11):

(11) *...все как один речь вели о самостоятельности филиала. Слово-то одно — «самостоятельность», а смысла в него оппоненты вкладывали диаметрально противоположный.*

Здесь речь идет, конечно, не о разных словарных толкованиях слова *самостоятельность*, а о том, какое конкретное множество прав оппоненты признавали необходимым и достаточным для применимости данного слова.

Во-вторых, объяснением *смысла слова* может считаться ответ на вопрос, почему у слова, выражающего данное содержание, оказалась именно такая форма (в лингвистике это называют раскрытием *внутренней формы слова*, его словообразовательной мотивации). См. (12) и (13):

(12) *В изначальном смысле слово «культура» связано со словом «почитание».* (Из газет)

(13) *Вникая в некоторые слова, в их звучание, мы находим их первоначальный смысл. Слово «призвание» родилось от слова «зов».* (К. Паустовский)

В-третьих, под смыслом слова могут подразумеваться ассоциируемые с ним в сознании говорящих представления как фактического, так и оценочного характера (так называемые *ассоциации и коннотации*). Понимаемый таким образом *смысл* можно, пользуясь метафорой писателя Д. Данина, сравнить с эхом, которое раскатывается от слова и качество которого зависит от социального рельефа жизни вокруг. Ясно, что такого рода *смысл* наиболее интересен у так называемых идеологических и культурных слов. Ср. (14):

(14) *Дягилевский центр ставит своей задачей возвращение высокого смысла слову «меценат».* (Из газет)

Итак, в ходе анализа экспликаций разного типа «содержаний» слова мы наблюдаем отчетливую тенденцию к противопоставлению ‘значения’ как закрепленного за данной единицей языка относительно стабильного во времени и инвариантного содержания, знание которого входит в знание данного языка, ‘смыслу’ как связанной со словом информации, изменчивой во времени, варьирующей в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка.

Анализ остальных параметров контекста наших слов лишь подтверждает выводы, сделанные на основе двух предыдущих параметров.

Определения к *значению* крайне редки и обычно характеризуют только место данного значения в системе других значений в синхронии или диахронии (ср. *основное, старое значение*). *Смысл* же имеет разветвленную систему определений, образуемую тематическими группами, соответствующими трем ипостасям смысла, рассмотренным выше в связи со способами истолкования ‘содержания’. При экстенциональной ипостаси смысла употребляются определения *широкий* и *узкий*. При этимологической — с одной стороны, определения типа *изначальный, исконный*, с другой — эпитеты типа *загадочный* (ср. *замурованный смысл научных слов* (Г. М. Шергова), т. е. свойственное большинству научных терминов отсутствие словообразовательной мотивации). В ассоциативном понимании *смысл* получает всю гамму определений, характеризующих ощущения и эмоции субъекта, вызванные осознанием ассоциативно

связанной со знаком информации (см., например, определения *смысла* в примере (7)).

Параметр «операций» также отражает основное противопоставление между *смыслом* и *значением*. Поскольку *значение* — это устойчиво закрепленное за знаком содержание, то его можно *устанавливать* и затем *знать*, в то время как *смысл* — нечто изменчивое, нерегламентированное, — приходится *искать*, *улавливать*, *разгадывать*, *подбирать ключи к раскрытию* и т. п. *Значение* знак имеет как свою неотъемлемую принадлежность, а *смысл* знак *заключает в себе* как нечто внешнее, временно *наполняющее* собой знак. *Приобрести* знак может и *значение*, и *смысл*, но *наполниться* — только *смыслом*. Это различие не случайно. Глагол *приобретать* обозначает мгновенное изменение ситуации, а *наполняться* — постепенное. Очевидно, что только при отсутствии заданности связи между знаком и некоторой информацией (что характеризует концепт *смысла*) установление такой связи может мыслиться как длящийся процесс и выражаться глаголом, обозначающим постепенное изменение положения дел.

Наконец, анализ обстоятельственных оборотов, уточняющих область бытования содержания, показывает, что таковые типичны для *смысла* (см. примеры (5), (7)) и совершенно не характерны для *значения*. Указывая на интерпретатора знака и ограничивая время действия интерпретации, такие обстоятельственные обороты вполне совместимы с концептом *смысла* как изменчивого, варьирующегося, субъективного содержания знака. С концептом *значения* как *стабильного, общепринятого* содержания знака подобные обороты несовместимы, так как у *значения* соответствующие «места» уже «заняты»: *значение* знака — это его содержание для всех членов данного языкового сообщества на все время действия договоренности.

Подведем итог нашим наблюдениям. Рассмотренные выше различия, получают единое объяснение, если принять, что *смыслу* и *значению* соответствуют в сознании носителей языка два близких, но отнюдь не тождественных концепта, которые можно определить следующим образом:

Значение X-a — это информация, связываемая с X-ом конвенционально, т. е. согласно общепринятым правилам использования X-a в качестве средства передачи информации.

Смысл X-a для Y-a в T — это информация, связываемая с X-ом в сознании Y-a в период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации.

1.1.2. Две концепции семантики: узкая и широкая

Итак, содержание языковых выражений имеет две ипостаси, воплощенные в обычных словах русского языка *смысл* и *значение*. (Подчеркнем, что речь идет не о соответствующих терминах семантики, которые воплощают разнообразные научные концепции содержания языкового знака, рассматриваемые в разделе 1.2.3). Каждая из этих двух ипостасей

по справедливости может претендовать на то, чтобы быть предметом семантики.

Надо сказать, что ученые, занимающиеся семантикой, понимают ее предмет по-разному. В. А. Звегинцев, сравнивавший семантику с «владельческой принцессой», писал по этому поводу следующее: «...наша принцесса обладает волшебным качеством: каждый из поклоняющихся ей видит ее по-иному — в том виде, в каком она представляется ему наиболее привлекательной. И каждый из ее палачинов отважно защищает свой образ, стремясь подчинить своему видению и других» [Звегинцев 1976: 60]. Но при всех частных различиях в подходах к описанию содержательной стороны языка, множество направлений современной семантики можно свести к двум противостоящим друг другу концепциям, существование которых объективно обусловлено двойственностью предмета семантики. Эти две концепции семантики можно условно назвать узкой и широкой. Узкая концепция семантики делает своим предметом значение единиц языка и построенных из них языковых выражений. При широкой концепции семантики ее предметом, кроме того, является и смысл языковых выражений в конкретных условиях их употребления.

Рассмотрим это различие во взглядах на предмет семантики более подробно. При узкой трактовке семантики на объект исследования накладываются существенные ограничения. Стараясь не покидать пределов «чистой» лингвистики, языковеды, стоящие на этой позиции, принципиально отказываются от анализа содержательной стороны речевых произведений в полном ее объеме и интересуются лишь той частью содержания, которая закодирована единицами языка, составляющими данный речевой отрезок. Они исходят при этом из того, что для передачи и понимания такой информации человек использует только свое знание языка и не обращается к знаниям других типов: к сведениям об авторе или адресате сообщения, о деталях конкретной обстановки, в которой употребляется данное высказывание, к энциклопедической информации о тех предметах и событиях, о которых идет речь. Такой подход упрощает дело, поскольку позволяет оперировать предложениями, изолированными от контекста их употребления. Однако ценой такого упрощения является снижение объяснительной силы теорий, реализующих узкую концепцию семантики. Во-первых, они могут проинтерпретировать только полные и идеально правильные предложения, поскольку интерпретация неполных, эллиптических предложений типа:

(16) *Пожалуйста, город!*

(17) *Когда на Читу подойдет?*

требует обращения к ситуации общения и знаниям о мире. Однако наша повседневная речь полна такого рода высказываний, которые мы прекрасно понимаем, и эта наша семантическая способность должна быть описана и научно объяснена. Оставаясь в рамках узкого подхода к семантике, мы этого сделать не можем. Во-вторых, мы не сможем

объяснить весьма распространенное в речи использование языковых выражений не в прямом, буквальном, а в переносном смысле. Так, мы не сможем объяснить, почему на вопрос типа (18), который, например, учитель адресует ученикам в классе, вполне уместным ответом может быть (19):

(18) *А где Вася Иванов?*

(19) *Он заболел.*

Хотя языковое значение вопросительно-относительного местоимения *где* — это своего рода переменная, областью определения которой является множество местонахождений, а ответ, который должен указать конкретное значение этой переменной, не содержит никакой информации о местонахождении Васи Иванова, этот ответ, вопреки очевидному языковому несоответствию заданному вопросу, рассматривается как вполне корректный. Существует точка зрения, что за объяснение явлений, подобных тем, что проиллюстрированы примерами (16)–(19), т. е. таких, которые требуют выхода за узкие рамки анализа закодированной исключительно языковыми средствами информации, должна отвечать другая, уже не собственно лингвистическая, а «пограничная» дисциплина, лежащая на стыке лингвистики с психологией, социологией, когнитологией и, возможно, другими гуманитарными науками — прагматика. Однако такой подход связан с необходимостью проведения четкой демаркационной линии между собственно языковыми и экстралингвистическими знаниями, что в ряде случаев представляется практически трудно осуществимым. Поэтому вместо того, чтобы тратить время и силы на «обустройство» и «укрепление» границ «чистой» лингвистики, лучше отнести к ведению лингвистической семантики всю содержательную сторону единиц языка и состоящих из этих единиц речевых произведений независимо от типа знаний, на которые мы опираемся при ее выражении или понимании.

При этом следует признать, что на первом этапе превращения семантики в науку, использующую строгие и точные методы исследования и составляющую интегральную часть общего описания языка, **редукционизм**, т. е. сознательное сужение объекта исследования, был оправдан. Однако с течением времени он должен был быть преодолен, исходя как из внутренних потребностей развития самой науки, так и из требований, которые ставит перед ней общественная практика. Так, когда стала складываться та область прикладных исследований, которая ныне именуется компьютерной или вычислительной лингвистикой, оказалось, что при узкой концепции семантики, ограничивающей ее предмет языковым значением, трудно ожидать успешного решения таких важных прикладных задач, как обеспечение общения пользователя с компьютером на языке, близком к естественному, как автоматизация логического вывода по тексту и т. п. Целый ряд исследователей пришли к выводу, что предмет семантики должен трактоваться шире. А. Е. Кибрик сформулировал это требование в качестве одного из постулатов современной лингвистики —

постулата о границах семантики: «К области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» [Кибрик 1992: 25]. Мы в дальнейшем будем исходить именно из такого — широкого — понимания предмета семантики.

Если термином «значение» мы договоримся обозначать любое содержание, информацию, передаваемую посредством языка, то тогда мы можем согласиться с традиционным определением семантики как раздела языкознания, изучающего значение языковых выражений. Однако, как будет видно из дальнейшего (см. I.2.3), нередко термин «значение» употребляется в более узком смысле. Потому нам и понадобился анализ возможных типов языковой информации, проведенный в разделе I.1.1, что ограничившись традиционным определением предмета семантики, мы не дали бы ясного представления о его границах.

Заметим, что, как это часто бывает, термином семантика обозначают не только лингвистическую дисциплину, но и ее предмет (объект). (Это типичный пример регулярной многозначности слова, речь о которой пойдет в разделе II.1.7). Так, можно сказать, например, что «семантику служебных слов невозможно описать без обращения к широкому контексту их употребления» или что «семантика интонации начала изучаться сравнительно недавно». Тем не менее, высказывание *Семантика изучает семантику* выглядит явно нелепо из-за своей неинформативности: в нем не сообщается о предмете речи (семантике) никакой новой информации ('семантика изучает то, что является объектом ее изучения' или, если угодно, 'наука, которая изучает семантику, изучает семантику'). Это еще один пример того, что для объяснения способности человека отличать семантически правильно построенные высказывания от аномальных нужны не только точные знания о значениях слов и правилах их употребления, которые добывает семантика в узком понимании, но и знания о принципах и правилах речевого общения, учет которых обеспечивает только широкая концепция семантики.

1.2. Место семантики в кругу традиционных лингвистических дисциплин

Как соотносится семантика с фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикологией — дисциплинами, которыми еще недавно исчерпывался курс основ языкознания в высшей школе? Чтобы ответить на этот вопрос, следует понимать, на чем основано выделение указанных дисциплин. Очевидно, что такой основой служит иерархическое строение языковой системы, состоящей из подсистем, называемых уровнями языка, каждому из которых соответствует определенный тип единиц и правил их использования.

Картину соотношения языковедческих дисциплин с общепринятым представлением об уровневой организации языковой структуры отражает следующая схема:

Единица	Уровень	Дисциплина
Предложение	Синтаксический	Синтаксис
Слово	Лексический	Лексикология
Морфема	Морфемный	Морфология
Фонема	Фонемный	Фонология

Если мы попытаемся вписать семантику в рамки данной схемы, то обнаружим, что нельзя просто достроить ее, добавив к иерархии единиц языка единицы какого-то дополнительного уровня. Ведь все единицы, фигурирующие в нашей схеме, во-первых, имеют материальное воплощение, а во-вторых, в совокупности исчерпывают инвентарь единиц, которые образуются в результате членения текста на все более мелкие составляющие. И хотя в лингвистике широко используется понятие «**семантический уровень**», речь при этом идет не об уровнях языка, а совсем о других уровнях — **уровнях представления языкового выражения** (обычно предложения) в моделях языка, ставящих своей целью формальное описание соответствия между содержанием (смыслом) и формой его выражения в языке, например, в модели «Смысл \leftrightarrow Текст» или в генеративной (порождающей) грамматике. Так что для вписывания семантики в нашу схему необходимо было бы превратить последнюю из плоской в объемную, добавив новое измерение: ось «форма — содержание». Поскольку такое усложнение схемы вряд ли будет способствовать ее наглядности, мы не станем прибегать к помощи графики.

Объект семантики (в узком смысле) — **содержательная сторона значимых единиц языка, т. е. их значение**. Поскольку мельчайшей значимой единицей языка признается морфема, то в сферу интересов семантики попадают единицы всех уровней от морфемы и выше, и тем самым семантика оказывается тесно связанной с тремя традиционно выделяемыми дисциплинами академического лингвистического цикла: морфологией, лексикологией и синтаксисом. Как периферийное явление в языках мира существует связь некоторых видов значений непосредственно с фонемами слова — **звукоподражание и звукосимволизм** (подробнее см. ниже), и в этой части семантика оказывается связанной также с фонологией.

Единицы разных уровней языка естественно обладают разными типами содержания, и соответственно внутри единой дисциплины семантики могут быть выделены такие разделы, как **морфемная семантика, лексическая семантика, синтаксическая семантика (семантика предложения)**.

Разумеется, семантическая проблематика так или иначе затрагивалась и в рамках традиционных лингвистических дисциплин, поскольку описание языковых средств без учета выражаемого с их помощью значения не только было бы лишено ценности, но и в принципе вряд ли осуществимо (даже дескриптивисты, принципиально отказывавшиеся от изучения значения языковых форм, вынуждены были апеллировать к семантике, поскольку их метод анализа языка опирался на суждения информантов о сходстве значений тех или иных форм). Так, части речи в морфологии обычно определяются со ссылкой на семантические свойства слов, составляющих данный класс (ср. традиционное определение имени существительного как части речи, обозначающей предмет (субстанцию) и выражающей это значение в определенных грамматических категориях). Описание грамматических категорий также включает в себя в качестве обязательного компонента описание общего значения категории и частных значений, выражаемых их формальными показателями — значений падежей, глагольных времен, видов, залогов и т. п. В синтаксисе описывается общее значение членов предложения и разнообразных синтаксических конструкций, рассматриваются семантические эффекты, которые возникают по причине изменения порядка слов в предложении, дается характеристика значения некоторых разрядов служебных слов, например, союзов, частиц и т. п. Однако и в морфологии, и в синтаксисе в фокусе внимания оказываются прежде всего сами языковые средства и способы, которые язык использует для оформления и выражения мысли, а не их содержательная сторона. Наиболее семантически «нагруженной» из традиционных лингвистических дисциплин является лексикология, включающая разделы, посвященные природе лексического значения, семантическим отношениям, связывающим слова в лексической подсистеме языка и некоторым другим вопросам лексической семантики, впрочем, далеко не исчерпывающим семантическую проблематику, связанную с данным уровнем языка. (Подробнее соотношение лексикологии и лексической семантики рассматривается в разделе II.1.1.)

Таким образом семантика, даже при узком понимании ее предмета, служит необходимым дополнением к традиционным лингвистическим дисциплинам, поскольку в ее рамках фокус внимания переносится с языковых средств и способов, принадлежащих каждому из уровней языка, на выражаемое с их помощью значение, которое становится объектом углубленного изучения. Кроме того, именно на долю семантики выпадает задача синтеза знаний о значениях единиц разных уровней (например, знаний о значениях слов со знанием о значениях синтаксических и интонационных конструкций), поскольку она должна объяснять, как из значений единиц определенного уровня формируется значение единиц более высокого уровня. Если же исходить из изложенной выше (см. I.1.1) широкой трактовки предмета семантики, то она ставит перед исследователем вопросы, выходящие далеко за рамки компетенции

трех вышеуказанных дисциплин. Например, каким образом говорящему удастся передать с помощью предложения (а слушающему получить из предложения) гораздо больше информации, чем та, которая закодирована в нем с помощью языковых единиц разного уровня и составляет языковое значение предложения? Как человек соотносит употребленное в речи предложение с действительностью? На эти вопросы отвечает семантика высказывания. Как из предложений-высказываний формируется смысл целого текста и что он собой представляет? На этот вопрос отвечает семантика текста.

При любой трактовке предмета семантики в ее задачи входит разработка собственного концептуального аппарата, т. е. создание системы понятий, в терминах которых могут быть описаны разнообразные аспекты значения единиц языка любого уровня, а также внутриуровневые и межуровневые отношения, связывающие эти значения. Для того, чтобы говорить о значении и смысле языковых выражений, семантика должна располагать специальным «языком описания семантики языка», т. е. семантическим метаязыком. Как и всякая самостоятельная научная дисциплина, семантика имеет особые методы исследования своего объекта — методы семантического анализа, и процедуры проверки правильности получаемых результатов.

1.3. Становление семантики как самостоятельного раздела языкознания

В качестве самостоятельной научной дисциплины семантика выделилась сравнительно недавно, в конце XIX в. Автором наименования, закрепившегося за данной областью языкознания, считается Мишель Бреаль, французский ученый, выпустивший в Париже в 1897 г. труд под названием *Essai de sémantique*, где термин «семантика» был впервые введен в научный обиход. В качестве его синонима в трудах русских и немецких ученых конца XIX — начала XX в. использовался термин *семасиология*, который в настоящее время употребляется как синоним лексической семантики. (Кстати, лингвистов, специализирующихся в области семантики, называют *семасиологами*, а не *семантиками*.) Оба термина образованы от греческих основ, связанных с идеей «обозначать, означать» (ср. *semaptikos* «обозначающий»).

Из этого, конечно, не следует, что изучение значения в науке о языке началось менее, чем сто лет назад. Напротив, в древнейших из известных нам лингвистических традиций ставились и решались вопросы, относящиеся к ведению семантики. Ведь одной из главных причин, заставляющих людей обращать внимание на язык, является непонимание собеседника — ситуация, при которой нам не ясно значение обращенного к нам устного или письменного высказывания (текста) или какой-то его части. Поэтому в изучении языка толкованию отдельных знаков или

целых текстов — одному из основных видов деятельности в области семантики — издавна принадлежало важное место. Так, в Китае еще в древности создавались иероглифические словари, содержащие толкование иероглифов. В Европе античные и средневековые филологи составляли глоссы, т. е. толкования непонятных слов в памятниках.

Кроме того, вера древнего человека в магическую силу слова послужила основанием для особого интереса к проблеме соответствия между словом и тем, что оно обозначает, заставляла задумываться над тем, как и почему слова становятся обозначениями вещей. В Китае с V в. до н. э. создаются концепции о связи между словом и свойствами того, что оно обозначает; в III в. до н. э. появляются теории «исправления имен», т. е. правильного подбора имени, которое бы соответствовало обозначаемому. В европейской научной традиции вопрос об отношении между словами и «вещами», предметами, к которым они относились, был впервые поставлен древнегреческими философами. Обратив внимание на существование отношения между словами и вещами, которое было названо отношением «именования», они поставили проблему: имеют ли имена, которые мы даем вещам, «природное» или «условное» происхождение. Обсуждению этой проблемы посвящен диалог Платона «Кратил», где сталкиваются два противоположных взгляда на связь звука и значения в слове. Одни участники диалога высказывают точку зрения, что имена определяются природными свойствами предметов (*physei*) и отражают природу вещи, подобно отражению в зеркале. Другие отстаивают противоположное мнение: природной связи между именем и сущностью обозначаемой им вещи не существует, имя дается вещи по установлению людей (*thesei*). Мнение самого Платона на этот счет остается из диалога не ясным, но, согласно некоторым комментаторам, Платон считал, что главное — не противоположность между происхождением слов естественным путем или посредством соглашения, а наличие глубокой внутренней целенаправленности в языке в противовес произволу. Признавая, что вначале между звуками слова и обозначаемым предметом действительно существовали естественные связи, что можно и ныне наблюдать в проявлениях звукоподражания и звукового символизма (см. исследование А. М. Газова-Гинзберга «Был ли язык изобразителен в своих истоках?»), он показывал, что в ходе развития языка с образованием из первоначальных слов множества новых слов эти изначальные естественные связи между именем и вещью утрачивались. Однако слово все же остается связанным с предметом, потому что оно употреблялось многими поколениями, т. е. связь имени и вещи определена общественной традицией. Другой же крупнейший философ Древней Греции Аристотель прямо говорил о произвольности связи между звучанием и значением слова. Проблема, поставленная античными философами, дожила до наших дней. Мы рассмотрим современный подход к ее решению в разделе I.2.2, когда будем подробно обсуждать характер связи между формой и содержанием языкового знака.

Представление о связи между словами и вещами было уточнено средневековыми философами и грамматистами. Они разграничили саму вещь и «понятие» о вещи, ассоциируемое с формой слова в умах говорящих на данном языке. Для обозначения понятийного содержания слова схоласт Иоанн Солсберийский (XII в.) ввел специальный термин — **сигнификат** (*significatum*), употребляемый и в современной семантике. Эта средневековая концепция двойной отнесенности слова: к выражаемому им понятию (сигнификату) и обозначаемому предмету (денотату, референту) без существенных изменений дожила до наших дней. Она лежит в основе многих концепций языкового значения (напр., «семантического треугольника» Ч. Огдена и А. А. Ричардса и других пониманий значения, которые мы будем рассматривать в разделе I.2.3).

Дальнейшее развитие семантическая проблематика получает в трудах философов и грамматистов эпохи Возрождения. «Компендий» немецкого ученого-теолога Николая Кузанского (1401–1464) можно считать первой попыткой сформулировать общую теорию языка как знаковой системы. Здесь формулируются такие важные семантические положения, как идея о некоем первичном базовом языке, состоящем из таких знаков, которые не нуждаются ни в каком обосновании и толковании, а сами используются для объяснения всех прочих понятий. В наше время эта идея получает воплощение в технике компонентного анализа, в разработке «семантических языков» для описания смысла текстов на естественном языке. В том же «Компендии» в зачаточном виде высказывается мысль о комбинировании смысловых компонентов как принципе устройства значения.

В XVII–XVIII вв., в так называемый век Просвещения, учение о значении получает свое дальнейшее развитие. В это время популярной становится идея конструирования искусственного «идеального» языка, понимаемого прежде всего как «язык смыслов». В ряду работ, посвященных этой теме, следует выделить лингвистическое наследие немецкого философа-энциклопедиста Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716). Помимо того, что он предвосхитил целый ряд идей, которые были как бы заново открыты уже в близкое к нам время (подразделение знаков на иконические и символические, дихотомия смысла и денотата, выделение «глубинных падежей»), Лейбниц начал разрабатывать на базе естественного языка искусственный язык, который называл рациональным языком, языком универсального исчисления, или языком науки. Этот язык представлялся ему как «алфавит человеческих мыслей», к которому может быть сведено все многообразие понятий. Единицами рационального языка — терминами — Лейбниц считал такие понятия, как «терм», «существующее», «индивидуум», «я», «этот», «некоторый», «всякий», «красное», «имеющее величину», «мыслящее» и т. п. С помощью таких простых термов определялись, или, как принято говорить в лексической семантике, истолковывались сложные. Многие толкования Лейбница вполне удовлетворяют современным критериям строгости

описания значений слов. *Смешанное*, например, толкуется как *то, части чего неподобны, а подобные* есть те, которые могут замещаться друг другом, сохраняя качество, т. е. *качество то же самое*. Так, толкование понятия *зависть* у Лейбница оказывается ближе к разложению на семантические элементы, чем дефиниции современных толковых словарей. У Лейбница *зависть* — *неприятное ощущение, возникающее из-за того, что кому-то хорошо* — не потому, что это нам вредит, а потому, что это является чужим. Ср. с толкованием соответствующего слова в «Словаре русского языка» в 4-х томах (так называемом МАСе): *зависть* — чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого.

В этот же период ученые выходят за рамки изучения отношений между словом и предметом и обращаются к отношению между предложением языка и выражаемой с его помощью мыслью. Появляются универсальные грамматики, основанные на логике того времени. Первой такой грамматикой была «Грамматика общая и рациональная» (*Grammaire générale et raisonnée*), созданная учеными-монахами монастыря Пор-Рояль логиком и философом Антуаном Арно (1612–1694) и лингвистом Клодом Лансло (1612–1695) и впервые изданная без указания имен авторов в 1660 г. Эта грамматика, как и другие появившиеся позднее логические грамматики, показывала, что за многообразием конкретных языков скрываются единые для всех мыслящих существ логические структуры и логические законы. Таким образом, универсальные грамматики XVII–XVIII вв. заложили научные основы анализа семантики высказывания любого языка с точки зрения выражаемой им мысли, имеющей определенную логическую форму. Следует отметить, что начиная с XIX в. и до середины XX в. плодотворные лингво-семантические идеи и подходы века Просвещения пребывали в забвении и не влияли на развитие семантических исследований. И только начиная с 60-х гг. XX в., когда семантика заняла центральное положение в кругу лингвистических дисциплин, эти идеи обрели как бы вторую жизнь. Появились даже специальные исследования, целью которых было осмыслить наследие прошлого в свете новых задач, вставших перед семантикой и лингвистикой в целом. Так, Ноам Хомский, глава одного из ведущих направлений современной американской лингвистики, посвятил анализу идей универсальной грамматики книгу «Картезианская лингвистика» [Chomsky 1966]. Анна Вежбицкая, выдающийся польско-австралийский ученый, автор семантической теории, суть которой воплощена в построении «языка мысли» (*lingua mentalis*), подчеркивает преемственность своих взглядов по отношению к конструкторам «рациональных языков». Представление семантической структуры предложения в виде логической формы, записанной на одном из логических языков (например, языке исчисления предикатов или языке интенциональной логики) и построение специальных семантических языков для описания значений слов стали общим местом многих современных семантических теорий.

В XIX в. произошел решающий поворот в истории языкознания — утвердилась сравнительно-историческая точка зрения на язык, был открыт **сравнительно-исторический метод**, где сравнение является средством, а исторический подход к языку — главным принципом исследования. Естественно, в этот период значения слов рассматриваются прежде всего в аспекте тех изменений, которым они подвергаются в ходе истории. Немецкий филолог К. Рейзиг в работе по латинскому языку, вышедшей в 1839 г. [Reisig 1839], писал, что предметом науки, которую он называл **семасиологией**, должно стать **изучение закономерностей изменения значений слов**. И действительно, этот период изучения значения слова был периодом исследования исключительно закономерностей изменения лексического значения. Крупный вклад в изучение таких закономерностей внес немецкий младограмматик Герман Пауль (1846–1921), который в своей книге «Принципы истории языка», впервые вышедшей в 1880 г., подробно обсуждает тенденции переносов значений слов, давая им в духе времени психологическое объяснение. Надо сказать, что установленные в то время закономерности изменения значений слов по существу не подверглись сколько-нибудь существенному пересмотру в трудах последующих поколений семасиологов. Представителем сравнительного языкознания был и Мишель Бреаль, которого мы упоминали выше как автора первого солидного труда, специально посвященного значению слова и как создателя термина «семантика».

Изучением закономерностей семантических изменений не исчерпывается вклад ученых XIX в. в становление семантики. В трудах крупнейшего лингвиста-теоретика Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) новое освещение получает философско-лингвистическая проблема взаимоотношения человеческого мышления и языка. В. фон Гумбольдт утверждает, что представления человека о мире зависят от того языка, которым он пользуется. Каждый язык, по Гумбольдту, обладает специфической для него **внутренней формой**, которая проявляется как в членении мира «границами» значений слов, составляющих словарь данного языка, так и в составе его грамматических категорий. Смысл и конечную цель исследования языка он видел в установлении того мировидения, которое язык своей внутренней формой навязывает мышлению. В XX в. эта идея Гумбольдта будет открыта заново и получит известность как гипотеза Сэпира—Уорфа (гипотеза лингвистической относительности), а мировидение, отраженное в структуре языка, получит название **языковой картины мира**, выявление которой станет в конце XX в. одной из главных целей семантического описания языков.

Ко второй половине XIX в. относится появление семантического труда известнейшего русского ученого Александра Афанасьевича Потебни «Мысль и язык», печатавшегося по частям в 1862 г. Это первое в русском языкознании специальное исследование философско-лингвистической проблемы взаимоотношения человеческого мышления и языка,

написанное под влиянием идей В. фон Гумбольдта. Целый ряд терминов: внутренняя форма слова, вещественная значение и т. п., введенных в этой и других лингвистических работах А. А. Потебни, прочно вошли в арсенал отечественной лексической семантики. Среди отечественных ученых XIX в., занимавшихся семантикой, следует назвать Михаила Михайловича Покровского, который в своей магистерской диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков», защищенной в Московском университете в 1896 г., прокладывал новые пути изучения сложных процессов семантического изменения родственных индоевропейских языков. От зарубежных семантических работ последней четверти XIX в., ставивших своей целью изучение значения изолированного слова, установление причин и классификаций семантических изменений, русская семантическая мысль того времени отличается глубиной теоретического освещения сущности лексического значения и учетом системности семантических связей слов.

В первой половине XX в. приоритеты в изучении языкового значения меняются. Оно становится больше синхронным, нежели историческим.

С появлением структурализма во второй четверти XX в. главным содержанием истории языкознания в течение трех-четырёх десятилетий была борьба за и против значения. Борьбу против учета языкового значения в лингвистических исследованиях повел американский структурализм, или дескриптивизм. Глава этого течения Леонард Блумфилд (1887–1949), хотя и не отрицал языковое значение, в отличие от его последователей, но был убежден, что современная ему лингвистическая наука не может дать такого описания значений языковых форм, которое соответствовало бы строгим критериям научности («Значения не могут быть определены в терминах нашей науки» [Блумфилд 1968]). Изгнание значения из лингвистики проводилось под флагом объективизма, противопоставлявшего себя ментализму. Ментализм, свойственный семантике в первый период ее развития, подвергался критике за отсутствие точных, объективных методов исследования значения. Единственным методом описания языковых значений была тогда интроспекция, т. е. самонаблюдение, неизбежно сопряженное с субъективизмом. Критика в адрес субъективизма в семантических исследованиях была справедливой, семантика, действительно, должна была стать эмпирической наукой, однако не следовало «вместе с водой выплескивать ребенка» и изымать из лингвистики то, что является по сути дела стержнем, на котором держится все здание языка.

Конечно, американская лингвистика этого периода не исчерпывалась дескриптивизмом. Выдающийся лингвист XX в. Эдвард Сепир в своей книге «Язык» исходил из того, что язык нельзя оторвать от мышления и рассматривать языковые структуры, абстрагируясь от передаваемого ими значения. В качестве важнейшего признака предложенной им типологической классификации языков он выдвигает семантический, основанный на выделении четырех типов значений, упорядоченных по шкале абстрактности / конкретности.

В европейской лингвистике того же периода, в том числе и в европейских течениях структурализма — глоссематике Луи Ельмслева и Пражском функционализме — языковое значение не только не игнорировалось, но составляло важнейший объект изучения. В конце концов сторонники включения семантики в число собственно лингвистических дисциплин одержали убедительную победу. Вот как красочно описывает ее результат В. А. Звегинцев: «...значение... из Золушки, обретающейся где-то на самых дальних задворках науки о языке... превратилось во владетельную принцессу, которой ныне в меру своих сил приносят знаки своего почтения по сути дела все современные лингвисты» [Звегинцев 1976: 60]. И в США, начиная с 60-х гг., семантика признана в качестве необходимого компонента полного описания языка. В целом нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации.

1.4. Основные направления и школы современной лингвистической семантики

В настоящее время в лингвистической семантике существует целый ряд школ, которые при всем их своеобразии могут быть сведены к двум основным направлениям, которые вслед за английским философ-логиком У. Куайном [Quine 1973] называют **сильной (внешней) и слабой (внутренней) семантикой**. Оба направления считают предметом семантики значение единиц языка и языковых выражений, но значение при этом понимают по-разному.

Сильная семантика по сути представляет собой вариант логической семантики — раздела логики, рассматривающего интерпретацию языков логических исчислений на той или иной модели мира. Само собой разумеется, что в лингвистике идеи и аппарат формальной логики применяются для интерпретации выражений естественного языка. Следуя логической традиции, представители этого направления считают, что описать значение языкового выражения значит сформулировать правило, по которому можно установить, что соответствует этому выражению в действительном мире или в некоторой модели мира. Не случайно в исследовании проблем сильной семантики естественного языка наравне с лингвистами участвуют логики: У. В. О. Куайн, Д. Дэвидсон, С. Крипке, П. Стросон, З. Вендлер (см., например, статьи этих авторов в XVIII выпуске серийного сборника «Новое в зарубежной лингвистике» [НЗЛ 1982]) и многие другие.

Самой влиятельной школой «сильной» семантики является **формальная семантика**, основанная на идеях американского логика Ричарда

Монтегю [Montague 1974]¹⁾. Основным объектом изучения в формальной семантике является значение предложения, отождествляемое с условиями его истинности относительно (модели) мира, а основной проблемой — проблема композицион(аль)ности, т. е. выводимости значения предложения из значений составляющих его слов. Хотя адепты формальной семантики утверждают, что это учение не связано непосредственно с той или иной общетеоретической лингвистической парадигмой, но практически оно наиболее естественным образом вписывается в генеративную лингвистику Н. Хомского, обеспечивая семантическую интерпретацию синтаксическим структурам, порождаемым синтаксическим компонентом, который традиционно занимает центральное место в генеративной грамматике. Формальная семантика распространена в основном в США, Германии и Нидерландах. К этой школе принадлежат Д. Льюиз (см., например, [Lewis 1972, 1975]), Б. Парти (B. Partee), Э. Кинен (E. Keenan), Х. Камп (H. Kamp), И. Хейм (I. Heim) и многие другие (подробнее об этой школе см. в обзоре [Изворска 1997]).

В нашей стране «сильная» семантика представлена прежде всего исследованиями Е. В. Падучевой по теории референции, то есть соотносительности языковых выражений с действительностью (см. в особенности [Падучева 1985]). Существенный вклад в разработку проблем референции внесли также Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1976, 1988], Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1997], [Шмелев 1996], Г. Е. Крейдлин и Е. В. Рахилина [Крейдлин, Рахилина 1981] и некоторые другие лингвисты, участвующие в работе организованного Н. Д. Арутюновой при Институте языкознания РАН постоянно действующего семинара «Логический анализ языка» (см., например, [ЛАЯ 1988, 1989, 1990]).

Слабая семантика считает значения языковых выражений ментальными сущностями, принадлежащими не описываемому миру, а сознанию человека. Языковые значения — это не фрагменты мира, а способ их представления, отражения в сознании. Для того, чтобы выявить этот способ представления, недоступный непосредственному наблюдению, нет необходимости обращаться к самому миру или его модели. Достаточно исследовать отношения между языковыми выражениями внутри самого языка, устанавливаемые носителями этого языка без учета соотносительности с действительным или воображаемым миром — синонимию, включение (следование), несовместимость (противоречие), — изучать особенности сочетаемости языковых выражений, ограничения, которые они накладывают на ситуацию их употребления, анализировать их просодические особенности и т. п. Одним словом, достаточно изучать внутриязыковые отношения и ограничения и на этой основе сопоставлять языковым

¹⁾ В качестве альтернативного используются термины грамматика Монтегю и теоретико-модельная семантика, отражающие идейные источники данного подхода — работы Р. Монтегю по анализу английского языка и математическую теорию моделей для логического языка соответственно (см., например, [Сааринен 1986: 122 и далее]).

выражениям их семантические репрезентации — выражения на семантическом языке, на основе которых эти отношения и ограничения получали бы естественное объяснение. Таким образом, при данном подходе языковые выражения соотносятся не с миром, а с другими выражениями на том же самом или ином языке: они переводятся на семантический язык, транслируясь в выражения на этом языке, и это оправдывает объединение некоторых школ в рамках данного направления под названием **трансляционная семантика** [Сааринен 1986].

К указанному направлению можно отнести большинство семантических школ, теорий и конкретных исследований и у нас, и за рубежом. Это и широко известная семантическая теория Дж. Катца и Дж. А. Фодора ([Katz, Fodor 1964], см. также [Катц 1981]), рассматривавшаяся в качестве основы для семантического компонента порождающей грамматики; это и исследования по компонентному анализу лексического значения Э. Бендикса [Bendix 1966], Ю. Найды [Nida 1975], М. Бирвиша [Bierwisch 1967] и других; это и концепция «языка мысли» Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1980].

В рамках данного семантического направления в нашей стране в 60-е гг. при Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ сложилось объединение лингвистов, впоследствии получившее название **Московской семантической школы**, которая быстро приобрела мировую известность и последователей в других странах. В нее входят Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов, З. М. Шаляпина и целый ряд других лингвистов, участвовавших в разработке модели «Смысл \iff Текст» (далее МСТ) — интегральной модели языка (см. [Мельчук 1974]) и ее применении к анализу различных языков (об истории разработки МСТ см. [Апресян 1974]). В этой модели, задающей соответствие между смыслом предложения и его формой в направлении от содержания к выражению, смысл (= значение) предложения определяется как инвариант его синонимических преобразований, т. е. то общее, что позволяет носителям языка признавать данное предложение равнозначным целому ряду других предложений. Таким образом, значение выражения определяется не через его соотношенность с миром, а через его семантические отношения с другими выражениями.

Особое место в рамках направления, трактующего значение как ментальный феномен, занимает **когнитивная семантика**, в основе которой лежат некоторые ключевые идеи когнитивной психологии — раздела психологии, изучающего процессы, связанные с познанием мира человеком: процессы получения, хранения и обработки информации. Главным отличием этого подхода от других является стремление «согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как из других дисциплин, так и из... лингвистики» [Lakoff 1990: 40]. Возникнув в США, когнитивная семантика приобрела сторонников во многих других странах. Наиболее известными представителями этого течения являются американцы Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, М. Джонсон (см. их работы,

опубликованные в сборнике [НЗЛ 1988]), Р. Лангакер [Langacker 1987, Лангакер 1992, Лангакер 1998], Л. Талми [Talmy 1988, Талми 1999], Р. Джэкендофф [Jackendoff 1983], бельгиец Д. Герартс [Geerarts 1988, Хэйрартс 1995]. В России идеи когнитивной семантики в последнее время развивают в различных областях Р. М. Фрумкина [Фрумкина 1991], Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский и целый ряд других исследователей (см. сборники статей [Фрумкина 1989, 1990], а также материалы конференции «Категоризация мира: пространство и время» [1997]).

С точки зрения введенного нами в разделе 1.1.2 противопоставления широкой и узкой концепции семантики большинство как сильных, так и слабых семантических школ и теорий исходят из узкой концепции, изучая и описывая только то в содержании языкового выражения, что закодировано в нем самом и извлекается из него благодаря исключительно знанию языка.

Широкая концепция семантики реализуется в исследованиях, целью которых является моделирование (в том числе компьютерное) реальных процессов вербализации, т. е. словесного оформления мысли, и понимания текстов на естественном языке (часто эти исследования имеют прикладную направленность). Таким образом, многие семантические теории и модели этого типа с полным правом могут быть отнесены к когнитивной семантике. Среди них — процедурная семантика, главным проponentом которой является американец Т. Виноград — создатель робота, понимающего английский язык в объеме, достаточном для выполнения команд человека в простейшем мире кубиков (см. [Виноград 1976, 1983], [Джонсон — Лэрд 1988]); когнитивная теория дискурса У. Чейфа [Chafe 1994, Чейф 1983] (см. также обзор [Кибрик А. А. 1994]), теория концептуальных зависимостей Р. Шенка [Шенк 1980] и создаваемые на ее базе модели понимания текста (см. [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983]). У нас широкая концепция семантики получает воплощение в когнитивной модели текстообразования А. Е. Кибрика [Кибрик А. Е. 1992: Гл. 19], в работах А. С. Нариньяни и руководимой им группы лингвистов из Вычислительного центра РАН в Новосибирске, в трудах Г. С. Цейтина и его коллег из лаборатории математической лингвистики Ленинградского университета, а также в работах И. М. Кобозевой по изучению механизмов вербализации визуальной информации [Кобозева 1995, 1996, 1997], А. А. Кибрика по выявлению факторов выбора средства номинации референта в дискурсе [Кибрик А. А. 1997] и многих других исследованиях.

Различаются современные течения в семантике и с точки зрения степени разработанности в них разных разделов этой дисциплины, выделяемых в соответствии с уровнями языковой структуры (см. раздел 1.2). Так, лексическая и грамматическая семантика получают разностороннее развитие в рамках трансляционной семантики (особо приятно отметить общепризнанные достижения Московской семантической школы

в области лексической и грамматической семантики). Существенно новые результаты в области морфемной и лексической семантики получены в исследованиях когнитивной ориентации. Что же касается семантики предложения, то в рамках указанных направлений она либо не представлена вовсе, либо представлена в существенно урезанном виде — без такого важного измерения, как способ соотношения предложения с действительностью. В отличие от этого формальная семантика, как и некоторые другие школы сильной семантики, сосредоточены на значении предложения, понимаемом как функция от значений составляющих его слов, и их сильной стороной является глубокая разработка проблем синтаксической семантики. Поскольку сами значения слов при этом не подвергаются анализу, постольку проблематика лексической семантики в работах этого направления не затрагивается. В последнее время наметилась тенденция к синтезу достижений обоих направлений.

В рамках широкой концепции семантики на базе логико-философской теории речевых актов оформился такой раздел, как семантика высказывания. Благодаря разработкам когнитивно ориентированных моделей текстообразования на наших глазах происходит становление нового раздела семантики — семантики текста.

Литература

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М., 1998.
2. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1964–1965. Ч. 1–2.
3. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. Гл. 1.7: Положение семантики. С. 75–90.
4. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. Ч. 1. Гл. 2: Лингвистические постулаты. С. 17–27.
5. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / Под. ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 303–359.
6. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. Гл.: Изменение значений слов. С. 9–27.
7. Перцова Н. Н. Семантика слова в лингвистической концепции Лейбница. М., 1985.

Глава 2

Значение в структуре языкового знака

Определив в предыдущей главе семантику как самостоятельную лингвистическую дисциплину, изучающую значение (в самом широком понимании) языковых выражений, мы теперь переходим к подробному рассмотрению этого феномена. Рассуждать о значении самом по себе, в отрыве от его носителя, практически невозможно. Ведь значение — сущность идеальная, не данная нам в непосредственном наблюдении. Носителем значения выступает знак — сущность, в отличие от значения, материально-идеальная. Мы можем подойти к анализу значения косвенным путем, обратившись к рассмотрению такого явления, как знак.

Каждый из нас может привести примеры разнообразных знаков и имеет представление о том, как знаки функционируют в практической деятельности людей. Мы подаем знаки рукой или флагами, дарим подарки в знак дружбы, называем ордена и медали знаками отличия, говорим о радуге как знаке скорого прекращения дождя, об алфавите какого-либо языка как состоящем из энного количества знаков и т. д. Уже эти немногочисленные примеры показывают, сколь велик диапазон явлений, называемых в повседневной жизни знаками. Кроме того, следует иметь в виду, что сходные явления помимо слова знак обозначаются в языке целым рядом других слов: *символ, сигнал, симптом, признак, эмблема* и другие. Сравните следующие примеры:

Зеленый свет — знак разрешенного движения;

Зеленый цвет — символ надежды;

Сирена — сигнал тревоги;

Желтые листья — признак приближающейся осени;

Жар — симптом заболевания.

Анализ специфики употребления каждого из выделенных слов представляет собой интересную задачу для семантического описания. Яркие образцы такого анализа можно найти в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999: 313–346]. Но нас с вами в данном случае интересуют не столько различия, сколько то общее, что имеют между собой все эти слова, а именно — способность замещать синтаксическую позицию связки, получая при этом реляционное значение — значение отношения между двумя сущностями. Заметим, что первый член этого отношения — сущность материальная, внешняя, доступная органам чувств, а второй член — сущность либо идеальная, абстрактная, либо тоже материальная,

но скрытая от непосредственного наблюдения. Итак, все эти слова называют некий особый тип отношения между внешним, явным, явленным и скрытым, внутренним, при котором явная, материальная сущность оказывается представителем, заместителем, свидетельством о некоторой идеальной или скрытой от непосредственного наблюдения сущности. Это отношение мы и назовем пока **знаковым отношением** и далее будем уточнять наши представления о характере этого отношения.

То, что в понятии знака сосредоточены главные свойства естественного языка, первым из лингвистов отчетливо сформулировал Фердинанд де Соссюр, определявший человеческий язык как систему знаков.

Естественный язык — лишь одна (хотя и важнейшая) из многих знаковых систем разной степени сложности, среди которых оказываются и система дорожных знаков, и искусственные языки логики, математики, информатики, программирования, и языки разных видов искусства, и коммуникативные системы животных. Наука, изучающая знаковые системы, называется семиотикой. Цель семиотики — создание общей теории знаков во всех их формах и проявлениях. В зачаточном виде семиотические проблемы ставились в философии довольно рано. Так, уже стоики имели свою теорию знака. Они рассматривали знак как сущность, образуемую отношением *означающего* (*semainon*) и *означаемого* (*semainomenon*). Означающее определялось как воспринимаемое, означаемое — как понимаемое. Основные принципы семиотики были сформулированы в явном виде американским ученым Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839–1914), который ввел и самый термин «семиотика». Упорядочение теоретических основ и методов семиотики падает на первую половину XX в. и связано с именем другого американского ученого Чарльза Уильяма Морриса.

В семиотике процесс, в котором некто функционирует в качестве знака, называется **семиозисом**. Анализ процесса семиозиса позволяет уяснить сложность феномена, нерасчлененно именуемого означаемым знаком, и понять в дальнейшем, почему термин «значение» оказывается многозначным и в его употреблении царит такой разнородностью.

Примеры семиозиса столь же разнообразны, как и приведенные выше примеры знаков. Семиозис имеет место и тогда, когда говорящий обращается к слушающему с высказыванием, и тогда, когда один лингвист дарит другому отпечаток своей статьи с дарственной надписью, выражая этим свое уважение к коллеге, и тогда, когда один человек, глядя на другого, сокрушенно качает головой, и тогда, когда художник пишет картину. При всем различии в деталях, приведенные примеры семиозиса, как и все прочие возможные его реализации, имеют единую структуру.

Структуру процесса семиозиса образуют три составляющие:

- 1) **знаковое средство** — тот объект или явление, которое выступает как знак;
- 2) **десигнат** — то, на что указывает знак, что он выражает;
- 3) **интерпретатор, или пользователь**, — тот, кто использует знак.

Исходя из этого в семиотике выделяются и рассматриваются отношения трех типов:

- 1) **синтаксическое** — отношение знака к знаку: а) в системе знаков (например, знака «зеленый свет — движение разрешено» к знаку «красный свет — движение запрещено»; б) в составе сложного знака (например, отношение друг к другу разных действий в ходе единого ритуала);
- 2) **семантическое** — отношение знака к его десигнату;
- 3) **прагматическое** — отношение знака к интерпретатору.

Эти три типа отношений образуют три измерения семиозиса и позволяют говорить о **синтактике**, **семантике** и **прагматике** как трех аспектах знака, каждый из которых становится объектом специального изучения в рамках трех семиотических дисциплин, именуемых также **синтактикой**, **семантикой** и **прагматикой**. Ч. Моррис дает следующее семиотическое определение языка: «Язык в полном семиотическом смысле этого термина есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами» [Моррис 1983: 67–68]. Естественный язык (далее ЕЯ) — частный случай языка в семиотическом смысле. К нему относятся все положения общей теории знаковых систем, но знаки ЕЯ обладают своей спецификой, которую мы рассмотрим в следующем разделе.

2.1. Общие свойства языкового знака

Свойства знаков ЕЯ обусловлены теми целями, для которых они используются. В лингвистике вопрос о целях, достижение которых обеспечивается употреблением знаков ЕЯ, рассматривается как вопрос о **функциях языка**. Языку свойствен целый ряд функций но, по общему мнению, основной является **коммуникативная функция** — функция обеспечения общения, коммуникации между людьми. **Коммуникация** — это сознательная, намеренная передача информации. **Передача информации** одним человеком другому устроена сложнее, чем передача физического объекта, скажем, яблока. В акте языковой коммуникации некая идеальная сущность — информация — переходит от одного человека к другому не непосредственно, а опосредованно, с помощью материальных сущностей — языковых выражений, представляющих собой определенным образом организованные последовательности звуков или начертаний. Это и означает, что языковые выражения функционируют в процессе коммуникации как знаки.

Языковой знак, как всякий знак, двусторонен: это материально-идеальная единица. По традиции, идущей от Ф. де Соссюра, материальная сторона знака называется **означающим (signifiant)**, а идеальная — **означаемым (signifie)**. Другая пара терминов для обозначения этих двух сторон знака была предложена Луи Ельмслевом: **план выражения** и **план**

содержания. Следствием коммуникативной функции языка является такое свойство знака, как наличие **устойчивой связи между означающим и означаемым**. Если бы одним и тем же означающим не соответствовали всегда одни и те же означаемые, если бы эта связь не была закреплена общественной традицией, то как бы люди могли понять друг друга?

Другое важное свойство знаков естественного языка — это известная сложность их строения, разложимость на более мелкие элементы. Это свойство языка вслед за Андре Мартине называют членением. Свойство расчлененности языковых знаков продиктовано необходимостью передавать с их помощью огромное количество самых разнообразных сообщений, касающихся всех мыслимых сторон человеческой жизни и деятельности. Ведь язык — это универсальное средство общения, не ограниченное какой-либо одной предметной областью или сферой общения. Если семиотическая система обслуживает строго ограниченную сферу общения, то в ней могут использоваться простые, нерасчлененные, глобальные знаки, в которых каждому сообщению соответствует один сигнал. Классический пример элементарной семиотической системы — это сигналы светофора. Система состоит из трех знаков с неразложимыми означающими (красный, зеленый и желтый свет), которым соответствуют целостные сообщения — «стоять», «движение разрешено», «внимание, приготовьтесь к смене сигнала». Для ограниченного числа сообщений удобно пользоваться глобальными сигналами. Но легко представить себе, какие трудности пришлось бы преодолевать человеку, если бы язык состоял только из глобальных, неразложимых знаков. Ему понадобилась бы фантастическая память, ибо количество сообщений, подлежащих передаче, практически бесконечно. Кроме того, общение при помощи глобальных сигналов сталкивается с еще одним препятствием — ограниченными возможностями передачи и приема звуковой информации. Нетрудно распознать несколько десятков звуковых единиц (фонем), которыми обычно располагает язык. Но если число их возрастет до миллионов, различия между ними станут практически неуловимыми для слуха человека и невоспроизводимыми с помощью его речевого аппарата. Следовательно, членение языка, разложимость языковых выражений на более мелкие элементы, оправдано принципом экономии, является следствием этого принципа: с одной стороны оно мотивируется экономией памяти, с другой стороны — экономией усилий по производству высказываний. Членение дает возможность с помощью нескольких десятков фонем создать значительное количество означающих, на основе ограниченного набора знаков-морфем строить огромное количество знаков-слов, из которых в свою очередь можно построить бесконечное множество знаков-предложений для выражения той многообразной информации, которой люди обмениваются в ходе своей деятельности.

Сложные семиотические системы, к которым принадлежит язык человека, отличаются от простых семиотических систем тем, что в них

действует принцип двойного членения. Первое членение соответствует разложению сложных знаков на составляющие их простые, что позволяет представить сложный знак в виде последовательности более простых знаков. Так, в сложном знаке, каким в русском языке является предложение *Движение разрешено*, имеющее свой план выражения и свой план содержания, выделяются два более простых знака — слово *движение* и слово *разрешено*, — каждый из которых имеет свое означаемое и означающее. Этот тип членения свойствен не только естественному языку, его используют многие семиотические системы, например, система знаков дорожного движения, язык арифметики (ср. сложный знак $2 + 2 = 4$, разложимый на простые знаки 2, +, 2, = и 4). Поскольку это членение применяется к знакам и дает в результате тоже знаки, оно может быть названо знаковым.

Второе членение применяется уже не к знаку в целом, а к каждой из двух его сторон в отдельности и соответствует разложению означающего и означаемого знака на составляющие их элементарные различительные единицы. Эти единицы, которые уже, в отличие от знаков, являются одноплановыми, односторонними сущностями Л. Ельмслев предложил называть *фигурами*. В качестве фигур плана выражения выступают фонемы. Фонемы не имеют собственного означаемого, но обладают различительной силой, благодаря которой они дифференцируют знаковые единицы — морфемы и слова. План содержания, или означаемое любого знака также может быть представлен в виде совокупности фигур, которые называются семантическими компонентами (существует целый ряд терминов для обозначения таких единиц: семы, элементарные смыслы, семантические признаки, семантические примитивы и т. п.). Разложимость означаемого на фигуры можно проиллюстрировать следующим примером. Пусть у нас имеются множество слов: 1) *отец*; 2) *мать*; 3) *сын*; 4) *дочь*; 5) *дядя*; 6) *тетя*; 7) *племянник*, 8) *племянница*. Сопоставляя означаемые слов 1, 3, 5 и 7 с означаемыми слов 2, 4, 6 и 8 соответственно, получаем различающие их фигуры «лицо мужского пола» / «лицо женского пола». Сопоставляя означаемые слов 1, 2, 3 и 4 с означаемыми 5, 6, 7 и 8 соответственно, выделяем различающие их фигуры «прямая генетическая связь» / «непрямая генетическая связь». Сопоставляя, наконец, означаемые 1, 2, 5 и 6 с 3, 4, 7 и 8 соответственно, получаем фигуры «предшествующее поколение» / «последующее поколение». Теперь означаемое любого элемента в пределах фиксированной нами области анализа, т. е. восьми терминов родства, может быть представлено в виде набора из трех фигур — одноплановых семантических единиц, не имеющих собственного означающего. Так, означаемое слова *отец* членится на фигуры «лицо мужского пола», «прямая генетическая связь» и «предшествующее поколение», а означаемое слова *племянница* — на фигуры «лицо женского пола», «непрямая генетическая связь» и «последующее поколение». Читатель легко может провести членение

означаемых оставшихся шести терминов родства на фигуры плана содержания. Рассмотренная нами на конкретном примере процедура членения означаемых знака на фигуры составляет существо одного из важнейших методов современной семантики — метода компонентного анализа значений, который подробно обсуждается в разделе II.5.

Итак, мы рассмотрели два положения о свойствах знаков ЕЯ, которые в силу их интуитивной очевидности иногда называют аксиомами языкового знака. Это аксиома устойчивой связи означаемого и означающего в знаке и аксиома структурности знака (т. е. одновременной цельности и расчлененности). Рассмотрим еще одно положение, которое также можно считать аксиомой — положение об асимметрии плана выражения и плана содержания языкового знака. Внимание к этому свойству знаков ЕЯ привлек Сергей Осипович Карцевский¹⁾, посвятивший ему свою знаменитую статью «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (см. в [Звегинцев 1965]). Речь идет об отсутствии одно-однозначного соответствия между означающими и означаемыми: о том, что одно и то же означающее в разных случаях своего употребления может служить для передачи разных означаемых и наоборот: одно и то же означаемое в разных условиях употребления может быть представлено разными означающими.

Примеры тождества означающих при различии означаемых обнаруживаются на всех уровнях языковой системы, начиная с минимальных знаков — морфем и кончая предложениями. Так, русская приставка *за-* может означать и начало действия (ср. *занять*) и местонахождение (ср. *Заволжье*), английская флексия *-s* обозначает и множественное число существительного, и третье лицо единственного числа глагола. Русский глагол *топить* имеет три означаемых: 'делать так, чтобы утонул' (ср. *топить котят*) и 'делать так, чтобы стал жидким' (ср. *топить лед*) и 'делать так, чтобы давал тепло' (ср. *топить печку*). У предложения *Он не должен этого делать* два означаемых: 'ему не обязательно это делать' и 'ему нельзя этого делать'. Совпадение означающих у означаемых, которые не осознаются как связанные между собой, называется омонимией. В такой ситуации принято выделять столько знаков — омонимов, сколько несвязанных между собой означаемых есть у некоторого означающего. Так, считается, что в лексиконе русского языка имеется три разных словесных знака — омонима *топить*. В инвентаре грамматических морфем английского языка одинаково звучащие показатели множественного числа существительных и третьего лица единственного числа глаголов также рассматриваются как две разные омонимичные морфемы. Совпадение означающих у означаемых, которые так или иначе связаны друг с другом, трактуется как многозначность единого знака, или полисемия. Так, например, считается, что в сочетаниях *выйти из леса*, *выйти*

¹⁾ С. О. Карцевский (1884–1955) — уроженец России, представитель Женевской школы лингвистики.

из народа, выйти из затруднительного положения, в которых означаемому *выйти* соответствуют разные означающие (грубо говоря, 'движение', 'происхождение' и 'изменение ситуации'), представлен один и тот же многозначный, или полисемичный глагол, поскольку все три означаемых связаны общей идеей перехода из одного положения в другое. Сложная семантическая проблема разграничения омонимии и полисемии будет подробно рассматриваться в разделе II.8.2.

Тождество означаемых при различии означающих, называемое синонимией, также представлено на всех уровнях системы языка. Приставка *за-*, означающей начало, синонимична, например, приставка *по-* (ср. *побежать*). Слова, связанные отношением синонимии, называются синонимами. Синонимами являются, например, *бегемот* и *гиппопотам*. Означающим *закадычный* и *заклятый* в сочетаниях *закадычный друг* и *заклятый враг* соответствует одно и то же означаемое — 'высокая степень интенсивности', и тем самым они могут рассматриваться как синонимы. (Подробнее об отношении синонимии между словами см. в разделе II.4.3.1.) Одно из двух означаемых предложения *Он не должен этого делать* может быть выражено с помощью ряда иных означающих, например, *Он не обязан это делать*, *Он может этого не делать*.

Такая асимметрия, или непараллельность означаемого и означающего вызываются сдвигами, которые неизбежно возникают при употреблении знака применительно к конкретной ситуации. С. О. Карцевский писал, что означающее и означаемое «постоянно скользят по "наклонной плоскости реальности"». Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский 1965: 89]. Асимметрия двух сторон знака — это не недостаток, как может показаться на первый взгляд, а достоинство естественного языка. «Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [там же: 89].

Внимательный читатель должен был уже заметить, что «асимметрический дуализм» языкового знака противоречит другому его свойству — устойчивости связи означаемого и означающего. Однако, если под устойчивостью понимать не категорическую незыблемость, а относительное постоянство, то противоречие снимается. Действительно, «природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [там же: 85].

2.2. О характере связи между означаемым и означающим в знаке

Вопрос о характере связи между означаемым и означающим в языке в европейской научной традиции обсуждается со времен античности в терминах противопоставления условной и природной связи между означаемым и означающим (см. раздел 1.3). В наиболее категорической форме тезис об условности связи между означаемым и означающим сформулировал Ф. де Соссюр, назвав это **принципом произвольности знака**. Обычный способ доказательства условности, или произвольности связи между означающим и означаемым в языковом знаке — указание на тот неоспоримый факт, что одному и тому же означаемому в разных языках соответствуют совсем не похожие друг на друга означающие, и наоборот, что одна и та же последовательность звуков в разных языках служит планом выражения для совсем не похожих друг на друга означаемых (например, означающему [jáma] в русском языке соответствует означаемое 'яма', а в японском — 'гора'). Однако связь между звуковым составом и значением слова не исчерпывает собой всех возможных типов связи между означаемым и означающим в языке. Более полную картину возможных связей между двумя сторонами знака дает опять-таки семиотика.

Ч. Пирс построил классификацию знаков, основанную именно на различии во взаимоотношениях между означаемым и означающим знака. Таким образом он выделил 3 типа знаков: иконические, индексы и символы.

Иконические знаки характеризуются фактическим подобием означаемого и означающего. Среди иконических знаков Пирс выделил два подкласса — образы и диаграммы. В образах сходство означающего и означаемого затрагивает то, что Пирс назвал «простыми качествами» означаемого, т. е. форму, цвет, манеру двигаться, издавать звуки и т. п. Примерами образов могут служить разного рода реалистические изображения (например, изображение морды собаки на воротах, означающее наличие собаки за воротами), некоторые жесты в танцах (например, характерное перебирание руками, изображающее лазанье по канату в «матросском» танце «Яблочко»); изобразительные фрагменты в музыкальных произведениях (например, имитация птичьего пения, звука волн, набегающих на берег, автомобильных гудков и т. п.). В знаках типа диаграмм означающее обнаруживает сходство со своим означаемым только в соотношении их частей. Пример знаков-диаграмм — это прежде всего диаграммы в обычном смысле — геометрические фигуры, выражающие количественное соотношение каких-либо величин, например, процентного содержания витамина С в разных пищевых продуктах.

Индексы — это знаки, основанные на отношении смежности между означаемым и означающим в реальной действительности. Так, дым — индекс огня, жар — индекс заболевания, покраснение кожи лица — индекс чувства неловкости, стыда.

Символы — знаки, в которых связь между означаемым и означающим устанавливается произвольно, по соглашению. Символы конституируются, создаются правилами, конвенциями и не зависят от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности между означаемым и означающим. Примеры знаков-символов — сигналы светофора: трем цветам произвольно приписаны три значения. Другой пример знаков этого типа — некоторые значки полезных ископаемых на географической карте, математические символы вроде буквы греческого алфавита π , обозначающей отношение диаметра к длине окружности, или значок $\sqrt{\quad}$, обозначающий операцию извлечения квадратного корня.

Знаки иконические и индексальные в совокупности иногда называют **естественными**, или **природными**, поскольку в них связь между означающим и означаемым представляется естественной, произвольной, мотивированной природой обеих сторон знака. Символы же называют **условными**, **конвенциональными** знаками.

Разделив все знаки на три класса, Пирс вместе с тем подчеркивал, что принадлежность знака к одному из указанных классов носит не абсолютный, а относительный характер. То есть в знаке могут одновременно наличествовать и черты иконичности, и черты индексальности, и черты условности, и отнесение его к одному из трех указанных классов зависит от того, какие черты в нем преобладают. По мнению Пирса, самые совершенные из знаков — те, в которых иконические, индексальные и символические признаки смешаны по возможности в равных отношениях. Примером такого знака может служить эмблема всемирного фестиваля молодежи и студентов, имеющая вид цветка с пятью лепестками разного цвета. Иконическими аспектами данного знака являются, во-первых, количество лепестков, «диаграмматически» отражающее количество обитаемых континентов, а во-вторых, — цвета некоторых из лепестков, «образно» отражающие цвет кожи коренного населения Африки и Азии. Символической является избранная форма эмблемы, установленная по соглашению и явно условные цвета лепестков, символизирующих Европу, Америку и Австралию. Типичный пример сочетания в знаке образности, диаграмматичности и условности — древнеегипетские рельефы.

Если с учетом семиотической классификации знаков взглянуть на знаки естественного языка, то можно увидеть, что принцип произвольности языкового знака не всеобъемлющ: в языке есть место не только символам, но и индексам и иконическим знакам.

Типичными индексальными знаками (индексами) в естественном языке являются **дейктические местоимения**, которые содержат в своем значении отсылку к участникам данного акта речи или к речевой ситуации. Это личные местоимения 1-го лица, отсылающие к говорящему (например, *я, мы*), и 2-го лица, отсылающие к слушающему (например, *ты и вы*), а также указательные местоимения, отсылающие к объекту, на который

направлен указательный жест говорящего (иногда мысленный), типа русских *von тот, von этот*, латинских *hic* 'этот, близкий ко мне', *iste* 'этот, близкий к тебе', *ille* 'тот, далекий', лакских *ta* 'тот, на одном уровне со мной', *kia* 'тот, выше меня', *ga* 'тот, ниже меня'. Смежность означающего и означаемого этих знаков проявляется в том, что в каждом акте произнесения их означающих в ситуации речевого общения актуально соприсутствует их означаемое, а точнее говоря, сущность, с которой соотносится данное означающее — референт (см. раздел 1.2.3).

Иконические знаки в естественном языке отнюдь не редкое явление. Знаками, которые Ч. Пирс называл образами, являются так называемые звукоизобразительные слова. В этих словах прослеживается неслучайная, мотивированная связь между их фонемным составом и тем, что Ч. Пирс называл простыми свойствами означаемого. Непроизвольная связь фонем слова со звуковым (акустическим) признаком того предмета / явления, которое это слово обозначает, называется звукоподражанием (ономатопеей). Звукоподражание можно рассматривать как имитацию звучаний окружающего нас мира. Примеры звукоподражательных слов: (*тук-тук, бз-з-з*, англ. *quack-quack* и т. п.). Если фонемами слова «изображается» незвуковой (неакустический) признак означаемого, то такое явление называется звуковым, или фонетическим символизмом, или короче — звукосимволизмом. Звукосимволические слова «изображают» различные виды движения (ср., например, англ. *totter* 'идти неверной походкой; трястись, шататься', кхмер. [totret-totrout] 'ходить, пошатываясь'), форму (ср., напр., лат. *bulla* 'водяной пузырь' и индонезийск. *bulat* 'круглый'), световые явления, свойства поверхности объектов, физиологическое и эмоциональное состояние человека и ряд других признаков, произвольная связь которых со звучанием основана на психофизиологических механизмах синестезии (связи между впечатлениями, поступающими от разных органов чувств) и кинематики (произвольных движениях мышц, сопровождающих ощущения и эмоции).

Не сразу было осознано, что в языках широко представлен и другой вид иконических знаков — знаки-диаграммы. Р. О. Якобсон приводил в подтверждение этого тезиса следующие примеры: форма множественного числа существительных в тех языках, где есть грамматическая категория числа, как правило, оказывается длиннее формы единственного числа, и тем самым количественное соотношение элементов означающего у форм единственного и множественного числа служит «диаграммой» количественного соотношения их означаемых; порядок простых предложений, описывающих последовательность событий (как знаменитое *Veni, vidi, vici* «Пришел, увидел, победил» Юлия Цезаря) соответствует очередности самих событий.

В современной лингвистике свойство иконичности (в ее диаграмматическом варианте) связывается уже не столько с отдельными знаками, сколько со структурой языка в целом и различными ее аспектами. Иконичность при этом понимается как соответствие структуры языка той

концептуальной структуре действительного мира, которая сформировалась в сознании человека на основе данных опыта. В рамках этого общего понятия выделяются такие его разновидности, как изоморфизм и иконическая мотивированность (ср. [Haiman 1985]).

Изоморфизм — это соответствие частей означаемого и означающего. Изоморфизм языка и модели мира в сознании человека, по Джону Хэйману, сводится к принципу «одна форма — одно значение». На первый взгляд, этот принцип находится в кричащем противоречии с принципом асимметрического дуализма языкового знака (см. раздел I.2.1), констатирующем отсутствие взаимнооднозначного соответствия между формами и значениями. Однако, если трактовать принцип «одна форма — одно значение» как некоторое идеальное состояние, к которому стремится языковая система, то это противоречие снимается. Действительно, абсолютная синонимия (полное тождество значений при различии форм) — явление крайне редкое. Если в какой-то момент, например, благодаря заимствованию слова из другого языка, в языке образуются две конкурирующие формы для выражения одного и того же значения, то со временем одна из них приобретает значение, хотя бы минимально отличающееся от исходного, и абсолютная синонимия уступает место квазисинонимии — близости, но не тождественности значений. Другое явление, подрывающее однозначность соответствия формы и содержания в языке — омонимия — может также не приниматься в расчет, поскольку такого рода совпадение форм при отсутствии какой-либо связи между значениями (ср. три русских омонима *коса* или английские омофоны *two* «два», *to* «по направлению к» и *too* «тоже») — явление случайное и столь же редкое, как абсолютная синонимия. Что же касается полисемии, то она не будет противоречить принципу «одна форма — одно значение», если под «значением» некоторой языковой формы понимать некую общую идею, инвариантное содержание, присутствующее в близких, но все же различающихся между собой значениях многозначного слова. Так, у английского предлога *to* выделяют значения направления движения (*Jim drove to Chicago* «Джим (у)ехал в Чикаго»), получателя в ситуациях, связанных с обладанием (*Jim gave the book to Mary* «Джим дал книгу Мэри») и адресата речевого действия (*Jim told the story to his wife* «Джим рассказал историю своей жене»). Связанность между собой этих значений очевидна: схема передачи физического объекта от одного лица к другому, имеющаяся в сознании человека, используется и для осмысления передачи информации (идеального объекта) в ходе речевого действия (такая связь значений называется **метафорической**, см. раздел II.8.3); с другой стороны, в сознании имеется тесная ассоциативная связь — связь по смежности — между передачей объекта и изменением его местоположения (такая связь значений называется **метонимической**, см. раздел II.8.3). Неслучайность рассмотренных связей между значениями доказывается тем, что они встречаются во многих других языках, например одинаковое кодирование ролей получателя и адресата наблюдается и в русском языке, где

обе эти роли выражаются морфемой дательного падежа (ср. *дал Ивану* и *сказал Ивану*), роли получателя и конечного пункта движения кодируются во французском языке одним предложением *à* (ср. *aller a la gare* «идти на вокзал», *donner à Pierre* «давать Пьеру»). Таким образом, полисемия по сути своей иконична: единство формы отражает сходство значений.

Иконическая мотивированность — это соответствие отношений между частями языковой структуры и частями концептуальной структуры, отражающей действительность. Проявления иконической мотивированности многообразны. Так, противопоставление простых знаков сложным знакам того же уровня языка может рассматриваться как отражение простоты / сложности соответствующих им в данном языке понятий. Если, например, в русском языке понятие 'пар' выражается простым словом *пар*, а понятие 'паровоз' — сложным словом *паровоз*, то согласно гипотезе об иконичности языка это означает, что для носителей русского языка первое понятие в некотором смысле является более элементарным, чем второе, исходным по отношению к нему. Типологическое исследование естественных языковых классификаций растений (этноботаника) и животных (этнозоология), проведенное Б. Берлином, показало, что обычно в них четко выделяется три уровня, которые он назвал уровнем «форм живого» (*life-form*), родовым уровнем и видовым уровнем. При этом во всех языках элементы родового уровня (например, дуб, сосна, кедр и клен) обозначаются простыми словами (ср. в английском языке *oak, pine, cedar, maple*) а элементы видового уровня — словосочетаниями, состоящими из имени родового уровня и определения к нему (ср. в английском языке *tan oak, blue oak, sugar pine, incense cedar, red cedar, bigleaf maple, vine maple*). Совершенно независимо психолог Э. Рош показала, что в сознании человека существуют понятия, образующие «базовый уровень» категоризации объектов действительности, соответствующий родовому уровню Б. Берлина, и что понятия более низкого уровня (видового по Берлину) устроены сложнее. Таким образом, оказывается, что структура означающего иконически мотивирована структурой означаемого: простому, базовому понятию соответствует простое (однословное) выражение, а более сложному, производному понятию — более сложное (неоднословное). Если окажется, что некоторые понятия выражаются простыми знаками во всех языках мира, то можно предположить, что именно эти понятия суть элементарные конструкции человеческого сознания, образующие «язык мысли». Попытка выявить такие понятия (семантические примитивы) в рамках одного языка, а затем обосновать адекватность проведенного анализа данными типологических исследований предпринята А. Вежбицкой и ее последователями (см. [Goddard, Wierzbicka 1994], а также раздел III.3.3).

Иконическая мотивированность языковой структуры проявляется также в том, что чем более тесно связаны между собой означаемые, тем теснее окажется связь между их означающими в составе сложного языкового знака, будь то слово или предложение. В работе Дж. Хэймана

эта зависимость формулируется в терминах соответствия «языкового расстояния» «концептуальному расстоянию». Примером такого соответствия может служить выражение отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности. Неотчуждаемая принадлежность — постоянное отношение между двумя сущностями. Например, таким отношением связаны со своим обладателем части его тела (голова, рука и т. п.) или его ближайшие родственники (мать, сын и т. п.). Естественно считать, что неотчуждаемая принадлежность — концептуально более тесное отношение, чем отчуждаемая, т. е. концептуальное расстояние между X-ом и неотчуждаемо принадлежащим ему Y-ом меньше, чем соответствующее расстояние между X-ом и его отчуждаемой принадлежностью Z. Естественно также считать, что языковое расстояние между соседними морфемами в составе слова (символизируемое как A + B) меньше, чем между соседними отдельными словами (A # B), а последнее в свою очередь меньше, чем между словами, расположенными дистактно по отношению друг к другу (A + W + B). Так вот, оказывается, что в тех языках, где два типа принадлежности формально различаются, неотчуждаемая принадлежность Y-а X-у отражается в форме меньшего языкового расстояния между знаками X и Y в языковой структуре, чем языковое расстояние между знаком X и знаком его отчуждаемой принадлежности Z. Сравни способы выражения двух типов принадлежности в австронезийском языке мекео [Haiman 1985: 131]:

A # B: неотчуждаемая принадлежность

e?u / emu / a?a ngaanga

мое / твое / его каноэ

A + B:

aki -u / -mu / -?a

брат мой / твой / его

В том же духе можно интерпретировать и результаты, полученные в книге Джоан Байби «Морфология: исследование связи между значением и формой» [Bybee 1985]. В этом исследовании на материале пятидесяти языков показано, что «языковое расстояние» глагольного аффикса от корня, измеряемое как в терминах порядка следования морфем в слове, так и в терминах лексического, словообразовательного или словоизменительного статуса морфем, иконически отражает «концептуальное расстояние» между означаемыми этих морфем, понимаемое как степень изменения значения корня под воздействием значения аффикса (чем сильнее воздействие, тем меньше концептуальное расстояние). Так, показатель вида (аспекта) оказывается ближе других к глагольному корню именно потому, что он сильнее других меняет его значение (добавляет информацию о кратности действия, достижении предела или незавершенности и т. п.), а показатели лица / числа расположены дальше от корня, потому что они практически не влияют на означаемое глагольного корня.

Круг языковых явлений, в которых лингвисты обнаруживают иконичность (по типу диаграмм) постоянно пополняется.

Подводя итог обсуждению характера отношений между означаемым и означающим в языковом знаке, мы приходим к выводу, что произвольно только отношение между звуковым составом простого непроемного слова или морфемы и его / ее означаемым, да и то только в синхронном аспекте и без учета звукоподражательных знаков. Что же касается означаемого сложных знаков (производных и сложных слов, словосочетаний и предложений), то такой его параметр, как структура (морфологическая, синтаксическая) оказывается не случайным образом, не произвольно связан со структурой означаемого, являясь иконическим отражением последней.

2.3. Значения «значения»

До сих пор значение языкового знака понималось нами максимально широко — как вся та информация, которая передается с его помощью. При таком понимании термин «значение» синонимичен терминам «означаемое» (Ф. де Соссюр) и «план содержания» (Л. Ельмслев). Однако далеко не все, кто писал и пишет о семантике, понимают «значение» таким образом. Термин «значение», один из главных в семантике, печально известен своей неоднозначностью. У этого обстоятельства существуют объективные причины, кроющиеся в сложности структуры даже самого простого языкового знака. Дело в том, что в языковом знаке взаимодействуют по меньшей мере четыре типа сущностей:

- 1) категории действительного мира;
- 2) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания;
- 3) прагматические факторы, т. е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности;
- 4) отношения между знаками — единицами языковой системы.

Соответственно, как правило, знак содержит в себе четыре разных типа информации: о каком-то фрагменте мира; о том, в какой форме этот фрагмент мира отражен в сознании человека; о том, в каких условиях этот знак должен использоваться; о том, как он связан с другими знаками. Можно, как мы это делали до сих пор и будем делать далее, всю эту разноаспектную информацию называть «значением» знака, при этом имея специальные термины, для обозначения того или иного вида этой информации. Но встречается и использование термина «значение» для обозначения только одного из типов информации, содержащейся в знаке. Ниже мы рассмотрим основные из таких терминопотреблений, отражающих узкое понимание значения. Поскольку каждое из них связано с тем или иным пониманием структуры знака в целом, то это удобно делать, рассматривая существующие модели знака.

Философы и лингвисты, размышлявшие над феноменом знака, нередко использовали для репрезентации (представления) его структуры геометрические фигуры. Эти фигуры можно рассматривать как своего рода графические модели знака.

Первой получившей широкое распространение графической моделью знака был так называемый «семантический треугольник», или «треугольник отнесенности» Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса, который появился в их работе «Значение значения», опубликованной в 1923 г. (см. рис. 1):

Рис. 1

Этот треугольник отображает известное уже со времен средневековых грамматик положение о том, что форма языкового выражения обозначает «вещь» посредством «понятия», ассоциируемого с формой в умах говорящих на данном языке.

Уже с помощью такой упрощенной схемы, игнорирующей ряд важных семиотических факторов, можно рассмотреть некоторые из узких пониманий «значения». Одни из них называются **субстанциональными**, поскольку «значение» в них выступает как материальная или идеальная субстанция, другие — **реляционными**, поскольку «значение» трактуется как отношение (между субстанциями).

При субстанциональном понимании значение отождествляется с одной из вершин семантического треугольника, репрезентирующих информацию, передаваемую знаком, т. е. с понятием или с референтом (предметом). Таков вариант семантического треугольника у Г. Стерна применительно к слову (см. рис. 2).

В книге Дж. Лайонза [Лайонз 1977: 428] видим очень похожую фигуру (см. рис. 3) с той разницей, что слово вынесено за пределы треугольника, что более точно отражает природу слова как знака (двухсторонней сущности).

Как мы видим, и Г. Стерн, и Дж. Лайонз, отождествляют значение (слова) с понятием, продолжая средневековую традицию, согласно которой значением (лат. *significatum*) языковой формы в данном языке является понятие, связанное с ней в умах говорящих²⁾.

²⁾ При широком понимании значения понятие, выражаемое словом, рассматривается как важнейший, но не единственный тип передаваемой с его помощью информации, который называется сигнификативным значением, или сокращенно — сигнификатом (см. раздел I.3.3).

Рис. 2

Рис. 3

Если взять терминологию философа и логика Г. Фреге, многие идеи которого оказали большое влияние на развитие лингвистической семантики в XX в., то он называл «значением» (нем. *Bedeutung*) другую вершину треугольника, относящуюся к внеязыковой действительности, а не к ее отражению в сознании говорящего — вершину, которую в современной лингвистической семантике обозначают термином «денотат» [Frege 1892]³⁾:

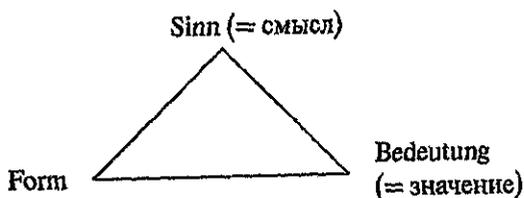

Рис. 4

Отождествление значения языкового выражения с той внеязыковой сущностью, которую оно обозначает, характерно для логической семантики. Целый ряд направлений современной американской и западноевропейской лингвистической семантики, разделяющих взгляды Р. Монтегю на язык, понимают значение в духе Фреге и в соот-

³⁾ О денотате (или денотативном значении) как одном из типов информации, передаваемой языковым выражением, подробнее см. в разделе 1.3.3.

ответствии с таким пониманием формулируют задачи семантической теории. В частности, такое влиятельное направление, как «формальная семантика» видит свою цель в изучении связи между грамматической формой языковых выражений и их логической интерпретацией (подробнее см. [Изворска 1997]).

Реляционное понимание значения встречается реже, чем субстанциональное. Так понимал значение, например, известный семасиолог С. Ульман, который определял «значение» (англ. meaning) как отношение имени к смыслу:

Рис. 5

Реляционное понимание «значения» в семантике не привилось, а субстанциональное подверглось дальнейшей разработке.

Можно ли считать рассмотренные выше и им подобные варианты семантического треугольника адекватными моделями языкового знака? Очевидно, что нет, поскольку из трех аспектов знака, выделяемых в классической семиотике (синтактика, семантика, прагматика) — они могут быть соотнесены только с одним — семантическим. При этом следует отметить, что любой семантический треугольник существенно уточняет представление о семантическом измерении семиозиса, демонстрируя, что оно, по сути, содержит в себе два отдельных измерения: отношение языкового выражения к сознанию, мышлению (ср. вершину «понятие» / «смысл» / «значение»), и отношение языкового выражения к действительности (ср. вершину «референт» / «предмет»). Известно предложение философа Г. Клауса ввести в семиотику соответствующее уточнение, введя вместо нерасчлененного семантического измерения два: семантическое (определяемое как отношение языкового выражения к отображению объекта в сознании носителя языка) и сигматическое (отношение языкового выражения к самим объектам). Соответственно количество аспектов знака увеличится с трех до четырех: 1) синтактика; 2) семантика; 3) сигматика; 4) прагматика. Однако новый термин не получил широкого распространения, поскольку для обозначения отношения языкового выражения к объектам внеязыковой действительности к тому времени уже утвердился термин «референция», или «предметная отнесенность».

Итак, рассмотренные выше треугольники, как мы видим, игнорируют два важных аспекта языкового знака: в них не отражена его синтактика и прагматика.

Синтактика знака в семиотике понимается широко: как отношение знака к другим знакам и в системе языка (т. е. в парадигматике) и в тексте (т. е. в синтагматике). Попытку учесть синтактику (в ее парадигматическом варианте) в графической модели знака представляет треугольник, с помощью которого В. А. Звегинцев в книге «Семасиология» [Звегинцев 1957] разъясняет понятие лексического значения (см. рис. 6). Мы будем подробно рассматривать это понятие ниже (в разделе II.2), а пока достаточно для наших целей понимать под последним просто значение слова. Эта схема показывает, что значение слова определяется (обуславливается) соотносительностью не только с обозначаемым предметом и понятием о нем, но и соотносительностью данного слова с другими словами в системе языка:

Рис. 6

Эта схема, конечно, неполно отражает синтактику словесного знака, так как она учитывает только его парадигматические отношения с другими знаками, но не синтагматические. Достоинством этой схемы, однако, является то, что в ней значение слова не отождествляется с понятием.

Многие ученые в настоящее время признают необходимым различать языковое значение слова и связанное с этим словом мыслительное содержание — понятие. И языковое значение, и понятие являются категориями мышления, или, иначе говоря, ментальными феноменами. То и другое — суть отражения действительности в нашем сознании. Но это разные виды отражения. Если понятие — это полное (на данном уровне познания) отражение в сознании признаков и свойств некоторой категории объектов или явлений действительности, то языковое значение фиксирует лишь их различительные черты. Так, в значении слова *река* фиксируются лишь их различительные черты, как 'водоем', 'незамкнутый', 'естественного происхождения', 'достаточно большого размера' на основании которых объект, именуемый *рекой* отличается от объектов, именуемых

каналом, морем, прудом, озером, ручьем. Понятие же о реке включает помимо данных и другие признаки, например, 'питающийся за счет поверхностного и подземного стока с их бассейнов'. Можно сказать, что значению слова соответствует «наивное», обиходное понятие о предмете, в отличие от научного. Существенно, что признаки предмета, которые входят в значение некоторого слова, могут не совпадать с признаками, составляющими соответствующее научное понятие. Классический пример расхождения между языковым значением, в котором воплощено наивное представление о вещи, и соответствующим ему научным понятием привел Л. В. Щерба: «Научное представление о прямой (линии) фиксируется в ее определении, которое дает геометрия: "Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками". Но выражение *прямая линия* в литературном языке имеет значение, не совпадающее с этим научным представлением. Прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)». С другой стороны, как мы увидим ниже (см. раздел II.3) значение слова включает в себя не только признаки соответствующего «наивного» понятия, но и другие типы информации (денотативную, прагматическую и синтаксическую). Желая отразить в графической модели знака нетождественность языкового значения и понятия (как научного, так и наивного), Л. А. Новиков заменяет треугольник трапецией [Новиков 1982: 91]:

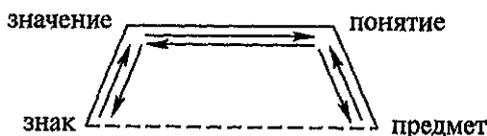

Рис. 7

Итак, с помощью графических моделей знака мы продемонстрировали встречающиеся в работах по семантике употребления термина «значение» для обозначения того или иного из аспектов информации, содержащейся в языковом знаке. Естественный способ избежать возникающей при этом путаницы состоит в том, чтобы присвоить каждому из аспектов такой информации особое наименование, отличное от «значения», а термин «значение» использовать как синоним терминов «означаемое» и «план содержания». Для того, чтобы наглядно представить себе количество аспектов означаемого (типов информации), которые необходимо различать в системе семантических терминов, приведем в заключение данного раздела графическую модель знака, синтезирующую все виды отношений, образующих его структуру, включая прагматическое (отношение между знаком и пользователем / условиями употребления). Эта модель, приводимая на рис. 8, представляет собой модификацию схемы из книги Л. А. Новикова [Новиков 1982: 109]:

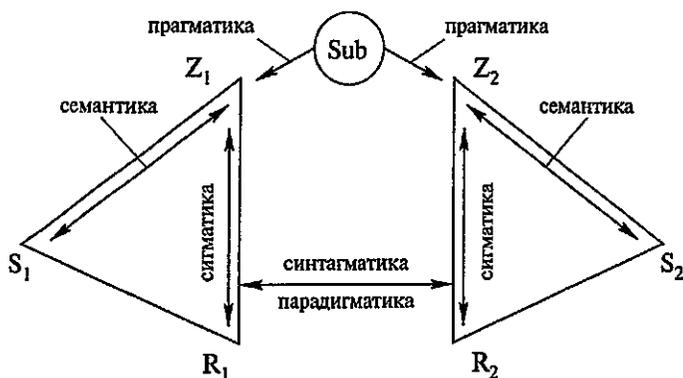

Рис. 8

В данной схеме Sub обозначает пользователя, Z — языковую форму, R — объект или явление языковой действительности, с которым она соотносится, S — «наивное» понятие об R, выражаемое с помощью Z. Стрелками на ней обозначены отношения между разными сторонами знака и аспектами знаковой ситуации (семиозиса), каждое из которых оставляет свой отпечаток в том целом, которое мы называем означаемым знаком, внося в него различную по своему характеру информацию. Типы такой информации будут подробно обсуждаться ниже, и там же будут введены соответствующие им термины.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // НЛ. М., 1960. Вып. I.
3. Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.
4. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II.
5. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1977. Гл. 9, 10. С. 424–507.
6. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 37–89.
7. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Ч. I. Гл. I, II // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
9. Уфимцева А. А. Аксиоматика словесного знака // Уфимцева А. А. Лексическое значение. М., 1986. С. 72–82.
10. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 102–117.

Глава 3

Типология значений

Значения языковых знаков образуют весьма неоднородное по своему составу множество. Действительно, в него входит, с одной стороны, «ласкательное» значение суффикса *-ушк-* — инвариантное, достаточно абстрактное, не содержащее отсылки к какой либо категории объектов или явлений внеязыковой действительности, а с другой стороны — актуальное значение, которое имеет вопросительное предложение *У вас есть лишний билет?* в конкретных условиях общения, включающее в себя отсылку к единственной в своем роде ситуации, которая, с точки зрения говорящего, может принадлежать действительному миру. Для того, чтобы навести порядок в «пространстве» значений, в лингвистической семантике разработан набор параметров, своего рода «измерений», в соответствии с которыми может быть охарактеризовано место любого значения в этом пространстве. Можно выделить четыре таких параметра, каждый из которых рассматривает значение под определенным углом зрения:

- уровневая принадлежность означающего;
- степень обобщенности значения;
- характер передаваемой информации;
- тип знаний, используемых для идентификации значения.

Каждому из параметров соответствуют определенные типы значений. Рассмотрим их последовательно.

3.1. Типы значений, выделяемые по уровневой принадлежности означающего

Включение данного параметра в типологию языковых значений связано с одной из важнейших функций языкового знака — функцией членения целого на его компоненты. О принципе членения как одной из аксиом языкового знака речь шла в разделе 1.2.1. Эта существенная особенность естественного языка находит отражение в понятии *уровня*. В известной работе Э. Бенвениста «Уровни лингвистического анализа» [Бенвенист 1974] показано, как на основе логических операций сегментации и субституции (с учетом критерия осмысленности) в системе языка выделяются уровни, каждый из которых обладает своим набором элементов и связывающих их отношений.

Языковые выражения, или речевые отрезки, являющиеся носителями значения, принадлежат либо к одному из уровней, или ярусов языка как системы, либо к одному из уровней анализа языка как деятельности (= анализа речи). Соответственно можно классифицировать значения по их связи с единицами того или иного уровня. Если нас интересует только значение воспроизводимых единиц языка, т. е. единиц, хранящихся в памяти в готовом виде как нечто целое, то мы будем выделять по данному параметру только два типа значений: значения морфем и значения слов (включая в последний тип также значения фразеологических единиц). В этой связи в монографии Б. Ю. Городецкого «К проблеме семантической типологии» [Городецкий 1969] предлагается выделить уровневый в плане содержания языка, т. е. семантических уровней, соответствующих уровням анализа двухсторонних единиц языка. При этом выделяются **морфо-семантический уровень**, представленный значениями всех выделяемых в данном языке морфем, и **лексико-семантический уровень**, представленный значениями всех лексических единиц, входящих в лексикон данного языка. Каждый из уровней состоит из единиц — **морфо-семантических** и **лексико-семантических** соответственно — и связывающих эти единицы отношений.

Если же нас интересует значение невоспроизводимых языковых выражений, т. е. речевых отрезков, которые не хранятся в памяти в готовом виде, а функционируют только в процессе речевой деятельности: синтезируются из более мелких элементов в процессе говорения или разлагаются на более мелкие элементы в процессе понимания, — то мы можем по аналогии с морфо- и лексико-семантическими единицами говорить о еще двух типах семантических единиц, выделяемых по их связи с тем или иным уровнем анализа речи: **сентенциально-семантических** (значений / смыслов предложений) и **тексто-семантических** (значений / смыслов целых текстов).

Между значениями единиц разных уровней имеются следующие отношения. Несомненно, что значение единиц более высокого уровня выводится из значений единиц более низкого уровня, т. е. распознавание значения единиц более высокого уровня опирается на распознавание значений единиц более низкого уровня. Действительно, понимание смысла целого текста опирается на понимание составляющих его предложений, понимание предложения опирается на знание значений составляющих это предложение слов, а понимание (незнакомых) слов опирается на знание значений составляющих их морфем.

В области семантики предложения принцип, в соответствии с которым значение предложения представляет собой совокупность значений его частей называется **принципом композиционности**, или принципом Фреге, по имени немецкого философа и логика, впервые выдвинувшего гипотезу о том, что значение (семантическая интерпретация) предложения строится, собирается по определенным правилам, последовательно

объединяющим значения составляющих предложения (слов и словосочетаний), синтаксически связанных друг с другом.

Важно подчеркнуть, что значение единицы более высокого уровня не сводится к простой сумме значений составляющих ее единиц более низкого уровня. Так, содержание текста не сводится к простой сумме значений составляющих его высказываний-предложений. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть в качестве примера такой простой, ничем не примечательный текст, как (1):

- (1) *Иван Петрович вылетел из Москвы в 6 ч вечера. В 8 ч вечера он уже сидел за чашкой чая в уютной квартире своего рижского коллеги Петра Петровича.*

В содержание этого текста входит не только та информация, которую передают два составляющих его предложения. Это доказывается тем, что каждый, кому будет предъявлен данный текст, не задумываясь ответит на вопрос *Куда вылетел Иван Иванович?*, хотя соответствующая информация не входит в значение ни первого, ни второго из предложений.

Аналогичным образом значение предложения — высказывания не сводится к полученной по определенным правилам сумме значений составляющих его слов и значений синтаксических отношений между ними. Так, мы вполне понимаем, что высказывание *Мне надо подготовиться к экзамену* в ответ на предложение пойти в кино означает отказ, хотя эта информация не содержится в комбинации значений слов, составляющих высказывание.

И наконец, значение слова не тождественно сумме значений составляющих его морфем. Так, слово *читиво* состоит из трех морфем *чит-*, *-ив-* и *-о*, каждая из которых имеет свое значение: *чит-* — ‘действие чтение’; *-ив-* — ‘совокупность предметов, являющихся результатом или объектом действия, обозначаемого корневой морфемой’; *-о* — морфема с грамматическим значением «предметности, ср. рода, ед. числа, им. / вин. падежа». Но значение слова *читиво* содержит компонент, не обнаруживаемый среди значений составляющих его морфем, — это компонент презрительного отношения говорящего к обозначаемому предмету, так называемое пейоративное значение.

Рассматривая классификацию значений по уровневой принадлежности, мы не можем обойти вопроса о том, существует ли значение, соответствующее единицам языка, меньшим, чем морфема, т. е. существует ли так называемое «фонетическое значение» — информация, связанная непосредственно со звуками данного языка. И да, и нет. Как правило, последовательность звуков сама по себе, вне членения на значащие единицы, хранящиеся в памяти носителей языка, не воспринимается как носитель какой-либо информации. Но в некоторых случаях звуковая форма как бы выступает на первый план и определяет собой восприятие значения слова. Оказывается, наблюдается явное единообразие реакций носителей языка на определенное звучание,

не связанное напрямую с языковым значением соответствующих звуков или звуковых комплексов. Эти реакции выявляются с помощью экспериментов, в ходе которых испытуемым предлагается оценить ничего не значащий для них звуковой комплекс, например, слово неизвестного им языка в терминах таких шкал, как размер, сила, твердость, температура, свет, оценка, активность, форма, гладкость, влажность и т. д. (Данный метод исследования, называемый семантическим шкалированием, разработанный психолингвистом Ч. Э. Осгудом, широко применяется для выявления ассоциаций, связываемых с тем или иным словом.) Например, при предъявлении им литовских слов *didelis* «большой» и *mažas* «маленький» подавляющее большинство испытуемых — носителей русского языка, не владеющих литовским, — приписывает первому слову значение 'маленький', а второму — 'большой' (эксперимент, описанный в работе В. В. Левицкого). Давно и плодотворно исследованием «фонетического значения» занимается А. П. Журавлев, автор монографии «Фонетическое значение». По его мнению, при восприятии звукоизобразительных слов фокус восприятия сосредотачивается на звучании слова. Наиболее интересно восприятие звукоизобразительных слов, когда их понятийно неопределенная семантика затмевается ярко выраженной содержательностью звучания, которая и становится основой значения слова. Так, трудно точно определить понятийное значение слова *хмырь*, но его выразительное звучание создает некий звукоизобразительный образ, допускающий описание с помощью признаков «неприятный», «хитрый», «темный», «тихий» и т. п. Решающую роль играет содержательность звучания также при восприятии слов *зюзя*, *мямя*, *карга*, *хрыч* и т. п.

3.2. Типы значений, выделяемые по степени их обобщенности

Данный аспект типологии значений связан с противопоставлением двух ипостасей языка — языка как системы и языка как деятельности, иначе говоря, с дихотомией языка и речи. Одному и тому же языковому выражению будут сопоставлены разные типы значения в зависимости от того, рассматриваем ли мы это выражение абстрактно, как единицу языка или конкретно, как единицу речи.

Рассмотрим для начала, как разные по степени обобщенности типы значений могут быть выделены у слова. Воспользуемся для этого анализом семантики слова *огонь*, данным в работе Вайнриха [Вайнрих 1987]. Что представляет собой значение слова *огонь*, если рассматривать его только как единицу лексической системы языка? Для этого надо представить себе следующую искусственную ситуацию. Имеются говорящий и слушающий. Говорящий, обращаясь к слушающему, произносит слово *огонь*. Допустим, что контекст отсутствует, т. е. что до этого ничего

еще сказано не было и что жизненная ситуация, в которой произнесено данное слово, никак не фиксирована, т. е. произвольна. Слушающий, который согласно описанному сценарию получает сообщение, состоящее из слова *огонь*, узнает совсем немного. Информационная ценность полученного сообщения ничтожна. Тем не менее, кое-что слушающий теперь знает. То, что он знает, совпадает со значением слова *огонь* в системе языка, которое называется виртуальным значением. Из очень большого количества слов выбрано одно, и тем самым многие предметы уже немислимы в качестве потенциальной темы разговора. Но слушающий еще не знает, о каком именно огне идет речь. Это может быть огонь очага, пожар или пламя свечи, огонь пылающий или тлеющий, реальный или воображаемый. Слушающий даже не может быть вполне уверен, об огне ли, собственно, идет речь. Ведь, возможно, что речь идет о метафорическом огне (ср. и *царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови*) или об артиллерийском залпе. Таким образом, виртуальное значение по своему объему растянуто (объем словарной статьи слова *огонь* в толковом словаре отражает эту растянутость значения слова физически). Будучи растянутым, виртуальное значение является тем самым неопределенным в том смысле, что слушающий не знает, какое из возможных пониманий слова *огонь* он должен выбрать. Вместе с тем виртуальное значение социально. Зная только его, носители языка располагают немногим, но это немногое является общим для всех людей, принадлежащих к одной языковой общности. Все ее представители имеют одинаковые ожидания по отношению к дальнейшей информации.

Теперь допустим, что мы, будучи нейтральными зрителями, по каким-либо признакам сделали вывод, что с помощью слова *огонь* говорящий сообщает о пожаре, свидетелем которого он стал. Этот пожар со всеми его особенностями, в принципе, может быть описан как единственное в своем роде событие. Из всех этих признаков слушающий, которому дано только слово *огонь* и его виртуальное значение, получает лишь скудную информацию, которая может быть приблизительно описана признаками 'горячий', 'горящий'. Никаких других признаков конкретно огня он не узнает. Таким образом, в виртуальное значение слова *огонь* входят только те немногие признаки огня, которые считаются релевантными. Процесс отбора признаков предмета с точки зрения их релевантности является актом абстрагирования. В этом смысле мы можем сказать, что виртуальное значение всегда абстрактно.

Итак, виртуальное значение — это один полюс на оси обобщения — самое обобщенное из всех видов значений. Виртуальное значение в одно и то же время и бедно, и богато. «Какая скудость информации в слове *цветок* по сравнению с богатством признаков в каждой цветке. Но верно и обратное: какая ограниченность у отдельной вещи по сравнению с назывной силой слова!» [Вайнрих 1987: 48].

Когда мы рассматриваем языковое выражение, будь то слово или предложение, в речи, значение его конкретно, так как каждый говорящий или слушающий вкладывает вполне определенное содержание в то, что он говорит или воспринимает. Так, если от искусственной ситуации, понадобившейся нам для разъяснения понятия виртуального значения слова, перейти к естественной, когда то же слово *огонь* употреблено в составе целостной коммуникативной единицы — предложения (например, предложения *Погаси огонь*), которое предстает в определенном языковом и ситуативном контексте (например, когда двое сидят перед горящим камином, и произнесению данного предложения предшествовало другое высказывание, например, *Нам пора уходить*), то передаваемая им информация будет уже гораздо более определенной и конкретной. Значение, которое имеет языковое выражение, употребленное в конкретной ситуации речевого общения, называют **актуальным значением** этого выражения. В нашем примере актуальным значением слова *огонь* будет конкретный огонь в камине, перед которым сидят говорящий и его адресат.

Актуальное значение языкового выражения связано с минимальной (вплоть до нулевой) степенью обобщенности передаваемой им информации, а виртуальное значение — с максимальной. Актуальное и виртуальное значения языкового знака диалектически взаимосвязаны. Виртуальное значение есть абстракция от актуальных значений, формируется на их основе, но с другой стороны, виртуальные значения служат семантическим базисом для актуальных значений. Вот как писал о соотношении актуального и виртуального значений применительно к слову Александр Матвеевич Пешковский: «...мы должны различать два образа: один, возникающий в нас при произнесении отдельного слова, а другой — при произнесении того или иного словосочетания с этим же словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых. Но статически это не меняет дела. Все же этот образ есть, это “отвлечение” не есть плод наших научных размышлений, а живой психологический факт, и он может даже вопреки действительности представляться как сущность, а конкретные образы слов и словосочетаний как модификация этой первосушности» [Пешковский 1952: 93].

Значения предложений так же, как и значения единиц низших уровней — слов и морфем — имеют две модификации — виртуальную и актуальную. О виртуальном значении предложения мы говорим тогда, когда рассматриваем план содержания изолированного предложения, т. е. предложения, вырванного из контекста его употребления. Так, можно многое сказать о значении предложения *The man hit the colourful ball* и значениях входящих в него слов [Katz, Fodor 1964], или о значении предложения *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите* и значениях входящих в него слов [Апресян 1974: 13], при этом совершенно не интересуясь, кем, когда и в какой ситуации оно употреблено. В таком случае мы имеем дело с виртуальным значением предложения — тем

общим смысловым содержанием, которое характеризует все случаи его употребления.

Рассмотрим теперь предложение (2):

(2) *Я поговорю с твоими родителями.*

Вне зависимости от того, кто, в какой ситуации и с какой целью употребил его, оно означает, что некое лицо, совпадающее с «автором» данного предложения, в некоторый момент, который следует за моментом произнесения предложения, будет в течение какого-то периода времени разговаривать с родителями лица, которому адресовано предложение. Это и будет виртуальным значением данного предложения. Теперь рассмотрим содержание того же самого предложения, помещая его в определенный контекст. Контекст может быть как языковым, т. е. представлять собой отрезок предшествующего текста, так и ситуативным, когда мы просто задаем описание ситуации, в которой употреблено данное предложение. Так, наше предложение может быть употреблено в следующих контекстах:

(2а) А: *Мне придется на время отлучиться. Чем бы тебе заняться, пока меня не будет?*

Б: *Я поговорю с твоими родителями.*

(2б) *Опять ты пропускаешь занятия. Я поговорю с твоими родителями;*

(2в) А: *Мне не разрешают идти в поход с ночевкой.*

Б: *Не переживай. Я поговорю с твоими родителями.*

План содержания предложения, употребленного в определенном контексте, — это уже не виртуальное, а актуальное значение предложения. Очевидно, что оно включает в себя виртуальное, но не исчерпывается им. В частности, помимо информации, составляющей виртуальное значение предложения, в актуальное значение входит информация о цели того, кто произносит данное предложение, а также информация о теме того будущего разговора, о котором идет речь в (2). В контексте (2а) цель говорящего — просто сообщить адресату о том, чем он собирается заняться, ожидая его возвращения. Тема предполагаемого разговора с родителями не фиксирована. В контексте (2б) то же предложение выражает угрозу: цель говорящего — воздействие на поведение адресата путем доведения до его сведения, что если он не изменит своего поведения (не перестанет пропускать занятия), то говорящий совершит действие, которое нанесет адресату ущерб (поговорит с его родителями). Тема предполагаемого разговора с родителями в данном случае вполне ясна: речь пойдет о том, что их ребенок пропускает занятия. Наконец, в контексте (2в) предложение (2) выступает как обещание: цель говорящего — взять на себя обязательство совершить действие в интересах адресата. Темой разговора с родителями адресата будет в данном случае предстоящий поход.

Когда американский философ-логик Пол Грайс [Грайс 1986] анализирует значение предложения *Милостивый государь, мистер Х превосходно владеет английским языком, и он регулярно посещал семинары*, рассматривая его как полный текст рекомендации, данной профессором сво-

ему ученику, претендующему на должность преподавателя философии, то он анализирует актуальное значение этого предложения. Оно отличается от виртуального значения того же самого предложения тем, что в него входит информация, что, по мнению автора рекомендации, мистер Х ничего не понимает в философии.

Между двумя полюсами — актуальным и виртуальным значениями — можно выделить промежуточную ступень — относительно актуализованное, или *узуальное значение*. Узуальное значение естественным образом выделяется для слов и морфем, но не для предложений. Узуальное значение — это значение, связанное с некоторым классом однородных употреблений. Все употребления слова или морфемы могут быть разбиты на несколько классов однородных употреблений, причем в пределах каждого класса слово или морфема признаются имеющими одно и то же «значение». Способность признавать одинаковость «значений» в двух различных употреблениях является частью языковой способности носителей языка. Так, для слова *филолог* все его употребления признаются однородными, и следовательно, его узуальное и виртуальное значения совпадают. У слова *форма* выделяется по меньшей мере четыре класса однородных употреблений:

- 1) *круглой формы, в форме звезды, форма и содержание* и т. п.;
- 2) *нарядная форма, школьная форма, одет в форму* и т. п.;
- 3) *для отливки изготовили пять форм* и т. п.;
- 4) *я сегодня не в форме; спортсмены сегодня в отличной форме* и т. п.,

в каждом из которых данное слово признается имеющим одно и то же узуальное значение. Виртуальным значением слова *форма* будет совокупность всех узуальных значений этого слова. Более подробно о соотношении виртуального и узуального значений слова мы будем говорить в разделе II.8, посвященном проблеме многозначности.

Анализируя план содержания языкового выражения, надо четко представлять себе, на каком уровне обобщения мы находимся: описывается ли актуальное значение языкового выражения в речи, или же виртуальное значение, абстрагированное от всех возможных случаев употребления, содержащее их в потенциальном виде, или же промежуточное между ними — узуальное значение.

3.3. Типы значений, выделяемые по характеру передаваемой информации

Значение языкового выражения, как актуальное, так и виртуальное, не представляет собой монолита. Это сложное структурное образование, состоящее из компонентов, которые также называют «значениями», добавляя при этом уточняющие определения: «денотативное», «сигнификативное», «коннотативное» и т. п. Удачным нам кажется предложенное

Б. Ю. Городецким для описания таких компонентов семантической структуры языкового выражения понятие семантического слоя, к сожалению, не получившее широкого распространения. В значении каждого выражения выделяется несколько слоев, каждый из которых несет информацию особого рода. Таких слоев выделяется, как правило, четыре, хотя они получают разное наименование у разных исследователей. Почему четыре?

Вспомним те измерения семиозиса, которые выделяются в семиотике, и соответствующие им аспекты содержательной стороны знака. Их три: синтактика, семантика и прагматика. Но если учесть деление семантики на собственно семантику и референцию, или предметную отнесенность (см. выше, раздел I.2.3), то получится как раз четыре аспекта. В таблице показано соответствие аспектов семиозиса и типов значения, выделяемых по характеру информации.

Аспекты семиозиса	Типы (слои) значения по характеру информации
семантика	денотативное значение
	сигнификативное значение
прагматика	прагматическое значение
синтактика	синтаксическое значение

Денотативный слой значения, или денотативное значение, или просто денотат языкового выражения, — это передаваемая им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь. Чтобы каждый раз не делать оговорку о реальности / ирреальности мира, с которым соотносится языковое выражение, используется нейтральный в этом отношении термин *мир дискурса*. Денотативное значение выступает в языке в двух основных модификациях — актуальной и виртуальной. *Актуальный денотат* языкового выражения — это тот предмет или ситуация из мира дискурса, которые имеет в виду говорящий, употребляя это выражение в речи. *Виртуальным денотатом* языкового выражения является множество объектов мира дискурса (предметов, свойств, ситуаций и т. д.), которые могут именоваться данным выражением. Для краткости, и чтобы не смешивать два вида денотатов — актуальный и виртуальный, вместо термина «актуальный денотат» предпочтительно использовать термин *референт*, а вместо термина «виртуальный денотат» — термин *денотат*. В том же значении широко используется термин *экстенционал* (= «объем понятия»), пришедший в лингвистику из логики.

Говорится, что языковое выражение обозначает свой референт или отсылает к своему референту. Референцией к миру дискурса, т. е. способностью отсылать к нему, обладают только два вида выражений —

именные группы (составляющие предложения, главным словом в которых выступает имя), отсылающие к предметам, и предложения (точнее, сентенциальные составляющие), отсылающие к ситуациям. Что касается виртуального денотата, то он имеется у языковых выражений любых синтаксических типов. Проиллюстрируем введенные понятия на конкретном примере предложения (3):

(3) *Мама спит.*

(Виртуальным) денотатом, или экстенсионалом имени *мама* будет множество всех объектов мира дискурса, которые являются чьими-либо мамами. Денотатом глагола *спать* будет множество всех ситуаций, которые могут быть поименованы этим глаголом. Денотатом предложения (3) будет подмножество всех ситуаций сна, имеющих место в момент речи, субъектами которых выступают чьи-либо мамы. О референте (= актуальном денотате) всего предложения и референтах входящих в него именных групп можно говорить только в том случае, когда это предложение рассматривается как употребленное в речи, т. е. как высказывание. Допустим, что оно употреблено как сообщение о причине, по которой «мама» не может подойти к телефону. Тогда референтом данного предложения будет конкретная определенная единичная ситуация мира дискурса (из класса ситуаций, именуемых словом *спать*), имеющая место в момент речи. Референтом именной группы, представленной в данном случае одиночным существительным *мама*, будет конкретное определенное единичное лицо, находящееся в определенном отношении («быть матерью») к говорящему (или какому-то другому лицу, с точки зрения которого говорящий дает имя данному объекту, например, это может быть мать жены говорящего, т. е. его теща, или мать того, к кому обращено высказывание). Глагол и глагольная группа *спит* референта не имеет.

Сигнификативный слой значения, или сигнификативное значение, или просто сигнификат языкового выражения, — это информация о том способе, каким объект или ситуация мира дискурса отражаются в сознании говорящего. В отличие от (виртуального) денотата, представляющего собой некоторый класс предметов или ситуаций, сигнификат — это не сам класс, а те свойства, на основании которых эти предметы / ситуации объединены в данный класс и противопоставлены членам других классов. Сигнификат языкового выражения соответствует «наивному» понятию о сущностях, именуемых данным выражением (см. раздел 1.2.3). В направлениях современной семантики, которые применяют при анализе выражений естественного языка концептуальный аппарат и методы формальной логики (например, в формальной семантике), в том же смысле используется термин *интенционал*. При этом, как правило, термин «сигнификат» обычно используется в паре с термином «денотат», а термин «интенционал» — в паре с термином «экстенционал».

Проиллюстрируем понятие сигнификата на том же примере (3). Сигнификат имени *мама* включает в свой состав признаки «человече-

ское существо', 'женского пола', 'родитель некоторого X-а'. Сигнификат глагола *спать* включает в свой состав такие свойства ситуаций данного класса, как 'физическое состояние живого существа', 'форма отдыха', 'с максимально возможным без ущерба для организма отключении систем последнего' (ср. толкование значения глагола *спать* в Толково-комбинаторном словаре [ТКС: 785]). Различие между денотатом и сигнификатом особенно ясно проявляется в том, что один и тот же актуальный денотат (= референт) может быть обозначен языковыми выражениями с различными сигнификатами. Так, та же самая женщина, которая в высказывании (3) обозначена именем *мама*, в других случаях может быть поименована как *Ирина Сергеевна Смирнова*; *жена моего шефа*; *соседка по этажу*; *министр культуры*; *дама, которая стоит у окна* и т. д. Разумеется, при тождестве референта, эти языковые выражения различаются по своему сигнификативному значению, поскольку несут информацию о разных свойствах референта (собственное имя не сообщает ни о каких свойствах, кроме пола и вероятной национальности).

Различие между сигнификативным и денотативным значением наблюдается и на уровне предложения. Так, два предложения:

(4) «Спартак» выиграл у «Шинника» со счетом 3 : 1.

(5) «Шинник» проиграл «Спартаку» со счетом 1 : 3.

могут иметь в качестве своего актуального денотата (референта) одно и то же событие — конкретную игру в рамках текущего чемпионата страны, но сигнификативное значение — информация о том, как это событие отражено в сознании, как оно им интерпретируется — у них различно. В (4) ответственность за исход матча возлагается на команду «Спартак», а в (5) — на «Шинник». Предложения (4) и (5) эквивалентны в денотативном, но не в сигнификативном аспекте. Как мы увидим ниже, синонимия предложений может определяться по-разному, в зависимости от того, требуется ли от синонимичных предложений совпадение только их денотативных значений, или же сигнификативные должны также совпадать.

Прагматический слой значения, или *прагматическое значение* языкового выражения — это содержащаяся в нем информация об условиях его употребления — многообразных аспектах коммуникативной ситуации, в которых оно используется. В число этих аспектов входит и отношение говорящего к денотату языкового выражения (в терминах разнообразных оценочных характеристик типа 'хорошо / плохо', 'много / мало', 'свое / чужое' и т. д.), и отношения между говорящим и адресатом (например, степень близости), и обстановка общения (например, официальная / неофициальная) и цель, которой говорящий хочет достичь с помощью своего высказывания и многие другие параметры, так или иначе связанные с «Я» субъекта речи. Проиллюстрируем понятие прагматического значения на том же примере (3). Вначале рассмотрим слово *мама*. Если бы это слово не содержало информации прагматического

характера, то его можно было бы употребить для наименования объекта, входящего в его денотат (экстенционал) и обладающего свойствами, образующими его сигнификат, в любой ситуации общения. Иначе говоря, если бы прагматический слой значения слова *мама* был пуст, не заполнен, то *мамой* можно было бы назвать чьего-либо родителя женского пола в любой ситуации. Однако мы знаем, что это не так, и что есть ситуации, в которых надо употребить другое слово с тем же денотатом и сигнификатом — слово *мать*. Мы обычно называем *мамой* свою мать. Употребление слова *мать* при обращении к собственной матери не соответствует литературной норме и может быть расценено как просторечное или грубое. *Мамой* мы называем также мать лица X, которому хотим выразить свое дружеское расположение и заинтересованность (если речь идет о матери собеседника, то это один из способов проявления вежливости). Поскольку в официальной обстановке выражение такого рода чувств исключается, то в такой коммуникативной ситуации используется слово *мать*. Так, даже свою собственную мать не принято обозначать словом *мама* в тексте автобиографии, составляемой при поступлении на службу. В качестве сообщения, распространяемого по каналам массовой информации, предложение *Президент вылетел в город N в связи с болезнью своей мамы* явно неуместно именно из-за неверно выбранного способа номинации матери президента, но, беря интервью у президента в неформальной обстановке, журналист вправе выбрать любой из двух рассматриваемых способов номинации, задавая, например, вопрос *Как здоровье вашей мамы / матери?* Выбор одного из двух слов при этом значим, поскольку отражает разную степень дистанцирования говорящего от лица X (в данном случае — от адресата вопроса). Таким образом, в прагматическом значении слова *мама* содержится определенная информация об отношении говорящего либо к референту данного имени, либо к лицу X, которому референт имени доводится матерью. Эту информацию мы извлекаем из слова *мама*, даже встретив его в изолированном от контекста предложении. Значит, она входит в языковое значение данного слова.

Рассмотрим теперь другую разновидность прагматического значения, которая обнаруживается не на уровне слов, а только на уровне предложений. Предложение (3) может быть употреблено говорящим только с целью довести до сознания адресата, что ситуация, описанная в (3) (т.е. являющаяся денотатом этого предложения), имеет место в действительности. С другой целью, например, с целью выяснить у адресата, имеет ли место в действительности ситуация, описанная в (3), оно уже не может быть использовано, а вместо него должно быть использовано соответствующее предложение другого синтаксического типа (в русской грамматической традиции — другого типа по цели высказывания) — вопросительное, в данном случае предложение (6):

(6) *Мама спит?*

Таким образом, в значении каждого предложения есть прагматический слой, или компонент, несущий информацию о том, для достижения каких коммуникативных целей оно предназначено (подробно этот компонент семантики предложения будет рассматриваться в разделе III.2.3).

Синтаксический слой значения, или синтаксическое значение языкового выражения содержит информацию об отношениях между данным выражением и другими языковыми выражениями в составе речевого отрезка. Это разного рода требования, предъявляемые языковым знаком к своему окружению. Данный тип значения хорошо изучен применительно к слову и почти не исследован на уровне предложения. Подробно о разновидностях таких требований речь пойдет в разделе II.7, а здесь мы рассмотрим в качестве примера лишь некоторые из видов значения, относящегося к данному типу.

Так, знак может предъявлять требования к наличию / отсутствию в своем окружении других знаков, принадлежащих к определенной лексико-грамматической категории и имеющих определенную грамматическую форму. Эти требования применительно к лексико-семантическому уровню слова в отечественной лингвистике называются морфо-синтаксической сочетаемостью слова, а в генеративной лингвистике — рамкой субкатегоризации, или просто субкатегоризацией. Например, глагол *спать* выступает в предложении в сопровождении именной группы, являющейся подлежащим предложения и стоящей в соответствующей грамматической форме, что может быть отражено с помощью записи вида $NP_{им.} -$; безличный глагол *светать* не допускает при себе зависимых именных групп, выступая в контексте $\emptyset - \emptyset$; глагол *завидеть* в норме требует при себе два зависимых именных выражения, выступая в контексте $NP_{им.} - NP_{вин.}$.

В русском языке прилагательное должно согласовываться с тем существительным, к которому оно относится в роде, числе и падеже и одушевленности. Эти требования согласования относятся к синтаксическому слою значения существительного. Так, в синтаксическое значение слова *мама* входит информация о том, что это: 1) имя существительное; 2) одушевленное; 3) женского рода; 4) единственного числа; 5) в именительном падеже.

Синтаксическое значение знака позволяет носителям языка при его употреблении формировать ожидания относительно обязательного или, по меньшей мере, высоковероятного появления при дальнейшем развертывании дискурса других знаков определенного типа.

Хотя, как было сказано выше, понятие синтаксического значения применяется, в основном, в лексической семантике, в последнее время появились исследования, которые позволяют говорить о синтаксическом значении и на уровне предложения-высказывания. Так, реплики диалога не только описывают некоторую ситуацию действительности (денотативное значение), подавая ее в определенной интерпретации (сигнификативное значение) и с определенной коммуникативной целью (прагматическое значение), но и предъявляют определенные требования к типу

реплики, которая должна последовать со стороны собеседника. Так, если первой репликой будет вопрос (6), то при нормальных условиях (точнее, при соблюдении условий успешности речевого акта, о которых пойдет речь в разделе III.2.3) следующая реплика должна представлять собой предложение с вполне определенным денотативным, сигнификативным и прагматическим значением: это должен быть положительный или отрицательный ответ на вопрос о том, спит ли мама, а не какое-либо другое высказывание. Такого рода отношения между высказываниями в диалоге рассматриваются в работе А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992], где называются отношениями иллюкутивного вынуждения. Не подлежит сомнению, что в данном случае мы имеем дело с синтаксическими отношениями на уровне предложений-высказываний, и тем самым в значении последних также может быть выделен в качестве особого слоя синтаксический слой, или синтаксическое значение.

С противопоставлением типов значений, выделяемых по характеру передаваемой информации, определенным образом соотносится противопоставление лексического и грамматического значения, которое, в силу его особой важности для определения предмета лексической семантики, будет обсуждаться ниже, в разделе II.2.

3.4. Типы значений, выделяемые по связи с определенным типом знаний

Понимая значение языкового знака максимально широко — как все содержание, которое в этом знаке заключается, — мы можем выделять разные типы значений в зависимости от того, какой тип знаний представляет собой та или иная часть этого содержания.

Еще А. А. Потебня в книге «Из записок по русской грамматике» применительно к слову разграничил по данному параметру два вида значения, которые назвал «ближайшим» и «дальнейшим» значением слова. «Ближайшему» значению слова соответствует та часть его содержания, которую он называл языковым содержанием, иначе говоря, та информация, которую связывают с данным словом все носители одного и того же языка, потому что знание этой связи между формой и содержанием слова входит в знание языка. «Дальнейшему» значению слова соответствует та часть его содержания, которую Потебня называл «внеязычным», или как принято говорить сейчас, экстралингвистическим содержанием, поскольку его знание не входит в знание языка. Это и научная, энциклопедическая информация о деноте слова, и индивидуальные ассоциации, связанные с ним в сознании говорящего. Выше, в разделе 2.3, рассматривая различие между языковым значением слова и соответствующим ему (научным) понятием на примере слова *река*, мы фактически привели пример энциклопедической информации, связанной с этим словом: 'река

питается за счет поверхностного и подземного стока с ее бассейна'. Энциклопедическая часть внеязыковых знаний, входящая в «дальнейшее» значение слова, в зависимости от степени распространенности этих знаний, является достоянием либо всех образованных людей, либо только специалистов в некоторой области. Другая разновидность внеязыкового содержания — это индивидуальные ассоциации. Для каждого человека слово связано со специфической системой образов и представлений, сложившейся у него на основе индивидуального жизненного опыта. Великий немецкий писатель XX в. Томас Манн однажды сказал по этому поводу: «Жизнь и постижение ее наделяют отдельные вокабулы оттенком, вовсе чуждым их будничному смыслу, грозным нимбом, не видимым тому, кто хоть однажды с ними не столкнулся в их самом страшном значении». Так, ассоциации, связанные со словом *война* в сознании людей, переживших войну, будут отличаться от соответствующих ассоциаций у людей, видевших войну только в кино, и у каждого из фронтовиков, помимо общих ассоциаций, с этим словом будут связаны какие-то сугубо индивидуальные образы и представления.

Ясно, что о неисчерпаемости значения слова можно говорить, только имея в виду его «дальнейшее» значение. В отличие от «ближайшего» значения, которое «народно», «дальнейшее» значение «у каждого различается по количеству и качеству элементов».

Потебня считал, что ведению языкознания подлежит только ближайшее значение слова, и тем самым был сторонником узкой концепции семантики (см. раздел I.1.2). Сторонники широкой концепции семантики, хотя в принципе согласны с возможностью выделения в семантике языкового выражения двух типов информации — лингвистического (= «ближайшего») значения и экстралингвистического (= «дальнейшего») значения, выступают против возведения непроницаемого барьера между ними, поскольку оба типа знаний — и лингвистические, и экстралингвистические — участвуют в процессах порождения и понимания языковых выражений в естественных условиях языковой деятельности человека.

Кроме того, в ряде случаев бывает совсем не просто отличить лингвистические знания от экстралингвистических. Особенно остро этот вопрос встает при анализе конкретной лексики, т. е. слов, обозначающих физические объекты и их свойства (см. [Фрумкина 1984]). В последнее время наблюдается тенденция к более широкому включению в семантическое описание лексических единиц в толковом словаре информации, которая на первый взгляд кажется не лингвистической, а энциклопедической. Еще Л. В. Щерба писал, что в виде «значений слов» в словаре формулируются «правила применения слов-понятий к действительности» [Щерба 1974: 281]. Так вот оказывается, что чем более точно лингвист хочет отразить в своем описании правила употребления слова, обозначающего предмет, тем яснее ему становится, что говорящие учитывают при этом гораздо больше признаков предмета, чем принято было

включать в лингвистическое значение соответствующего слова (см., например, сколько сведений, известных только специалисту, помещено в словарную статью лексемы *пиломатериалы* в ТКС [Мельчук, Жолковский 1984: 591–593] и как много конкретных знаний о заборах включила Е. В. Рахилина в словарную статью слова *забор* для лингвистического Интегрального толкового словаря (см. [Рахилина 1991])). Еще больше информации о физических объектах необходимо включать в значение слов, обозначающих эти объекты, при моделировании способности человека описывать словами то, что он воспринимает зрением (иначе говоря, вербализовать визуальную информацию). В посвященной данной проблеме работе [Кобозева 1997] показано, какими знаниями о зеркале оперирует любой человек, правильно употребляющий слово *зеркало* при описании интерьера комнаты. Ниже мы в качестве примера экстралингвистического значения приведем эти знания, но прежде нам необходимо ввести понятия, используемые в лингвистической семантике для представления знаний о мире.

Информация о мире, извлекаемая из опыта, хранится в памяти человека не в хаотическом беспорядке, а в виде разного рода связанных конструкций, именуемых в исследованиях по когнитивной психологии и разработках по искусственному интеллекту «схемами» [Bartlett 1932], «сценариями» [Shank, Abelson 1977], «фреймами» [Minsky 1977]. В лингвистике в связи со знаниями о мире используется преимущественно понятие фрейма¹). Фрейм — это структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта (объекте²), (стереотипной) ситуации). Фрейм состоит из слотов, количество которых соответствует количеству элементов, выделяемых в данном фрагменте опыта. Так, фрейм физического объекта состоит из слотов, соответствующих разнообразным аспектам или параметрам, выделенным на основе опыта общения человека с объектами данного типа. Слот имеет имя, задающее сам параметр, и заполняется информацией о значении, которое данный параметр принимает у данного типа объектов или у данного конкретного экземпляра. Фрейм удобно представлять в виде таблицы, столбцы или строки которой соответствуют его слотам. Вот как выглядит фрейм *зеркала* из [Кобозева 1997], отражающий знания, используемые говорящими при порождении и понимании текстов:

¹) Кроме термина «фрейм» в лингвистической семантике для обозначения разного рода структур знаний о мире используются термины «глобальная модель», «когнитивная модель», «псевдотекст», «база», «сцена» (см. [Филлмор 1988: 54, сноска]). Сам термин «фрейм» в лингвистике трактуется несколько по-разному. Подробнее см. обзор [Баранов 1987], словарь [Кубрякова и др. 1996].

²) Фрейм может представлять знания об объекте-типе (например, о поликлинике как определенной разновидности медицинских учреждений) или же о конкретном экземпляре некоторого типа объектов (например, о районной поликлинике № 57 г. Москвы). В последнем случае принято говорить не о «знаниях», а о «данных».

ЗЕРКАЛО

1. Схема	интерьер (жилого помещения)
2. Топологический тип	— пластина — емкость [только в «оптическом» контексте]
3. Топологические элементы 3.1. Выделенный (фасадный) 3.1.1. Основные свойства 3.1.2. Форма 3.1.3. Функция 3.2. Элемент 2 3.2.1. Положение 3.3. Прочие элементы	поверхность 1 гладкая, отшлифованная, блестящая прямоугольник / квадрат / овал / круг отражает то, что находится перед ней поверхность 2 противоположна поверхности 1 определяются формой поверхности 1
4. Ориентация	вертикальная, вдоль наибольшего из двух измерений поверхности 1
5. Положение в схеме	параллельно стене, вплотную к ней или на незначительном расстоянии от нее; нижняя поверхность — на некотором удалении от плоскости пола, верхняя — от плоскости потолка
6. Конфигурация	жесткая
7. Части	(рама) / (подставка) / (подзеркальник)
8. Способ крепления	имеет собственную опору в виде подставки / крепится к стене
9. Величина	1–3
10. Подвижность / транспортабельность	1–3
11. Типовой ориентир	конструктивные элементы интерьера и отверстия в них

Примечания: знак «/» выражает дизъюнкцию, круглые скобки — факультативность; цифры в слотах 9 и 10 соответствуют определенным интервалам на шкале соответствующих измерений, выделяемым на основе свойственного «наивной энциклопедии» принципа антропоцентризма (например, величина 1 — существенно больше человека, 2 — соразмерный человеку, 3 — приблизительно в половину человеческого роста).

Конкретному зеркалу, изображенному на акварели Федора Толстого «В комнатах», на основе вышеприведенного фрейма-прототипа будет сопоставлен фрейм-экземпляр, в котором по сравнению с прототипом изме-

няется заполнение следующих слотов: 3.1.2. прямоугольник; 3.3. верхняя, нижняя и две боковые поверхности; 5. у стены, расположенной слева от наблюдателя; расстояние от пола и от потолка приблизительно в половину человеческого роста; 7. рама и подставка в виде столика(?) / подзеркальник(?); 8. имеет собственную опору(?) / крепится к стене(?); 9.1; 10.1. (Знак «?» отражает неуверенность суждения воспринимающего о том или ином аспекте сцены.)

Какие элементы информации, отраженные во фрейме, входят в лингвистическое значение слова *зеркало*, а какие в экстралингвистическое — вопрос схоластический, коль скоро вся эта информация так или иначе используется говорящим при решении коммуникативной задачи описания пространства на ЕЯ или понимания такого описания.

Различие между лингвистическим и экстралингвистическим значением проявляется и на уровне предложений. В лингвистике значение предложения ЕЯ, как правило, не отождествляется со всей той информацией, которую можно извлечь из него, когда ясен контекст его употребления. Объектом собственно лингвистического анализа предложения считается лишь та часть передаваемой им информации, которая кодирована лингвистическими знаками, входящими в его состав (словами, синтаксическими конструкциями, просодическими средствами и т. п.), т. е. информация, передаваемая и извлекаемая исключительно благодаря знанию языка. Вся прочая информация, в процессе передачи и усвоения которой участвуют экстралингвистические знания различного рода (энциклопедические, коммуникативные и т. п.), не входит в лингвистическое значение, но добавляясь к последнему, образует то, что мы здесь назвали экстралингвистическим значением.

Лингвисты, придерживающиеся узкой концепции семантики, стремятся в своих исследованиях не выходить за рамки лингвистического значения. Так, говоря о семантике как особом компоненте научного описания языка, Апресян подчеркивает, что семантика должна моделировать знание языка, а не знание о мире.

Лингвисты, работающие в прикладных областях, особенно в области создания систем искусственного интеллекта (ИИ), исходят из других предпосылок, поскольку им приходится иметь дело со всеми факторами, определяющими коммуникацию на ЕЯ, в том числе и экстралингвистическими. Такой ориентации в большей степени соответствует широкая концепция семантики. В рамках лингвистической семантики в узком смысле термин «семантическое представление предложения» трактуется как научный конструкт, соответствующий именно и только «лингвистическому значению» предложения. У лингвистов, понимающих предмет семантики более широко, тот же термин получает иное осмысление: в этом случае в «семантическое представление предложения» включается вся информация (независимо от того, какой вид знаний является источником ее получения), которая может быть использована

при осуществлении различных когнитивных, т. е. связанных с обработкой информации, операций над текстом (например, ответов на вопросы по тексту, вывода умозаключений и т. п.), частью которого является это предложение.

Понятно, что описания значения одного и того же предложения ЕЯ, выполненные с позиций узкой и широкой концепций семантики, могут довольно сильно отличаться друг от друга. Так, например, предложение (7):

(7) *Джон прилетел в Нью-Йорк.*

в семантической теории, разработанной Роджером Шенком — лингвистом, получившим широкую известность благодаря своим работам в области лингвистического обеспечения систем ИИ, — теории концептуальных зависимостей, получает семантическое представление (7а):

(7а) 'Джон переместился в Нью-Йорк посредством перемещения на самолете и приложения силы самолетом к самолету же по направлению к Нью-Йорку'.

(для краткости это семантическое представление дано здесь в переводе с формального семантического метаязыка, используемого Р. Шенком [Шенк 1980: 57]. Что же касается собственно лингвистического значения предложения (7), то его семантическое представление свелось бы к (7б):

(7б) 'Джон переместился в Нью-Йорк по воздуху'.

поскольку содержало бы только лингвистическое, а не экстралингвистическое значение глагола *лететь*, описываемое обычно как 'перемещаться по воздуху' (см., например, [Ожегов 1980] или [Апресян 1974: 108]). Очевидно, что (7б) в некотором смысле содержательнее (во всякое случае, подробнее), чем (7а), что достигается за счет включения в него информации, опирающейся на экстралингвистические знания о том, что обычно человек перемещается по воздуху на самолете, и о том, чем вызывается движение самолета.

Учет экстралингвистического значения языковых выражений оказался особенно важным при разработке систем ИИ. Как отмечает Р. С. Розенберг, «Поиски путей интеграции лингвистического и нелингвистического знания... составляют постоянную часть научных исследований в парадигме ИИ» [Rosenberg 1987: 60]. В целом же следует подчеркнуть, что и в теоретической лингвистической семантике, и в областях приложения лингвистических знаний проблема взаимодействия лингвистической и экстралингвистической информации относится к числу важнейших и вряд ли может быть решена без разработки соответствующих метаязыков, позволяющих при необходимости как совмещать эти типы информации, так и дифференцировать их.

Литература

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. 1982. № 2. С. 241–252.
2. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44–87.
3. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969. С. 130–208.
4. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.
5. Кобозева И. М. Представление знаний о физических объектах для систем типа «Рисунок—Текст» // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 117–123.
6. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
7. Паршин. П. Б. К вопросу о лингвистически ориентированной классификации знаний // Диалоговые системы и представление знаний [Уч. зап. Тартуского ГУ. Вып. 594]. Тарту, 1981. С. 102–116.
8. Рахилина Е. В. Словарная статья существительного ЗАБОР // Семиотика и информатика. М., 1991. Вып. 32. С. 154–155.
9. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл и сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
10. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980. Гл. II–III. С. 10–81.

Раздел II

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Лексическая семантика — раздел семантики, в котором изучается значение слов. Говоря более точно, эта дисциплина изучает значение слов как единиц лексической подсистемы языка (называемой также словарным составом языка, или просто его словарем, или лексиконом, или лексикой) и как единиц речи. Таким образом, объектом исследования в лексической семантике является слово, рассматриваемое со стороны его означаемого.

Поскольку слово является объектом изучения и таких дисциплин, как лексикология и лексикография, необходимо остановиться подробнее на соотношении этих дисциплин.

Глава 1

Лексическая семантика, лексикология и лексикография

Лексикология определяется как наука о словах (см. [Реформатский 1967]) или как наука о словарном составе языка (см. [Ахманова 1966], [ЛЭС]). Казалось бы, ясно, что лексическая семантика представляет собой один из разделов этой науки. И действительно, как таковая она и рассматривается в таком авторитетном справочном издании по лингвистике, как «Лингвистический энциклопедический словарь», в статье В. Г. Гака «Лексикология» [ЛЭС: 259]. С точки зрения логики и методологии науки, указанное соотношение верно, но в реальной научной и академической практике дело обстоит иначе. В силу ряда внешних обстоятельств объем тех сведений о значении слова, которые излагаются в монографиях и курсах лексикологии, рекомендуемых для изучения в высшей школе, включает в себя лишь часть знаний, накопленных лексической семантикой, что делает необходимым их сопоставление.

Прежде всего следует сказать, что лексикология значительно старше лексической семантики. Термин «лексикология» был впервые введен во французской энциклопедии Д. Дидро и Ж. Л. д'Аламбера в 1765 г. Поэтому лексикология имеет сложившиеся традиции в трактовке своего предмета, оформившиеся в своего рода канон. Достаточно сравнить между собой монографии и учебники по лексикологии, написанные разными авторами

(см., например, [Шанский 1972], [Шмелев 1977]), чтобы увидеть, что существует вполне определенный круг вопросов, которые рассматриваются в той или иной последовательности в этих курсах. Постепенно складывается своя традиция и в осмыслении предмета и задач лексической семантики. Это позволяет сопоставить области исследования, покрываемые этими двумя «науками о слове». В результате такого сопоставления мы увидим, что эти области пересекаются, причем существует ряд вопросов, изучаемых лексикологией, и не рассматриваемых лексической семантикой, и наоборот, ряд вопросов практически не затрагивается лексикологией, но активно разрабатывается в рамках лексической семантики. Начнем с области пересечения интересов двух дисциплин. К ней относятся:

- 1) означаемое лексических единиц;
- 2) проблема тождества слова (см. [Смирницкий 1954]), т. е. проблема установления инварианта слова, лежащего в основе его вариантов;
- 3) системные отношения в лексике.

Сразу же следует сказать, что данные вопросы рассматриваются в каждой из дисциплин с разной степенью полноты и глубины.

Так, в силу своей сосредоточенности на означаемом словесного знака, лексическая семантика более глубоко проникает в его сущность, выявляя все многообразие содержащейся в нем информации и более точно анализируя его структуру.

Что касается проблемы тождества слова, то лексическая семантика разрабатывает только один ее аспект — семантический, т. е. вопрос о том, каковы критерии отождествления множества выделенных в тексте словоупотреблений как вариантов одной и той же инвариантной единицы лексической системы языка (или, пользуясь терминологией, введенной в разделе 1.3.2, каковы критерии отождествления актуальных значений форм одного слова как вариантов одного и того же узуального значения этого слова и объединения таких узуальных значений в рамках единого виртуального значения лексической единицы). В лексической семантике этот вопрос решается в ходе углубленного исследования явлений многозначности (полисемии) и омонимии. В лексикологии та же проблема трактуется более широко: помимо семантической вариативности слова (например, наличия у слова *кислый* трех семантических вариантов: *кислый* 1 со значением ‘обладающий вкусом, подобным вкусу лимона или уксуса’; *кислый* 2 со значением ‘закисший вследствие брожения’ и *кислый* 3 со значением ‘уныло-тоскливый’) в ней рассматривается также фонетическая и морфологическая вариативность (например, фонетическими вариантами одного слова считаются *галоша* и *калоша*, морфологическими — *лиса* и *лисица*).

Системные отношения в лексике (парадигматические и синтагматические) лексикология и лексическая семантика освещают также

по-разному. Лексикология выделяет в качестве таковых не только семантические, т. е. основанные на значении, отношения между словами в системе языка, но и отношения, основанные на совпадении или сходстве их формы — омонимии и паронимии соответственно. Лексическая семантика ограничивается выявлением семантических отношений, но исследует их более детально, чем традиционная лексикология, которая долгое время сводила все их многообразие к синонимии и антонимии, и лишь в последнее время включила в свой арсенал такие выявленные в рамках лексической семантики отношения, как гипонимия, соположенность или конверсивность, а так же семантические отношения между словами в речи — синтагматические отношения. Хотя в вопросе изучения синтагматических отношений лексическая семантика продвинулась гораздо дальше, о причинах чего скажем несколько позже.

К этим трем аспектам изучения слова и сводится то общее, что позволяет считать более молодую лексическую семантику наследницей традиционной лексикологии. Какие же вопросы из тех, что входят в предмет лексикологии не рассматриваются в лексической семантике? Это, во-первых, проблема отдельности слова: что считать отдельным словом в данном языке в отличие, с одной стороны, от морфемы, с другой стороны, от словосочетания. Во-вторых, это вопросы стратификации словарного состава языка по строго ограниченному количеству оснований: 1) по происхождению: лексика исконная vs заимствованная из того или иного языка; 2) по употребительности: лексика активная vs пассивная; 3) по связи с определенным стилем и некоторые другие.

Лексическую семантику вопросы о том, является ли изучаемое слово заимствованным или исконным словом данного языка, принадлежит ли оно к активному или пассивному пласту лексики и т. д. сами по себе не интересуют. Они попадают в поле ее зрения лишь постольку, поскольку могут оказаться связанными с теми или иными особенностями употребления слова. Так, связь слова с определенным стилем или определенной сферой употребления с точки зрения лексической семантики предстает как разновидность информации об условиях употребления слова, или, что то же самое, как часть его прагматического значения.

С другой стороны, целый ряд важных вопросов, изучаемых современной лексической семантикой, не входил в компетенцию традиционной лексикологии. И происходило это из того обстоятельства, что предмет лексикологии — лексика — понимался как автономная часть языка, существующая наравне с такими же автономными его частями, как фонетика и грамматика. В связи с этим каждое слово трактовалось как автономная сущность, которую можно описывать и анализировать, вырвав ее из контекста, искусственно изолировав из фразы. Явно в недостаточной степени привлекался к описанию значения слова и так называемый вертикальный контекст, т. е. значения слов, связанных с данным по содержанию и образующих с ним единую систему значений. Как мы уже сказали,

учитывались только два вида парадигматических связей — синонимическая и антонимическая.

Главное отличие современной лексической семантики от традиционной лексикологии в ее подходе к значению слова состоит в том, что описание значений слов понимается как интегральная часть полного описания языка. А полное описание языка в свою очередь мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей, в основе которого лежат те способности, которые в совокупности можно описать как владение языком. Такой подход к лексической семантике как особому компоненту модели описания языка, который должен быть согласован со всеми другими компонентами и вкупе с ними обеспечивать объяснение языковой способности человека, закономерно привел к постановке проблем, которые не стояли перед традиционной лексикологией. Какие же это вопросы?

Прежде всего, это вопрос о специальном языке для описания значений слов или **семантическом метаязыке**.

Во-вторых, это вопрос о семантических правилах, по которым из значений слов и значений грамматических показателей и синтаксических конструкций образуется значение предложений — **правилах взаимодействия значений**.

Постановка этих вопросов и попытки решить их привели к тому, что лексическая семантика продвинулась значительно дальше и в решении традиционных вопросов лексикологии — в анализе парадигматических и синтагматических семантических отношений между словами.

Разумеется, лексикология не стоит на месте и постепенно усваивает результаты, получаемые в рамках лексической семантики. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить два учебных пособия по лексикологии — «Лексикологию» Шанского и «Лексику» Шмелева. Но в силу комплексного характера лексикологии как науки о всех аспектах словарного состава, а не только семантическом, она в качестве учебного предмета всегда будет давать менее детализированную информацию о семантике лексических единиц, строении лексической системы и функционировании слова в речи, чем та, которую дает лексическая семантика.

Подробно рассмотрев отношение лексической семантики к лексикологии, кратко охарактеризуем связи ее с лексикографией. **Лексикография** — это, во-первых, наука о составлении словарей, а во-вторых, сама деятельность по составлению словарей. Лексикографическая семантика всегда служила импульсом для развития лексической семантики. С другой стороны, лексическая семантика оказывает обратное воздействие на лексикографическую теорию и практику. Действительно, надо решить, какие употребления слова считать тождественными и представлять как одно значение, а какие разными, а значит, встает проблема тождества слова. Надо решить, как организовать в словаре подачу разнообразной информации, составляющей содержание слова (разработать структуру словарной статьи), значит, необходимы знания о возможных

типах такой информации, добываемые лексической семантикой. Прекрасным образцом плодотворного союза лексической семантики с лексикографией служит деятельность Московской семантической школы. В разработанной ее представителями интегральной модели описания языка «Смысл \Leftrightarrow Текст» одним из главных компонентов является «Толково-комбинаторный словарь» (далее ТКС), содержащий богатейшую информацию по всем четырем аспектам семантики слова, рассмотренным в разделе I.3.3. Не удивительно, что именно эта школа внесла самый большой вклад в развитие лексической семантики в нашей стране в последние десятилетия. И не удивительно, что на основе этих достижений готовится новое поколение семантических словарей. Уже опубликован первый выпуск Нового объяснительного синонимического словаря [НОССРЯ 1997]. Разработан проект Интегрального словаря русского языка [Апресян 1986], ряд экспериментальных статей которого опубликован в сборнике [Семиотика и информатика 1991].

Глава 2

Лексическое и грамматическое значение

Говоря, что лексическая семантика изучает значение слова, мы были не вполне точны. В языках мира выделяются два дополняющих друг друга компонента — лексика и грамматика. И хотя граница между этими компонентами размыта и в разных лингвистических концепциях проводится по-разному, в большинстве случаев ясно, к какой из этих подсистем принадлежит та или иная единица языка. Лексическая семантика (в том понимании ее объекта, которого мы будем здесь придерживаться и которое принято в Московской семантической школе) изучает значение любых слов, включая те, которые традиционно относят к области грамматики, т. е. служебные слова типа союзов или предлогов. Но в языках с развитой морфологией граница между лексическим и грамматическим часто проходит внутри слова, деля его означаемое на две части: лексическое значение — наиболее содержательную его часть, которая относится к ведению лексической семантики, и грамматическое значение, изучением которого занимается другая дисциплина — грамматическая семантика.

Водораздел между лексическим и грамматическим в значении слова можно проводить по-разному. При этом в любом случае легче очертить границы грамматического значения и затем определить лексическое значение как то, что остается за вычетом из целостного значения слова его грамматической части.

При одном подходе к определению грамматического значения главной чертой, отличающей его от лексического, считается **обязательность и регулярность** (стандартность) его выражения в языке. Так, хочет или не хочет носитель русского языка передать информацию о количестве яблок, которые ему дали, он обязательно это сделает, поскольку для обозначения яблок он должен будет использовать существительное, которое будет иметь форму либо единственного, либо множественного числа (*Мне дали яблоко / яблоки*), т. е. иметь в своем составе регулярный формальный показатель соответствующего содержания. Есть языки, например китайский, в котором такая обязательность выражения количества предметов отсутствует. Категория числа в русском языке является грамматической и значение, выражаемое показателем этой категории, считается грамматическим. В другом языке содержательно тот же элемент значения может оказаться лексическим, поскольку не обязателен и не имеет стандартного выражения. А. А. Зализняк, развивающий именно такой подход

к грамматичности, в работе [Зализняк 1967], анализируя означаемое слова *домиком*, представляет его как структуру, состоящую из 11-ти элементов:

- 1) предмет;
- 2) нечто неодушевленное;
- 3) предмет определенного вида;
- 4) нечто маленькое;
- 5) один предмет (а не несколько);
- 6) сочетается с другими словами как существительное, т. е. *хорошим домиком*, *любуюсь домиком*, *перед домиком*, но не **хорошо домиком*;
- 7) сочетается с другими словами как существительное мужского рода: *белым (*белой) домиком*;
- 8) сочетается с другими словами как существительное с признаком «синтаксической неодушевленности»: *домиком, который (*которого) я построил*;
- 9) сочетается с другими словами как существительное с признаком «синтаксического единственного числа»: *белым (*белыми) домиком*;
- 10) сочетается с определенным классом подчиняющих слов: *любуюсь домиком*, но не **нравится домиком* («подчиненный Т. падеж»);
- 11) сочетается с определенным классом подчиненных слов: *белым (*белому) домиком* («подчиняющий Т. падеж»).

К лексическому значению слова *домиком* будет отнесена только та часть его означаемого, которая представлена элементами 1–4, не являющимися грамматическими при данном понимании грамматичности [Зализняк 1967: 24].

Другой подход к разграничению лексического и грамматического значения связан с противопоставлением между открытыми и закрытыми классами единиц языка. Класс считается открытым, если он очень большой и легко может быть увеличен. Класс считается закрытым, если он сравнительно небольшой, и список входящих в него элементов фиксирован. Лексическим при данном подходе считается значение элементов, входящих в открытые классы, а грамматическим — значение элементов, образующих закрытые классы. Открытые классы образуют корневые морфемы существительных, глаголов, прилагательных, которые и считаются носителями лексического значения. Элементы, образующие закрытые классы, и тем самым выражающие грамматическое значение, весьма разнообразны. Это и сами лексико-грамматические категории (существительное, прилагательное, глагол), и грамматические категории (род, число и т. д.), и грамматические отношения (субъект, объект и т. п.).

Закрытыми классами слов являются служебные части речи — предлоги, союзы и частицы. Закрытый класс образуют и словообразовательные аффиксы, и интонационные конструкции. Такие элементы традиционно относят к грамматике языка в самых разных лингвистических традициях. Сравнивая два подхода к выделению грамматического, которые оба являются формальными в том смысле, что не апеллируют к семантике

соответствующих элементов, — обязательность и регулярность выражения, с одной стороны, и закрытость класса, с другой стороны, — мы должны признать, что они не изоморфны. Если тот или иной элемент смысла выражается обязательно, и регулярным (стандартным) способом, то выражающая его единица языка будет входить в закрытый класс. Так, в закрытые классы входят показатели всех элементов означаемого слова *домиком*, которые являются грамматическими в смысле обязательности и регулярности, т. е. элементы с 5-го по 11-й. Так, явный (эксплицитный) показатель единственного числа входит в закрытый класс показателей категории числа, неявный (имплицитный) показатель «существительности» входит в закрытый класс показателей лексико-грамматической категории слова и т. д. Таким образом, все, что относится к сфере грамматического по принципу обязательности и регулярности, будет сочтено таковым и по принципу закрытости класса. Однако обратное в общем случае неверно: единица языка, входящая в закрытый класс, не всегда обладает свойством обязательности и регулярности. Так, показатель уменьшительности в слове *домиком* — суффикс *-ик-* — является членом закрытого класса словообразовательных аффиксов и как таковой может быть отнесен к грамматическим элементам, а его значение объявлено на этом основании грамматическим. Однако, поскольку это значение не является обязательным для выражения, то при ином взгляде на грамматичность оно считается не грамматическим и включается в лексическое значение слова *домиком*. Мы в дальнейшем будем придерживаться узкого понимания грамматичности и относить к грамматическому значению слова только те элементы его означаемого, которые относятся к грамматическим категориям данного языка: и классифицирующим, как, например, лексикограмматические категории или род и одушевленность у существительных в русском языке, и словоизменительным, как, например, время глагола или род прилагательного в русском языке. Слова, относящиеся к одной лексико-грамматической категории, имеющие общую основу и различающиеся только грамматическими элементами, принято считать формами одного и того же слова. Таким образом, слово существует в виде набора словоформ, совпадающих по лексическому значению и различающихся только своими грамматическими значениями. Такое множество словоформ называется лексемой. Так, лексема *домик* представляет собой множество всех словоформ, составляющих парадигму его склонения. отождествление всех форм слова как представителей одной единицы лексической системы соответствует интуиции носителей языка, рассматривающих *домик*, *домика*, *домик*у, ..., *домиках* как реализации одного и того же слова.

Теперь мы можем уточнить объект изучения лексической семантики. Это означаемое слова, рассматриваемого как лексема, т. е. его лексическое значение плюс любые виды информации, которая сохраняется на уровне лексем, в том числе и информация, кодируемая грамматическими средствами. Так, грамматическое значение «существительности»

сохраняется у всех словоформ лексемы *домик*, грамматическое значение «подчиняющий творительный падеж» сохраняется у всех форм глагола *любоваться* (*кем / чем*) и т. д. Значит, полное описание плана содержания лексем *домик* и *любоваться*, ответственность за которое возлагается на лексическую семантику, должно включать в себя и эту грамматическую информацию, которая по своему характеру относится к синтаксическому слою значения слова (см. раздел I.3.3).

Существует ли какое-либо не формальное, а содержательное различие между лексическими и грамматическими значениями? Да, существует, и опять-таки легче показать семантическую специфику грамматического значения. Часто можно встретить в литературе по данному вопросу мнение, что грамматическое значение отличается от лексического степенью абстрактности, отвлеченности. Однако в общем случае это не так. Лексические значения слов типа *предмет*, *качество*, *дело*, *количество* и т. п. металексики (термин Л. В. Кнориной, см. [Кнорина 1995]) вряд ли уступают грамматическим в степени абстрактности. Более адекватный способ выявления семантической специфики грамматического значения реализован в исследовательской программе Леонарда Талми ([Talmy 1978]; [Talmy 1988]; [Talmy 1999], русский перевод [Талми 1999]). Типологическое исследование, проведенное им на материале многих языков мира, показало, что содержание грамматических (в широком смысле) единиц языка сильно ограничено по сравнению с содержанием лексических единиц. При этом существует два рода ограничений: на категории грамматически выражаемых понятий и на члены этих категорий. Что касается ограничений первого типа, то во многих языках грамматически выражаются такие категории понятий, как «число», «пространственная локализация», «время», «тождество / различие» и т. п. и редко или никогда не выражаются грамматическими элементами такие понятия, как «абсолютная величина (расстояния, размера и т. д.)», «форма» или «цвет».

Напротив, данные понятия свободно могут выражаться формами открытого класса. Так, категория «цвета» без труда выражается лексически, в составе лексических значений прилагательных цветообозначения типа *красный* или *синий*.

Что касается ограничений второго типа, то даже внутри грамматической категории имеются строгие ограничения на выделяемые в ее составе конкретные понятия — значения категории. Так, члены категории «число», которые выражаются внутрисловными грамматическими показателями, вряд ли включают больше, чем «единственное», «двойственное», «тройственное», «паукальное» и «множественное». Служебные слова могут, как в английском или русском, выражать некоторые другие значения: «ни один», «несколько», «много», «большинство» и «все». Но, по всей видимости, грамматическая категория «числа» никогда не выражает таких понятий, как «четный», «нечетный», «дюжина», «исчислимый». Напротив, данные понятия могут выражаться лексически.

Типологический анализ грамматических значений показывает, что они отражают не те или иные фрагменты мира (это делают лексические значения), а структуру таких фрагментов с позиции говорящего. Они «обеспечивают... образно говоря, скелет или строительные леса для концептуального материала, выражаемого лексически» [Талми 1999: 115]. Предварительное заключение, которое делает Талми на основе имеющихся данных, состоит в следующем: если грамматические показатели в составе языкового выражения предназначены в общем случае для структурирования выражаемого содержания, то природа этой структуры будет по преимуществу относительной, а не абсолютной, топологической, а не евклидовой, качественной, а не количественной, приблизительной, а не точной. Абсолютность характеристик, евклидова интерпретация пространства, количественность и точность возможны только в составе лексического значения.

Как было сказано выше, план содержания лексемы как единицы лексической системы языка включает в себя не только лексическое значение, но и прагматическую и синтаксическую информацию, отражающую требования данной лексемы к ситуативному и языковому контексту. Взятые вместе, они составляют то, что можно назвать лексико-семантической информацией. В следующем разделе мы охарактеризуем структуру лексико-семантической информации в терминах тех компонентов (слоев значения), которые были выделены в разделе I.3.3. При этом грамматическая часть такой информации, она же синтаксическое значение лексемы, будет рассматриваться отдельно, в разделе II.7. Что же касается переменной грамматической части означаемого слова, составляющей предмет грамматической семантики, то она обычно рассматривается в составе морфологии.

Глава 3

Компоненты лексико-семантической информации

В означаемом слова представлены все те содержательные компоненты, или слои, которые были выделены и в общем плане охарактеризованы в первой части книги: денотативный, сигнификативный, прагматический и синтаксический. Причем в пределах некоторых из названных слоев могут быть выделены более дробные субкомпоненты по характеру заключенной в них информации. Традиционно к лексическому значению относят наиболее существенную часть связанной с лексемой информации — ее денотат, сигнификат и некоторую часть прагматической информации. Новейшие исследования в области лексической семантики выявили, так сказать, «второй эшелон» информации, связанной со словом-лексемой: несущественные, но устойчивые признаки выражаемого понятия, многообразные ограничения на употребление (денотативного, прагматического и синтаксического характера). Хотя в лексическое значение такая информация не входит, ее учет необходим для такого описания лексики, которое мыслится как дополнительная по отношению к грамматике и согласованная с ней часть интегрального описания языковой системы. Такой подход к описанию означаемого лексем находит воплощение в Интегральном словаре русского языка (см. [Апресян 1995, т. II]). Словарная статья лексемы в этом словаре разбита на зоны, в каждой из которых помещается определенный вид лексикографически существенной информации, включающей в себя не только информацию об означаемом лексеме (названную выше лексико-семантической), но и информацию о ее означателе. В таблице, приведенной на следующей странице, отражается соотношение компонентов лексико-семантической информации, выделенных в разделе I.3.3, с традиционной дихотомией лексического и грамматического значения и с зонами Интегрального словаря.

Остановимся подробнее на каждом из компонентов лексико-семантической информации, отмечая при этом, как они соотносятся с лексическим значением. При этом следует иметь в виду, что вопрос о том, как провести границу между той «главной» информацией, которая относится к лексическому значению (и соответственно отражается в особой — семантической — зоне словаря (толковании)), и той, которая входит во «второй эшелон», подчас не имеет однозначного решения. Существуют спорные случаи, когда некоторый элемент означаемого лексемы одни

Компоненты лексико-семантической информации	Значение слова (традиционное понимание)	Зоны словарной статьи Интегрального словаря
денотативный		
сигнификативный	лексическое	семантическая
прагматический		стилистическая
		прагматическая
синтаксический	грамматическое	коммуникативная
		модель управления
		сочетаемость

трактуют как существенный признак выражаемого ею понятия и соответственно включают его в лексическое значение, а другие — как несущественный, составляющий коннотацию лексемы (о коннотациях см. раздел II.3.4), или когда некоторый элемент означаемого лексемы можно рассматривать либо как часть ее лексического значения, либо как часть ее синтаксического значения (сочетаемостное требование). Спорные случаи первого типа обсуждаются в [Апресян 1995, т. II: 160 и далее], а второго типа в [Апресян 1974: 60–66].

3.1. Сигнификативный компонент

Мы не случайно начинаем разговор о лексико-семантической информации именно с ее сигнификативного компонента — слоя, связанного не с действительностью, а с ее отражением в сознании человека. Несомненно, язык служит для того, чтобы с его помощью человек мог сообщить что-то о вещах, существующих или происходящих в мире. Однако сущность слова-лексемы заключается не в том, что оно обозначает вещь, или соотносится с вещью, а в том, что оно репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека. В слове закрепляются результаты рационального познания, связанного с абстрагированием от реальной вещи всеобщих признаков, преобразованием их в идеальную сущность. В значении слова находит отображение и закрепление не весь предмет в целом, но только небольшое число признаков или свойств предмета, или даже одно из множества присущих ему свойств. Совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов называется **сигнификатом** слова.

Сигнификат слова — ядро его лексического значения. Толкования значений слов в толковых словарях описывают прежде всего сигнификативный слой значения слова, репрезентируя совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов. Так, например, в словаре [Ожегов 1990] сигнификативное значение слова *бор* представлено толкованием «сосновый лес», которое содержит два признака обозначаемого объекта — 'быть лесом' и 'состоять из сосен'. В толковании

слова *восхищаться* в ТКС [ТКС: 274] представлены следующие признаки, составляющие сигнификативное значение этого слова: 'эмоциональное состояние, направленное на некоторый объект', 'достаточно интенсивное', 'вызванное тем, что субъект состояния считает его объект очень хорошим'.

Сигнификат слова можно представлять не только как совокупность существенных признаков, по которым выделен класс сущностей, именуемых данным словом, но и как набор необходимых и достаточных условий применимости — условий, которым должен соответствовать объект для того, чтобы его можно было обозначить с помощью данного слова.

Описать лексическое значение слова значит прежде всего определить его сигнификативное значение. О методах, которые выработаны для этой цели лексической семантикой, речь пойдет ниже, в разделе II.5.

3.2. Денотативный компонент

Существование у слова денотата, или денотативного значения, обусловлено предметностью мышления, его обращенностью к миру. Предметный мир, отражаемый в языковом значении лексемы, мыслится широко и включает в себя не только реально воспринимаемые объекты внеязыковой действительности, но и другие виды означаемых — чувства, эмоции, психические состояния, признаки, отношения и т. п.

3.2.1. (Виртуальный) денотат лексемы

Термин «денотат», который применительно к слову-лексеме может иметь только виртуальное понимание (в связи с чем мы далее для краткости будем опускать ограничительное определение «виртуальный»), в лексической семантике допускает две трактовки.

В первой трактовке денотат определяется как множество объектов, удовлетворяющих тем свойствам, которые составляют сигнификат этой единицы. В этой трактовке термин «денотат» является синонимом термина «экстенционал», введенного Р. Карнапом [Карнап 1959].

При такой трактовке денотата нет необходимости в каком-то особом способе представления денотативной информации в семантическом описании. И действительно, для многих классов слов описание денотативного слоя их значения будет изоморфно описанию сигнификативного слоя с той разницей, что в первом случае формулировка значения будет даваться в терминах объектов и отношений, имеющих место в действительности, а во втором — в терминах объектов и отношений, имеющих место в сознании. Так, Б. Ю. Городецкий, описывая означаемое слова *водоносный*, формулирует его денотат как «связь с предметной областью почв, земных пластов, вод», а сигнификат как «связь с соответствующей понятийной сферой, с абстрактными признаками соответствующих предметов» [Городецкий 1969: 211].

Возможна и иная трактовка денотата лексемы, при которой денотат определяется как связанный с данным словом в сознании носителя языка целостный образ типичного, эталонного представителя соответствующего данному слову класса сущностей (т. е. денотата в первом понимании, экстенционала). В когнитивной семантике такой образ называют прототипом соответствующей категории сущностей. Так, если денотатом слова *птица* в первом понимании является множество всех птиц, то во втором понимании — образ типичной птицы. Как показывают исследования когнитивных психологов, типичной птицей, или прототипом птицы (во всяком случае для европейцев) является что-то вроде воробья или малиновки.

Денотат лексемы во втором понимании является, как и сигнификат, ментальным отражением объекта действительности, но при этом противостоит сигнификату как нерасчлененное, целостное, неотрефлексированное представление об объекте его рациональному, аналитическому представлению в виде определенной комбинации признаков.

Многие исследователи обращают внимание на то, что в значении различных классов слов роль или значимость денотативного (образного) и сигнификативного слоев неодинакова. Это особенно заметно при сопоставлении конкретной и абстрактной лексики. Конкретная лексика — это слова, денотатами которых являются образные представления о реально существующих материальных объектах, например, *альбатрос*, *мальва*, *стакан* или о свойствах и проявлениях материальных объектов, воспринимаемых органами чувств, например, *красный*, *мерцать* и т. п. У слов такого типа денотативное значение «преобладает» над сигнификативным. В чем это проявляется? В том, что описание значения этих слов естественно выливается в изучение тех объектов, которые они называют. Так, желая описать значение слова *стакан*, мы будем мысленно сопоставлять стаканы с другими предметами, предназначенными для питья — чашками, кружками, рюмками и т. п., и только таким образом выведем такие признаки стакана, как цилиндрическая форма (в отличие от чашки), тонкостенность (в отличие от кружки) и т. п. В подобных случаях оказываются непригодными и неэффективными основные методы, используемые для выявления сигнификата более абстрактных по своему значению слов — методы синонимического перифразирования, анализа дистрибуции слова и сопоставления его с дистрибуцией других слов, близких к данному по значению. На том основании, что изучение значений слов, принадлежащих к конкретной лексике, требует обращения к изучению действительности, некоторые лингвисты, в частности Ю. Д. Апресян, в свое время высказывали мнение, что лингвистическая семантика не должна заниматься анализом таких слов, так как иначе лингвист рискует превратиться в человека, занятого энциклопедическим описанием объектов, что в конечном счете приведет к утрате семантикой своего статуса как собственно лингвистической дисциплины. Но коль скоро в толковые словари испокон веков

включалась и конкретная лексика, то в качестве наиболее адекватного способа описания ее значения предлагалось использовать картинки. Действительно, картинка, или графическая схема, в ряде случаев кажется более адекватным и эффективным способом представления значения слова, принадлежащего к конкретной лексике, чем формулировка набора признаков или необходимых и достаточных условий. Происходит это именно в тех случаях, когда у слова «заполнен» денотативный слой значения, т. е. с ним действительно ассоциируется некоторый образ эталонного представителя соответствующей категории предметов или явлений действительности.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что конкретная, так сказать, денотативно нагруженная лексика требует к себе иного подхода, чем лексика абстрактная. Ведь попытки «отлучить» ее от лингвистической семантики, не увенчавшиеся, как и следовало ожидать, успехом, базировались именно на том, что некоторые методы описания значения, доказавшие свою эффективность на материале более абстрактных слов, оказались к ней неприменимыми. Обсуждению проблем семантического описания конкретной лексики посвящена монография А. Вежбицкой «Лексикография и концептуальный анализ» [Wierzbicka 1985], где в качестве метода, адекватного исследуемому объекту, выдвигается концептуальный анализ — анализ сочетаемостных свойств лексем, в которых проявляется закрепленный в ее значении коллективный опыт носителей языка¹⁾.

Абстрактная лексика — это слова, обозначающие объекты, свойства и отношения, полученные в результате абстрагирования, отвлечения от конкретных объектов, свойств и отношений. Естественно, в значениях слов такого типа рациональный сигнификативный слой преобладает над конкретно-чувственным денотативным, который в предельном случае вообще может быть пуст (т. е. с данным словом в сознании не ассоциируется никакой конкретный образ). В соответствии с разными видами абстракции А. А. Уфимцева в рамках абстрактной лексики выделяет следующие подклассы:

1) имена, выражающие в высшей степени обобщенное понятие признака, типа *гениальность, красота* и т. п. (результат изолирующей абстракции);

2) научные и прочие термины — *точка, линия, треугольник* в математике, *субстанция, феномен, материя* в философии (результат особого вида абстракции — идеализации — либо деятельности по разработке метаязыка данной науки);

3) имена, обозначающие категории реального мира, выступающие в роли родовых понятий по отношению к видовым: *чувство, вещество, движение* и т. п.;

¹⁾ Метод концептуального анализа не менее эффективен и в применении к абстрактной лексике, в чем мы могли убедиться на примере лексем *смысл* и *значение*, проанализированных этим методом в разделе I.I.I.I.

4) имена единичных понятий, являющихся «мыслительным конструктом» ирреального предмета — *черт, русалка, кентавр, единорог* и т. п. (см. [Уфимцева 1986]).

Отметим, что у слов, принадлежащих к трем первым подклассам, денотативный слой значения, действительно, практически пуст. Что же касается слов четвертого подкласса, то это не столь очевидно, поскольку с ними, несмотря на отсутствие денотата (= экстенционала) в реальном мире, ассоциируются вполне конкретные целостные образы соответствующих вымышленных существ, источником которых служат соответствующие произведения изобразительного искусства, и потому они скорее должны относиться к конкретной лексике с той оговоркой, что обозначают соответствующие слова объекты не действительного, а воображаемого мира.

Описание значения слов, принадлежащих абстрактной лексике, сводится к описанию их сигнификативного значения, которое наилучшим образом улавливается с помощью методов анализа, не требующих обращения к реальным денотатам или их изображениям (картинкам, схемам и т. п.), например, методов синонимического перифразирования, концептуального анализа (анализа сочетаемости) и т. п.

Следует отметить, что противопоставление значений слов по их конкретности / абстрактности не бинарно, а градуально, связано со шкалой. Одна из первых серьезных попыток упорядочить лексику языка по шкале конкретности / абстрактности представлена в монографии [Чернейко 1998].

Из существующих в настоящее время подходов к описанию лексического значения одни более адекватны в применении к словам, тяготеющим к полюсу абстрактности, другие — к словам, тяготеющим к полюсу конкретности. В работе итальянского лингвиста Массимо Монелья [Монелья 1997] на примере двух итальянских глаголов — *correre* «бежать» и *allevare* «поднимать» показано, что значение первого из них — более конкретного, имеющего денотат (в смысле образа эталонного представителя класса действий, именуемых этим словом), более адекватно моделируется средствами теории прототипов, разрабатываемой когнитивной семантикой, а значение второго, более абстрактного — посредством набора необходимых и достаточных условий, выявляемых более привычными методами семантического анализа.

Специально о методах семантического описания значения слов с нагруженным денотативным слоем мы будем говорить в разделе, посвященном экспериментальным методам в семантических исследованиях (II.9.2).

3.2.2. Ограничения на тип референта (актуального денотата)

Как мы уже говорили, способность непосредственно указывать на объекты и явления мира дискурса, т. е. иметь актуальный денотат, или референт, слово обретает только будучи употребленным в речи. Так,

когда Л. В. Щерба со свойственной ему тонкостью в анализе семантических явлений говорил, что в предложениях (1):

- (1) (а) Хотелось бы напечатать статью и философа.
 (б) Философ привык ценить форму.
 (в) Философ подошел к собеседнику.

представлены три разных значения этого слова: (а) 'какой-нибудь философ'; (б) 'всякий философ' и (в) 'данный философ' [Щерба 1974], то он, на самом деле, охарактеризовал три возможных способа референции к миру дискурса, которые может иметь слово *философ*, будучи употребленным в речи. Референтом этого слова в (а) выступает не фиксированный, не выбранный еще представитель множества философов (неконкретная референция), в (б) — типичный представитель этого множества (родовая референция), а в (в) — конкретный его представитель, которого, по мнению говорящего, адресат способен идентифицировать на основании имеющихся у него знаний (конкретная определенная референция).

В отличие от словоупотребления, лексема, как единица лексической системы языка, референта (актуального денотата) не имеет. Лексема обретает его в составе предложения-высказывания (превращаясь при этом в словоупотребление), причем в языке существуют специальные грамматические (в широком смысле) средства для выражения именно способа референции языкового выражения — так называемые актуализаторы денотативного статуса (термин введен Е. В. Падучевой в работе [Падучева 1979]). Это прежде всего артикли и некоторые разряды местоимений (неопределенные, определительные и указательные). Если имя нарицательное выступает в предложении без актуализатора или, точнее говоря, с нулевым актуализатором, как *философ* в (1), то его референт определяется косвенным образом, благодаря целому ряду характеристик контекста и обычно относится к одному из трех типов, проиллюстрированных в (1). Кроме того, имя нарицательное, употребляясь в функции сказуемого в предложении (так называемое предикатное употребление), вообще не имеет референта, не отсылает ни к какому объекту мира дискурса, а выражает некоторое свойство, характеристику объекта, являющегося референтом подлежащего этого предложения, см., например, то же слово *философ* в (2):

- (2) *Мой сосед — философ.*

Как показали исследования в области лингвистической теории референции (раздела лингвистической семантики, к которому мы обратимся в части III), разные лексемы обладают различным референционным потенциалом, т. е. способностью, будучи употребленными в речи с нулевым актуализатором, иметь тот или иной тип референта. Существующие ограничения референционного потенциала являются индивидуальным свойством лексемы и потому должны рассматриваться лексической семантикой как тип лексической информации денотативного характера. Например, в русском языке имена лиц с оценочным значением типа *байбак*, *молодец*, если при них нет актуализаторов денотативного статуса

в виде местоимений, не могут употребляться с целью обозначения лица или группы лиц, а употребляются только предикатно, ср. аномальность предложения (3а) при правильности (3б) и (3в):

- (3) (а) *Молодец убрал квартиру.
(б) Петя — молодец.
(в) Какой-то молодец убрал квартиру.

Кстати, тяготение таких слов к функции сказуемого было отмечено В. В. Виноградовым задолго до того, как сложилась лингвистическая теория референции.

Другая категория лексем, наоборот, при употреблении в речи способна иметь только конкретного определенного референта (единичного или множественного) и не способна обозначать свойство объекта или род объектов. Это слова типа *всадник* (в противоположность слову *наездник*), *незнакомка*, *собеседник*, *автор*. Их денотативная специфика связана с тем, что в сигнификативном слое их значения характеристика денотата дается через его актуальный признак, т. е. признак, проявляющийся в некоторый конкретный момент, тогда как существительные в функции предиката указывают на постоянный признак денотата. Ср. аномальность предложений (4):

- (4) (а) *Он всадник.
(б) *Она незнакомка.

Ограничение на способ референции, представляющее собой денотативную информацию в означаемом лексем типа *всадник*, оказывается, таким образом, следствием, выводимым из сигнификативного значения лексемы.

3.3. Прагматический компонент

И денотат, и сигнификат слова, хотя и по-разному, отражают в составе лексического значения именуемый данным словом объект реального или воображаемого мира. И в этом плане они противостоят прагматическому слою значения слова, который содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью (о ее прагматических функциях).

В литературе по лексической семантике нет единого общепринятого термина для обозначения этого слоя значения, так же как нет единства и в вопросе о том, какие явления относятся к этому слою и как их описывать. Соответствующая лексическая информация может называться прагматической [Апресян 1974], [Апресян 1995], коинотативной [Телия 1986], экспрессивной [Городецкий 1969], [Шмелев 1973], стилистической [Винокур 1990]. Такой разнотой в терминологии и во взгляде на проблему

связан с тем, что данный аспект значения слова стал объектом пристального внимания исследователей сравнительно недавно, в связи с общей переориентацией лингвистических исследований — переходом от анализа языка как системы знаков к анализу функционирования этой системы в речевом общении. Прагматическая информация в лексическом значении неоднородна по своему составу. Ниже мы рассмотрим три ее разновидности.

3.3.1. Отношение говорящего к обозначаемому

Большинство слов языка не содержат в своем значении информации об отношении говорящего к тому объекту или явлению, которые они обозначают. Ср. такие слова, как *смотреть, лошадь, политик, проект, нахнуть, помощник*. Но наряду с ними существуют слова, в значении которых при сопоставлении со значениями вышеприведенных слов выделяется компонент, отражающий эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому объекту. Так, глагол *таращиться* обозначает то же действие, что и *смотреть*, но помимо этого в его значение входит информация о том, что говорящий считает, что обозначаемое действие (смотреть) неуместно, и что тот, кто смотрит, неприятен говорящему из-за этого. Аналогично этому, *кляча* — это та же лошадь, но лошадь, которая получает отрицательную оценку говорящего и по этой причине вызывает у него отрицательные эмоции; *политикан* — политик, взгляды и способ действий которого говорящий осуждает, *прожект* — проект, который говорящий оценивает отрицательно, считая его исполнение нереальным, *пособник* — помощник в деле, которое говорящий оценивает отрицательно.

Слова, в которых эмоционально-оценочное отношение содержится в прагматическом компоненте лексического значения (и значит, это всегда отношение говорящего, а не кого-либо еще), следует отличать от других типов слов, лексическое значение которых иначе связано с эмоциональным и оценочным отношением. В этой связи прежде всего следует обратить внимание на слова, в которых эмоциональное отношение или оценка относятся к денотативному и / или сигнификативному слою их значения. Это, во-первых, слова типа *любить, нравиться, ненавидеть, раздражаться* и т. д. Слова такого типа ничего не сообщают об отношении говорящего к обозначаемому данным словом явлению. Так, употребляя предложение *Петя любит Машу*, говорящий никак не выражает своего отношения ни к Маше, ни к Пете, ни к чувству Пети к Маше. (Конечно, произнося это предложение, он может выразить свои чувства по поводу сообщаемого, но уже невербальными средствами: тембром голоса, тоном, мимикой и т. п.) Во-вторых, есть слова типа *хороший, плохой* и т. п., которые могут служить для прямого и непосредственного выражения говорящим соответствующей оценки некоторого объекта, как, например, в предложении *Эта лошадь плохая*. Данные слова отличаются

от тех, в которых денотативный и / или сигнификативный слой заполнены объективной, т. е. не эмоциональной и не оценочной информацией, а эмоция либо оценка составляют содержание соседствующего с ними прагматического слоя. Вот почему последний часто называют «окраской» или «фоном».

Следует также особо остановиться на словах типа *скупой* или *храбрость*, которые называют свойства или явления, за которыми в обществе закреплена определенная оценка. Быть *скупым* или *трусливым*, по общему мнению носителей русской культуры, плохо, а быть *храбрым* или *гостеприимным* — хорошо. Однако эти слова не заключают в себе информации об отношении говорящего к данным свойствам или явлениям, поскольку, вообще говоря, возможна индивидуальная, противоречащая общепринятой точка зрения на данные явления. Взять хотя бы скупость. Одна из русских пословиц гласит: «Скупость не глупость», т. е. в принципе не исключено, что человек, характеризующий кого-либо как *скупого*, не выражает при этом собственного отрицательного отношения к его превышающему норму стремлению сохранять в своем владении принадлежащие ему материальные ценности. В отличие от этого, если используется для описания того же самого свойства слово *скупердяй*, то никаких сомнений в отрицательном отношении говорящего к этому свойству не возникает. Следовательно, отрицательная оценка соответствующей черты характера человека говорящим входит в значение слова *скупердяй*, но не слова *скупой*, а в денотативно-сигнификативном аспекте они совпадают.

До сих пор мы рассматривали слова, в лексическом значении которых отношение говорящего к обозначаемому объекту (в частности, эмоционально-оценочное) в качестве прагматического слоя значения соседствовало с непустыми денотативным и сигнификативным слоями. Но существуют слова, все лексическое значение которых сводится к прагматическому: информации об отношении говорящего к объектам или явлениям, обозначенным с помощью других слов. Например, *целый X* (в предложениях типа *Он съел целых три конфеты*) и *всего X* (в аналогичном контексте: *Он съел всего три конфеты*). Все содержание этих слов сводится к информации о том, что в случае *целый X* говорящий считает, что X — это много, а в случае *всего X* говорящий считает, что X — это мало.

3.3.2. Отношение говорящего к адресату

В прагматическом слое лексического значения может содержаться информация об отношении говорящего к адресату: о том, как говорящий оценивает свой социальный статус по отношению к статусу адресата, о том, какие чувства говорящий испытывает по отношению к адресату.

Выше, в разделе 1.3.3, мы привели пример информации этого типа в значении слова *мама*: говорящий испытывает положительное эмоциональное отношение либо к самому обозначаемому лицу, либо к адресату.

Если учесть правило речевого этикета, требующее в официальных ситуациях минимизировать выражение говорящим своего эмоционального состояния, то это объяснит наблюдаемые ограничения на условия употребления этого слова. По своему прагматическому значению слово *мама* близко к диминутивам типа *водичка, кашка, маслице*, прагматический слой значения которых Ю. Д. Апресян описал как указание на то, что говорящий испытывает положительные эмоции, когда думает о каком-то предмете или — в связи с этим предметом — о своем адресате [Апресян 1995: 145].

В другой работе того же автора ([Апресян 1986], перепечатано в [Апресян 1995]) рассматривается еще один вид отношения говорящего к адресату, связанный с оценкой говорящим дистанции между собой и адресатом. Проанализировав весьма сложный спектр употреблений местоимения *ты*, Ю. Д. Апресян приходит к выводу, что ограничения на его употребление могут быть легко выведены из ее прагматического значения, если последнее сформулировать следующим образом: говорящий включает адресата в свою «личную сферу». Понятие *личной сферы говорящего* определяется при этом как относительно самостоятельный фрагмент наивной модели мира, в который «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально и интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян 1995: 645–646]. Отметим, что хотя употреблением слов типа *мама* или *сметанка* говорящий может выражать положительные эмоции по отношению к адресату и тем самым в некотором смысле приближаться к нему, сокращать разделяющую их дистанцию, это не влечет за собой обязательного включения адресата в личную сферу говорящего, ср. вполне допустимое сообщение секретарши, адресованное начальнице: *Вам звонила ваша мама*, в котором выражение положительных эмоций говорящим по отношению к адресату с помощью выбора номинации *мама* (а не *мать*) сопровождается маркировкой с помощью местоимения *Вы* того факта, что адресат не входит в личную сферу говорящего.

Следующие два вида прагматической информации не входят в лексическое значение.

3.3.3. Информация о прагматических функциях лексемы

Прагматическими функциями лексемы мы будем называть те речевые действия, которые говорящий может осуществлять с ее помощью. Ясно, что как и в случае с референтом (= актуальным денотатом) слова, о прагматической функции слова можно говорить только тогда, когда оно рассматривается в составе высказывания, употребленного в речи, т. е. как

словоупотребление, а не как единица лексической системы. В обычном случае спектр прагматических функций словоупотреблений лексемы выводится из ее лексического значения. Такие функции Ю. Д. Апресян предложил называть **тривиальными**. Так, тривиальными функциями лексем, относящихся к названиям лиц по их профессии, являются функция номинации, или функция введения в общее поле зрения говорящего и адресата класса лиц, являющегося денотатом данной лексемы, и функция обращения к лицу, входящему в этот класс; тривиальной прагматической функцией формы повелительного наклонения глагола является функция побуждения: говорящий побуждает адресата сделать так, чтобы начала иметь место ситуация, обозначенная глаголом; тривиальной прагматической функцией вводных слов, называемых показателями достоверности сообщения, является именно указание на степень достоверности сообщения, в составе которого они употреблены.

Кроме, того у лексем могут существовать **нетривиальные прагматические функции**, т. е. функции, не выводимые непосредственно из ее лексического значения, или индивидуальные ограничения на употребление в той или иной тривиальной функции. Поскольку такие отклонения от стандартного для лексем определенного класса спектра функций являются индивидуальным, идиосинкретическим свойством лексемы, они должны рассматриваться лексической семантикой как тип лексической информации прагматического характера.

Приведем некоторые примеры таких отклонений. Первый пример связан с прагматической функцией имен. В принципе, лексемы, обозначающие лиц по роду их занятий, могут (с разной степенью этикетности) быть употреблены в функции обращения к лицу, находящемуся при исполнении своих профессиональных обязанностей, а иногда и вне такого ситуативного контекста (ср. обращения в высказываниях *Извините, профессор; Солдат, закурить не найдется?; Эй, кузнец-молодец, захромал мой жеребец, ты подкуй его опять!; Официант, принесите две порции мороженого* и т. п.). Однако могут существовать пары совпадающих по значению лексем того же класса, одна из которых специализирована в функции обращения, а другая в ней употребляться не может. Так, из двух лексем — *доктор* и *врач*, вторая никогда не употребляется в функции обращения к человеку данной профессии при исполнении им своих обязанностей. Это ограничение на употребление нельзя объяснить исходя из лексического значения слова, оно представляет собой независимый элемент прагматической информации, связанной именно с данной лексемой.

Второй пример, связанный с прагматической функцией глаголов, рассматривается в работе [Апресян 1995: 149–150]. Глагол *знать* в конструкции с придаточным изъяснительным, вводимым союзом *что*, будучи употребленным в императиве, не имеет тривиальных прагматических функций, свойственных этой форме глаголов — функций побудительного типа (приказ, требование, просьба и т. п.), а приобретает нетривиальную

функцию сообщения собственного знания, т. е., говоря *Знай, что Р*, Г имеет в виду следующее: «Я знаю, что Р; я считаю, что ты не знаешь, что Р; я считаю, что знание Р важно для тебя; я хочу, чтобы ты знал, что Р и поэтому говорю, что Р».

Третий пример нетривиальной прагматической функции связан с вводными словами. В работе [Баранов, Кобозева 1984] сделано наблюдение, что некоторые вводные слова — показатели достоверности сообщения могут независимо употребляться в функции ответа на общий, или да-нет вопрос (ср. *Он устал?* — *Конечно (вероятно, пожалуй и некоторые др.)*). Это свойственно далеко не всем лексемам этого класса (ср. *Он устал?* — **Верно (кажется, чего доброго и некоторые др.)*), причем данное различие в функционировании лексем никак не мотивировано их сигнификативным значением, и следовательно также представляет собой независимый элемент прагматической лексической информации.

3.3.4. Коннотации лексемы

Еще один важный тип лексической информации, который относят к прагматике слова, — это коннотации, иногда называемые также (семантическими) ассоциациями. В настоящее время под коннотациями лексемы понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159], «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи» [Апресян 1974: 67]; или «совокупность... закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих сопутствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмоциональные, которые складываются в стереотип» [Bartmiński 1980: 13–14]. Очевидно, что коннотации отличаются от прочих видов прагматической информации тем, что они включают в себя отсылку не к индивидуальному пользователю знака — говорящему, а к языковому коллективу. Так что говорящий, используя лексему, имеющую определенные коннотации, не выражает этим своей личной оценки обозначаемого объекта, как это было в случае оценки, входящей в прагматический слой лексического значения слова (см. примеры эмоционально-оценочных прагматических элементов значения, приведенные выше, в 3.3.1).

Примером коннотаций служат признаки 'упрямства' и 'тупости' у слова *осел*; признак 'монотонности' у слова *пилить*, признаки 'быстроты' и 'непостоянства' у слова *ветер*. Коннотации лексем объективируются в целом ряде явлений, принадлежащих языку или речи. К языковым проявлениям коннотаций, т. е. таким, которые зафиксированы в системе языка, относятся переносные значения (ср. переносное значение 'тупой и / или упрямый человек' у слова *осел*), привычные сравнения (ср. *упрямый как осел*), значения производных слов (ср. *ветренный* в значении

‘легкомысленный’), значения фразеологизмов (ср. как *ветром сдуло*, что означает быстрое исчезновение кого / чего-либо).

К числу объективных проявлений коннотаций следует отнести и явления речи, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватом. Одно из таких явлений — это относительное единообразие в интерпретации носителями языка псевдотавтологических конструкций вида *X есть X*, например, *Немец есть немец* (см. [Grice 1975: 42], [Падучева 1985: 42], [Апресян 1988: 40]). С формально-логической точки зрения такие высказывания тавтологичны (истинны в силу своей формы), а значит должны были бы избегаться в речи как неинформативные (предикат не сообщает ничего нового о субъекте). Однако этого не происходит: они воспринимаются как вполне нормальные высказывания, которые информативны именно благодаря тому, что в них субъекту *X* в неявной форме, имплицитно приписывается свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с сущностями данного типа. В частности, как показало экспериментальное исследование, о котором мы подробнее расскажем в разделе II.9.4, в приведенном примере псевдотавтологии немцу с высокой степенью регулярности приписываются такие свойства, как ‘аккуратность’ и ‘педантизм’, которые, как выясняется, устойчиво связаны в сознании носителя русского языка с этнонимом *немец*, безусловно не относясь при этом к существенным признакам соответствующего денотата, составляющим лексическое значение этнонима.

К речевым проявлениям коннотаций лексемы *X* относится также эффект сужения круга ее правдоподобных синтагматических партнеров *P*, своего рода ограничение на сочетаемость, наблюдаемое в специфических диагностических конструкциях. Так, например, конструкция *Он X, но он P*, как показано в целом ряде работ о семантике союза *но*, имплицитно выражает мнение говорящего ‘*X* должен быть не *P*’ или ‘*X* в норме не *P*’ (см., например, [Левин 1970], [Санников 1986]). Если в эту конструкцию на место *P* подставить имя коннотативного признака лексемы *X*, то мы получим неестественное, странное, аномальное высказывание, ср., например, *Он холостяк, но он неприхотлив в быту / неухоженный / беспечный* при абсолютной естественности *Он холостяк, но он очень домовитый / ухоженный / человек весьма обстоятельный и серьезный*.

Коннотации специфичны для каждого языка. Л. В. Щерба отметил следующее различие между русским словом *вода* и обозначающим то же вещество французским словом *eau*: «Французское *eau*, как будто вполне равно русской *воде*; однако образное употребление слова *вода* в смысле ‘нечто лишенное содержания’ совершенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее можно передать русским *отвар* (*eau de ris*, *eau d'orge*). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно

чужд» [Щерба 1958: 86]. И таких примеров великое множество. Так, в русском языке слово *березка* связано с такими коннотациями, как «женственный», «стройный», а название той же породы дерева в норвежском языке связывается с признаками стойкости и выносливости. Слово *слон* в русском языке имеет коннотацию 'тяжеловесности', 'неуклюжести' (ср. *топать, как слон; как слон в посудной лавке*), а в санскрите его переводной эквивалент *gadja* — коннотацию 'легкости', 'грациозности' (ср. *gadagamini* «легкой походкой» букв. «слоновой»). Коннотации слов чужого языка носителю данного языка чаще всего неизвестны, и поэтому при желании снять отрицательные коннотации, имеющиеся у исконного слова своего языка в него вводится путем заимствования переводной эквивалент, лишенный этих коннотаций, и приобретающий в заимствующем языке коннотации, связанные с представлениями о той стране, из языка которой взят синонимичный неологизм. Ср. следующее справедливое и весьма актуальное рассуждение лингвиста на эту тему, напечатанное в одной из газет: «Вольное или невольное стремление стереть различия между добродетелью и пороком отразилось и в языке, ставшем в известной степени аморальным. В нем как печальный знак времени появились... слова *путана, рэкетир* и прочие, несущие шлейф “заграничного шика”, укрывающего... истинный смысл понятий: проститутки, бандиты...».

В одном и том же языке у слов, близких по значению, коннотации также могут сильно различаться. Ср. *осел* (упрямство, тупость) и *ишак* (готовность много и безропотно работать) и другие примеры, приведенные в [Апресян 1995: 172–173].

Это свойство коннотаций, которое Ю. Д. Апресян называет капризностью и непредсказуемостью, и делает необходимой их фиксацию как особого субкомпонента полного описания означаемого лексемы.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974. С. 56–69.
2. *Городецкий Б. Ю.* К проблеме семантической типологии. М., 1969. С. 130–208.
3. *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967. Ч. I. Гл. 1: Исходные положения.
4. *Монелья М.* Прототипические vs непрототипические предикаты: способы понимания и семантические типы лексических значений // Вестник МГУ. Филология. М., 1997. № 2. С. 157–174.
5. *Падучева Е. В.* Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // НТИ, 1979. Сер. 2. № 9. С. 25–31.
6. *Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Филология. М., 1999. № 1.
7. *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1984. Bd. 14.

Глава 4

Лексико-семантическая парадигматика

Рассмотрев, какие виды информации заключает в себе значение слова как единицы лексической системы языка, обратимся к вопросу о том, как соотносятся между собой значения разных слов в этой системе или, иначе говоря, в какие парадигматические семантические отношения вступают между собой лексемы. Как известно, наличие отношений между элементами некоторого множества и есть то, что делает это множество системой, а не простым набором объектов. Рассмотрение парадигматических семантических отношений между словами тесно связано с основной проблемой лексической семантики — проблемой описания лексических значений. Мысль о том, что нельзя правильно описать значение отдельного слова вне сопоставления его со значениями других слов в языке, утвердилась в языкознании с приходом структурных методов анализа, хотя и ранее некоторые семасиологи сознавали важность учета взаимоотношений между значениями слов.

4.1. Значимость слова

В наиболее четкой форме обусловленность значения знака теми отношениями, в которых данный знак находится с другими знаками в системе, была сформулирована Ф. де Соссюром. Он ввел термин *значимость* (*valeur*) специально для обозначения места знака в системе — места, которое определяется чисто дифференциально, на основе противопоставленности знака другим знакам. Он подчеркивал, что значение и значимость — не синонимы. Значение определяется позитивно — это та информация, которая образует внутреннюю сторону знака. Значимость же определяется негативно — через отношение знака к другим знакам. «Для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием...; его надо, кроме того, сравнить... с другими словами, которые можно ему противопоставить» [Соссюр 1977: 144].

Главная мысль Соссюра состоит в том, что содержание слова (его значение, означаемое) «определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его» [там же: 148], т. е. невозможно правильно описать значение слова, не зная его значимости. В этом смысле он говорит, что значимость есть элемент значения. В подтверждение этому Соссюр приводит разнообразные примеры. Французское слово *mouton* и русское *баран*,

на первый взгляд, соотносятся с одним и тем же классом объектов и с одним понятием, но значимость этих слов различна по многим основаниям, в частности и потому, что говоря о мясе данного животного, француз употребит то же самое слово, а русский — другое: *баранина*. Различие в значимости между французским *mouton* и русским *баран* связано с тем, что в русском, наряду с *баран*, есть другое слово, как бы «отбирающее» у него часть в принципе возможного для него (как показывает французский язык) содержания (пользуясь терминологией, введенной в I.3.2, можно было бы сказать: в принципе возможного для слова *баран* узуального значения, ср. возможность в том же русском языке для многих слов, обозначающих домашних животных и птиц, употребляемых в пищу, типа *сайгак* или *рябчик*, обозначать также их мясо). Внутри одного языка слова, выражающие близкие понятия, ограничивают значения друг друга. Так, близкие по значению слова *твердый* и *жесткий* соотносятся с одной и той же подобластью понятийной области физических свойств, члена ее между собой; если бы не существовало, например, слова *жесткий*, то его содержание перешло бы к его конкуренту. И мы видим, что в ряде языков содержание обоих русских прилагательных действительно передается с помощью одного слова, например, *dur* во французском или *hart* в немецком (см. [Щерба 1974: 74–75]). И наоборот, как подметил Соссюр, бывают слова, значение которых обогащается от соотношения с другими словами, например, новый элемент, привходящий в значение слова *décrépit* (*un vieillard décrépit* «дряхлый старик»), появляется в силу наличия наряду с этим словом омофона, т. е. произносимого точно так же слова *décrépi* (*un mur décrépi* «облупившаяся стена»). Итак, значение любого слова определяется всем тем, что с ним связано. Даже значение слов типа *солнце* невозможно установить непосредственно, без обращения ко всем связям этого слова с другими словами в данном языке: есть языки, в которых немислимо, например, выражение, аналогичное русскому *сидеть на солнце*.

То, что Соссюр назвал значимостью, в литературе по семантике называют также структурным значением. Структурное значение — то же, что отношение знаков к другим знакам.

Отношения знака к другим знакам в речи, или синтагматические отношения, мы выше назвали синтаксическим значением знака (см. I.3.3). Важную часть этих отношений составляют семантические (синтагматические) отношения, или семантические реляции. Примером лексико-семантической реляции может служить отношение между элементами английского сочетания *stone wall*, буквально «камень стена», которое означает «каменная стена». Реляция, связывающая второй, синтаксически и семантически главный компонент этого словосочетания, с первым — это отношение, которое можно выразить как «быть сделанным, состоять из того, что обозначено первым компонентом» [Городецкий 1969: 187]. Планом выражения для данной реляции служит соответствующая синтаксическая конструкция. Подробному обсуждению лексической синтагматики будет посвящен раздел II.7.

Семантические парадигматические отношения знака к другим знакам, называемое иногда «дифференциальным значением», мы будем называть **семантической корреляцией**¹⁾. Примером семантических корреляций могут служить отношения между словами в парах *сидеть — сажать*, *брат — сестра*, *смотреть — глазеть*, *купить — продать* и др.

Итак, мы установили, что невозможно описать лексическое значение слова без учета корреляций, связывающих это слово с другими словами в языке. В этом смысле выявление корреляций, в которые вступает данное слово, можно рассматривать как вспомогательное средство для достижения конечной цели — дать адекватное описание значения этого слова. Но выявление корреляций, свойственных данному слову, можно рассматривать и как задачу, представляющую самостоятельный интерес. Так, в монографии Б. Ю. Городецкого [Городецкий 1969] вводится понятие **семанто-корреляционной характеристики семантической единицы**, определяемой как совокупность семантических корреляций, в которые вступает эта единица. Высказывается мнение, что полная характеристика семантической единицы включает помимо описания ее содержания и ее семанто-корреляционную характеристику. В Интегральном толковом словаре, создаваемом под руководством Ю. Д. Апресяна, в семантическую зону словарной статьи предлагается включать перечень единиц, связанных с данной единицей парадигматическими семантическими отношениями [Апресян 1986].

Первая трудность, с которой мы сталкиваемся при изучении отношений данного слова к другим словам в системе языка, связана с тем, что слов в языке слишком много для того, чтобы сопоставление их всех между собой было возможным. В этом смысле гораздо проще обстоит дело, когда мы изучаем отношения между элементами фонологической или грамматической системы языка, количество которых ограничено. Но сопоставление всех слов со всеми не только невозможно, но и бессмысленно. Действительно, что интересного мы узнаем, если нам вздумается противопоставить по значению слова, например, *мерцать* и *друг* или *вчера* и *благодаря*.

Вообще, для того, чтобы говорить о противопоставленности одной сущности другой, необходимо, чтобы эти две сущности имели между собой что-то общее, что можно было бы считать основанием для сравнения. Это хорошо известно из фонологии. Вспомним, что писал Н. С. Трубецкой об оппозициях: «Противопоставление (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции». Признаки, являющиеся общими для коррелирующих слов, называют **интегральными**, а признаки, которыми они различаются, — **дифференциальными семантическими признаками**. Очевидно, что имеет

¹⁾ Автором пары соотносительных терминов «реляция» и «корреляция» является Л. Ельмслев.

смысл исследовать отношения между словами в рамках отдельных относительно замкнутых групп, выделяемых на основе общности значений составляющих их элементов.

Замкнутые группы слов, значения которых связаны между собой по определенному числу однозначных противопоставлений, в лексической семантике называют **лексико-семантической парадигмой**. Классическим примером лексико-семантической парадигмы служат термины родства. Однако под понятие парадигмы, накладывающее строгие ограничения на характер связей между словами, подводится лишь небольшая часть группировок слов, объединяемых на основе общности их значений. В связи с этим необходимо иное понятие, применимое к более широкому кругу парадигматических отношений. Так возникает понятие **семантического поля**.

4.2. Семантическое поле

Лексика представляет собой совокупность частных систем, или подсистем, называемых семантическими полями, внутри которых слова связаны отношениями взаимного противопоставления. Основателем теории семантического поля считается немецкий ученый Иост Трир [Trier 1973]. Согласно этой теории на каждое «понятийное поле», соответствующее определенной сфере понятий (М. М. Покровский называл это кругом представлений), как бы накладываются слова, членящие его без остатка и образующие «словесное» поле. При этом каждое слово получает смысл только как часть соответствующего поля. Носитель языка в полной мере знает значение слова лишь в том случае, если ему известны значения других слов из того же поля. Последователь Трира известный немецкий ученый Лео Вайсгербер приводит в качестве иллюстрации общей идеи семантического поля следующий яркий пример (цит. по [Баранов 1987]). Сравним три системы оценок знаний учащихся — системы А, В и С:

А	В	С
sehr gut	sehr gut	sehr gut
«отлично»	«отлично»	«отлично»
gut	gut	gut
«хорошо»	«хорошо»	«хорошо»
genügend	genügend	befriedigen
«удовлетворительно»	«удовлетворительно»	«удовлетворительно»
mangelhaft	mangelhaft	ausreichend
«неудовлетворительно»	«не вполне удовлетвори- тельно»	«достаточно»
	ungenügend	mangelhaft
	«неудовлетворительно»	«не вполне удовлетвори- тельно»
		ungenügend
		«неудовлетворительно»

Здесь один и тот же континуум качества знаний учащихся (понятийное поле) по-разному членится тремя системами оценок (словесными полями), образуя в результате три семантических поля. Если не знать, к какой системе (семантическому полю) относится та или иная оценка, то вряд ли возможно установить ее реальную ценность, т. е. покрываемый ею диапазон качества знаний учащихся; ср. оценки *gut* «хорошо» и *mangelhaft* «не вполне удовлетворительно» в системах А, В и С.

В современном языкознании семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами:

- 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 2) системным характером этих отношений;
- 3) взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц;
- 4) относительной автономностью поля;
- 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства;
- 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря).

Примеры семантических полей: поле времени, поле животноводства, поле имен родства, поле цветообозначений, поле глаголов побуждения, поле имен характеров и т. д.

4.3. Корреляции семантического поля

Связи между значениями слов в семантическом поле различаются по степени общности. Есть корреляции широкого охвата, связывающие между собой элементы внутри самых разных в содержательном отношении полей. Наряду с ними существуют корреляции, специфические для какой-то одной понятийной области. Рассмотрим сначала основные, наиболее общие типы корреляций между словами в рамках семантического поля. В Московской семантической школе в рамках модели «Смысл \iff Текст» понятию (общей) семантической корреляции соответствует понятие лексической функции-замены (далее сокращенно ЛФ-3). Поскольку для последних разработана специальная нотация, мы будем вводить соответствующие символы по ходу изложения.

4.3.1. Синонимия

Группа синонимических корреляций включает в себя отношения, основанные на полном или частичном совпадении словесных означае-

мых (многозначные слова рассматриваются при этом в каком-то одном из их узуальных значений). Слова, связываемые синонимической корреляцией, называются синонимами. (В МСТ корреляции данной группы обозначаются символом *Syn*.) В зависимости от того, допускаются ли вообще различия в значении слов, и если допускаются, то какие, выделяются разновидности синонимии и синонимов, обозначаемые тем же термином, но снабженные уточняющим определением. Корреляция полной или точной синонимии связывает между собой слова, которые не обнаруживают никаких семантических различий, т. е. не различаются ни в денотативном, ни в сигнификативном, ни в прагматическом, ни в синтаксическом плане. Напомним, что точная синонимия — явление редкое по причине избыточности кодирования одного и того же содержания разными формальными средствами (см. принцип «одна форма — одно значение», обсуждавшийся в разделе 1.2.2). Примеры кандидатов в точные синонимы, не обнаруживающие никаких семантических различий: *бросать — кидать; глядеть — смотреть;alebисцит — референдум; везде — всюду; заснуть — уснуть*. Если означаемые двух слов совпадают во всем, кроме экспрессивно-оценочных элементов их прагматического слоя, то связывающее их отношение называют (экспрессивно-)стилистической синонимией. Примеры экспрессивно-стилистических синонимов: *убегать — драпать — улепетывать* или англ. *policeman — cop* «полицейский». По аналогии с этим можно говорить о синтаксической синонимии в том случае, когда слова различаются только по своему синтаксическому значению, т. е. теми или иными грамматическими или лексическими ограничениями на сочетаемость с другими словами. Так, синтаксическим синонимом слова *полный* в значении высшей степени (ср. *полный восторг / провал / противоположность / сирота...*) является слово *круглый*, которое выражает то же самое значение только при двух словах — *сирота* и *дурак*. Вопреки общепринятой практике, согласно которой синонимы должны принадлежать к одной части речи, синтаксическими синонимами должны считаться и слова, которые, совпадая по денотативному, сигнификативному и прагматическому слою, различаются только своей принадлежностью к определенной лексико-грамматической категории, например, глагол *доверять* и имя *доверие*, прилагательное *красивый* и имя *красота*. В МСТ корреляции данной группы обозначаются символом *Der* (дериваты).

Слова достаточно близкие по значению, но имеющие различия, затрагивающие денотативный и сигнификативный слои значения, называются квазисинонимами. Среди разновидностей квазисинонимии особо выделяются гипонимия и несовместимость (см. ниже). В МСТ квазисинонимия обозначается символом *Syn* с подстрочными индексами, указывающими на включение или пересечение означаемых у квазисинонимов.

4.3.2. Гипонимия

Гипонимические корреляции, называемые также гипогиперонимическими, или родо-видовыми связывают слово, обозначающее общее родовое понятие со словами, обозначающими частные подразделения этого понятия. В отличие от синонимии отношение гипонимии несимметрично, и поэтому в МСТ данной корреляции соответствуют две лексических функции — одна из множества гипонимов в множество гиперонимов, и другая — обратная ей. Функция *Genet* сопоставляет некоторому исходному слову слово, обозначающее соответствующее родовое понятие, например, *Genet (дуб) = дерево; Genet (племянник) = родственник; Genet (синий) = цвет; Genet (идти) = передвигаться; Genet (стакан) = сосуд*. Функция *Syn₂* сопоставляет некоторому исходному слову слово, обозначающее соответствующее видовое понятие, например, *Syn₂ (стрелять) = обстреливать*. Слово, выражающее более общее понятие в этом виде корреляции, называется гиперонимом, а слово, обозначающее частный случай, вид указанного рода объектов или явлений называется гипонимом. Слова, имеющие общий гипероним называются когипонимами или согипонимами. Так, слово *дерево* является гиперонимом по отношению к словам *дуб, ясень, береза, пальма, саксаул* и т. п., которые являются его гипонимами, и тем самым когипонимами по отношению друг к другу.

Денотат (экстенционал) гиперонима включает в себя денотат гипонима. Так, множество школ является подмножеством множества учебных заведений. С другой стороны, сигнификат гиперонима включается в сигнификат гипонима. Так, множество признаков, составляющих сигнификат *учебного заведения* является подмножеством множества признаков, составляющих сигнификат *школы*.

На основе родо-видовых корреляций можно строить эндоцентрические ряды, в которых каждое следующее слово ряда представляет собой гипоним по отношению к предыдущему слову и гипероним по отношению к последующему, например: *человек — ребенок — мальчик — подросток; передвигаться — идти — плестись*. Лексемы из таких рядов могут в речи использоваться для называния, номинации одного и того же референта. Действительно, если какой-либо объект может быть назван *антоновкой*, то в силу существующих в языке гипонимических корреляций он может быть назван *яблоком, фруктом, предметом*. Говорящий, желая указать на какой-либо объект, таким образом имеет на выбор целый ряд лексем разного уровня специфичности, конкретности. На чем же мы основываемся, какие факторы определяют выбор? Рассматривая этот вопрос, исследователи установили, что можно выделить в каждом эндоцентрическом ряду, построенном на отношении включения (= гипонимии), слово, соответствующее нейтральному уровню конкретности. Так, на вопрос *Что у тебя в кармане?* можно получить три равно правдивых ответа: (а) *Яблоко*; (б) *Антоновка*; (в) *Фрукт*. Из них только (а) является нейтральным,

немаркированным, (б) и (в) — маркированные, несут дополнительную информацию прагматического характера.

Слова типа *яблоко, собака, чашка, синий, бежать* (в отличие от слов типа *фрукт, антоновка, животное, пудель, сосуд, темно-синий, передвигаться, трусить*) обозначают классы объектов, свойств и явлений, выделяемые на базовом уровне категоризации действительности. Иначе говоря, им соответствуют основные, базовые категории человеческого мышления. Понятие базового уровня категоризации восходит к исследованию Б. Берлина и П. Кея о базовых цветообозначениях [Berlin, Kay 1969]. В экспериментальных исследованиях когнитивного психолога Э. Рош и ее коллег понятие базового уровня категоризации приобрело терминологическое значение: так был назван уровень, промежуточный между самым высоким (суперординатным) и нижним (субординатным, или субкатегориальным) уровнем в иерархии категорий. Мы уже упоминали о базовом уровне категоризации действительности в разделе 1.2.2 в связи проявлениями иконичности в языке: понятия этого уровня обозначаются одним словом, которое, как правило, является непроеизводным. Слова, соответствующие категориям базового уровня, содержат такое количество информации об объекте или явлении, которого оказывается достаточно для большинства ситуаций, в которых человек с ними встречается. Так, *яблоко* — категория базового уровня, потому что в нашей повседневной деятельности для нас чаще важно то, что данный объект принадлежит к классу яблок, чем к классу фруктов или антонок.

К именам большего или меньшего уровня точности мы прибегаем, только когда этого требует контекст. Это возможно в следующих случаях: 1) когда использование лексемы базового уровня в данных условиях может привести к неправильному пониманию, например, (а) когда требуется произвести действие с любым элементом класса, составляющего экстенционал лексемы (например, употребление лексемы базового уровня *картошка* для номинации референта в составе высказывания *Мне пять кило картошки* будет корректным в типовой ситуации покупки картошки в Москве, но не в Манчестере, потому что там регулярно продаются несколько видов картошки, и для успеха коммуникации необходимо употребить соответствующий гипоним *картошки*, поскольку иначе продавец не получает достаточной информации о потребностях покупателя; по той же причине некорректно формулировать рекомендацию по диете в форме *Вам нельзя есть яблоки*, если нельзя есть только яблоки с высоким содержанием витамина С типа антоновки (как это бывает при некоторых видах почечно-каменной болезни); (б) когда в данных условиях справедливо более широкое обобщение (так, увидев ребенка, собирающегося есть немытое яблоко, было бы неправильно сказать *Нельзя есть немытые яблоки*. Хотя такое предложение и истинно, и информативно для адресата, оно может навести его на неверную мысль, что другие фрукты можно не мыть, поэтому в подобных ситуациях следует сказать *Нельзя есть*

немытые фрукты); 2) когда употребление лексемы базового уровня категоризации будет избыточным из-за очень высокой степени заданности ее референта в ситуации общения, говорящий обычно переходит к гиперониму (например, на выставке собак член жюри скажет скорее не *Собака в отличной форме*, а *Животное в отличной форме*, а продавец мотоциклов в своем магазине порекомендует вам *эту машину*, а не *мотоцикл*).

Маркированный уровень точности при номинации объекта — это либо недоопределенность, либо чрезмерная точность. Семантическим эффектом недоопределенности, т. е. использования гиперонима вместо его гипонима, является затушевывание отсутствующих у гиперонима семантических признаков, входящих в сигнификат гипонима (ср. *Возьми фрукт* вместо *Возьми яблоко*). Семантическим эффектом чрезмерной точности является интенсификация, подчеркивание признаков гипонима, отсутствующих в сигнификате его гиперонима (ср. *Возьми антоновку* вместо *Возьми яблоко*). Кроме этого, к употреблению лексем с маркированным уровнем точности (в сторону меньшей, чем следовало бы конкретности) мы прибегаем в следующих ситуациях: 1) при выражении сочувствия, ср. *Бедный ребенок!* (обращение к плачущей девочке или мальчику) или *Несчастное животное!* (при виде побитой собаки или кошки); 2) при невозможности (из-за незнания) или нежелании быть более точным, ср. *Что у тебя в коробке? — Музыкальный инструмент*; 3) для демонстрации того, что являешься экспертом в соответствующей области, сталкиваясь с некоторым классом вещей ежедневно, ср. *камешки* вместо *алмазы* в устах ювелира.

4.3.3. Несовместимость

Корреляция несовместимости тесно взаимосвязана с гипонимической корреляцией, поскольку это отношение, которое связывает между собой когипонимы. Так, в отношении несовместимости находятся слова *мать* и *отец*, *идти* и *бежать*, *просить* и *приказывать* и т. п. Эти слова несовместимы в том смысле, что они не могут в один и тот же момент времени характеризовать одно и то же явление, относиться к одному и тому же объекту. Иначе говоря, денотаты (экстенционалы) слов, связанных отношением несовместимости, не пересекаются, при том что сигнификаты их имеют общую часть — совокупность признаков, составляющих сигнификат их общего гиперонима. В этом отличие корреляции несовместимости от более слабого отношения различия по смыслу. Так, слова *студент* и *поэт* имеют разные значения, но они не связаны отношением несовместимости (множества студентов и поэтов могут пересекаться), тогда как слова *студент* и *школьник* несовместимы по значению. Слова могут находиться в отношении несовместимости и в том случае, когда в языке отсутствует слово, выражающее то родовое общее понятие, которое расчленено между значениями этих слов. Так, например, нет слова, которое выражало бы родовое понятие для находящихся в отноше-

нии несовместимости слов *отличник, хорошист, троечник* и т. д. В МСТ данной корреляции соответствует лексическая функция Sup_Π , например, $\text{Sup}_\Pi(\text{саднить}) = \text{жечь, ломить, ныть, резать, стрелять}$.

4.3.4. Корреляция «часть — целое»

Данное отношение связывает имя некоторого объекта с именами его составных частей. Так, слово *дерево* связано корреляцией «часть — целое» со словами *ветка, лист, ствол, корни*. В отличие от представителей некоторого вида, каждый из которых одновременно является и представителем соответствующего рода (например, и *дуб*, и *береза*, и *ольха* и т. п. суть *деревья*), ни одна из частей целого не является сама по себе целым (например, ни *ветка*, ни *лист*, ни *ствол*, ни *корни* не есть *дерево*).

В рамках данного типа корреляций можно выделять более частные его разновидности. Так, частным случаем этого отношения можно считать отношение между словом, обозначающим некоторую единую, хотя и сложную по своему составу сущность, и словом, обозначающим квант, элемент или член этой сущности. В МСТ этому несимметричному отношению соответствует две ЛФ-3: Sing (например, $\text{Sing}(\text{бусы}) = \text{бусина}$) и обратная к ней функция Mult (например, $\text{Mult}(\text{корабль}) = \text{флот}$). Еще один частный случай корреляций данного типа — отношение между именем некоторого иерархически организованного множества, рассматриваемого как целое (собирательная множественность в противовес обычной) и именем главного элемента этого множества. В МСТ данному отношению соответствует ЛФ Cap , ставящая в соответствие множеству его главный элемент. Так, $\text{Cap}(\text{банда}) = \text{главарь}$.

4.3.5. Антонимия

Под понятие антонимии подводится группа корреляций, связывающих слова, выражающие в том или ином отношении противоположные понятия. Ниже мы рассмотрим три основные разновидности антонимии.

Отношение дополнительности, или комплементарная антонимия, характеризует пару слов, когда отрицание того, что обозначает одно из них, влечет утверждение того, что обозначает второе, например, *женатый — холостой, спать — бодрствовать, с — без*. Дополнительность можно рассматривать как особый случай несовместимости, когда некая общая для двух слов содержательная область полностью распределяется между ними. Так, *студент* и *школьник* находятся в отношении несовместимости, не входя при этом в отношение дополнительной, поскольку общее для них понятийное поле, выражимое словом *учащийся*, не покрывается полностью их значениями.

Отношение векторной антонимии связывает слова, обозначающие разнонаправленные действия: *влететь — вылететь, здороваться — прощаться, замерзать — оттаивать* и т. п.

Отношение контрарной антонимии связывает слова, в значение которых входит указание на противоположные зоны шкалы, соответствующей тому или иному измерению или параметру объекта или явления, например, такому как размер, температура, интенсивность, скорость и т. п. Иначе говоря, корреляция этого типа характерна для пар слов с «параметрическим» значением: *большой — маленький, широкий — узкий, жара — мороз, высоко — низко, ползти — лететь* (о времени) и т. п. В отличие от комплементарной противоположности, между словами, связанными этой корреляцией, есть «средние члены, покрывающие среднюю часть шкалы» [Новиков 1982].

Указанные три вида антонимических корреляций являются основными, но помимо них существует еще ряд разновидностей антонимии, охватывающих уже меньшее количество слов, например, отношения в паре *вдоль — поперек, белый — черный*.

В МСТ симметричному отношению антонимии соответствует ЛФ-3 *Anti*.

4.3.6. Конверсивность

Конверсивная корреляция связывает слова, обозначающие одну и ту же ситуацию, но рассматриваемую с точки зрения разных ее участников: *выиграть — проиграть, над — под, иметь — принадлежат, младше — старше* и т. п. В МСТ симметричному отношению конверсивности соответствует ЛФ-3 *Conv*.

Мы рассмотрели шесть типов семантических корреляций между словами. Четырьмя из них — синонимическими, гипогиперонимическими, несовместимости и антонимическими — семасиологи долгое время ограничивались при обсуждении системных семантических отношений в лексике (см. в частности поучительную итоговую таблицу семантических корреляций, приведенную в учебнике [Новиков 1982: 258]). Но правильно ли это? Верно ли, что четверьяма названными типами исчерпываются все существующие между словами в языке системные отношения? Возьмем, например, такую пару слов, как *есть — съедобный*. Для нас очевидно, что выражаемые этими словами понятия имеют между собой что-то общее, следовательно, есть основания для их сопоставления. Вместе с тем, отношение между ними такое же, как и в большом количестве других пар слов, например, *выносить — выносимый, терпеть — терпимый, перевозить — транспортабельный, сравнивать — сравнимый, ковать — ковкий* и т. д. Т. е. это отношение — системное. Но оно не относится ни к одному из наших четырех типов. Это не синонимия, не антонимия, не гипонимия, не несовместимость. Почему же это и многие другие подобные ему отношения не удостоились попасть в число системных?

Произошло это потому, что при установлении семантических корреляций за образец были взяты процедуры выявления системных отношений в фонологии. Там, как вы помните, используется дистрибутивная методика, состоящая из операций сегментации и субституции

(или подстановки). При лексико-семантическом анализе сегментацию можно считать уже проведенной. Остается субституция. Чтобы установить системное отношение между словами А и Б, надо подставлять одно вместо другого в фиксированные контексты (словосочетания или предложения) и смотреть, что при этом получается: сохраняется при этом смысл целого или меняется. Если пользоваться только методом субституции, то мы сразу резко ограничиваем круг лексем, между которыми можно установить системные отношения, и прежде всего получается, что они должны принадлежать к одной части речи. Так, в предложении *Он съел четыре конфеты* вместо *съел* можно подставить *сожрал, украл, принес* и т. д., но не *сдобный, еда, едок*. Тем самым получается, что корреляции связывают только слова, обозначающие сущности одного и того же типа: имена предметов могут коррелировать только с именами предметов, названия свойств — с названиями свойств и т. д. В рамках чисто дистрибутивного подхода других корреляций, кроме четырех вышеупомянутых, мы не выявим. Однако, если мы снимем требование подставимости в один и тот же контекст, а оставим только чисто семантическое требование — наличие существенной общей части в выражаемых словами понятиях (сигнификатах), то круг корреляций существенно расширится за пределы рассмотренных шести типов корреляций семантического поля.

4.3.7. Корреляции семантической производности

Под этим названием может быть объединена большая группа корреляций на том основании, что слова, связываемые отношениями этого типа, часто, но не всегда, в языках оказываются формально связанными словообразовательным отношением производного и производящего слова. Так, например, в паре *слушать — слушатель* семантическое отношение между действием и его типовым исполнителем выражено словообразовательными средствами, а то же самое отношение во французском языке между словами с тем же значением *écouter — auditeur* уже не является словообразовательным в собственном смысле слова (иногда в таких случаях говорят о супплетивном словообразовании по аналогии с супплетивным словоизменением типа *идти — шел*). В рамках корреляций семантической производности можно выделить такую их разновидность, как актантные корреляции, сопоставляющие имени ситуации стандартное наименование ее *i*-го обязательного участника — актанта (в МСТ им соответствуют ЛФ-3 S_i). К ним относятся, в частности, следующие корреляции: 1) действие — субъект действия (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 S_1): S_1 (*слушать*) = *слушатель*; фр. S_1 (*écouter*) = *auditeur*; 2) действие — объект действия (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 S_2): S_2 (*боготворить*) = *кумир*.

Кроме актантных существуют такие корреляции семантической производности, как «действие — инструмент действия» (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 S_{instr}): *стрелять — оружие; пилить — пила*; «действие —

средство, используемое при его совершении» (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 S_{mod}): *отравлять* — *отрава*, *кормить* — *пища*, *финансировать* — *деньги*; «действие — способ действия» (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 S_{mod}): *ходить* — *походка*, *писать* — *почерк*; «действие — его результат» (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 S_{res}): *царапать* — *царапина*, *ранить* — *рана*, *перечислять* — *перечень*; «действие — место действия» (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 S_{loc}): *жить* — *жилье*, *хоронить* — *могила*; «действие — способный к нему (легко его производящий)» (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 $Able_1$): $Able_1$ (*плакать*) = *слезливый*; «действие — такой, над которым можно легко производить это действие» (в МСТ ей соответствует ЛФ-3 $Able_2$): *ломать* — *ломкий*, *есть* — *сдобный*, *перевозить* — *транспортальный* и целый ряд других корреляций семантической производности, которые вы можете найти в книге Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика» в главе «Супплетивное словообразование» [Апресян 1974: 168–175].

Рассмотренные нами выше корреляции, включая отношения семантической производности, являются общими для самых разных семантических полей. Помимо этого существуют корреляции семантической производности, специфические для того или иного семантического поля. В силу их многочисленности и разнообразия мы ограничимся лишь одним примером: корреляциями, выявленными французским лингвистом Ж. Муненом при анализе семантического поля «мир домашних животных» (цит. по [Мамудян 1985]). Все выделенные корреляции (в терминологии МСТ — лексические функции-замены) сопоставляют слову, используемому в качестве общего названия класса животных, другие слова из данного семантического поля. Мы не будем перечислять все выделенные в данном поле специфические семантические отношения, а проиллюстрируем некоторые из них на конкретном примере части данного поля, структурируемой относительно лексемы *boeuf* «крупный рогатый скот». Ниже названия самих корреляций набраны обычным шрифтом, а слова, с которыми они связывают исходное слово *boeuf*, набраны, как обычно, курсивом:

- самец — *taureau* «бык»;
- кастрированный самец — *boeuf* «вол»;
- самка — *vache* «корова»;
- детеныш — *veau* «теленок или телушка»;
- новорожденный — \emptyset ;
- детеныш-самец — *taurillon, bouvillon* «теленок»;
- детеныш-самка — *gehisse* «телушка»;
- приплод — \emptyset ;
- роды — *veler* «телиться».

Как было сказано, это не все выделенные в данном поле корреляции. К ним следовало бы добавить еще корреляции человек, который разводит данный вид животных; место, где разводит данный вид животных

и некоторые другие. Ясно, что слова, составляющие другое семантическое поле, скажем, «мир мебели» или «речевые действия» по понятным причинам не будут связываться вышеперечисленными специфическими корреляциями.

4.3.8. Ассоциативные отношения

Наличие ассоциативных отношений между словами в языке выявляется в ходе психолингвистических экспериментов, когда испытуемым предлагается выписать все слова, которые припоминаются им, приходят в голову в связи с предъявленным словом-стимулом. Получающиеся в результате таких экспериментов группы слов называют ассоциативными полями, состав которых у разных испытуемых обнаруживает значительную степень общности. Существуют даже специальные словари ассоциативных норм, в том числе и для русского языка (см., например, [САНРЯ 1977]). Анализируя ассоциативные поля, мы можем увидеть в их составе слова, связанные со словом-стимулом рассмотренными в разделе 4 корреляциями, но кроме них встретим и отношения, обычно не относимые к числу системных отношений в лексике. Так, на слово-стимул *осел* вполне возможна реакция в виде слова *глупость*, на слово-стимул *лететь* — реакция *быстро* и т. п. Зная о таком компоненте прагматического значения лексемы, как коннотации (см. раздел II.3.3.4), мы сразу понимаем, что отношения такого типа базируются на связанной со словом коннотативной информации. Естественно, что в связи с наличием у каждого человека помимо общекультурных еще и сугубо индивидуальных представлений, связанных с денотатом слова (индивидуальных ассоциаций), в ассоциативное поле лексемы у конкретного носителя языка может попасть слово, семантическое отношение которого к слову-стимулу можно объяснить только на основе индивидуального жизненного опыта данного лица (см., например, реакция *котенок* на слово *дядя* в [САНРЯ 1977: 95]).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 168–175.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Ч. II. Гл. IV // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
3. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. §§ 53–62.

Глава 5

Компонентный анализ лексического значения

5.1. Общая идея компонентного анализа значения

В разделе 4 мы говорили о таком аспекте словесного знака, как его отношение к другим знакам в системе языка, ввели понятие **семантической корреляции** и рассмотрели основные виды таких корреляций. Теперь мы рассмотрим, как через установление корреляций между словами можно придти к представлению значений слов в виде комбинации элементарных компонентов смысла, т. е. к **компонентному анализу лексических значений**.

Мы говорили о том, что отношения, в которые вступают между собой слова в языке, обладают разной степенью системности. Если понимать системность организации некоторого множества объектов как возможность построить объекты этого множества с помощью правил, количество которых меньше, чем количество самих объектов, то можно считать, что системными являются те корреляции, которые обеспечивают системность организации множества слов. Из этого следует, что системные корреляции не должны быть уникальны, они должны характеризовать не одну пару противопоставленных слов, а целый ряд таких пар. На основе системных отношений между словами строятся пропорциональные равенства, которые можно назвать **семантическими пропорциями**. Примеры семантических пропорций:

- (1) *бояться : пугать = купить : продать = ... = выходить замуж : жениться;*
- (2) *кислород : газ = клубника : ягода = ... = лингвист : ученый;*
- (3) *писать : почерк = ходить : походка = ... = вести себя : поведение;*
- (4) *помнить : вспомнить : напомнить = быть мертвым : умереть : убить = ... = бодрствовать : проснуться : разбудить;*
- (5) *мужчина : женщина : ребенок = бык : корова : теленок = ... = петух : курица : цыпленок.*

Подобные пропорции выражают тот факт, что, с точки зрения значения, *помнить*, *вспомнить* и *напомнить* — с одной стороны, и *бодрствовать*, *проснуться* и *разбудить* — с другой, имеют нечто общее; более того, *напомнить* и *разбудить* имеют такие общие черты, которыми не обладают ни *вспомнить* и *проснуться*, ни *помнить* и *бодрствовать*, и, наоборот, *вспомнить* и *проснуться* имеют такие общие черты, которыми не обладают

помнить и *бодрствовать*. То общее, чем обладают эти различные группы слов, можно приписать совпадению элементов, из которых состоят значения этих слов. Таким образом производится следующий логический шаг: от констатации сходств и различий между значениями противопоставляемых друг другу слов, от выделения на этой основе общих для них и различительных семантических признаков осуществляется переход к предположению о том, что значение этих слов состоит из элементарных смысловых единиц — семантических компонентов, сем, соответствующих выделенным при сопоставлении признакам. Предположение о том, что значение каждой единицы языка (в том числе слова) состоит из набора семантических компонентов — это одна из основных гипотез, на которых базируется метод компонентного анализа. В лексической семантике метод компонентного анализа принадлежит к числу основных методов описания лексического значения.

Для уяснения главных идей компонентного анализа полезно сопоставить семантические пропорции с числовыми, как это делает Дж. Лайонз в своем учебнике «Введение в теоретическую лингвистику» [Лайонз 1977: 496–497]. Если нам дана числовая пропорция:

$$a : b = c : d,$$

то мы можем разложить эту пропорцию на множители. Эти множители для сопоставимости с семантическими пропорциями можно назвать компонентами. Отметим кстати, что в некоторых вариантах компонентного анализа вместо термина семантический компонент используется термин семантический множитель в полном соответствии с арифметической терминологией. Каждое из четырех выражений в этой пропорции далее можно представить как произведение пары множителей, или компонентов. Например, из пропорции:

$$2 : 6 = 10 : 30$$

можно извлечь компоненты-множители 1, 2, 3 и 10. Тогда эту пропорцию можно переписать следующим образом:

$$(2 \times 1) : (2 \times 3) = (10 \times 1) : (10 \times 3).$$

Посмотрим на полученные множители-компоненты. Три из них — 1, 2 и 3 — простые числа, которые далее не разложимы, т. е. не представимы в виде произведения других простых чисел, кроме 1 и самого себя. Такие компоненты являются конечными, или минимальными компонентами. Множитель 10 не является простым числом, и следовательно, он может быть представлен в виде произведения конечных компонентов — простых чисел. Для того, чтобы разложить 10 на простые числа — сомножители — мы должны привлечь к рассмотрению еще одну пропорцию, например, такую:

$$1 : 2 = 5 : 10.$$

Это позволит нам извлечь минимальные компоненты числа 10 — 2 и 5. Тогда исходную пропорцию мы сможем представить в виде:

$$(2 \times 1) : (2 \times 3) = ((2 \times 5) \times 1) : ((2 \times 5) \times 3).$$

Здесь уже каждое из четырех исходных выражений представлено в виде произведения своих минимальных, или конечных, компонентов.

Рассуждая аналогичным образом, мы можем проанализировать и семантические пропорции. Из пропорции *вспомнить* : *напомнить* = *проснуться* : *разбудить* мы можем извлечь три компонента смысла: 'каузировать' (\approx 'заставить'), 'вспомнить' и 'проснуться'. На этой стадии анализа 'вспомнить' и 'проснуться' выступают как единые компоненты. Если далее мы привлечем к рассмотрению пропорцию *помнить* : *вспомнить* = *бодрствовать* : *проснуться*, мы сможем извлечь новые компоненты — 'начать', 'помнить' и 'бодрствовать'. Отметим, что ни один из этих компонентов априори не считается конечным компонентом, или минимальным элементом смысла или семантическим примитивом, так как вполне вероятно, что, привлекая другие слова языка для сравнения с данными и составляя пропорции, мы сможем разложить эти компоненты на «более простые», или «более мелкие». Например, на основе пропорции *иметь* : *сохранять* = *знать* : *помнить* можно представить *помнить* как произведение компонентов *продолжать* и *знать*. Поскольку в принципе для анализа доступны все релевантные пропорции, сторонники компонентного анализа выдвигают второе основное предположение: весь словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа минимальных смысловых элементов.

Для обозначения минимальной единицы значения используется целый ряд терминов: *сема*, *семантический дифференциальный признак*, *семантический множитель*, *семантический примитив*, *смысловый атом*, *фигура содержания* и т. п. Наиболее удобным нам представляется термин «сема».

К настоящему моменту метод компонентного анализа имеет уже более чем 30-летнюю традицию. Начиная с 60-х гг. его применяют в лексической семантике с различными целями, основной из которых является описание лексических значений. Этот метод хорошо зарекомендовал себя и при решении прикладных задач, таких как информационный поиск, автоматическое понимание текста. Метод компонентного анализа реально существует во множестве вариантов, которые могут существенно отличаться друг от друга по целому ряду параметров. Однако суть метода остается неизменной. Говоря на самом общем уровне, компонентный анализ лексических значений — это последовательность процедур, которая, будучи примененной к словам языка, ставит в соответствие каждому слову определенным образом организованный набор семантических компонентов.

В диссертации Т. С. Зевахиной «Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова» [Зевахина 1979] разработана система параметров (всего их 134), на основе которых можно оха-

характеризовать конкретные разновидности компонентного анализа. Одна группа параметров характеризует процедуры анализа, другая — сам компонентный метаязык. Рассмотрим наиболее распространенные варианты компонентного анализа в хронологическом порядке.

5.2. Ранние варианты компонентного анализа значения

Та разновидность компонентного анализа, которую мы привели для иллюстрации, позаимствовав ее у Лайонза, использует для выявления компонентного представления процедуру построения семантических пропорций. Исходным объектом анализа являются вырванные из контекста слова, взятые в их определенном узуальном значении. Компонентное представление значения слова имеет вид произведения семантических компонентов, порядок следования которых никак не оговаривается.

В учебном пособии Ю. Найды «Компонентный анализ значения», отрывок из которой переведен и опубликован в сборнике «Новое в зарубежной лингвистике» [Найда 1983: 61–74], рассматривается вариант компонентного анализа, основанный на применении процедуры, которую он называет *процедурой вертикально-горизонтального анализа значений*. Она предусматривает сопоставление значений слов в двух измерениях:

— в вертикальном, когда сравниваются значения, стоящие на разных уровнях иерархии родо-видовых отношений, т. е. значения гиперонимов со значениями гипонимов;

— в горизонтальном, когда сравниваются значения одного и того же уровня иерархии, независимо от того, находятся они в отношении несовместимости, дополнительной или антонимии.

Процедура вертикально-горизонтального анализа иллюстрируется на примере слова *magazine* 'журнал'. Процедура разбивается на 5 этапов.

Этап 1: определить ту единицу смысла, которая включает значение слова *magazine*, т. е., иначе говоря, найти ближайший гипероним для этого слова. Его значение и будет искомым компонентом смысла. Для большинства носителей английского языка это будет значение слова *periodical* 'периодическое издание'.

Этап 2: найти те единицы, которые могут считаться включенными в значение слова, т. е. посмотреть, каково значение его гипонимов. Для некоторых носителей языка это будут гипонимы *slices*, *pulps*, *comics* и т. д. Но для многих носителей американского варианта английского языка на этом уровне будут располагаться прежде всего названия конкретных журналов.

Этап 3: исследование единиц того же самого иерархического уровня, которые находятся с интересующим нас значением в отношении несовместимости или пересечения. Это прежде всего слова *book* 'книга', *pamphlet* 'памфлет', *newspaper* 'газета' и *journal* 'журнал (преимущественно научный)'. Значение слова *magazine* противопоставляется значениям

слов *book*, *pamphlet*, *brochure* по признаку периодичности. Для значений слов *magazine*, *journal* и *newspaper* этот признак является интегральным. *Magazine* противопоставлен *newspaper* как издание сброшюрованное или переплетенное. Противопоставляя *magazine* — *journal*, определяем, что издание, называемое *journal*, обычно является более специальным по своему содержанию (например, научные журналы).

Этап 4: составление списка тех минимальных диагностических компонентов, которые, во-первых, отличают значение слова *magazine* от других значений того же уровня, во-вторых, позволяют включить его адекватным образом в рамки ближайшего вышестоящего значения и, в-третьих, удовлетворительным образом охватывают значения его гипонимов. В нашем случае это будут три компонента: 'периодическое издание', 'переплетенное или сброшюрованное' и 'по содержанию и оформлению носящее довольно популярный характер'.

Этап 5: заключительный, состоит в формулировании дефиниции слова на основе его диагностических компонентов. Такая дефиниция обычно включает указание на класс, к которому принадлежит значение (фактически — указание на значение ближайшего гиперонима), и на значимые противопоставления со значениями смежными, пересекающимися и дополнительными. При дефиниции полезно дать также иллюстрацию значения в виде перечисления гипонимов данного слова. В нашем случае дефиниция могла бы выглядеть следующим образом: периодическое издание, в переплетенном или сброшюрованном виде, имеющее относительно популярное содержание и броское оформление, например *Time*, *Fortune*, *Sports Illustrated*. Отметим, что этап 5, по мнению Найды, является факультативным, так как компонентное представление значения слова мы получаем уже на этапе 4.

Вариант компонентного анализа, который мы только что рассмотрели, является типичным для определенной стадии развития данного метода. Каковы характерные черты этой стадии? Во-первых, анализируются отдельные, изолированные слова с учетом парадигматических отношений между ними, т. е. корреляций, но без учета их синтагматических связей, т. е. реляций. Во-вторых, представление имеет вид неорганизованного набора семантических компонентов или, в лучшем случае, упорядоченной последовательности компонентов. В-третьих, как следствие предыдущего положения, все компоненты, или семы, признаются одинаковыми по их логической природе точно так же, как одинаковы различительные признаки в фонологии. Это позволяет думать об описаниях значений слов как о матрицах идентификации, где плюсами, минусами и нулями отмечается наличие, отсутствие или нерелевантность того или иного признака (аналогично тому, как это делается в фонологии). Такой элементарный вариант компонентного анализа вырабатывался на материале конкретной лексики, в этой области он дает приемлемые результаты. Действительно, слова типа *журнал*, *книга*, *газета* или *река*, *ручей*, *озеро* можно описывать

сами по себе, вне каких бы то ни было выражений, и их значение достаточно хорошо представимо в виде упорядоченной последовательности однотипных семантических компонентов. Но как только мы обратимся к анализу слов, обозначающих не предметы, а их свойства и отношения между ними, как сразу рассмотренный нами вариант компонентного анализа окажется неудовлетворительным.

В той же работе Найды показано, что к словам типа *beautiful* 'прекрасный, красивый' или *righteous* 'справедливый' процедура вертикально-горизонтального анализа не применима и нужны другие процедуры, названные им процедурами анализа пересекающихся значений, суть которых состоит в обращении к рассмотрению не слова самого по себе, а словосочетаний с данным словом. Проиллюстрируем их на примере слова *beautiful*.

Этап 1: найти слова, близкие к данному по значению, т. е. слова из того же семантического поля, которые могут использоваться применительно к тем же объектам или событиям: *beautiful* 'красивый', *pretty* 'привлекательный', *lovely* 'очаровательный' и т. п.

Этап 2: выявление круга объектов, которые могут описываться с помощью отобранных слов. Вот здесь-то и приходится обратиться к рассмотрению сочетаний слов. При этом эффективный метод состоит не в том, чтобы перечислять сотни приемлемых атрибутивных словосочетаний с данными словами, а в том, чтобы найти такие контексты, в которых та или иная единица либо неприемлема совсем, либо выглядит необычно, странно. Это называется анализом отрицательного языкового материала.

Этап 3: цель — выявить те аспекты близких значений, на которых основано их противопоставление. Наиболее эффективный прием — постановка квазисинонимов в один и тот же контекст. Так, сравнивая *beautiful woman* 'красивая женщина' с *pretty woman* 'хорошенькая женщина', мы обнаруживаем, что *beautiful* выражает большую степень интенсивности качества, чем *pretty*. Сравнивая *beautiful old lady* с *lovely old lady*, мы видим, что физическая (внешняя) привлекательность обязательно входит в значение *beautiful*, но не обязательно для *lovely*, которое акцентирует

некоторое приятное качество, необязательно связанное с особыми достоинствами внешнего вида. Сравнивая *beautiful woman* и *handsome woman*, мы увидим, что в значении *handsome* центральное место занимает компонент величественной внешности и идеальных пропорций. В слове же *beautiful* центральным компонентом является общее впечатление от предмета, а второй из названных компонентов слова *handsome* в значении *beautiful* только подразумевается.

Этап 4: перечисление существенных признаков слова, по которым оно противопоставлено своим квазисинонимам:

- 1) привлекательность;
- 2) общего вида;
- 3) в достаточно высокой степени.

Итак, на рассмотренном примере мы видим, что для выявления семантической структуры абстрактной лексики мы волей-неволей обращаемся к анализу слова в контексте и используем нашу способность оценить языковые выражения, во-первых, как правильные или неправильные, а во-вторых, как означающие одно и то же или неравнозначные.

5.3. Принципы компонентного анализа значения в Московской семантической школе

Выше мы рассмотрели классический вариант компонентного анализа — тот вариант, который вырабатывался в основном на материале конкретной лексики и не ставил своей целью дать такое описание значения слова, чтобы на его основе можно было построить описание значения единицы более высокого уровня, т. е. предложения. Однако при анализе абстрактной лексики оказывается необходимым скорректировать традиционные методы компонентного анализа в нескольких существенных аспектах. Показать необходимость такого пересмотра нам будет удобно на основе конкретного примера — анализа значения слова *только*, осуществленного И. А. Мельчуком [Мельчук 1974: 52 и далее]. Это слово мы будем рассматривать в том его узальном значении, которое оно имеет в контекстах типа (1)–(3):

- (1) Я купил только чашки.
- (2) Пришло только три студента.
- (3) Собака только обнюхала его.

Можно ли описать значение слова *только*, взятого отдельно, вне тех выражений, в которых оно употребляется, подобно тому, как мы описываем значение слов *журнал*, или *племянник*, или *стакан*, или *ручей*? Очевидно, что нет. Здесь нам не удастся с достаточной степенью уверенности ни указать родовое по отношению к *только* слово — гипероним, ни очертить круг слов, с которыми нужно сопоставлять это слово, ни построить интуитивно удовлетворительные семантические пропорции.

Здесь возможен только такой путь — анализируя значение выражений, содержащих слово *только*, определить, какая часть этого значения связана с присутствием во фразе слова *только*. Другими словами, мы должны описывать, строго говоря, не значение отдельно взятого слова *только*, а значение определенного класса предложений с этим словом.

Итак, зададимся вопросом: как описать значение слова *только* в составе фразы, например (1)? Очевидно, что надо как-то описать значение всей фразы целиком и посмотреть, какая часть нашего описания будет связана с присутствием во фразе слова *только*.

А что значит описать значение фразы? Как говорил Р. О. Якобсон, и для лингвистов, и для обычных носителей языка значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак — такой, в котором это значение более полно развернуто [Якобсон 1985: 362]. И приводил пример: *холостяк* можно преобразовать в выражение *неженатый человек*, которое более эксплицитно отражает структуру того же значения, так как отдельные элементы смысла получают в его составе особое выражение.

Если мы говорим об описании значения предложения, то таким описанием будет перевод предложения в другое предложение, которое означает то же, что и первое, но в котором это значение выражено более эксплицитно. Иначе говоря, описание значения предложения — это его перифраза на том же самом языке или перевод на специально созданный семантический метаязык, который в более явном виде представляет значение описываемого предложения.

Итак, что значит *только* во фразе (1)? Для того, чтобы понять это, нам надо построить другую фразу, которая имела бы то же значение (перифразу), и содержала те же слова, кроме *только*, которое должно быть заменено другими словами, с более понятным значением. Такая фраза будет толкованием исходной фразы, поскольку толкование некоторого выражения *x* — это тождественное ему по значению выражение, в котором это значение выражено более эксплицитно, т. е. в котором связь между формой и содержанием более очевидна, чем в толкуемом выражении. Толкованием фразы (1) будет фраза (1а):

(1а) *Я купил чашки и неверно, что я купил что-либо, кроме чашек.*

Аналогичные толкования имеют фразы (2) и (3):

(2а) *Пришло три студента и неверно, что пришло сколько-либо студентов, кроме трех.*

(3а) *Собака обнюхала его и неверно, что собака сделала с ним что-либо, кроме обнюхивания.*

Ясно, что на счет *только* должны быть отнесены правые (после *и*) части фраз (1)–(3). Теперь нам надо выявить то общее, что имеют между собой эти правые части, и мы получим описание значения слова *только*. Поэтому попробуем записать правые части в более общем виде.

Заметим сначала, что во всех них есть отрицание, затем идет повторение левой части, с той разницей, что слово, к которому относится *только* заменено неопределенным местоимением (*что-либо, сколько-либо*); после повторения левой части следует *кроме* + то самое слово, к которому относится *только*. Обратим внимание, что в *что-либо, кроме* и т. п. *кроме* означает 'отличный', 'неравный'.

Обозначим слово, к которому относится *только*, через A_k , а соответствующее ему местоимение через X .

Теперь введем обозначения для оставшихся частей фразы. Обозначим фразы (1)–(3) как A_1, A_2, \dots только $A_k, \dots, A_{n-1}, A_n = \{A_n\}$. Через $\{A'_n\}$ обозначим ту же цепочку, из которой, однако, изъяты *только* и слово A_k . Пусть $\{A'_n(X)\}$, наконец, обозначает цепочку $\{A'_n\}$, в которую вместо A_k вставлен X . Например, если $\{A_n\} = \text{Я купил только чашки}$, то $A_k = \text{чашки}$, $\{A'_n\} = \text{Я купил}$, а $\{A'_n(X)\} = \text{Я купил } X$.

Это дает возможность дать обобщенную запись как толкуемого выражения, так и толкования:

$\{A'_n\}$ *только* $A_k = A'_n A_k$ | и неверно, что существует такой X , что X не равен A_k и $A'_n(X)$.

Описанием значения слова *только* является часть толкования, начинающаяся с 'и'. Это его дефиниция, толкование, которое так же, как и те дефиниции, с которыми мы имели дело ранее, состоит из семантических компонентов: 'не', 'равно', 'существует' и т. д. Это описание имеет полное право называться компонентным анализом, так как оно также дает представление слова в виде совокупности компонентов: 'и'; 'неверно, что'; 'существует'; 'равно'.

Мы видим, что в выражение, описывающее значение слова *только*, входят символы, относящиеся не к самому слову *только*, а к другим составляющим фразы, в составе которой оно употребляется. Это $\{A'_n\}$ и A_k . Это и значит, что описывается не значение отдельного слова *только*, а значение выражений, обобщенных в формуле $\{A'_n\}$ *только* A_k . Вне этого выражения значение слова *только* не может быть определено. Если нам все-таки кажется, что *только* означает нечто отдельно, то это, по-видимому, объясняется тем, что мы подсознательно примысливаем к нему типовые контексты.

К тем же результатам мы приходим при попытке дать семантический анализ любого из слов, обозначающего действия, отношения, свойства, слов с предикатным, кванторным или связочным значением. Компонентное представление значения таких слов обязательно включает в себя отсылку к другим составляющим того предложения, в котором употребляются эти слова.

Сформулируем общий вывод: многие слова могут быть описаны семантически только в составе выражений, больших по объему, т. е. словосочетаний или предложений.

Этот вывод впервые был четко сформулирован представителями Московской семантической школы в начале 60-х гг. Правильность такого подхода к описанию значения слов разных семантических полей была убедительно продемонстрирована в целой серии работ, и в настоящее время является одним из важнейших принципов описания означаемых в лексической семантике, признанных и у нас, и за рубежом (см., например, [Бендикс 1983]).

Итак, в противовес классическому компонентному анализу, работавшему с отдельным словом, современные варианты компонентного анализа исходят из того, что в общем случае толкуемой единицей должно быть не отдельно взятое слово P , а содержащее его выражение вида XPY , где X и Y — переменные, сообщающие данному выражению форму предложения или словосочетания. Такое выражение называется **сентенционной формой** (от *sentence* — предложение). Сентенционная форма может называться и **ситуационной формой**, поскольку, помимо толкуемого слова, она включает переменные, которые обозначают участников описываемой данным словом ситуации. Так, слово *расходовать* описывается в составе сентенционной (ситуационной) формы *А расходует В на Р*, слово *репутация* — в составе сентенционной формы *репутация X-а среди Y-ов*, союз *пока* — в составе сентенционной формы *пока А, В*.

Обратим внимание на то, что описание значения слов в составе сентенционных форм образует тот необходимый мостик, по которому мы из области лексической семантики переходим в область семантики предложения. Ведь описание значения предикатного слова, выполненное таким способом, представляет собой каркас семантического представления предложения, содержащего данное слово. Для получения семантического представления предложения нужно только подставить на места переменных частей толкования предиката толкования аргументов этого предиката, возможно, произвести некоторые преобразования, и мы получим описание смысла предложения. Когда же мы имеем дело с компонентными представлениями, полученными путем анализа слова вне его синтагматических связей, мы не получим никакого иного представления смысла предложения, чем простое соположение семантических описаний составляющих его слов без указания семантических связей между ними, что, конечно, не может служить однозначным описанием смысла предложения.

Теперь обратимся к еще одному важному аспекту семантического описания слова *только*. Мы видим, что это не просто набор, хотя бы и упорядоченный, семантических компонентов, а структура, т. е. образование, имеющее вполне определенную организацию. В самом деле, чрезвычайно важно знать, что отрицание относится ко всему выражению, которое за ним следует, а не к какой-либо его части. Если отнести отрицание к части ' X не равен A_k ', то мы получим совсем другой смысл: 'и существует такой X , для которого неверно, что он не равен A_k , и при этом $A_n^1(X)$ '. Это описание очень приблизительно соответствует русскому

слову именно (*Я купил именно чашки*). Более точно здесь описано невыразимое одним словом значение усиления, подчеркивания, выражаемого с помощью избыточного повтора. Отнесем отрицание к другой части выражения, и смысл опять изменится: 'и существует такой X, не равный A_k, для которого верно, что не A ('и есть не чашки, которые я не купил')

Для огромного количества достаточно абстрактных слов необходимость структурированности, строгой организации семантических компонентов при описании значения еще очевиднее. Так, как показал компонентный анализ глаголов оценочного суждения в английском языке, проведенный Ч. Филлмором [Fillmore 1971], из одних и тех же атомов смысла строятся значения слов *accuse* «обвинять» и *criticize* «осуждать»: 'говорить', 'нести ответственность', 'считать', 'плохо'. Разница между значениями этих слов объясняется только тем, что эти компоненты образуют в них разные структуры. В глаголе *accuse* сема 'нести ответственность' подчинена семе 'говорить', а сема 'плохо' подчинена семе 'считать':

X accused Y of Z = 'X сказал, что Y несет ответственность за Z, считая, что Z плохо';

в глаголе *criticize* сема 'нести ответственность' оказывается подчиненной семе 'считать', а сема 'плохо' — семе 'говорить':

X criticized Y for Z = 'X сказал, что Z(Y) плохо, считая, что Y несет ответственность за Z'.

Здесь уместна аналогия между атомами смысла и атомами вещества. В лексической семантике, так же как и в химии, соединение одних и тех же атомов разными способами дает разные сущности: разные вещества — изомеры — в химии и разные значения слов в семантике.

Итак, из рассмотрения второго аспекта описания значения слова *только* и других слов мы можем сделать следующий вывод: значение слова должно представляться в виде структуры, состоящей из элементов смысла и связывающих их синтаксических отношений. С формальной точки зрения, это может быть и предложение семантического языка с однозначной синтаксической структурой, и формула исчисления предикатов, и граф, вершинами которого являются смысловые атомы. Тем самым метаязык компонентного анализа должен иметь не только словарь элементарных семантических единиц, но и свой достаточно развитый синтаксис. Этот вывод опять-таки впервые в отечественной лингвистике был четко сформулирован представителями Московской семантической школы.

Теперь рассмотрим наше описание значения слова *только* еще с одной стороны. Одинаковы ли семы по их логической природе, относятся ли они все к одной и той же логико-грамматической категории? Очевидно, что нет. Среди семантических компонентов, составляющих значение слова *только*, мы видим, во-первых, предикаты — элементы, которые имеют «места», заполняемые другими элементами, и термы — элементы,

«мест» для других элементов не открывающие. Предикатами в широком смысле в нашем описании являются компоненты 'существует', 'неверно, что', 'равен', термами — переменные A_k и X . Среди предикатов в широком смысле можно выделить операторы — одноместные предикаты, единственное место которых может заполняться только другим предикатом (например, оператор отрицания 'не'); связи — предикаты, открывающие не менее, чем два места, которые должны заполняться только предикатами (например, обычная конъюнкция 'и'¹⁾); кванторы — элементы, одно из двух мест которых заполняется термом, а другое — предикатом ('существует такой X , что $P(X)$ '), и предикаты в узком смысле — элементы, все места которых могут заполняться только термами, например, 'купил'. (К этим категориям семантических единиц мы еще вернемся при обсуждении семантики предложения, см. раздел III.2.1.1.) Отсюда следует еще один вывод, противоречащий установкам классического компонентного анализа: семантические компоненты неоднородны, они принадлежат к разным синтаксическим типам, среди них необходимо различать хотя бы предикаты и термы.

Подведем итог. Метод компонентного анализа значения слова эволюционировал. Из метода, дававшего представление значения отдельно взятого слова в виде неупорядоченного набора однотипных сем, он превратился в метод анализа слова в типовом сентенциальном контексте, и результаты этого анализа представляются в виде выражений специального семантического метаязыка, имеющего фиксированный словарь семантических элементов, принадлежащих к разным синтаксическим типам, и свой синтаксис.

Существуют разные варианты таких семантических метаязыков (далее СМ), которые одновременно являются и языками для описания значений слов, и языками для описания смысла предложения. Имея ряд общих черт, эти языки отличаются друг от друга по целому ряду параметров.

Во-первых, разные исследователи приписывают семантическим компонентам разный онтологический статус. Для одних сторонников компонентного анализа компоненты — это теоретические лингвистические конструкты, с помощью которых удобно описывать системные отношения в лексике или отношения между предложениями, для других — это ментальные сущности, обладающие психологической реальностью.

¹⁾ Сентенциальную конъюнкцию, соединяющую предикативные единицы, следует отличать от термовой конъюнкции — оператора, объединяющего термы в один множественный терм [Падучева 1974: 47]. В естественном языке оба вида конъюнкции могут выражаться одним и тем же союзом. Так, например, в русском языке союз *и* в предложении *Точка А и точка В соединены с точкой С* представляет сентенциальную конъюнкцию (соединяющую две предикации: 'точка А соединена с точкой С и точка В соединена с точкой С'), а в предложении *Точка А лежит между точкой В и точкой С* — термовую (образующую множественный терм 'точка В и точка С').

Различно количество единиц словаря метаязыка. В большинстве имеющих СМ количество единиц словаря заранее не ограничивается. Предполагается только, что таких единиц существенно меньше, чем единиц словаря языка-объекта. Единственным исключением является Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ) А. Вежбицкой²⁾, список исходных семантических элементов которого хотя и меняется время от времени, но в каждый данный момент фиксирован.

По параметру соотношения словаря метаязыка и словаря языка — объекта можно выделить четыре типа СМ: 1) вырожденный случай СМ, словарь которого совпадает со словарем языка-объекта (примером такого СМ может служить метаязык толкований (дефиниций) в традиционных толковых словарях, формулируемых на том же языке, значения слов которого описываются, без наложения каких-либо ограничений на словарный состав толкований; 2) СМ, словарь которого пересекается со словарем языка-объекта (например, семантический язык модели «Смысл \iff Текст»); 3) СМ, словарь которого представляет собой подмножество множества слов языка — объекта (например, ЕСМ А. Вежбицкой); 4) СМ, словарь которого не пересекается со словарем языка — объекта (чистых примеров этого типа не существует, но в принципе, они возможны). Аналогичным образом могут различаться СМ по тому, как их синтаксис соотносится с синтаксисом языка-объекта.

Различаются СМ и по степени полноты отражения значения языкового выражения средствами СМ. Применительно к описанию значений слов при одном подходе постулируется возможность полного (без остатка) разложения (декомпозиции) значения на единицы СМ, а при другом подходе допускается неполная декомпозиция, и семантика слова описывается с помощью постулатов значения [Карнап 1959], задающих необходимые условия для употребления данного слова. Так, семантическое описание слова *холостяк* с помощью постулатов значения имеет следующий вид:

- (4) *холостяк* (x) \rightarrow ЧЕЛОВЕК (x) & МУЖСКОГО ПОЛА (x)
& ВЗРОСЛЫЙ (x) & \neg ЖЕНАТ (x).

Это показывает, что в значение слова *холостяк* входят указанные семантические единицы, но, возможно, их совокупностью оно не исчерпывается. Если же мы вместо знака следования (импликации) поставим знак равенства, то мы тем самым берем на себя «повышенные обязательства» — утверждаем, что все «языковое поведение» данного слова определяется вхождением в его семантическую структуру этих и только этих единиц. В данном конкретном случае подобное решение было бы поспешным, поскольку не всякого неженатого взрослого мужчину можно назвать *холостяком*, например, вряд ли это можно сделать по отношению к папе римскому (другие примеры неуместности употребления данного слова при соблюдении условий, сформулированных

²⁾ Другое, более раннее название этого СМ — *lingua mentalis* («язык мысли»).

в (2), см. в [Лакофф 1988: 44–45], а объяснение того, чего недостает описанию в (4), чтобы претендовать на полноту, см. в [Вежбицка 1996: 202–204]). Очевидно, что описание в виде постулатов значения — более осмотрительный способ формулирования семантических гипотез. Вместе с тем, от такого описания, в том случае, когда мы уверены, что выявили все семантические связи данного слова с другими словами и / или с миром, легко перейти к описанию в виде полной декомпозиции значения (толкованию). Если мы уверены, что каждое из условий, входящих в формулировку постулата, порознь необходимо, а в совокупности они достаточны для объяснения семантических свойств данного слова, то знак импликации в формулировке постулата (\rightarrow) может быть заменен знаком двухсторонней импликации (\leftrightarrow), который для целого ряда семантических задач может отождествляться со знаком равенства (ср. определение отношения синонимии в терминах двухсторонней импликации в [Лайонз 1978: 474–475]).

Различаются СМ и по характеру информации, описываемой с помощью данного языка и по исследовательской цели, для которой строится метаязык. Подробнее о различиях между существующими семантическими метаязыками речь пойдет в разделе III.3, специально посвященном языкам для описания плана содержания предложения.

Литература

1. Бендикс Э. Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XIV. С. 75–107.
2. Вежбицка А. Из кн. «Семантические примитивы». Введение // Семиотика. М., 1983. С. 225–252.
3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1977. Пг. 10.
4. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст». М., 1974. С. 52–140.
5. Найда Ю. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XIV. С. 61–74.
6. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985. С. 362.

Глава 6

Тезаурус как модель парадигматической структуры плана содержания языка

В предыдущем разделе мы рассматривали один из возможных подходов к описанию лексико-семантического уровня языковой системы — метод компонентного анализа лексического значения. Теперь мы обратимся к другому, не менее авторитетному и распространенному подходу к описанию системных отношений в лексике — **тезаурусному методу**, или методу построения **словарей-тезаурусов**.

Своим названием этот метод и этот тип словарей обязан широко известному словарю Роже, или Роджета (*Roget's International Thesaurus of English Words & Phrases*). Словарь был составлен англичанином П. М. Роджетом «для облегчения выражения понятий (*ideas*) и для помощи при написании сочинений» и опубликован в Лондоне в 1852 году.

С тех пор появился целый ряд словарей, подобных Тезаурусу Роже, и слово «тезаурус» применительно к словарям стало из имени собственно-го именем нарицательным, обозначающим определенный тип словарей. Члены Кембриджского лингвистического кружка, которые использовали тезаурус Роже в работах по автоматическому переводу, писали по этому поводу, что на вопрос о том, что такое тезаурус, проще всего было бы ответить, показав несколько существующих словарей-тезаурусов, например хорошо известный словарь Роджета, и сказать, что тезаурус — это любая система классификации слов языка, относящаяся к такому же типу и имеющая такую же форму, как и этот словарь. Тезаурус Роже представляет собой собрание слов английского языка, сгруппированных в шесть крупных тематических классов/категорий:

1. Абстрактные отношения.	4. Разум.
2. Пространство.	5. Воля.
3. Материя.	6. Чувственные и моральные силы.

Эти классы подразделяются на 24 подкласса. Например, в классе Пространство выделяется 4 подкласса: 2.1. Пространство вообще. 2.2. Измерение. 2.3. Форма. 2.4. Движение. В рамках этих подклассов выделяются более мелкие подклассы и т. д., вплоть до самых мелких, далее не подвергающихся членению тематических групп, которых насчитывается около тысячи. (Ниже, на схеме 2, вы можете увидеть, в какие крупные тематические классы и группы попадают в тезаурусе Роже глаголы, обозначающие речевые действия).

Тезаурус снабжен указателем, в котором все включенные в него слова расположены в алфавитном порядке и каждому слову приписаны номера тематических групп, в которые оно входит.

Какое из ранее рассмотренных нами понятий, используемых при описании лексико-семантической системы языка, напоминает тематическая группа? Конечно, семантическое поле, точнее, семантическое микрополе. Действительно, семантическое поле мы определяли как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых ими явлений). Следовательно, тезаурус можно рассматривать как систему семантических полей данного языка.

Словари такого типа называются также **идеологическими, идеографическими** или **концептуальными словарями**. В отличие от толковых словарей, в которых на входе мы имеем слова, упорядоченные по некоторому формальному принципу, чаще всего по алфавиту, а на выходе — описание значения слова в виде дефиниции или толкования, в идеологическом словаре — словаре-тезаурусе — на входе мы имеем «идеи», т. е. семантические, содержательные категории, упорядоченные с помощью той или иной классификации, а на выходе — слова, выражающие данную содержательную категорию. В литературе по семантике принято различать два подхода к описанию соответствия между формой и содержанием в языке. Подход, при котором исследователь, отталкиваясь от формы, идет к установлению ее содержания, называется **семасиологическим**, а подход, при котором исходным пунктом служат единицы содержания, а конечным — способы формального выражения этого содержания — **ономасиологическим**. Очевидно, что толковые словари, предназначенные для поиска значений по заданным словам, соответствуют семасиологическому принципу описания, а идеологические, предназначенные для поиска слов по заданным значениям, — ономасиологическому. Получается, что тезаурусы — это, в определенном смысле, обращенные толковые словари.

Одно и то же слово в общем случае может входить в несколько классов тезауруса, во-первых, потому, что оно может иметь несколько разных узуальных значений, а во-вторых потому, что даже в одном из своих узуальных значений оно может быть связано не с одной, а с несколькими понятийными сферами. Так, например, слово *переговоры* в тезаурусе [Караулов и др. 1982], с одной стороны, входит в класс слов, связанных общим понятием ЯЗЫК, с другой стороны — в класс слов, связанных с идеей ПОСРЕДНИЧЕСТВА; слово *finish* «заканчивать» в тезаурусе Роже входит в группы слов, объединяемых идеями 'времени', 'изменения', 'дискретности' и целый ряд других. Поэтому каждое слово можно охарактеризовать с помощью определенного набора индексов или адресов классов, в которые оно входит в данном тезаурусе. В тезаурусах обычно имеется алфавитный указатель слов с их адресами, отсылающими ко всем тем семантическим или понятийным полям, в которые оно входит.

Уточняя введенное представление о тезаурусе, мы должны сказать, что стандартный тезаурус имеет, как правило, четыре входа:

1) $K \rightarrow K$, вход от концепта к концепту, от одного понятия к другому, воплощенный в схеме вертикально и горизонтально связанных друг с другом понятий, т. е. понятий, связанных родо-видовыми (гипонимическими), видо-видовыми и другими видами корреляций. Такая схема, лежащая в основе тезауруса, называется **синоптической схемой**.

2) $K \rightarrow Z$, вход от концепта к знаку, от понятия к слову — основная часть тезауруса.

3) $Z \rightarrow K$, вход от знака к концепту, соответствующий алфавитному списку слов с указанием их адресов в понятийных полях тезауруса.

4) $Z \rightarrow Z$, вход от знака к знаку, необходимый для тех тезаурусов, в которые наряду со словами входят и словосочетания, и в связи с этим от слов, входящих в словосочетание, дается отсылка к отдельным словам, например от слова *автоматический* к слову *автоматизация*.

Остановимся поподробнее на первом входе в тезаурус — на синоптической схеме, т. е. общей схеме взаимосвязи понятий.

В каждом из известных тезаурусов имеется такая схема, причем схемы разных тезаурусов отличаются друг от друга. Откуда же берутся такие схемы? Что они отражают? Ответить на этот вопрос можно по-разному. Во-первых, можно считать, что в основу тезауруса должна быть положена система понятий, соответствующая **научной картине мира**.

Термин «научная картина мира» прочно вошел в современную литературу по методологии и истории науки. Содержание этого понятия мы вслед за В. Ф. Черноволенко определим как систему знаний, синтезирующую результаты «исследования конкретных наук со знанием мировоззренческого характера, представляющим собой целостное обобщение совокупного практического и познавательного опыта человечества» (цит. по [Караулов и др. 1982: 43]). Однако в настоящее время общенаучная картина мира еще не разработана. Ее построение предполагает синтез научных картин мира, разработанных в отдельных областях знания: в физике, астрономии, обществоведении и т. д. Но их обобщению в единую и целостную систему препятствует не только нерешенная проблема синтеза частных картин мира, но и неравномерность развития отдельных отраслей научного знания. Так, если в физике произошла уже смена трех картин мира — аристотелевской, механической, электродинамической, а господствующей в настоящее время стала четвертая — квантово-полевая, то в биологии, например, имела место только одна смена: первая картина мира — дарвиновская — была в последнее время заменена молекулярно-генетической, в которой используются уже достижения физики, химии и других наук. Однако взаимосвязь между такими картинами мира, как квантово-полевая и молекулярно-генетическая, можно проследить только по отдельным аспектам, для создания же единой картины

мира живой и неживой природы, микро- и макромира, биологического и социального в науке нет пока достаточных оснований.

Таким образом, в настоящее время уровень методологического знания недостаточно развит для того, чтобы результаты существующих научных классификаций могли быть непосредственно использованы при создании синоптической схемы тезауруса. Тем не менее, в практике построения тезаурусов лингвисты редко обходятся без обращения к тем или иным частным научным картинам мира и без опоры на определенное мировоззрение.

В качестве примера влияния мировоззрения исследователя на общую схему тезауруса можно привести идеологический словарь Касареса, где два самых крупных класса иерархии понятий — это БОГ и ВСЕЛЕННАЯ.

Примером опоры на научную картину мира может служить тезаурусное описание одного фрагмента лексической системы языка — глаголов речевой деятельности, построенное для английского языка Р. Бахом и Р. М. Харнишем (см. [Bach, Harnish 1979]), представленное в виде схемы (см. схему 3)¹⁾. Хотя авторы строили свою классификацию не в рамках общеязыкового тезауруса, а для иных целей, это в данном случае не меняет сути дела. Если сравнить эту классификацию с классификацией глаголов речи русского языка Л. М. Васильева, приводимой на схеме 1, то даже из названий классов верхних уровней станет очевидно, что в основу первой классификации положена некая научная концепция. Действительно, это теория речевых актов (об этой теории мы будем говорить в разделе III.2.3). Л. М. Васильев специально указывает, что его классификация основана на известной модели коммуникативного акта Р. О. Якобсона, что, впрочем, далеко не очевидно из названий классов верхних уровней иерархии. В отличие от этих двух классификаций, классификации, представленные в тезаурусе Роже (см. схему 2) и в словаре «Лексическая основа русского языка» под редакцией В. В. Морковкина (см. схему 4), не связаны с каким бы то ни было лингвистическим учением о речевом (коммуникативном) действии.

Именно опора тезаурусов на внеязыковую, экстралингвистическую картину мира дала повод А. А. Реформатскому в своем «Введении в языковедение» охарактеризовать идеологические словари как словари нелингвистические. Однако с такой оценкой тезаурусов нельзя согласиться. Даже когда в основу тезауруса кладется априорная понятийная схема, сам тезаурус задает соответствие между единицами мышления — понятиями, концептами — и семантическими единицами языка — значениями слов — и тем самым показывает, как конкретный язык членит информацию о действительном мире, образующем общую материальную основу всех содержательных категорий. И поэтому тезаурус, даже основанный

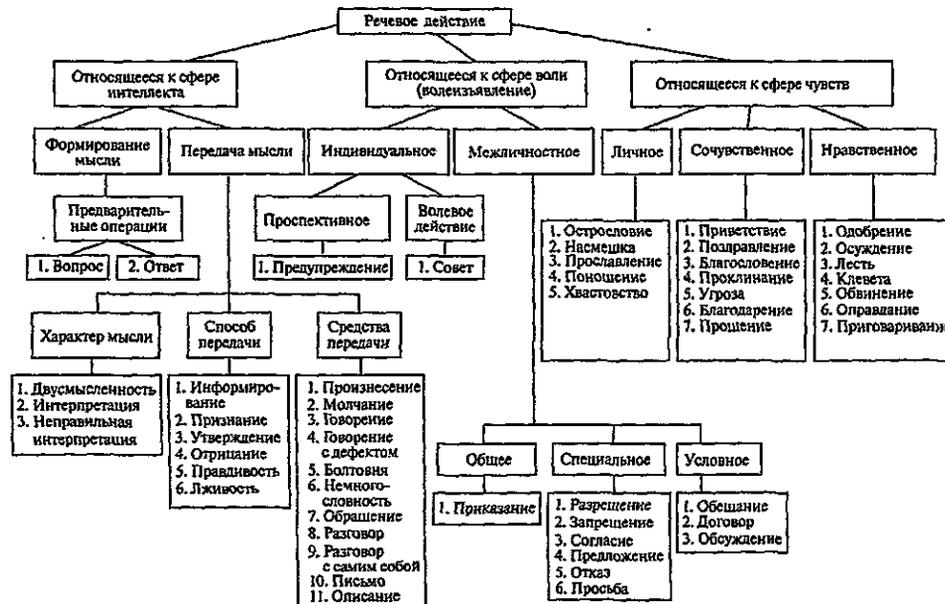
¹⁾ Данная схема, как и все схемы 1–4, в самих авторских работах не представлены. Они построены И. М. Кобозевой и И. Ю. Доброхотовой на основе соответствующих работ и подробно обсуждаются в статье [Доброхотова, Кобозева 1989].

Структура семантического поля речевых действий по Л. М. Васильеву *

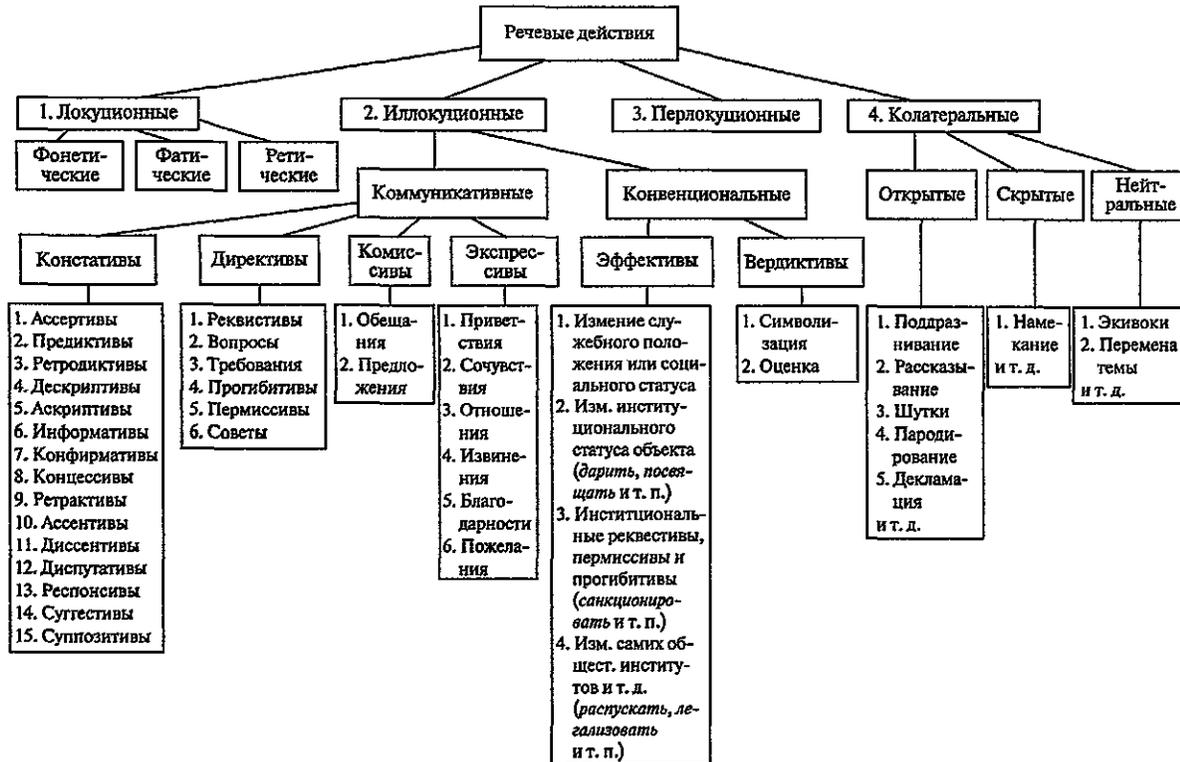
* Приводимая схема построена в точном соответствии с той классификацией, которая дана в [Васильев 1971]. При этом для обозначения микрополей в большинстве случаев используется существительное, образованное от глагола, являющегося доминантой микрополя.

Структура семантического поля речевых действий по тезаурусу Роже *

* В схему включены все микрополя, глагольная часть которых состоит преимущественно из ядерных глаголов речи. Микрополя, состоящие преимущественно из периферийных глаголов речи (напр., отмена), не учитывались. Название классов, данных Роже, сохранились, если они могут пониматься как имя действия (напр., Отрицание, Обещание). Если в качестве названия микрополя выступало не имя действия, то оно заменялось соответствующим по значению именем действия (напр., Голос → Произнесение), а при отсутствии подходящей замены сохранялось без изменения (напр., Двусмысленность).

Структура семантического поля речевых действий по Баху и Харнишу

Структура семантического поля речевых действий по словарю Морковкина*

Речевое действие					
Характеризующее человека как разумное существо	Характеризующее человека в обществе				
Эмоциональная, волевая и интеллектуальная сферы	Коммуникация мыслей и чувств с помощью языка			Выражение отношения в обществе	
	общие понятия	речевая деятельность	речевое общение	моральные отношения	отношения людей
<ol style="list-style-type: none"> 1. Выражение чувств 2. Определение, характеристика 3. Утверждение-отрицание 4. Выражение мнения 5. Доказательство 6. Уточнение 7. Согласие-несогласие 8. Разногласие 	<p><i>говорить</i> (по-русски) <i>заговорить</i> (о ребенке)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Говорение 2. Письмо 3. Чтение 	<p><i>сообщать</i> <i>заявлять</i> <i>спрашивать</i> и др.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обязательства 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Одобрение-осуждение 2. Приветствие-прошание 3. Обижение (<i>разговаривать</i>) 4. Согласие-разногласие 5. Совет 6. Просьбы, требования 7. Приглашение 8. Уговаривание 9. Предложение 10. Согласие-несогласие, возражение 11. Спор 12. Договор, уговор 13. Обвинение-оправдание 14. Прощание 15. Одобрение-осуждение 16. Благодарность 17. Поздравление 18. Насмешка 19. Обида, оскорбление 20. Предупреждение 21. Разрешение-запрещение

* В словаре названия речевых действий в единый класс не объединены.

на внеязыковой картине мира, будет словарем лингвистическим, отражающим семантическую структуру данного языка.

Тем более это относится к тезаурусам, синоптические схемы которых выводятся из анализа лексики данного языка. Построенные таким образом схемы наглядно отражают наивную картину мира, запечатленную в семантической структуре данного языка. Так, Р. Халлиг и В. Вартбург [Hallig, Wartburg 1952], разрабатывая систему понятий для идеологического словаря, поставили перед собой цель отразить в ней «то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка и основано на донаучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжение языком». Это представление о мире они назвали «наивным реализмом». По сути дела, те же идеи легли в основу разработки семантических метаязыков для описания значений слов. Достаточно вспомнить *lingua mentalis* Вежбицкой, воплощающий, по замыслу автора, понятийную основу «наивной картины мира».

Существуют и попытки объединить при построении тезауруса обе ориентации. Так, синоптическая схема русского тезауруса, разработанная под руководством Ю. Н. Караулова, основана на синтезе современных знаний о структуре лексики и некоторых представлений о научной картине мира (см. [Караулов и др. 1982: 45]).

Идеографический словарь, или тезаурус, является средством описания парадигматической структуры плана содержания языка, потому что в тезаурусе эксплицитным образом отражен факт наличия парадигматической семантической связи между лексическими единицами путем объединения связанных единиц в поля с общим смысловым признаком, и тем самым определено место каждой лексемы внутри системно организованного смыслового континуума. Важно подчеркнуть, что в общеязыковом тезаурусе каждое слово сопоставляется со всем словарем и получает определение на основе полного объема значений, выражаемых в данном языке.

Как мы уже говорили, каждое слово в тезаурусе характеризуется набором адресов тех семантических полей, в которые оно входит. Такая характеристика значения слова называется *тезаурусной презентацией*, или *тезаурусным определением лексического значения*. Остановимся поподробнее на этом способе представления значения слова.

Классификационный признак, выраженный в названии класса, семантически противопоставляет слова, принадлежащие данному классу, прочим словам, т. е. является дифференциальным и описывает значения слов данного класса с точностью до принадлежности к данному классу. Тезаурус не является разбиением, его классы пересекаются, т. е. существуют слова, входящие сразу в несколько рядов противопоставлений. Если мы укажем все парадигматические классы каждого такого слова, то получим совокупность элементов, характеризующих его значение.

В качестве примера тезаурусной презентации лексического значения можно привести характеристику слова *возникать* из экспликационного

тезауруса, построенного в диссертации М. Ф. Толстопятовой [Толстопятова 1976] для целей алгоритмического семантического анализа текстов управленческих документов:

возникать — 1.6.1 & 1.12.1, где 1.6.1 — «Существование, бытие, наличие», 1.12.1 — «Начало».

Вы можете заметить, что тезаурусная презентация лексического значения очень похожа на представление значения в виде набора семантических компонентов, связанных конъюнктивно или дизъюнктивно. И это естественно, поскольку оба способа представления лексического значения отражают одну и ту же реальность — парадигматические отношения между значениями слов в системе языка. Отличие одного способа представления от другого состоит в том, что при компонентном анализе учитываются и моделируются отношения между словами, образующими одно микрополе, т. е. самый мелкий класс в тезаурусной классификации, тогда как в тезаурусе отношения между элементами одного микрополя не эксплицируются. Поэтому в общем случае компонентный анализ дает более полное и точное описание значения, чем тезаурусная презентация.

Естественно, если тезаурусы различаются между собой по лежащей в их основе синонимической схеме, то и презентация значения одного и того же слова в этих тезаурусах будет различной. В качестве примера рассмотрим значение глагола *спрашивать* (или его переводного эквивалента в английском языке — глагола *ask*), увиденное через призму разных классификаций (см. схемы 1–4). Семантическая характеристика слова в тезаурусе задается прежде всего иерархической цепочкой имен классов, в которые оно входит, где имя класса репрезентирует соответствующую понятийную область или отдельное понятие. В классификации Л. М. Васильева глагол *спрашивать* представлен следующей цепочкой: РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ⊃ КОНТАКТ ⊃ ВОПРОС. Тем самым акцентируется интерактивный, социативный аспект значения данного слова. Несколько иначе представлено место того же глагола в лексико-семантической системе в словаре под редакцией В. В. Морковкина: ЧЕЛОВЕК ⊃ ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ ⊃ КОММУНИКАЦИЯ МЫСЛЕЙ И ЧУВСТВ ⊃ РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ ⊃ ВОПРОС. Помимо интерактивного аспекта выделен и коммуникативный. Глагол *ask* в тезаурусе Роже представлен цепочкой ИНТЕЛЛЕКТ ⊃ ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ ⊃ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ОПЕРАЦИИ ⊃ ВОПРОС. Очевидно, что на первом плане здесь оказывается связь спрашивания с познавательной деятельностью. Наконец, у Баха и Харниша *ask* репрезентируется цепочкой ИЛЛОКУЦИЯ ⊃ КОММУНИКАЦИЯ ⊃ ПОБУЖДЕНИЕ ⊃ ВОПРОС, т. е. спрашивание трактуется как разновидность воздействия на адресата (побуждение сообщить информацию).

Итак, мы видим, что, имея тезаурус, можно на его основе получить описание значения слов, своего рода толкования. Можно поставить перед

собой и противоположную задачу: как, имея описание значений всех слов, т. е. толковый словарь, получить на его основе тезаурус.

Пусть мы имеем описание значений слов в виде набора семантических элементов. Такие описания мы получаем методом компонентного анализа. И пусть у нас есть синоптическая схема, задающая иерархию понятий. Мы должны получить семантические группировки слов, соответствующие понятиям, образующим терминальные, т. е. самые нижние узлы синоптической схемы, т. е. группы слов, раскрывающие понятие, представленное некоторым «заглавным словом», т. е. словом, которое в данном языке служит как основное средство выражения данного понятия. Пусть это будет слово *давать*. Возьмем толкование этого слова: 'каузировать иметь'. Ясно, что для получения класса слов, которые в данном языке используются для выражения идеи «давания», надо выбрать все те слова, которые содержат в своей дефиниции ту же конфигурацию смысловых компонентов: *брать, одолживать, передавать, дарить, продавать* и т. д.

Ю. Н. Караулов поставил перед собой задачу, действуя путем, описанным выше, автоматически получить тезаурус на основе толкований обычного толкового словаря. Если устранить синонимию и омонимию в множестве слов, фигурирующих в толкованиях, точнее, основ таких слов, то мы получим набор однозначных семантических единиц — семантических множителей. Переписав все дефиниции толкового словаря в терминах семантических множителей, мы получаем возможность автоматически выбрать из толкового словаря все слова, в дефиниции которых встречаются множитель или группа множителей, соответствующая любому слову, которое мы назовем дескриптором (= «заглавным словом» тематической группы тезауруса). В результате проведения этого масштабного эксперимента появился «Русский семантический словарь» [Караулов, Молчанов и др.], содержащий группировки слов, полученные вышеописанным способом. В качестве примера приведем тематическую группу слов, соответствующую дескриптору МАТРАЦ вместе со списком тех семантических множителей, по которым она была выделена:

599 М А Т Р А Ц

семантические множители: 1. матра—1, 2. стег—1, 3. тюф—1, 4. крова—2, 5. подсти—2, 6. постел—2, 7. сен—2, 8. солол—2, 9. наби—3, 10. мешо—6, 11. толс—7, 12. шерст—7, 13. трав—11, 14. мягк—18.

Число слов, включенных в статью дескриптора — 23.

желудок 5*10	злаковые 9*8	карман 12*10
кровать 12*1,4,6	лежать 16*6	матрац 8*1,2,4,5,11,14
медведь 8*11,12	мешок 15*10,14	одеяло 5*6
пакет 7*10	плотный 14*9,11	подстилка 2*5
полушка 12*9,10	постелить 10*6	постель 6*6
простыня 9*6	пузырь 21*10	пух 16*12,14
пушистый 7*12,14	сено 6*7,13	сердце 16*10
сумка 11*10	трава 10*13,14	

Семантическая соотнесенность друг с другом большинства слов в этой группе свидетельствует о том, что данный метод в некотором приближении решает поставленную задачу. Однако из-за игнорирования таких особенностей лексического значения, как его структурированность, не сводимая к простому набору семантических множителей, в семантические классы «Русского семантического словаря» попадают и случайные элементы типа *желудок, медведь, сердце*, которые носитель языка никогда не включил бы в данный класс. Это происходит потому, что дескриптор, вокруг которого строится класс, занимает в толковании «случайного» члена периферийное положение, а центральное положение занимают иные дескрипторы, по которым данное слово следовало бы отнести в другой класс. Поэтому опробованный в эксперименте Ю. Н. Караулова метод автоматического извлечения тезауруса из толкового словаря может использоваться только при условии дальнейшего редактирования полученных данных человеком.

Литература

1. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
2. *Караулов Ю. Н., Молчанов Н. И. и др.* Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса. М., 1982.

Глава 7

Лексическая синтагматика и средства ее описания

До сих пор мы рассматривали отношения между значениями слов на парадигматической оси — семантические корреляции — и знакомились со средствами и методами описания этого вида отношений. Теперь мы обратимся к другому типу отношений между значениями слов — к отношениям синтагматическим, которые проявляются не при сопоставлении слов как элементов лексической системы, а при употреблении слов в речи. Синтагматические семантические отношения называются также **семантическими реляциями**. Они устанавливаются между значениями слов в пределах одного речевого отрезка — словосочетания или предложения. Так, например, сопоставляя слова *брить* и *бритва* в системе языка, можно установить корреляцию семантической производности «действие — инструмент действия» (или S_{instr}^{usual} (*брить*) = *бритва*). Если же мы рассматриваем отношение, которое связывает эти слова в предложении *Незнакомец брился старинной бритвой*, то мы устанавливаем реляцию «действие — его инструмент».

Помимо отношения инструмента, в значение данного предложения входят также семантические отношения, связывающие действие с тем, кто его исполняет, а также отношения, связывающие объект и его свойство.

Семантические реляции являются той информацией, которую надо добавить к значениям слов, чтобы получить общее значение целого речевого отрезка.

Хотя реализоваться лексико-семантическая реляция может только в речевом отрезке, она является фактом языка. Одна и та же реляция связывает многочисленные пары слов в многочисленном (практически бесконечном) классе речевых отрезков. Так, одна и та же реляция «инструмента» связывает слова в сочетаниях *рубить топором*, *размешивать ложечкой*, *чертить при помощи циркуля*, *причесываться пятерней* и т. д. Связь между содержанием отношения и его формальным выражением подчинена определенным правилам, которые закреплены в языке и отражаются в речи, в конкретных высказываниях.

Информация о правилах соединения знака с другими знаками в тексте называется **синтактикой знака**. Такая информация, как мы говорили в разделе I.3.3, составляет содержание синтаксического слоя значения лексической единицы. Ясно, что лексическую семантику интересует не все в синтактике слова. Так, все те правила соединения слова с другими

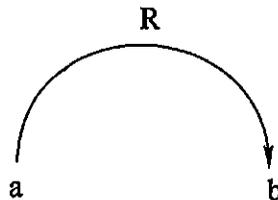
словами, которые обусловлены принадлежностью слова к определенной части речи и могут быть сформулированы безотносительно к конкретному лексическому значению данного слова, изучаются не в лексической семантике, а в синтаксисе. Так, например, тот факт, что всякое русское существительное может иметь при себе прилагательное, которое согласуется с существительным по ряду грамматических категорий, — это компетенция синтаксиса. Лексическую семантику интересуют все прочие особенности синтактики слова, которые обусловлены либо принадлежностью слова к определенному семантическому классу (иначе говоря, наличием в его значении определенного семантического признака), либо вообще специфичны для данного конкретного слова, как например, свойство слова *понурить* допускать при себе в качестве прямого дополнения только слово *голова*.

Каждое слово в языке характеризуется определенным набором семантических отношений, в которые оно может вступать с другими словами в тексте. Точнее было бы сказать, что набор семантических отношений, присущий данному слову, связывает его значение со значениями других слов в пределах речевого отрезка. Информация о количестве и содержании семантических отношений, связывающих денотативное и сигнификативное значение данного слова с денотативными и сигнификативными значениями других слов в тексте, входит в качестве основной части в особый слой значения слова — синтаксический слой, или синтактику слова.

Для представления этой информации в семантической теории необходимы специальные метаязыковые средства. Средства эти разнообразны. Остановимся подробнее на некоторых наиболее распространенных.

7.1. Способы представления семантических отношений

Наиболее распространенным способом графического представления семантического отношения между значениями слов является представление его в виде направленной дуги или стрелки, связывающей между собой точки, или узлы, соответствующие значениям слов.

Отношение получает некоторую помету, символизирующую семантическое содержание данного отношения. Такому графическому способу

представления отношений соответствует представлению отношения в виде, характерном для классической аристотелевской логики: $a R b$, где a и b — значения слов, а R — отношение между ними. При таком подходе к описанию семантических отношений перед исследователем встает задача выработки конечного набора семантических отношений, с помощью которых можно было бы отразить все реальное многообразие смысловых связей, в которые вступают значения слов во фразах языка. И здесь мы сталкиваемся с той же проблемой, с которой сталкивается семасиолог, сводя разнообразные конкретные употребления слов в тексте к ограниченному набору узуальных значений. Это предполагает переход от максимально конкретной интерпретации смысловой связи между словами к интерпретации обобщенной. Содержательные отношения, возникающие между словами в конкретном фрагменте текста, зависят от семантики данных конкретных слов. В этом смысле отношения между словами во фразах *Мальчик спит*, *Мальчик болеет* и, например, *Мальчик ждет* ни в коем случае не идентичны. Однако на более высоком уровне обобщения мы можем отождествить семантические реляции в данных словосочетаниях, как относящиеся к одному семантическому классу. Инвариант семантических отношений (далее СО) между конкретными словами в тексте, которые мы признали на том или ином основании тождественными, и будет тем обобщенным семантическим отношением, которое должно войти в ограниченный набор СО для данного языка. Так, в нашем случае мы можем ввести в набор отношение, связывающее некоторое состояние с тем лицом, которое находится в данном состоянии. Такое отношение выделяется в падежной грамматике Филлмора под названием «Экспериенцер», или «Датив». В разных системах формально-семантического описания выделяются разные наборы СО. Так, в падежной грамматике Ч. Филлмора выделяется 6 СО, называемых «глубинными падежами»:

1. Агентив (А) — падеж одушевленного инициатора действия.
2. Инструменталис (I) — падеж неодушевленной силы или предмета, который включен в действие или состояние, называемое глаголом, в качестве его причины.
3. Датив (D) — падеж одушевленного существа, которое затрагивается состоянием или действием, называемым глаголом.
4. Фактитив (F) — падеж предмета или существа, которое возникает в результате действия или состояния, называемого глаголом.
5. Локатив (L) — местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом.
6. Объектив (O) — семантически наиболее нейтральный падеж; что-либо, что может быть обозначено существительным, роль которого в действии или состоянии, которое называет глагол, определяется интерпретацией самого глагола.

В книге Ю. Д. Апресяна выделено 25 СО (см. [Апресян 1974: 125–126]). Н. Н. Леонтьева использует в своем информационном языке до 100 СО. Эти различия объясняются тем, что в зависимости от цели, для которой разрабатывался соответствующий метаязык, и от общей структуры модели, исследователь останавливался на том или ином уровне обобщения конкретных содержательных отношений, наблюдаемых между словами, синтаксически связанными в тексте. Так, в ряде метаязыков выделяются в качестве разных СО такие отношения, как:

- 1) «входить в класс»: a ISA b (*Фидо — собака*);
- 2) «быть инициатором действия»: a агентив b (*Мальчик бежит.*);
- 3) «испытывать состояние»: a экспериенцер b (*Мальчик болеет.*);
- 4) «иметь свойство»: a атрибут b.

Но в системе СО Апресяна все эти отношения сведены к одному — отношению субъекта. Сам он признает, что отношение субъекта менее семантически содержательно, чем валентности целесообразного деятеля или носителя свойства, и было введено потому, что его система 25 семантических отношений выросла из синтаксических штудий, и потому синтаксические факторы играют заметную роль в определении некоторых отношений, в частности, как раз субъекта, объекта и содержания.

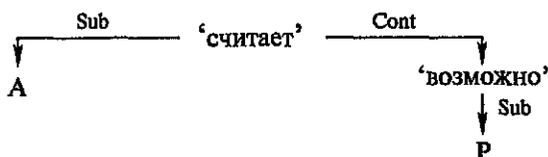
Выше мы познакомились уже с теми системами семантического описания, в которых значения слов представляются в виде элементарных смысловых единиц — сем, связанных элементарными семантическими отношениями. Для таких систем естественно встает вопрос: как соотносятся между собой два множества — множество семантических отношений между значениями слов во фразе и множество отношений между семантическими компонентами в составе толкования слова?

На этот вопрос в принципе может быть два ответа: 1) СО между семами в описании значения слова и СО между значениями слов в тексте — это два разных, не связанных между собой набора СО; 2) все СО между значениями слов в тексте могут быть сведены к минимальному количеству СО, составляющему синтаксис метаязыка для описания значения слов.

Только второй ответ на этот вопрос соответствует задаче построения интегрального семантического описания языка. Такое описание в частности предполагает, что фразы, признаваемые имеющими одно и то же значение, должны получить тождественные описания. Но если СО между словами никак не соотносятся с СО между семантическими компонентами, то мы не сможем дать одинаковые репрезентации синонимичным

фразам, в одной из которых некоторый фрагмент информации выражен одним словом, а в другой — сочетанием слов. Рассмотрим, например, синонимичные предложения: *А допускает, что Р и А считает, что Р возможно*.

Если отношение между семами 'считать' и 'возможно' будет рассматриваться как принципиально отличное от отношения между словами *считать* и *возможно*, то мы не сможем сопоставить данным равнозначным фразам одно и то же семантическое описание. Если же мы признаем, что набор СО между семами в принципе не отличается от набора СО, устанавливаемых между значениями слов, то мы придем к формулированию единого представления для данных фраз:

Мы знаем, что количество элементарных семантических единиц (сем) меньше количества описываемых с их помощью слов. Точно так же и количество СО между семами меньше количества отношений между значениями слов во фразе. В языке для описания значений слов, предложенном Ю. Д. Апресяном в его «Лексической семантике», между семами устанавливается всего восемь элементарных СО (ЭСО): субъекта, объекта, контрагента, содержания, места, времени, количества и определяющего. Те же отношения мы видим и среди СО, устанавливаемых между значениями слов в тексте. Но кроме них есть и другие, например отношение адресата. Откуда возникают эти дополнительные по отношению к основным отношения? Оказывается, что все такие отношения являются производными от базовых элементарных отношений. Они могут быть проинтерпретированы в терминах элементарных семантических единиц (ЭСЕ) и ЭСО. Так, отношение «адресат» может быть проинтерпретировано с помощью ЭСО субъекта и объекта и ЭСЕ 'каузировать' и 'иметь информацию':

$$\text{'каузировать'} \xrightarrow{\text{Obj}} \text{'Р}_{\text{информ.}} \xrightarrow{\text{Sub}} \text{А} = \text{'каузировать Р}_{\text{информ.}} \xrightarrow{\text{Adr}} \text{А}$$

Таким образом адресат — это субъект вызванного кем-то информационного процесса. В работе [Апресян 1974] рассматриваются различные способы наследования словом тех СО, которые присутствуют у семантических компонентов, входящих в состав данного слова.

Кратко остановимся еще на одном способе отражения в семантической теории такого явления, как СО. Он отличается от только что рассмотренного тем, что СО в нем не задаются списком из конечного числа элементов, распространяемого затем на все случаи отношений

между значениями слов в тексте, а определяются индивидуально для каждой лексической единицы в качестве внутренне присущего ей свойства (см. ниже понятие валентности). В некотором смысле можно говорить, что здесь признается ровно одно синтагматическое отношение между семантическими единицами: отношение заполнения словом или семой определенного места, открываемого другим предикатным словом или другой предикатной семой. Такой способ принят в МСТ И. А. Мельчука [Мельчук 1974]. См. ниже пример подобной трактовки СО в модели управления глагола *ударять*.

7.2. Семантические валентности лексемы как семантические отношения, обусловленные ее лексическим значением

Интересными для лексической семантики синтаксическими свойствами слова являются, в первую очередь, его семантические валентности.

Мы говорим, что у некоторого слова Л есть семантическая валентность X, если слово Л описывает ситуацию, в которой есть обязательный участник, выполняющий роль X. Значения слов, связанных с Л и обозначающих обязательных участников описываемой словом Л ситуации, называются семантическими актантами этого слова. Семантические актаны слова Л заполняют семантические валентности слова Л. Подчеркнем, что, хотя понятия актанта и валентности нередко смешивают, они имеют разную логическую природу. Если семантический актант слова Л — некоторое значение, отличное от значения самого Л и переменное в том смысле, что в разных предложениях со словом Л оно разное, то семантическая валентность слова Л — это постоянное внутреннее свойство самого Л, обусловленное его значением. Содержание семантических валентностей слова — это роли участников ситуации — агенс, пациенс, инструмент, место и т. п. Эти роли суть части лексического значения данного слова.

И. А. Мельчук так поясняет понятия семантической валентности и семантического актанта [Мельчук 1974]. Возьмем слово *наказывать*. Чтобы определить, каковы его семантические валентности и семантические актаны, надо сделать то же, что мы делали при компонентном анализе, т. е. проанализировать обозначаемую этим словом ситуацию. О наказании можно говорить только в том случае, когда лицо В совершило проступок С, а другое лицо А причиняет В некоторое зло D с целью заставить самого В (или ему подобных лиц) исправиться и впредь не совершать проступков типа С. Эти А, В, С и D и есть обязательные «участники» ситуации «наказания», т. е. ее переменные семантические актаны. («Участник» здесь понимается широко — это может быть не только физический объект, но и действие). Они необходимы и достаточны, т. е. полностью определяют ситуацию наказания: если хотя бы один из них

отсутствует, слово *наказывать* употреблять нельзя. Если убрать А — целенаправленного деятеля, то останется зло D для лица В, возникшее само по себе, и проступок С этого лица В. Для описания такой ситуации слово *наказать* если и может быть употреблено, то лишь фигурально. Если убрать В, то от описанной ситуации вообще ничего не останется. Если убрать проступок С, то останется только то, что А причиняет В зло D, а это опять не *наказание*, а просто, например, *истязание*. Наконец, если убрать зло D, то останется воздействие лица А на лицо В, совершившее проступок, с целью исправить В, но такая ситуация не есть наказание, а например, *порицание* и т. п.

Если же А, В, С и D присутствуют в соответствующих ролях и выступают: А — в роли целесообразного деятеля, инициатора описываемой ситуации — агенса, В — в роли лица, затрагиваемого описываемой ситуацией, — пациенса, С — в роли события, мотивирующего описываемую ситуацию, и D — в роли средства осуществления ситуации, то происходящее всегда можно назвать *наказанием*.

Если мы вспомним теперь, какова практика описания значения предикатных слов в лингвистических теориях, рассматривающих описание значений слов как интегральную часть описания языка в целом, таких как МСТ, а также различные версии порождающих грамматик, мы увидим, что число семантических актантов и семантических валентностей слова равно числу переменных в описании его значения, т. е. в толковании.

Семантические актанты и валентности слов необходимо последовательно отличать от синтаксических актантов и валентностей. Семантические актанты и валентности — это единицы и отношения плана содержания речевого отрезка, а синтаксические актанты и валентности — это единицы и отношения, характеризующие план выражения речевого отрезка. Вторые выступают в качестве означающего для первых.

Синтаксические актанты слова — это возможные при данном слове в тексте «сильноуправляемые» зависимые члены — подлежащее и дополнения. Так, у *наказывать* имеется четыре синтаксических актанта. Помимо актантов слово может чисто грамматически подчинять себе много других слов. Например, к глаголу *наказать* вполне способны присоединяться такие словосочетания, как например *в прошлый четверг, в пионерском лагере, с большим удовольствием* и т. п. Эти именные группы не будут, однако, синтаксическими актантами. Различие между актантами и не-актантами проводится по следующему признаку: если слово У синтаксически зависит от слова X и при этом морфо-синтаксическое оформление У зависит не только от типа синтаксической связи, ее содержания, части речи и формы У, но и конкретно от X как лексем, то У является синтаксическим актантом (дополнением), в противном случае — определением или обстоятельством.

В рамках интегральных моделей описания языка, в которых слово должно быть описано так, чтобы затем можно было построить семан-

тическую интерпретацию предложения с этим словом, необходимо тем или иным способом обеспечить соотнесение синтаксических актантов лексемы с ее семантическими валентностями. В МСТ этой цели служит модель управления (далее МУ) — таблица, количество столбцов которой соответствует количеству семантических актантов лексемы, и для каждого из семантических актантов в отведенном для него столбце указываются все способы оформления соответствующего ему синтаксического актанта.

Сразу же следует подчеркнуть, что взаимно-однозначного соответствия между семантическими и синтаксическими актантами, семантическими и синтаксическими валентностями не существует.

В качестве примера рассмотрим МУ слова *ударять*.

Чтобы построить МУ, надо определить количество валентностей у данной лексемы, а для этого надо знать, какое количество переменных содержится в ее толковании. В несколько упрощенном виде толкование *ударять* приведено ниже:

А ударяет Y-а X-ом = А резко и кратковременно каузирует X приходить в контакт с Y-ом (ср. [Апресян 1974: 108]).

Глагол *ударять* представлен здесь как обозначающий ситуацию с тремя участниками, соответственно у него три семантических валентности и три семантических актанта — исполнитель действия, объект действия и инструмент. (Отметим, кстати, что в четырехтомном толковом словаре МАС в толковании упоминаются только два участника — исполнитель и объект.) Следовательно, в МУ должно быть три столбца.

Как соотносятся эти семантические актанты с синтаксическими?

Во-первых, вполне правильными и законченными признаются предложения типа: *Милиционер ударил грабителя*, где семантическому актанту инструмента не соответствует никакого синтаксического актанта. В подобных случаях говорят о синтаксической факультативности соответствующей валентности, в нашем случае — валентности инструмента. Информация о синтаксической факультативности актанта должна как-то фиксироваться в МУ, например, путем заключения соответствующего актанта в круглые скобки. С другой стороны, вполне правильными и предложения типа *Милиционер ударил грабителя дубинкой по лечу/коленом в живот*, где трем семантическим актантам соответствует четыре синтаксических. В подобных случаях говорят о расщеплении одной из валентностей, в нашем случае очевидно, что это валентность объекта действия. В таких случаях И. А. Мельчук предлагает соответственно увеличивать число столбцов МУ.

1 = А [кто каузирует контакт]	2 = Y [объект]	3 = X [инструмент]	4 [поражаемая часть объекта Y]
$S_{им}$	$S_{виц}$	$S_{твор}$	по $S_{дат}$ в $S_{виц}$

Главная проблема при определении состава семантических валентностей слова состоит в том, чтобы правильно провести границу между валентностями, связывающими значение слова с его актантами, и более слабым типом семантических зависимостей, соединяющих значение слова (или более сложного языкового выражения) с его сирконстантами. При этом обычно руководствуются следующими соображениями.

1. Обязательность соответствующих аспектов (участников) для обозначаемой словом ситуации говорит о том, что они являются семантическими актантами. При этом актантами не считаются аспекты (участники), присущие всем ситуациям вообще, например, такие, как время и место, которые в большинстве случаев выступают как сирконстанты (ср., однако, глаголы типа *проживать*, для которых место выступает как актант, и глаголы типа *датировать*, у которых одним из актантов является время). Соответственно, необязательность того или иного аспекта (участника) для ситуации, как правило, свидетельствует о том, что он является сирконстантом (см., однако, ниже о факультативности семантических валентностей).

Так, для ситуации, описываемой глаголом *идти* такой ее аспект, как причина, является вообще необязательным, а такой, как время, — присущим всем действиям и состояниям. Выражения с этим значением могут присоединяться к *идти* (ср. *Глубокой ночью он шел пешком через весь город, потому что у него не было денег на такси*), но эта способность характерна не только для данной лексемы и потому соответствующие аспекты рассматриваются как сирконстанты и не включаются в МУ.

2. Семантических валентностей у слова бывает немного, от одной до трех, реже четыре и более.

3. Для семантических актантов характерна идиоматичность морфологического выражения: оно зависит не только от содержания соответствующих валентностей, но и от лексемы, которой принадлежит актант. Так, участник ситуации с одной и той же семантической ролью адресата при глаголе *сообщать* выражается именем в дательном падеже, а при глаголе *извещать* — в винительном. Это явный показатель того, что мы имеем здесь дело с семантическим актантом соответствующих лексем.

Одни семантические отношения (напр., субъект/агенса, объект/пациенса) всегда являются валентностями лексемы, другие — могут при одних лексемах трактоваться как валентности, а при других как средство присоединения сирконстантов. Относительно СО второго типа Ю. Д. Апресян отмечает: «Значения начальной точки (Ab), конечной точки (Ad), инструмента (Instr) и средства (Mode) является чаще содержанием семантической валентности, чем чисто грамматической зависимостью. Все остальные значения чаще являются содержанием чисто грамматической зависимости» [Апресян 1974: 126].

Проблема определения состава валентностей слова усложняется еще и тем, что помимо упомянутой выше синтаксической факультативности существует еще и семантическая необязательность (факультативность) валентности. Вопреки самому определению семантической валентности, основанному на выделении в ситуации обязательных участников, в ряде случаев признается, что состав таких участников может варьировать в определенных пределах. Так, семантически факультативна валентность цели (*Dest*) у большинства глаголов направленного, ориентированного движения. Это должно учитываться при установлении валентностной структуры слова *идти* и отражаться в его МУ. Теперь посмотрим, имеется ли у глагола *идти* валентность маршрута?

Идти относится к глаголам перемещения, которые имеют как минимум три валентности, так как для их истолкования необходимо помимо самого движущегося тела *A*, упоминание по крайней мере двух разных точек пространства *B* и *C*, в которых *A* находится в последовательные моменты времени. Это хорошо согласуется с тем фактом, что подавляющее большинство таких глаголов свободно сочетается с формами со значениями начальной и конечной точек, а многие глаголы даже управляют ими. Многие глаголы перемещения свободно сочетаются и с формами со значением маршрута (ср. *двигаться по дороге, лететь вдоль берега*). Является ли СО маршрута (*Itin*) валентностью глаголов перемещения, или же присоединяет к данному слову сирконстант?

Из толкования глагола *идти*, приведенного в [Апресян 1974: 108]:

A идет из Y-a в Z = 'A перемещается из Y-а в Z, передвигая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью, по которой A перемещается'

можно заключить, что СО маршрута не входит в число валентностей данного глагола. Но почему начальная точка *Y* и конечная точка *Z* — семантические валентности, а поверхность, по которой *A* перемещается (а это и есть один из аспектов маршрута) — нет? Принципиальных оснований для такого решения данного вопроса не существует. Не случайно в той же работе среди примеров на валентности, которые могут быть семантическими хотя бы при некоторых словах на валентность маршрута, приводятся примеры *идти* — *по дороге*; *плыть* — *через океан* [Апресян 1974: 126]. По-видимому, выход в таких спорных случаях и состоит в том, чтобы считать валентность, подобную валентности маршрута у глагола *идти* семантически факультативной и отражать ее в модели управления¹⁾. С учетом семантически факультативных валентностей МУ глагола *идти* будет иметь следующий вид:

¹⁾ Существует и иной выход: отражать в МУ не только актанты, но и сирконстанты лексемы, поскольку, как показано в работе [Плунгян, Рахилина 1990], выражение последних также бывает специфичным для конкретной лексемы.

A идет из B в C (маршрутом D с целью E)

1 = A Sub (субъект)	2 = B Ab (нач. точка)	3 = C Ad (кон. точка)	(4 = D) Itin (маршрут)	(5 = E) Dest (цель)
$S_{им}$	1. из $S_{род}$ 2. с $S_{род}$ 3. от $S_{род}$ 4. Adv	1. в $S_{вин}$ 2. на $S_{вин}$ 3. к $S_{дат}$ 4. Adv 5. до $S_{род}$	1. $S_{тв}$ 2. по $S_{дат}$ 3. через $S_{вин}$ и т.д.	1. за + $S_{тв}$ 2. на + $S_{вин}$ 3. V_{inf} 4. чтобы S и т.д.

Все прочие СО, которые могут связывать лексему *идти* с другими словами в предложениях, уже не могут рассматриваться как ее валентности, потому что им не находится места в толковании (ср. СО в сочетаниях *идти впереди* / за $N_{род}$ / *в течение* $N_{род}$ / *шагом, быстро, гуськом* и т. п.).

Понятию семантической валентности, используемой в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», в других теориях языка соответствуют следующие понятия:

1) в падежной грамматике Ч. Филлмора (см. [Филлмор 1976а], [Филлмор 1976б]) — **глубинный падеж**;

2) в универсальной порождающей грамматике Н. Хомского (см. [Chomsky 1981]) — понятие Θ -роль (**тематическая роль**).

Θ -теория имеет дело с приписыванием семантических ролей (Θ -ролей) типа «агенса» элементам предложения, подпадающим под действие универсального принципа грамматики языка, называемого Θ -критерием:

Θ -критерий:

— каждому аргументу (синтаксическому актанту) должна быть приписана Θ -роль (семантическая валентность);

— каждая Θ -роль (семантическая валентность) может быть приписана одному и только одному аргументу (синтаксическому актанту).

Θ -роли, приписываемые данной лексемой своим аргументам содержатся в ее словарной статье наряду с информацией о составе ее аргументов. Так, в словарной статье английского глагола *lend* «одалживать» эта информация представляется в виде так называемой Θ -решетки, соотносящей синтаксические актанты лексемы с их семантическими ролями (при этом из синтаксических актантов указываются при лексеме только так называемые внутренние аргументы (дополнения), а подлежащее, как внешний аргумент, наличие которого в предложении от лексемы не зависит, среди актантов не указывается, но семантическая его роль тем не менее отражается в составе семантических требований лексемы:

<i>lend</i>	[—,	NP,	NP/PP]
	(Агенса,	Пациенса,	Цель)

Очевидно, что Θ -решетка представляет собой аналог модели управления — способ задания соответствия между синтаксическими и семантическими валентностями.

7.3. Сочетаемость лексемы

Сочетаемость слова А — это информация о требованиях, которые предъявляет слово А к слову В, синтаксически связанному со словом А.

В качестве синонимов термина «сочетаемость» используются термины «ограничения на сочетаемость» и «сочетаемостные ограничения».

В [Апресян 1974] выделяется три типа сочетаемости.

Морфо-синтаксическая сочетаемость слова А: — информация о части речи слова В и о его грамматической форме.

Если слово В заполняет семантическую валентность слова А, то морфо-синтаксические ограничения на сочетаемость А с В, или, что то же самое, морфологические способы реализации валентностей фиксируются в модели управления этого слова. Так, морфо-синтаксическая сочетаемость слова *победа* отражена в МУ:

1 (кто победил)	2 (кого победил)	3 (вид борьбы)
$S_{\text{род}}$ $A_{\text{прит}}$	<i>над</i> $S_{\text{ть}}$	<i>в</i> $S_{\text{прелл}}$ А

Семантическая сочетаемость слова А — информация о том, какими семантическими признаками должно обладать слово В, синтаксически связанное со словом А. О семантическом характере ограничения можно говорить только в тех случаях, когда любое слово В, имеющее требуемый семантический признак, способно сочетаться с А.

Семантическую сочетаемость слова А по его валентностям удобно записывать при модели управления в виде условий, которым должно удовлетворять слово, претендующее на замещение определенной семантической валентности.

Так, у слова *снимать* вторая валентность (пациент) может быть заполнена только словом, обозначающим 'помещение'; слово *агрессия* требует от слова, заполняющего его первую валентность (агент), семантического признака 'государство', независимо от морфологического оформления валентности ($S_{\text{род}}$, со стороны $S_{\text{род}}$, А). Семантическое ограничение может накладываться на слово, связанное с исходным определенным семантическим отношением, которое выражено определенным морфологическим способом. Например, если валентность контрагента слова *долг* выражена способом *в* $S_{\text{вин}}$, то S должно содержать семантический компонент 'учреждение, хранящее деньги': *долг в банк, в кассу взаимопомощи*.

В известной семантической теории Дж. Катца [Катц 1975] семантическая сочетаемость лексемы описывается с помощью селекционных ограничений, которые в словарной статье лексемы задаются в виде множества семантических маркеров (= семантических признаков), заключаемого в угловые скобки. Так, селекционные ограничения слова *honest* «честный», представляемые как <(человек) & ¬ (младенец)>, показывают, что слово *honest* сочетается только с такими словами, которые обозначают человеческих существ, но при этом не младенческого возраста.

Лексическая сочетаемость слова А — информация о том, каким должно быть слово В (или класс слов $V_1, V_2, V_3, \dots, V_n$), находящееся в определенной синтаксической связи с А.

Лексическую сочетаемость слова А по его валентностям удобно записывать при модели управления в виде списка слов, которые могут претендовать на замещение данной валентности.

Чаще всего лексическое ограничение на сочетаемость по некоторым валентностям связано с определенным морфологическим способом ее реализации. Например, отношение мотивировки при *долге* может быть выражено родительным падежом, но тогда оно может связать слово *долг* только со словами, которые должны задаваться списком: *дружба, гостеприимство, приличие, честь, вежливость*, но не *скромность, бережливость, любовь*.

В рамках лексической сочетаемости можно выделить два подтипа (см. [Котелова 1975]): абсолютную сочетаемость и относительную сочетаемость.

Абсолютная сочетаемость слова — информация о том, что данное слово сочетается только с одним—двумя другими словами: *опрометью (броситься), навтыляжку (стоять), потупить (глаза, взор), заживо (похоронить), заклятый (враг)*.

Относительная сочетаемость — информация о том, что если при данном слове нужно выразить некоторое значение, то подойдет не любое слово, имеющее это значение, а только одно или несколько слов из определенного списка. Иначе говоря, это регламентация сочетаемости при необходимости выразить при данном слове некоторое значение, вообще говоря, свойственное целому ряду слов в языке.

Описание относительной лексической сочетаемости слова можно представить себе как заполнение некоторой анкеты, вопросами которой являются названия типовых значений, а ответами — способы их лексического выражения. Способ такого описания впервые предложен в МСТ. Это лексические функции—параметры.

Стандартная лексическая функция—параметр (ЛФ—П) — это абстрактное типовое значение, которое, подобно грамматическому, выражается при достаточно большом числе слов; однако в отличие от грамматического, при разных словах оно выражается разными средствами, причем способ его выражения зависит от того, при каком именно слове оно выражается.

Описание лексической сочетаемости слова X с помощью ЛФ–П имеет следующий общий вид:

$f(x) = \{y_i\}$, где x — ключевое слово, аргумент лексической функции f , f — символическое обозначение некоторого типового смысла, например, *Magn* (= 'высокая степень'), *Sing* (= 'единичность'), *Caus* (= 'причина'), *Inser* (= 'начинаться') и др.

Перечень ЛФ–П и примеры описания лексической сочетаемости конкретных лексем содержатся в работах [Мельчук 1974], [Апресян 1974], [ТКС 1984].

7.4. Взаимосвязь между лексической синтагматикой и парадигматикой

Рассматривая проблему описания значения слова, мы пришли к выводу о том, что в общем случае невозможно правильно, адекватно описать значение слова, изъяв его из типового синтаксического контекста. Таким образом, описание значения (парадигматического свойства слова) требует учета его синтагматических свойств.

Далее, перейдя непосредственно к рассмотрению синтагматических свойств слова, мы выделили такие его свойства, как семантические валентности. При этом данная синтагматическая семантическая характеристика слова оказывается неотделимой от его толкования. А ведь толкование слова строится на основе описания парадигматических свойств лексических единиц. Опять синтагматика и парадигматика оказались неразрывно связаны.

Далее мы ввели в рассмотрение такое понятие лексической синтагматики, как сочетаемость и показали, что можно выделить три разновидности сочетаемостных свойств слова: морфо-синтаксическая, лексическая и семантическая сочетаемость. Рассмотрим, как эти синтагматические свойства соотносятся с парадигматическими свойствами слова.

Возьмем морфо-синтаксическую сочетаемость слова, или его синтаксическую дистрибуцию, и зададим такой вопрос: связаны ли между собой такие два аспекта слова, как его денотативно-сигнификативное значение и его синтаксическая дистрибуция, или же они независимы друг от друга? Тот факт, что эти две характеристики часто коррелируют между собой, несомненен. Слова, близкие по значению, имеют и сходные синтаксические свойства:

1. Они входят в одни и те же синтаксические конструкции.

Например, *считать* и *находить* в значении 'полагать' могут управлять придаточным изъяснительным или именем в винительном падеже.

2. Они допускают одни и те же трансформации.

Так, глаголы *считать* и *находить* допускают следующие трансформации:

- (1) $N_{им.}^1 V, \text{ что } N_{им.}^2 \text{ Сор } \{N_{им.}^3 / A_{им.}\} \Leftrightarrow N_{им.}^1 V N_{вин.}^2 \{N_{тв.}^3 / A_{тв.}\}$
 (Он считает / находит, что Петр интересный собеседник \Leftrightarrow Он считает / находит Петра интересным собеседником);
- (2) $N_{им.}^1 V, \text{ что не } S \Leftrightarrow N_{им.}^1 \text{ не } V, \text{ что } S$
 (Он считает/находит, что Петр не изменился \Leftrightarrow Он не считает/находит, что Петр изменился).

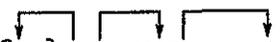
Подобные факты позволили в начале 60-х гг. тем, кто стремился к внедрению в лексикологию передовых для того времени структурных методов анализа, выдвинуть гипотезу: различие между любыми двумя значениями, если оно релевантно в данном языке, отражается в существенных синтаксических различиях.

Если бы эта гипотеза была верна, то можно было бы получать классы семантически близких лексем, т. е. семантические поля, на чисто формальном основании, исходя из анализа одних только синтаксических свойств, а затем на основе полученной таким образом классификации проводить компонентный анализ значений. Иначе говоря, можно было бы описать семантику через синтаксис.

Ю. Д. Апресян, придерживавшийся этой гипотезы в 60-е гг., посвятил ее проверке несколько работ, наиболее известной из которых является монография «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» [Апресян 1967]. Мы рассмотрим методику анализа лексического значения через синтагматику, которая приводится в одной из более ранних его работ.

Дистрибутивная методика. Описание дистрибуции лексемы основано на следующих допущениях: а) мы умеем отнести каждое слово фразы к одному из выделенных в данном языке грамматических классов слов (N, V, A, D) и знаем все служебные элементы (как слова, так и морфемы); б) мы умеем устанавливать в любой правильной фразе все синтаксические связи слов. Дистрибуция лексемы описывается с помощью процедуры, состоящей из нескольких шагов.

На первом шаге строится **ориентированная фраза** — любая правильно построенная фраза с данным словом превращается в новую фразу, ориентированную относительно интересующего нас слова, которое является в этом случае ядром. Ориентированная фраза — это конечная цепочка слов, каждое из которых синтаксически непосредственно связано с ядром. См. примеры фраз, ориентированных относительно слов *сделался* и *зеленым*:

- а) Он сделался зеленым от страха (Он сделался зеленым);
- б) Он сделался зеленым от страха (сделался зеленым от страха);

На втором шаге строится **дистрибутивная формула**.

Дистрибутивная формула — ориентированная фраза, в которой все элементы, за исключением ядра, представлены в терминах классов слов (ядро представлено конкретным словом). Так, дистрибутивная формула, соответствующая ориентированной фразе (3б), имеет вид (4):

(4) V зеленым от $N_{\text{род}}$.

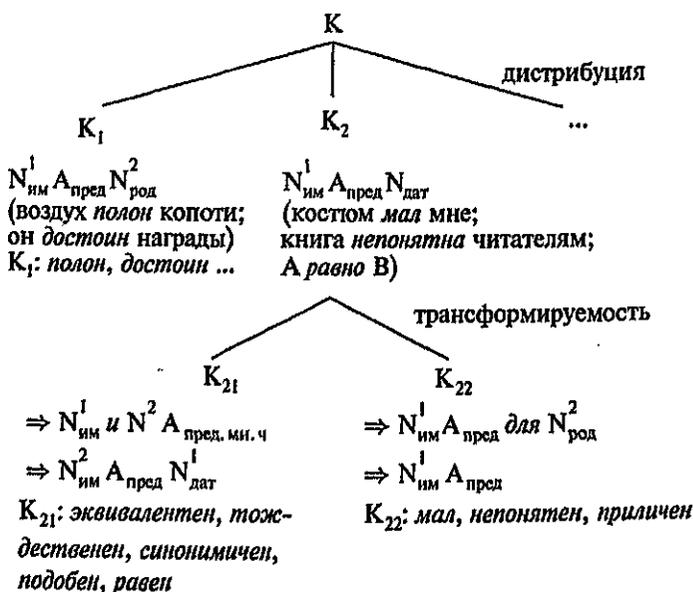
На третьем шаге строится **конструкция**, равная ориентированной фразе, все элементы которой представлены в терминах классов слов. Так, из дистрибутивной формулы (4) получается конструкция (5):

(5) V $A_{\text{твор}}$ от $N_{\text{род}}$.

Каждой конструкции, согласно гипотезе, соответствует некоторое обобщающее значение. Каждая конструкция определяет один класс эквивалентных лексем (= семантическое поле): все те лексемы, которые могут занимать в ней ядерные позиции.

Дистрибутивная методика дополняется **трансформационной**. Основной принцип использования трансформационного анализа для разграничения классов эквивалентных лексем (= семантических полей): если две или более фразы, которым соответствует одна конструкция, допускают трансформацию Т, это является признаком того, что их ядерные лексемы относятся к одному семантическому классу (полю), если одна из них допускает Т, а другая нет, то это признак того, что ядерные лексемы относятся к разным семантическим полям.

Поясним сказанное на примере.

Так, на основе чисто синтаксического анализа строится иерархия семантических классов слов (семантических полей), а с построением такой иерархии можно в свою очередь связать компонентный анализ значений слов (разложение значений на составляющие их семантические компоненты — семы). Действительно, если мы считаем, что за каждым синтаксическим признаком стоит семантический признак, то любому слову, входящему в класс, характеризующийся некоторым набором синтаксических свойств, можно поставить в соответствие набор семантических компонентов, служащих интерпретацией этих свойств. Так, например, применение дистрибутивно-трансформативного анализа к множеству русских глаголов позволяет представить значение глагола *молоть* (*Мельник молот зерно*) в виде набора из шести сем:

‘+транзитивность’:	вхождение в конструкцию $N_{им}^1 V N_{вин}^2$ и Т: $\Rightarrow N_{им}^2 V_{ся} N_{те}^1$ (<i>зерно молотось мельником</i>)
‘действие или состояние’: (в противоположность ‘движению’)	невозможность Т из $N_{им}^1 V_{св} N_{тв}^2$ в $N_{им}^1 V_{св} N_{тв}^2$ (ср. <i>дети перебежали поле</i> и <i>дети перебежали полем</i>)
‘+выраженность’:	возможность развертывания позиции $N_{дат}^3$: $N_{им}^1 V N_{дат}^3 N_{вин}^2$ (<i>мельник молот соседу зерно</i>)
‘+направленность’:	возможность развертывания позиции цели на $N_{вин}^3$ (<i>молоть зерно на муку</i>)
‘—объектная ориентированность’:	невозможность трансформации факультативной позиции на $N_{вин}^3 \Rightarrow$ для $N_{вин}^3$ (ср. <i>шил костюм на (для) мальчика</i> ; <i>молот зерно на муку</i> / * <i>для муки</i>)
‘превращение’:	$N_{им}^1 V N_{вин}^2$ в/на $N_{вин}^3 \Rightarrow N_{им}^3 V_{ся} N_{тв}^1$ из $N_{род}^2$ (<i>он молот зерно в / на муку</i> \Rightarrow <i>мука молотась им из зерна</i>)

Ясно, что такое компонентное определение не является исчерпывающим определением денотативно-сигнификативного значения, т. е. не позволяет отличать друг от друга лексемы одного и того же конечного класса иерархии слов, основанной на их синтаксических свойствах. *Молоть* не отличается от *резать*, *рубить*, *свертывать*, *косить*. И даже семантические поля дистрибутивно-трансформационным методом выделяются не точно.

В теории трансформационных порождающих грамматик взаимодействие парадигматической семантики и синтаксиса отражалось в понятии синтаксического аргумента: то или иное сочетаемое ограничение или возможность трансформации рассматривались как свидетельства «за» или «против» приписывания предложению определенной глубинной

структуры (\approx семантического представления). Синтаксический аргумент в лексической семантике использовала и А. Вежбицка.

По прошествии многих лет уже на новом витке всплывает старая проблема соотношения синтагматики и парадигматики в работе Е. В. Падучевой: «Глаголы действия: толкование и сочетаемость.» [Падучева 1992]. Исходя из того, что связь между толкованием и сочетаемостью несомненна, она показала, что сочетаемостные свойства глаголов действия (прежде всего физического) могут быть выведены из общих компонентов в их толковании. Для этого потребовалось уточнение понятия «действие». С точки зрения традиционной грамматики «действие» — все, что выражается глаголом или отглагольным именем, но это не соответствует обыденному употреблению слова «действие». Чтобы понять семантическую специфику «действий», рассмотрим толкование типичного глагола действия *открыть*, точнее его английского эквивалента *open* [Wierzbicka 1988]:

(б) *X opened the door* «X открыл дверь»:

- 1) 'X хотел, чтобы дверь открылась';
- 2) 'X делал что-то с Y-ом (дверью) по этой причине (= 'по причине того, что 1)';
- 3) 'дверь открылась по этой причине' ('по причине того, что 2').

Компоненты, присутствующие в этом толковании, можно сформулировать в более общем виде и показать, что:

а) эти компоненты есть в толковании любого действия, т. е. составляют в своей совокупности определение понятия «действие»;

б) все важнейшие сочетаемостные свойства любого действия можно представить как семантическое следствие тех или иных компонентов такого толкования.

Е. В. Падучева подчеркивает, что в толковании слова обязательно должен быть выделен семантический компонент, определяющий ближайшее родовое понятие. В толковании предметных слов этот принцип обычно соблюдается, а в толковании глагольных лексем — нет. Родовое понятие, под которое подводится значение глагольной лексемы предлагается указывать в явном виде, используя семантическую классификацию предикатов типа той, которую разработал З. Вендлер [Vendler 1967] (см. схему на следующей странице).

По данной классификации глаголы типа *open* «открывать», *kill* «убивать» относятся к особой семантической категории, или роду **ДЕЙСТВИЙ**.

В свое время на страницах лингвистических журналов развернулась дискуссия по поводу правомерности толкования глагола *kill* как 'cause to die' (= 'каузировать умирать'), которое имело широкое хождение в работах по компонентному анализу значений.

Противники этого мнения (в том числе и А. Вежбицка) обращали внимание на то, что это толкование не содержит главного компонента

в семантике глагола — компонента, который бы выражал его принадлежность к классу глаголов физического действия. А. Вежбицка включает в толкование глагола *kill* компонент *'is doing smth to smth'* ('делать что-либо с чем-либо').

Приведем перечень семантических компонентов глагола *открыть*, общих у него с другими глаголами физического действия. Данный набор характеризует класс физических действий в целом. Это схема толкования любого физического действия.

1) Компонент «деятельность»: **ДЕЛАТЬ** или **ДЕЙСТВОВАТЬ**. 'X делает нечто' — общий компонент для всех глаголов действия или деятельности (противопоставленный компоненту 'с X-ом нечто происходит', общим для **ИНАКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ** и компоненту 'с X-ом нечто случилось', общим для **ПРОИСШЕСТВИЙ**).

2) Компонент «изменение»: **СТАЛ** — обязательная для действия идея перехода объекта действия в новое состояние: 'У стал из не Z-ового Z-овым'.

(1) и (2) задают родовое понятие **ДЕЙСТВИЕ**.

3) Каузативный компонент: 'Изменение, которое претерпел Y, есть следствие деятельности X-а'.

Следует отметить, что аргументы предиката 'каузировать' по Вежбицкой — положения вещей, а не лица, как в ТКС [Мельчук, Жолковский 1980].

4) Компонент «контакт»: 'X и Y находятся в некоторый момент t в физическом контакте друг с другом'.

Контакт требуется потому, что речь идет о физическом воздействии X-а на Y. Для *открывать* идея контакта выражается в компоненте (2) 'X делал что-то с Y-ом (дверью)'.

Ср. *X opened the door* «X открыл дверь» и

X made the door open «X сделал так, что дверь открылась»,

где вместо компонента 'X делал что-то', имеется компонент 'X ничего не делал с дверью'.

5) Компонент «намеренность»: 'X действовал по своей воле'.

См. для *открыть* компонент (1), где намеренность сведена к желанию.

6) Компонент «единство места»: 'X и Y находятся в некоторый момент в одном и том же месте (U)'.

7) Компонент «единство времени»: 'деятельность X-а и переход Y-а в новое состояние происходят в одном и том же временном интервале (T)'.

Схема толкований позволяет сделать следующие предсказания о синтаксических свойствах любого глагола действия:

А. О семантических актантах.

1. X — «Субъект действия» — переходящий признак предиката ДЕЙСТВИЯ. Из естественного согласования между характером деятельности и субъектом, способным ее выполнять, следует, что большинство действий в нормальных условиях может выполнять только человек (семантическая сочетаемость). Человек — естественный исполнитель для большинства действий, хотя *свить гнездо* может и птица, а *построить плотину* могут и бобры.

2. Y — «Объект действия». Наличие этого семантического актанта вытекает из компонента «переход»: 'Y стал Z-овым'. Y — объект, который претерпевает изменения в результате деятельности X-а. Таким образом объясняется связь акциональности с переходностью.

3. Компоненты «деятельность» и «контакт» вместе создают возможность для семантического актанта «Инструмент».

Б. О семантических сирконстантах.

4. Употребление в целевых конструкциях — следствие компонента «намеренность».

Ср. *Он учит английский язык, чтобы эмигрировать* и

**Он знает английский язык, чтобы эмигрировать.*

5. Компоненты «единство места» и «единство времени» объясняют хорошую сочетаемость с обстоятельствами места и времени. Эти компоненты порождают переменные «Место» (U) и «Время» (T).

Таким образом анализ показывает, что разработка единой схемы толкования для любого глагола действия может быть основой системного описания их сочетаемости.

Сравнивая ранние попытки вывести парадигматические семантические характеристики лексемы из синтагматических с позднейшими

попытками объяснить синтагматические свойства лексемы ее парадигматическими семантическими свойствами, можно сказать, что и те и другие базируются на объективно существующей связи лексико-семантической парадигматики с синтагматикой. Вместе с тем указанные аспекты слова обладают достаточной степенью автономности, что не позволяет ни вывести семантику лексемы из ее синтактики, ни полностью объяснить ее синтактику, исходя из семантики.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
2. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974. С. 119–163.
3. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974. С. 52–140.
4. *Падучева Е. В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
5. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
6. *Шалапина З. М.* Семантические элементы, семантические отношения и их взаимосвязь в системе элементарных семантических единиц // Представление знаний и моделирование процессов понимания. Новосибирск, 1980.

8.1. На пути от актуальных значений к узואальным: моносемия vs полисемия

Семантические различия между употреблениями слова могут быть связаны с социальными, психологическими различиями между использующими это слово людьми. Для каждого человека то или иное слово связано со специфической системой ассоциаций, с индивидуальной системой знаний о мире, с индивидуальным опытом. Так, например, человек, не являющийся специалистом в соответствующей области техники, связывает со словом *золотник* примерно следующее содержание: «какая-то деталь машины», а для специалиста то же слово несет гораздо более богатую информацию благодаря тому, что оно связано для него со знаниями об устройстве и принципах действия механизмов, частью которых является золотник.

Даже один и тот же человек, употребляя одно и то же слово применительно к однотипным ситуациям, но в разное время, может вкладывать в него не вполне тождественную информацию. Так, чувства, выражаемые словом *люблю* в признании *Я тебя люблю*, произносимом одним и тем же лицом и обращенном к одному и тому же адресату в два разных момента времени — в период влюбленности и через 20 лет после женитьбы — вряд ли будут во всем совпадать. В риторическом вопросе *Куда, куда, куда вы удалились?* каждое новое *куда* отличается от предыдущего по своей семантике тем, что передает все более высокую степень выведенности говорящего из состояния душевного равновесия (пример А. И. Смирницкого).

Во всех подобных случаях мы имеем дело с варьированием означаемого у одного и того же означающего, связанное с экстралингвистическими факторами — конкретной обстановкой и конкретными участниками речевого акта. Такие различия не только не мешают носителям языка признавать соответствующие словоупотребления одним и тем же словом, но и позволяют считать, что слово во всех подобных случаях выступает в одном и том же значении. Действительно, при всех денотативных, сигнификативных и прагматических различиях в семантике таких употреблений, они сохраняют неизменной некоторую общую часть, которая и составляет значение данного слова как единицы языка.

Джон Лайонз по этому поводу пишет: «Утверждение, что все “принимают” одно и то же несколько по-разному, является, вероятно, справедливым, но довольно бессмысленным. Семантика занимается объяснением степени единообразия в “употреблении” языка, которая делает возможным нормальное общение» [Лайонз 1977: 435].

Когда мы рассматриваем слово в отвлечении от конкретной ситуации его употребления — в составе предложения, изолированного от контекста, т. е. на промежуточном уровне обобщения, мы сталкиваемся с проблемой отождествления разных употреблений слова как реализаций одного и того же или разных узואальных значений.

Узуальное значение слова, или *узема*, есть абстракция от в принципе бесконечного ряда актуальных значений слова в речи, инвариант актуальных значений, все различия между которыми могут быть объяснены действием экстралингвистических факторов. Руководствуясь этим принципом, рассмотрим следующие примеры:

- (1) (а) *Увидев, что офицер, с которым ей давно хотелось познакомиться, приближается, она уронила платок.*
 (б) *В спешке укладывая чемодан, она уронила платок.*

В (1) представлены два употребления *ронять* с несовпадающими означаемыми:

- ронять* (а) = 'X намеренно перестает держать Y, и по этой причине Y падает';
ронять (б) = 'X ненамеренно перестает держать Y, и по этой причине Y падает'.

Два этих употребления могут быть сведены и обычно сводятся к одному языковому узуальному значению: 'X перестает держать Y и по этой причине Y падает'.

И хотя одно и то же предложение *Она уронила платок* в двух разных контекстах получает разную интерпретацию ('намеренно'/'ненамеренно'), для объяснения этого феномена достаточно считать, что в обоих случаях слово *ронять* выступает в одном и том же значении 'X перестает держать Y и по этой причине Y падает', а семантический компонент ('намеренно'/'ненамеренно') вносится в интерпретацию в результате умозаключения, опирающегося на экстралингвистические знания:

- 1) знания о принятых в некотором сообществе правилах знакомства;
- 2) знания о воздействии спешки на степень контроля субъекта над совершаемым действием.

Неоднозначность слов, подобную только что рассмотренной, т. е. неоднозначность в пределах одного ЛСВ слова, Ю. Д. Апресян называет *речевой многозначностью* [Апресян 1974: 176].

Речевая многозначность — это представленность узуального значения в речевом употреблении двумя или более вариантами, выбор между которыми обусловлен экстралингвистическим контекстом, в частности, знаниями о мире. Речевая многозначность слова не ведет к признанию его многозначным (полисемичным) как единицы языка.

С явлением речевой многозначности связан и так называемый принцип *диффузности значения*. Д. Н. Шмелев считал принцип диффузности значений многозначного слова решающим фактором, определяющим его семантику [Шмелев 1977: 86]. А. А. Уфимцева также характеризует содержательную сторону многозначного слова как непрерывный (т. е. не дискретный) ряд лексико-семантических единиц (см. [Уфимцева 1986: 32]). Действительно, узуальное значение диффузно, коль скоро оно покрывает ряд очень близких, но не полностью совпадающих означаемых. Иначе говоря, множество употреблений, которому сопоставляется одно узуальное

значение, один инвариант, является нечетким, размытым множеством. Естественно поэтому, что проблема сведения класса однородных употреблений к инварианту является одной из сложнейших в лексической семантике и лексикографии, где от ее решения зависит, сколько и каких именно значений будет выделено у данного слова.

Так, если вернуться к нашему слову *ронять* и его значению в предложениях (2):

- (2) (а) *Доставая книгу с верхней полки, он уронил стоявшую на ней вазу.*
 (б) *Пробегая через комнату, он уронил этажерку.*

мы встаем перед проблемой: считать ли, что здесь мы имеем дело с особыми актуализациями того же самого инвариантного узуального значения, что и в контекстах (а) и (б), или же здесь представлено другое узуальное значение, другой инвариант?

Если считать все эти употребления *ронять* однородными и сопоставлять им единый инвариант, то он должен формулироваться иначе: компонент 'X перестает держать Y' уже не может войти в толкование этого значения, но и просто выбросить его нельзя, так как формула 'X делает нечто, и по этой причине Y падает' — это уже толкование, которое не позволяет отличить *ронять* от *бросать*, *сталкивать*, *валить* и т. п.

В толковых словарях русского языка этот вопрос решается по-разному:

- 1) Ожегов: одно значение 'непроизвольно, нечаянно давать выпасть или упасть откуда-нибудь';
- 2) МАС: три разных оттенка одного значения
 - а) 'нечаянно выпустить из рук';
 - б) 'давать выпасть откуда-то';
 - в) 'нечаянно задевая, толкая, вызывать падение чего-либо';
- 3) БАС: два разных значения.

Семантические теории, в которых узуальное значение задается в виде списка необходимых и достаточных условий, способных охватить все случаи употребления слова, признаваемые однородными (большинство формализованных теорий семантического описания является именно такими) должны признать здесь наличие двух ЛСВ слова *ронять*:

$X \text{ роняет}_1 Y = \text{'X перестает держать Y и по этой причине Y падает'}$;

$X \text{ роняет}_2 Y = \text{'X ненамеренно прилагает силу к Y-у и по этой причине Y падает'}$.

В последнее время в когнитивной семантике была предложена новая трактовка диффузности, размытости лексического значения, опирающаяся на результаты исследований когнитивного психолога Э. Рош. Пропонентами этой новой концепции, называемой прототипной теорией значения, являются Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Д. Герартс и многие другие сторонники когнитивного подхода к языку.

Главным для этой теории является понятие прототипа. Мы знаем, что значение слова многослойно, многоаспектно, оно раскладывается на денотат и сигнификат. Соответственно, мы можем говорить о прототипическом денотате и прототипическом сигнификате слова. Прототипический денотат — типичный, эталонный представитель класса, или категории сущностей, обозначаемых данным словом. Так, например, типичный представитель класса объектов, обозначаемых словом *птица*, по данным экспериментов когнитивных психологов — это воробьи и малиновки, но не орлы, куры, страусы, пингвины, типичный фрукт — яблоко.

Прототипический сигнификат — это набор свойств, характеризующих прототипический денотат. Так, прототипический сигнификат слова *птица* складывается из признаков: 1) имеет крылья, перья; 2) кладет яйца; 3) имеет клюв, пару лапок; 4) умеет летать; 5) не хищник; 6) не домашний; 7) умеет петь и т. д.

Множество объектов, которые обозначаются словом *птица*, размыто. Оно имеет центр, представленный прототипическими птицами, и периферию, на которой находятся менее характерные представители данного класса, обладающие только некоторыми из свойств, присущих центральным членам категории.

В чем же идея прототипной семантики? Не пытаться определить значение слова в виде конечного списка признаков — критериев, которым должны удовлетворять все без исключения объекты, обозначаемые данным словом (в данном типе контекстов), а описать значение слова как прототипический каркас, т. е. набор свойств прототипического денотата, допуская при этом, что слово можно применять и к другим денотатам, разделяющим с прототипом не все, а лишь часть свойств. В качестве примера Филлмор приводит английский глагол *climb* «карабкаться, подниматься», в прототипическое значение которого входят два признака: 'движение вверх' и 'цепляясь ногами и руками'. Как показывают примеры:

- (3) (a) *The monkey climbed up / down a flagpole.*
Обезьяна карабкалась вверх/вниз по шесту.
(б) *The snail is climbing up a flagpole.*
Улитка ползет (буквально карабкается) вверх по шесту.
(в) **The snail is climbing down a flagpole.*
*Улитка карабкается вниз по шесту.

Теория прототипов исходит из того, что употребления, которые отклоняются от прототипической семантической структуры, представляемой центральными случаями употребления данного слова, по тому или другому признаку, не образуют отдельных узуальных значений. Так, значение слова *мать* в контексте предложения (4):

- (4) *Эта женщина не родила меня, но она моя настоящая мать, потому что она вырастила и воспитала меня.*

не образует какого-то особого узуального значения наряду с узуальным значением 'женщина, которая родила ребенка', под которое подводятся центральные случаи употребления этого слова. Употребления, подобные (4), не дают оснований считать слово *мать* многозначным (полисемичным), если принять, что таким узуальным значением является прототип, представленный кластером (пучком) семантических компонентов (5):

- (5) [прототипическая] мать = 'женщина, которая родила ребенка, отдала свою половину генов будущему ребенку, вынянчила его, является женой его отца, принадлежит к поколению, непосредственно предшествующему поколению ребенка и является законным блюстителем интересов ребенка' [Лакофф 1988: 42]

отдельные компоненты которого могут отсутствовать у периферийных, нетипичных случаев употребления этого слова.

Попробуем применить принцип прототипной семантики к *ронять*. Прототипическая ситуация *роняния* характеризуется следующими признаками:

- А. 'до t_i X держал Y';
 Б. 'в t_i X делает нечто';
 В. 'в результате этого (Б) Y падает';
 Г. 'падение Y-а не входило в намерения X-а'.

Всем условиям удовлетворяет пример (16), (1а) отклоняется от прототипа по признаку Г; (2а) и (2б) отклоняются по признаку А. Нельзя описать ситуацию как *роняние*, если одновременно нарушаются условия А и Г, например, если кто-то намеренно задел стул, чтобы вызвать его падение, то это нельзя описать, как *Он уронил стул*.

Еще один случай различения означаемых, которым можно сопоставить один инвариант на уровне узуальных значений, иллюстрирует пример (6) из [Апресян 1974]:

- (6) (а) *Лампы погасли* ('перестали светить').
 (б) *Дрова в камине погасли* ('перестали гореть').

Имеем ли мы в (2а) и (2б) два разных значения или одно, которое можно представить в виде включительной дизъюнкции [A V B = 'либо А, либо В, либо А и В одновременно]:

X гаснет = 'X перестает гореть или светить'.

Тест на подобную организацию значений — возможность употреблений, в которых одновременно реализуются оба компонента:

Дрова в камине и неоновые лампы на улице погасли почти одновременно.

Если А и В — два разных узуальных значения слова, то их употребление в подобном контексте создает каламбур, типа знаменитого *Шел дождь и два студента*.

Попробуем применить данный тест к *ронять*. Сравним следующие предложения:

- (7) (а) *Он ухитрился одновременно уронить вазу с полки и поднос из рук.*
 (б) *Он ухитрился одновременно уронить вазу с полки и свой авторитет.*

Из двух предложений (7) только (7б) воспринимается как каламбур. Значит значения *ронять*, представленные в (1а) и в (7а) можно свести к одному узуальному значению, имеющему дизъюнктивную организацию: 'нечаянно выпустив из рук или задев, вызвать падение чего-либо'.

Естественно, что трудности, связанные с диффузностью значений, заставляли лексикологов искать более твердую опору при решении вопроса о том, являются ли некоторые употребления слова носителями одного и того же узуального значения или нескольких разных значений, и для определения количества узуальных значений.

В лексической семантике эти основания детально проанализированы. Решая вопрос о том, представляют ли два употребления слова одно и то же его узуальное значение или два разных значения, семасиологи учитывают следующие пять факторов: 1) степень различия (виртуальных) денотатов и сигнификатов словоупотреблений; 2) их семантическую сочетаемость; 3) их синтаксическую сочетаемость; 4) парадигматические отношения словоупотреблений; 5) грамматические ограничения на употребления. Рассмотрим эти факторы последовательно.

Первый фактор — решающий. Если два употребления сильно различаются по своим денотатам и сигнификатам (сохраняя при этом существенную общую часть означаемого), то ясно, что перед нами разные значения одного слова. Так, поскольку денотатом слова *язык* в (8):

- (8) *Петя посмотрел в зеркало на свой язык и увидел, что он белый.*
 является физический объект, а в (9):

- (9) *Язык есть важнейшее средство человеческого общения.*

— идеальная сущность, хотя и связанная с этим объектом, нам ясно, что здесь мы имеем два разных значения. Поскольку денотатом слова *язык* в (8) является неодушевленный объект, а в (10):

- (10) *Иванов отвел языка в штаб отряда.*

— одушевленный, то здесь опять мы имеем дело с разными значениями.

Однако, если денотативно-сигнификативные различия употреблений слова не столь значительны, как в (8), (9) и (10), то возникает вопрос: достаточны ли они для постулирования разных узуальных значений? Сравним означаемые употреблений слова *язык* в (8) и (11), (12) и (13) соответственно:

- (11) *На второе подали отварной язык с горошком.*

- (12) 'орган во рту X-а, способствующий пережевыванию и глотанию пищи и участвующий в образовании звуков речи'.

- (13) 'орган во рту X-а, способствующий пережевыванию и глотанию пищи'.

Они совпадают, за исключением того, что в (12) есть компонент 'участвующий в образовании звуков речи'. Причем осмысление (12) выбирается тогда и только тогда, когда X является человеком, а (13) — когда X — животное. Большинство ученых сходится на том, что здесь нужно говорить не о разных значениях, а о разных вариантах одного и того же значения. Говоря точнее, когда одно и то же слово может сочетаться со словами, имеющими разный тип денотатов, причем каждый тип денотата требует определенной незначительной модификации толкования исходного слова, то мы имеем дело с вариантами одного и того же узуального значения слова.

Как мы уже сказали, второй фактор, связанный с разграничением значений — это семантическая сочетаемость. Только что мы показали, что различие в семантической сочетаемости употреблений одного и того же слова может не вести к постулированию у этого слова разных значений. Но чаще различия в сочетаемостных свойствах словоупотреблений связаны с разграничением узуальных значений слова. Причем значения многозначных слов и их сочетаемость настолько тесно взаимообусловлены, что между теоретиками семантики даже ведутся споры о том, что же первично: одни считают, что значение слова предопределяет его сочетаемостные свойства, другие — что значение слова определяется исключительно его сочетаемостью с другими словами. А истина заключается в диалектическом характере связи узуального значения с сочетаемостью. То есть, с одной стороны, узуальное значение — это есть «лишь отвлечение от бесконечного количества» употреблений данного слова в сочетаниях с другими словами, но с другой стороны, данное слово появляется именно в таких сочетаниях, а не в других как раз благодаря своему значению. Как бы то ни было — важен факт связи между узуальным значением слова и его сочетаемостью, благодаря которому мы можем понять, в каком из нескольких узуальных значений употреблено слово в данной фразе даже тогда, когда мы рассматриваем эту фразу изолированно, ничего не зная о конкретных условиях, в которых она была произнесена или написана.

Так, мы понимаем, что хотя у слова *язык* есть значение 'органа', но во фразах (10), (14) или (15):

(14) *Он знает пять языков.*

(15) *Он в совершенстве владеет канцелярским языком.*

он выступает не в этом, а в каком-то другом значении, и знаем мы это благодаря семантической сочетаемости самого слова *язык* и благодаря знанию сочетаемостных свойств тех слов, валентности которых заполняет слово *язык*. Так, глагол *ответить*, который, конечно, также многозначен, в основном своем значении накладывает семантическое ограничение на слово, заполняющее его объектную валентность — оно должно обладать семантическим компонентом 'живое существо, способное

к самостоятельному перемещению'. Этому ограничению удовлетворяет только одно из узуальных значений слова *язык* — значение (16):

- (16) 'лицо из состава войск противника, взятое в плен с целью получения от него сведений о положении и состоянии противника'.

Глагол *владеть* требует от своего объекта либо признака 'физический объект, рассматриваемый как достаточно большая материальная ценность', либо 'инструмент', либо 'средство', либо 'способность, умение'. То есть в качестве объекта *владеть* может выступать только *язык* в значении (17):

- (17) 'система знаков, используемая некоторой общностью людей как средство общения'.

В связи с подобными явлениями принято говорить об обусловленности узуальных значений слова контекстом их употребления. На этом принципе базируется работа семантической теории Дж. Катца [Катц 1985]. При построении семантической интерпретации предложения каждому слову приписываются все узуальные значения в терминах семантических компонентов (маркеров и различителей), которые перечислены при данном слове в словаре модели. Некоторые из значений имеют в своем составе семантические ограничения на сочетаемость с их синтагматическими партнерами — селекционные ограничения. Правила проекции, объединяющие значения слов в единую интерпретацию предложения, не могут объединить значения двух слов, если одно из них не удовлетворяет сочетаемостному ограничению, предъявляемому другим словом. В нашем случае мы не могли бы объединить значение 'сопроводить' глагола *отвести* и значение 'орган' слова *язык* из-за сочетаемостного ограничения, свойственного глаголу *отводить* в значении 'сопровождать'.

Однако не все узуальные значения многозначного слова в равной степени обусловлены контекстом. Традиционно значения многозначного слова подразделяются на свободные (или прямые, основные, первичные, главные) значения слова и связанные (вторичные, переносные). Свободные, основные значения — это значения, наименее обусловленные синтагматическим контекстом слова. Связи между основными значениями слова и его словесным окружением определяются связями, в которых обозначаемое словом явление, предмет или свойство вступают с явлениями, предметами или свойствами в действительности.

Следующим по порядку показателем возможного различия в значении между двумя употреблениями слова является (морфо-)синтаксическая сочетаемость. В принципе, для целей разбиения употреблений слова на классы, соответствующие одному узуальному значению можно применить те же дистрибутивные и трансформационные методы, которые рассматривались в разделе II.7.4 применительно к задаче выделения семантических полей.

Сначала на основе ориентированной фразы с данным словом получим дистрибутивные формулы. Гипотеза состоит в том, что разным формулам будут соответствовать разные значения.

- 1) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ Он роняет слова (листья, слезы, книгу, авторитет...);
- 2) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ из $N_{род.}^3$ Он роняет книгу из рук (слезы из глаз...);
- 3) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ на $N_{вин.}^3$ Он роняет книгу на пол (голову на грудь...);
- 4) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ с $N_{род.}^3$ Он роняет вазу с полки;
- 5) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ в $N_{предл.}^3$ Он роняет авторитет в глазах кого-либо;
- 6) $N_{им.}^1 - S$ Он роняет: «Оставьте меня!».

В таком виде эта методика не дает желаемых результатов: интуитивно одна формула скрывает несколько значений (например (1)–(3)); разные формулы — интуитивно одно и то же значение (например (2)–(3)).

Можно усилить разграничительный потенциал методики, вводя более узкие подразделения в функциональные классы слов, например, разграничив $N_{одуш.им.}$ и $N_{неодуш.им.}$. Тогда дистрибутивная формула (1) расщепится на две:

- 1а) $N_{одуш.им.}^1 - N_{вин.}^2$ Оля роняет слова, слезы, книгу; птица роняет оперение...;
- 1б) $N_{неодуш.им.}^1 - N_{вин.}^2$ Лес роняет листья; колокол роняет звон.

Но это опять мало что дает, так как интуитивно в *Лес роняет листья* и *Птица роняет оперение* имеем одно значение при разности формул, и наоборот, формула (1а) покрывает разные значения.

Усовершенствуем дистрибутивную методику, построив на основе дистрибутивных формул развернутые дистрибутивные формулы с заполнением факультативных синтаксических позиций. Предположительно, разным развернутым формулам будут соответствовать разные значения.

- 1) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ из $N_{род.}^3$ на $N_{вин.}^4$ Он роняет чашку из рук на пол;
- 2) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ с $N_{род.}^3$ на $N_{вин.}^4$ Он роняет горшок с подоконника на землю;
- 3) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ — на $N_{вин.}^3$ Он роняет голову на грудь (плечо) / теле-
визор (стулья) на пол; Облако (дерево, колос)
роняет дождь (листья, зерно) на землю;
- 4) $N_{одуш.им.}^1 - N_{вин.}^2$ — в $N_{предл.}^4$ Он роняет чей-либо авторитет (достоинство)
в глазах кого-либо;
- 5) $N_{им.}^1 - N_{вин.}^2$ Он роняет волосы (перья, рога); Колокол роняет
звон;
- 6) $N_{одуш.им.}^1 - N_{вин.}^2$; S Он роняет: «Я не пойду!».

Кажется, здесь мы достигли предела дистрибутивно-трансформационной методики разграничения значений. Выделено 6 дистрибутивных формул. Из них 2, 4, 6 выделяют употребления, которые мы интуитивно признаем однородными, но 1, 3, 5 скрывают интуитивно различные узуальные значения.

Что делать? Обратимся к семантическим валентностям и семантической сочетаемости, т. е. информации о принадлежности синтагматических партнеров нашего слова к определенным семантическим полям.

Попробуем одновременно учесть как можно больше факторов, упомянутых выше: морфосинтаксическую, лексическую и семантическую сочетаемость лексемы по ее валентностям; парадигматические связи (корреляции) лексемы; грамматические ограничения. В результате для слова *ронять* мы получим 10 узуальных значений, которым будут соответствовать интуитивно удовлетворительные классы действительно однородных употреблений:

*ронять*₁ (*книгу из рук*) — Syn *выпускать (из рук), выронить*;
Anti *удерживать (в руках)*

Кто роняет 1-Sub	Что роняет 2-Obj	(Откуда роняет) (3-Ab)	(Куда роняет) (4-Ad)
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}	из N ³ _{род.}	на N ⁴ _{вин.} в N ⁴ _{вин.}

[+одуш.]

[+физ. объект]
[-часть тела N¹]

[+вместилище] или *руки*

*ронять*₂ (*книгу с полки*) — Syn *сталкивать, смахивать*

1-Sub	2-Obj	(3-Ab)	(4-Ad)
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}	с N ³ _{род.}	на N ⁴ _{вин.} в N ⁴ _{вин.}

[+одуш.]

[+физ. объект]
[-часть тела N¹]

[+поверхность]
[-вместилище]
[-часть тела N¹]

*ронять*₃ (*этажерку*) — Syn *сталкивать, опрокидывать, повалить*

1-Sub	2-Obj
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}

[+одуш.]

*ронять*₄ (*штанку с головы*) — Syn *терять*

1-Sub	2-Obj	(3-Ab)	(4-Ad)
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}	с N ³ _{род.}	на N ⁴ _{вин.} в N ⁴ _{вин.}

[+одуш.]

[+физ. объект]
[-часть тела N¹]

[+физ. объект]
[+часть тела N¹]

*ронять*₅ (волосы, перья) — Суп лиять

1-Sub	2-Obj
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}

[+одуш.]

[-одуш.]

[+часть тела N¹]

*ронять*₆ (слюну из пасти, слезы из глаз) — Суп плакать (для Obj — слезы)

1-Sub	2-Obj	(3-Ab)	(4-Ad)
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}	с N ³ _{род.}	на N ⁴ _{вин.} в N ⁴ _{вин.}

[+одуш.]

[+выделение]

[+часть тела N¹]

*ронять*₇ (листья, зерна) — Суп опадать (для Obj — листья)

1-Sub	2-Obj	(3-Ad)
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}	на N ⁴ _{вин.} в N ⁴ _{вин.}

[-одуш.]

[+часть N¹]

*ронять*₈ (голову на грудь, на подушку) — Quasi Суп опускать

1-Sub	2-Obj	3-Ad
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.}	на N ⁴ _{вин.}

[+одуш.]

[+часть тела N¹]

*ронять*₉ (клеток, звон, слова, вопросы) — Quasi Суп цедить, издавать, произносить

1-Sub	2-Obj	3-Cont
N ¹ _{им.}	N ² _{вин.} N ³	S (прямая речь)

[+звучание] или

[+речь]

— 2 или 3 обязательны, но одновременно реализоваться не могут;

— не имеет форм совершенного вида

*ронять*₁₀ (авторитет, честь и т. п.)

1-Sub	2-Obj	3-Car
N ¹ _{им.}	свой N ² _{вин.} Проп ^{возвр.} вин.	в глазах N ³ _{род.}

[+одуш.]

свою честь/достоинство/авторитет /
доброе имя / себя

8.2. От узуальных значений к виртуальным: ПОЛИСЕМИЯ vs ОМОНИМИЯ

Получив набор узуальных значений, соответствующих некоторому словесному означающему, мы, сравнивая их, увидим, что некоторые узуальные значения связаны между собой благодаря наличию в них существенной общей части, под которой следует понимать неэлементарный, нетривиальный семантический компонент или набор компонентов. Так, все рассмотренные выше узуальные значения слова *ронять* связаны между собой сетью отношений сходства. Большинство из них связаны через компонент 'У падает', а *ронять* как обозначение разновидности говорения связано с прототипическим *ронять* более сложным способом: через перенос соответствующего ему понятия из одной семантической области (манипулирования физическими объектами) в другую (действий, связанных с передачей информации) — перенос, называемой метафорой (подробнее см. ниже, раздел 8.3). Наличие таких связей ощущается носителями языка и позволяет лингвистам, двигаясь дальше по оси обобщенности, объединить связанные между собой узуальные значения одного словесного означающего как представляющие виртуальное значение одного и того же, хотя и многозначного слова, или, в другой терминологии, объединить их в одну семему. Такие случаи трактуются как полисемия. В практике составления толковых словарей отождествление сходных узуальных значений как представляющих одно слово, производится в форме объединения их в одну словарную статью — вокабулу.

При отсутствии сколько-нибудь существенной общей части у узуальных значений одного и того же словесного означающего носители языка, вопреки тождеству формы, воспринимают соответствующие словоупотребления как реализации разных слов. Лингвисты говорят в таких случаях об омонимии, а лексикографы заводят для каждого из омонимов отдельную словарную статью, помечая соответствующую вокабулу числовым индексом, например, КОСА 1, КОСА 2, КОСА 3.

Разграничение между полисемией и омонимией сводится, таким образом, к установлению наличия/отсутствия достаточной степени сходства между значениями. Поскольку понятие сходства принадлежит к числу нечетких, размытых понятий, одни и те же факты могут расцениваться разными исследователями и как полисемия, и как омонимия. Так, различные узуальные значения слова *язык*, рассмотренные выше (в 8.2) наряду с целым рядом других значений этого слова в БАС и МАС трактуются как значения одного многозначного слова. В отличие от этого в словаре Ожегова форме *язык* соответствуют два слова-омонима: ЯЗЫК 1, среди трех узуальных значений которого первым значится рассмотренное нами значение 'органа...', и ЯЗЫК 2, первым значением которого является 'система средств..., являющаяся орудием общения...', а среди прочих фигурирует и значение 'пленный...'. Таким образом, составители указанных

словарей разошлись в вопросе о степени сходства значений 'орган...' и 'средство общения' у формы *язык*.

Для того, чтобы решать вопрос о разграничении между полисемией и омонимией на более объективной основе, необходимо уточнить понятие сходства значений. Строгое определение сходства значений дано Ю. Д. Апресяном [Апресян 1974: 186]:

«Значения a_i и a_j слова A называются сходными, если существуют такие уровни семантического описания, на которых их толкования или коннотации имеют нетривиальную общую часть, и если она выполняет в толкованиях одну и ту же роль относительно других семантических компонентов».

Требование нетривиальности совпадающих компонентов вводится в связи с тем, что совпадение достаточно абстрактных и часто встречающихся в толкованиях сем типа 'иметь' или 'предмет' не создает необходимого ощущения семантической близости значений. Требование одной и той же роли совпадающих компонентов в толковании введено, чтобы объяснить случаи, в которых даже наличие общих нетривиальных компонентов не делает два значения достаточно похожими. Так, все признают *тонить*₁ в значении 'каузировать тонуть' и *тонить*₂ в значении 'каузировать становиться жидким' омонимами, хотя на определенном уровне семантического разложения у *тонить*₁ выявится нетривиальный семантический компонент 'жидкое', общий у него с *тонить*₂. Дело как раз в том, что роль этого компонента в семантических структурах омонимов совершенно разная: в *тонить*₁ это роль средства и / или места действия, а в *тонить*₂ — результата действия.

Очевидно, что это определение предполагает сравнение описаний значений, полученных методом компонентного анализа, и выполненных на специальном семантическом языке. Таким образом вопрос об адекватности разграничения полисемии и омонимии упирается в конечном счете в вопрос о том, насколько точны имеющиеся в нашем распоряжении описания лексических значений.

8.3. Семантическая структура многозначного слова.

Эпидигматика

Значения многозначного слова образуют структуру, потому что они связаны определенными отношениями. Внутрилексемные семантические отношения между узуальными значениями называются эпидигматическими, а соответствующий аспект лексико-семантической структуры языка — эпидигматикой.

Если все значения многозначного слова связаны с одним и тем же — центральным — значением, то такая многозначность называется радиальной. Если каждое из значений слова связано только с одним

из остальных значений, то такая многозначность называется цепочечной. Чаще всего приходится встречаться с радиально-цепочечной полисемией. Указанные типы связанности узуальных значений в структуре семемы называются топологическими типами многозначности [Апресян 1974: 182].

Издавна все связи между значениями многозначного слова по характеру «близости» последних делились на три основных типа: метафора, метонимия и синекдоха. Иногда в особый тип выделяют связь значений по функции.

Традиционно метафорическое отношение между значениями характеризуется как основанное на сходстве, подобии обозначаемых явлений. Так, язык пламени, язык колокола и язык во рту человека похожи по форме.

Связь между значениями слова может быть основана на сходстве функций обозначаемых объектов. Так, даже если язык колокола и язык во рту человека не были бы связаны по форме, они оставались бы связанными по функции участия в производстве звуков, а язык как орган и язык — пленный связаны по функции участия в передаче информации.

Метонимические отношения между значениями основаны на смежности обозначаемых объектов и явлений. Так, *работой* называется не только определенный вид деятельности, но и место, где эта деятельность происходит (ср. *Я забыла книгу на работе*, т. е. 'в том месте, где работаю').

Синекдоха — это связь между значениями, основанная на отношении «часть — целое» между обозначаемыми объектами. Так, *народом* мы называем и все население некоторого государства (ср. *народы Европы*), и трудовую часть такого населения в противопоставлении правящей элите (ср. *надо быть ближе к народу*).

В работах представителей Московской семантической школы традиционные отношения близости между значениями слов моделируются как отношения, основанные на совпадении определенных фрагментов семантической структуры, соответствующих каждому из ЛСВ лексемы. Отношения метонимии и синекдохи при этом оказываются основанными на совпадении частей толкования, а метафора — на совпадении компонентов толкования одного ЛСВ с компонентом коннотаций другого.

В когнитивной семантике те же отношения переосмысляются в терминах понятий, связанных с хранением и обработкой информации, например, таких как *фрейм* — структура данных об определенной сфере человеческого опыта, элементы которой называются слотами (см. раздел 1.3.4). Многозначность, основанная на метонимии, будет трактоваться как перенос наименования с одного слота фрейма на другой. Так, имя *мысль* может обозначать: 1) процесс мышления (ср. 1-е значение слова *мысль* в словаре Ожегова [Ожегов 1990], приведение *мысли* в качестве синонима к *мышлению* в словаре Александровой [Александрова 1975]; пример: *Трудно было проследить нить его больной свихнувшейся мысли*); 2) инструмент мышления (ср. *Его мысль постоянно работает. Силой своей мысли он преодолел пространство и время.*); 3) идеальный объект — содержание недифференцированного ментального состояния (ср. 3-е и 4-е значение

по словарю Ожегова): *Мысль, что сын подвергается опасности, не давала ей покоя. О бедность! Какими ты гнусными и подлыми мыслями наполняешь сердце человека*; 4) результат ментального действия, ср. *Он пришел к мысли о необходимости введения президентского правления*); 5) область, где разворачиваются ментальные действия (ср. *В мыслях он видел себя министром*); 6) философия как некоторая совокупность результатов ментального действия (ср. *Объектом его анализа была русская мысль первой половины XIX в.; Думаете ли вы, что между вашей мыслью и марксизмом могут возникнуть в будущем «точки соприкосновения»?*). Кроме того, имя *мысль* переносится и на связанный с фреймом мысли фрейм семиотической, или информационной деятельности, где выступает в качестве имени, обозначающего информацию, заключенную в сообщении (ср. *Постараюсь донести до вас основную мысль его выступления*).

Когнитивисты Дж. Лакофф и М. Джонсон предложили новую трактовку метафоры в рамках теории концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 1983].

Концептуальная метафора неформально определяется как способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника (source) в область-мишень (target) те когнитивные структуры (фреймы, образные схемы и т. п.), в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику. Метафорические отношения между значениями многозначных слов и метафорические выражения — это отражения концептуальных метафор в языке. Например, метафорическое выражение *Наши отношения зашли в тупик* и реализованное в нем метафорическое значение слова *тупик* служат отражением концептуальной метафоры «любовь — это путешествие», переносящей понятия и связи, характеризующие путешествие, на понятийную сферу, связанную с чувством любви (см. таблицу):

Область-источник		Область-мишень
путешествие	→	любовь
путешественники	→	любящие
средство передвижения	→	отношения
место назначения	→	цели в жизни
преграды	→	трудности
развилки	→	решающие моменты

Теория концептуальной метафоры, развиваемая в работе [Lakoff 1993], содержит следующие важные положения:

- Метафора — важный механизм, при помощи которого мы осмысливаем абстрактные понятия и рассуждаем о них.
- Метафора по своей природе не языковое, а концептуальное явление.
- Метафорический язык — это поверхностное проявление концептуальной метафоры.
- Метафорическое понятие основано на неметафорическом понятии, т. е. на нашем сенсомоторном опыте.

- Метафора основана скорее на соответствиях в нашем опыте, чем на сходствах. Область-источник и область-цель по своему существу не связаны.

8.4. Взаимосвязь между лексической парадигматикой и эпидигматикой: анализ конкретного примера*

Продемонстрируем взаимосвязь между лексической парадигматикой и эпидигматикой на конкретном примере приложения теории метафоры к анализу семантических различий между словами, близкими по смыслу.

Теория концептуальной метафоры представляет интерес не только сама по себе, но и как средство проникновения в семантическую структуру абстрактной лексики. Рассмотрим возможности ее применения на примере анализа квазисинонимичных лексем *мысль* и *идея*, которые в интересующем нас значении 'содержания ментального состояния' обнаруживают много общего, что проявляется в обыкновении трактовать их как синонимы и толковать *мысль* через *идею* и *идею* через *мысль*. Оба имени могут выступать и как обозначения объекта (содержания) ментального состояния (ср. у Ожегова: то, что «заполняет сознание»), и как обозначения результатов, продуктов мыслительной деятельности (ср., с одной стороны, *Внезапно у меня возникла мысль/идея пригласить фокусника* и, с другой стороны, *К этой мысли/идее он пришел в результате многолетних изысканий*). Так что различие «объект/результат», по-видимому, не релевантно для семантики данных имен, и место их в системе проще указать, используя предложенную в [Шатуновский 1988] схему толкования эпистемических предикатов¹⁾: 'X имеет в уме (P — есть)'. И *мысль*, и *идея* относятся к группе имен, называющих то, что 'имеется в уме'. К этой группе относятся имена *мнение, мечта, сомнение, подозрение, представление, впечатление, предположение, догадка, вера* и др.

Имя *мысль* может рассматриваться как родовое по отношению к другим именам рассматриваемой категории. Это подтверждается возможностью использования его для номинации содержания практически любого эпистемического состояния. Ср. *Я думаю, что он уже не придет — Гоните от себя эту мысль; Он считает этот фильм шедевром — Я разделяю его мысль; Она убеждена в необходимости развода, и никто не может сдвинуть ее с этой мысли; Я верю в торжество справедливости, и эта мысль придает мне силы. Идея же явно выступает как гипоним мысли. Действительно, во всех контекстах, кроме некоторых метафорических, идею*

* Данный раздел представляет собой сокращенное изложение работы [Кобозева 1993].

¹⁾ Эпистемическими называются предикаты, обозначающие ментальные состояния, связанные с оценкой субъектом вероятности некоторого положения дел, деонтическими — предикаты, выражающие понятие долженствования, аксиологическими — предикаты общей оценки (хорошо/плохо). Эти термины заимствованы из модальной логики.

можно заменить на *мысль* без ущерба для правильности и без существенных смысловых потерь. Ср. *Идея переброски (мысль о переброске) северных рек энергично поддерживалась в Средней Азии; Пришлось отказаться от идеи (мысли) пойти в кино; Послушай, какая блестящая идея (мысль) пришла в голову нашему Пете*. Напротив, заменить *мысль* на *идею* в целом ряде контекстов невозможно без нарушения правильности: (1) *Мысль о вчерашнем происшествии (*идея...) заставила его улыбнуться*; (2) *Она смирилась с мыслью о том (*идеей того), что с ней не считаются*; (3) *Он уснул с мыслью (*идеей) о предстоящей поездке*.

Примеры показывают, что содержанием *идеи*, в отличие от *мысли* не может быть реальная ситуация (в прошедшем, настоящем или будущем). Содержание *идеи* (по крайней мере в прототипическом обыденном употреблении), соотносится не с реальным миром, а с идеальным миром «должного» или «желательного». Если попытаться эксплицировать это содержание, то в вершине его окажутся модальные предикаты — денотические предикаты типа ‘должно’, ‘надо’, ‘следует’, либо аксиологические предикаты в сослагательном наклонении, отражающем ирреально-условный характер оцениваемой ситуации типа ‘было бы хорошо, если бы’. Ср. *идея социального равенства* — ‘должно быть так, чтобы все члены общества были равны’, *идея переброски рек* — ‘нужно перебросить реки, чтобы...’, *идея пойти в кино* — ‘было бы хорошо, если бы пошли в кино’ и т. д. Итак, мы можем заключить, что идея есть объект ментального состояния, представимого в виде ‘X имеет в уме M (P)’, где M — оператор, относящийся к одному из вышеуказанных типов. Скрытые в концепте идеи модальные операторы связывают этот концепт с другими важнейшими концептами духовной сферы. Так, оператор ‘должно’ связывает идею с долгом и через него с нравственностью и другими понятиями этической сферы. Нравственный аспект идеи отражен, например, в следующем ее определении (приводится в сокращении): «идеи... к которым разум приковывает нашу совесть, это узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца» (К. Маркс). Оператор ‘нужно’ связывает идею с категорией цели, а аксиологический оператор ‘было бы хорошо’ — с категорией желания, что опять-таки находит отражение в философских суждениях, например, «Идея есть познание и стремление (хотение) человека» (В. И. Ленин).

Семантические особенности *идеи* проявляются в специфике ее метафоризации. Будучи разновидностью *мысли*, *идея* имеет все основные метафоры, свойственные *мысли* как объекту/результату ментального акта, но у каждого из двух имен есть и свои характерные метафоры. Ниже приводятся основные метафоры *мысли* и *идеи*, структурированные с помощью позиционной нотации²⁾. Вначале даются метафорические контексты для *мысли*, затем для *идеи*.

²⁾ Материал черпался нами как из словарей, в особенности [Горбачевич, Хабло 1979] и [УСС 1978], так и из текстов преимущественно публицистического характера.

- I. Мысль/идея как физический объект
- I.1 Неодушевленный
- Атрибуты
- Линейные размеры:
- вообще: МЫСЛЬ: *большая*
ИДЕЯ: *большая/мелкая*
- длина: МЫСЛЬ: *короткая*
ИДЕЯ: —
- ширина: МЫСЛЬ: *широкая*
ИДЕЯ: *узкая*
- глубина: МЫСЛЬ: *глубокая*
ИДЕЯ: *глубокая/мелкая*
- Форма: МЫСЛЬ: *бесформенная, изящная*
ИДЕЯ: *деформировать идею*
- Цвет: МЫСЛЬ: *бледная, серая, светлая/темная, яркая; черные, радужные*
ИДЕЯ: —
- Вес: МЫСЛЬ: *легкая/тяжелая*
ИДЕЯ: (только в сочетании с другими метафорами, например, движения — *идея эта всплыла в обществе...*)
- Температура: МЫСЛЬ: *горячая/холодная, жгучая, стылая*
ИДЕЯ: —
- Оптические свойства:
МЫСЛЬ: *беспросветная, неясная, прозрачная, расплывчатая, смутная, туманная, четкая, ясная*
ИДЕЯ: *прозрачная, расплывчатая, четкая, ясная*
- Тактильные свойства:
МЫСЛЬ: *острая/тупая, колючая; Эта мысль впиалась в меня со всею силой неотразимого упрека*
ИДЕЯ: —
- Форма существования — положение и движение:
МЫСЛЬ: *быстрая; Какая-то темная мысль как гвоздь сидела в его голове; мысли, летящие вперед; его мысли неслись, как облака в небе; мысль эта давно вертелась в моей голове; мелькали мысли о победе (движение + зрительное восприятие)*
ИДЕЯ: *Эта идея давно засела в его голове*
- Способы манипулирования:
МЫСЛЬ: *внедрять, вбивать в голову, выбрасывать из головы, доносить, подавать, подхватывать; Горбулин, с усилием поднимая с дна*

души склизлую мысль, сказал...; Какой-то жаркий вихрь налетел и скомкал все его мысли; Мысли в нем рассеяны, как тучи после бури

ИДЕЯ: *бросать, выбрасывать из головы, вбивать в голову*

I.1.1) Мысль/идея как отчуждаемая собственность, принадлежность человека

МЫСЛЬ: *у меня есть одна мысль; эта мысль принадлежит Ницше; он поделился со мной своими мыслями*

ИДЕЯ: *у него не было идеи развала страны; ему принадлежит только идея; перед смертью он всем дарил свои идеи; Вы дали идею — большую, этапную в жизни театра; «ВИД» — компания, богатая идеями; грабеж в области идей; безвозмездное заимствование западным бизнесом наших идей*

— как товар:

МЫСЛЬ: *богатая, дешевая, ценная; Он мне надоел со своими мутными мыслями ценой в грош*

ИДЕЯ: *покупать/продавать идеи; захватить монополию на распространение идей Востока; Все, что у нас осталось в качестве капитала, — это мозги и идеи*

I.1.2) Мысль/идея как пространственный ориентир

МЫСЛЬ: *высокая, далек от мысли, остановиться на мысли, подводить, подталкивать к мысли, прийти к мысли; Этот гаденький вопрос довел ее до мысли, что жизнь не сложилась вообще; склоняться к мысли*

ИДЕЯ: *высокая; Идти к этой идее можно тремя путями; Всякий, кто удаляется от идей, в конце концов остается при одних ощущениях*

I.1.3) Мысль/идея как конкретные виды физических объектов

I.1.3)(a) Растение:

МЫСЛЬ: —

ИДЕЯ: *беспочвенная; прививать людям прекрасные идеи; Идеи исламского фундаментализма пустили корни в Азии; Идеи обладают свойствами воплощаться и плодоносить где-то за границей; Социалистические идеи сплелись с нашей национальной культурой*

I.1.3)(6) Опорная конструкция:

МЫСЛЬ: —

ИДЕЯ: *методы руководства, основанные на идеях чужие; Любкой человек — эгоист, но когда он подводит под это свои идеи...; Его поддерживала только одна вечная, неподвижная идея выбиться наконец из скверного положения*

I.2 Мысль/идея как одушевленный объект

Предикаты жизненного цикла и связанные с ними:

МЫСЛЬ: *живая; Эти угарные мысли живут где-то вне человека; Мысль важная в уме его родилась; Уединение питает великие мысли в человеке*

ИДЕЯ: *Идея Родины жива и будет жить вечно; Идея эта родилась давно; Эти идеи имеют немецкое происхождение; душитель идей*

Предикаты самостоятельного движения:

МЫСЛЬ: *Мысли бродили, роились, летали, как стаи галок в голове; Все та же неотвязная мысль вокруг меня, как черный ворон, вьется; эта мысль не раз приходила ему в голову; Новиков отогнал суетные мысли; Мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами*

ИДЕЯ: *Идея пришла в голову; Идея вернулась с конгресса в жизнь; Когда встречаются идеи с характером, то возникают явления, которые изумляют весь мир*

I.2.1) Мысль/идея как человек

I.2.1)(а) Целесообразный деятель

I.2.1)(а.1) Стремящийся завладеть объектом:

МЫСЛЬ: *им овладела мысль; эта мысль захватила всех*

ИДЕЯ: *Идеи раскола овладевают умами наших парламентариев; Сейчас эта идея захватила всех*

Ведущий ради этого борьбу:

МЫСЛЬ: —

ИДЕЯ: *борьба идей; победа, торжество идеи*

I.2.1)(а.2) Преследователь:

МЫСЛЬ: *Его преследовала мысль о грозящем разорении*

ИДЕЯ: —

I.2.1)(а.3) Контролер действий других людей:

МЫСЛЬ: *Глобальная мысль о государстве должна подчинить себе все другие мысли; Им руководила мысль о пользе дела; Ее растрепанные мысли вели ее от одной нелепости к другой; Какая подспудная мысль привела ее к этому вопросу*

ИДЕЯ: *Господствует идея о том, что...; верховенство общечеловеческой идеи; руководящие идеи; Раньше служили идее, теперь идеи нет; Экономике пробуют взять в служанки политической идеи; Робеспьер — фанатик, раб идеи*

I.2.1)(б) Объект чувства:

МЫСЛЬ: —

ИДЕЯ: *ревностный поклонник идеи суверенитета; верность идее; Наши политики, как правило, влюблены в ту или иную идею*

I.2.1)(в) Сверхъестественное существо:

МЫСЛЬ: *бессмертная; Он одержим мыслью о засевавших всюду вредителях*

ИДЕЯ: *свято и слепо верить в идею; одержимый идеей частного предпринимательства; Идеи — это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им*

II. Мысль как субстанция

МЫСЛЬ: *поглощен мыслью, погрузиться в мысли, течение мыслей, наполнять сердце мыслями; исполнен мыслями златыми; Ум его утонул в хаосе неясных мыслей; К веселым мыслям стали примешиваться мрачные*

ИДЕЯ: —

III. Мысль/идея как источник света

МЫСЛЬ: *блестящая, светлая; Лучше не раздувать эти чадные мысли*

ИДЕЯ: *блестящая, светлая; Социалистические идеи, начавшие было гаснуть, возрождаются в рабочей среде*

IV. Мысль/идея как траектория

МЫСЛЬ: *В потоке дезинформации четко прослеживалась мысль, что без чрезвычайных мер навести порядок нельзя*

ИДЕЯ: *Быстрого продвижения по этим идеям ждать не приходится; Он блокирует любые неудобные ему идеи*

V. Мысль/идея как сила

МЫСЛЬ: *Голая мысль ученого и живая мысль художника — две силы, существенно различные*

ИДЕЯ: *Эти идеи прежде всего ударят по здоровым реформаторским силам; Идея многовариантности разрушает государственность*

Указанные метафоры служат исходной базой для порождения более сложных метафор, обнаруживаемых в идиолектах. Так, метафора В. Я. Брюсова: «Мысли, жалые жалами медленных ос!» — основана на метафоре *мысли* как физического объекта, обладающего специфическими тактильными свойствами (здесь — способностью колоть, впиваться), и как одушевленного объекта, обладающего способностью к самостоятельному движению (здесь — хаотическому движению мелких живых существ). Метафора В. Луго: «идея-путеводитель» опирается на базовую метафору жизни как путешествия и идеи как «контролера».

Сопоставляя метафоры *мысли* и *идеи*, мы видим, что семантическая специфика *идеи* как особой разновидности *мысли*, с одной стороны, исключает некоторые способы ее метафоризации или сужает круг метафорических контекстов, а с другой стороны, определяет развитие у *идеи* новых метафор, не характерных для *мысли* в целом. Так, ограничения, накладываемые на содержание *идеи*, проявляются в ограничении количества атрибутов физического объекта, переносимых на нее: *идеи* не описываются в терминах длины, цвета, температуры, тактильных свойств. Особый статус *идей* среди прочих мыслей, обусловленный их связью с понятиями долга, цели и желания, проявляется в их относительной стабильности сравнительно с прочими мыслями, обычно пребывающими в движении: *идея* «покоится» в уме до тех пор, пока она либо не осуществится, либо не сменится другой *идеей*, что требует времени, поскольку в первом случае предполагает совершение определенных действий, а во втором — смену целей и ценностей. Стабильность *идеи* вместе с ее организующей по отношению к прочим мыслям ролью отражается в метафоре опорной конструкции. Как нельзя более удобной для выражения различных аспектов существования *идеи* в сознании человека оказалась метафора растения: ценностно-ориентированные представления (семена) заносятся извне в сознание (почву), закрепляются в нем (пускают корни), формируются в суждения (прорастают); реальность может подкреплять *идеи* (питать их) или оставлять без подкрепления (и тогда они чахнут); при благоприятных условиях *идеи* воплощаются в жизнь (приносят плоды). Особый статус *идей* препятствует объединению их с прочими мыслями и друг с другом в обезличенные совокупности (разного рода рои, стаи и т. п.), а тем более исключает осмысление *идей* как нерасчлененной, однородной субстанции (вещества): *идеи* индивидуализированы и могут объединяться только в систему — идеологию. По той же причине именно *идеи* становятся объектами чувств — отношений. Обязательная связь

идей с такими регулятивами поведения, как долг, цель и желание, позволяет перенести на них свойства лица, борющегося за власть над другими и, получив ее, осуществляющего контроль над действиями других лиц. Обращает на себя внимание тот факт, что метафоры борьбы и контроля (земной или божественной природы) не отмечены в обширном каталоге метафор [Lakoff et al. 1989] у английского эквивалента имени *идея* — *idea*, что можно интерпретировать как следствие тонких семантических различий между двумя именами, как отражение различий в соответствующих «картинах мира».

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 175–217.
2. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // НЗЛ. М., 1988. Вып. XXIII. С. 12–51.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
4. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // НЗЛ. М., 1983. Вып. XIV. С. 23–60.

Глава 9

Эксперимент в лексической семантике

Как и в прежние времена, основным методом исследования означаемого слова в лексической семантике остается интроспекция, т. е. наблюдение семасиолога над теми ментальными объектами и процессами, которые связаны с данным словом в его собственном сознании. Естественно, если объектом семантического исследования является родной язык, то лингвист, будучи его носителем, может полагаться на собственное чутье языка и делать выводы о значении слова, опираясь на собственную интуицию, на то, как он сам употребляет и интерпретирует слово. В случае изучения семантики неродного языка семантический анализ должен обязательно опираться на корпус употреблений изучаемых слов с их контекстами, извлекаемый из различных текстов устной и письменной речи, признаваемых авторитетными образцами соответствующего литературного языка или какого-либо из его подъязыков. И те правильные употребления слова, которые лингвист порождает сам, и те, которые он извлекает из текстов, образуют, так сказать, «положительный» языковой материал, осмысливая который лингвист формулирует для себя гипотезу о семантических свойствах изучаемых единиц.

Эксперимент в семантике служит для того, чтобы подтвердить или опровергнуть семантические гипотезы, выдвигаемые на основе наблюдений над употреблениями, которые признаются правильными.

Экспериментировать лингвист может и с собственным языковым сознанием, если он изучает родной язык, и с сознанием других носителей языка (что необходимо при изучении неродного языка).

9.1. Экспериментирование с контекстами употребления

Важнейшим видом эксперимента, применяемым в лексической семантике является эксперимент, введенный в отечественную лингвистику Л. В. Щербой. Сущность его применительно к задачам лексической семантики заключается в том, что исследователь для проверки правильности своих предположений о значении того или иного слова должен «пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить)», применяя это слово [Щерба 1974: 32]. Получаемый в результате такого эксперимента языковой материал будет содержать наряду с правильными, возможными фразами с данным словом, также

и неправильные, отклоняющиеся от нормы и по этой причине никогда не встречающиеся в текстах, воплощающих языковую норму. Эти неправильные фразы образуют так называемый «отрицательный языковой материал», роль которого в семантическом исследовании громадна, поскольку на его основе можно выявить те элементы значения слова, которые препятствуют его употреблению в данном контексте¹⁾. Иными словами, в ходе этого эксперимента лингвист порождает семантически аномальные фразы с данным словом, и проверяет, можно ли на основе его предположения о значении некоторого слова объяснить аномальность его употребления в заданном контексте. Если можно, то это подтверждает гипотезу, если нельзя, то значит первоначальную гипотезу нужно корректировать.

Например, если мы предположили, что в значение глагола *предлагать* (*X предлагает Y-у P*) входит компонент 'X считает что Y может быть заинтересован в P', на что указывают типовые употребления вроде *Он предложил мне сыграть в шахматы / выпить чаю / интересную работу* и т. п. то мы будем подставлять это слово в контексты, в которых X никак не может считать, что предлагаемое действие в интересах Y-а, например, в контекст, в котором X в грубой форме побуждает Y-а покинуть помещение, считая, что по своей воле Y этого не сделает. Фраза **Он предложил мне убраться вон* явно аномальна, что объясняется исходной гипотезой и тем самым подтверждает ее. Аналогичным образом аномальная фраза **Заклоченный ночью расколол решетку на окне камеры и бежал* подтверждает предположение о том, что объект действия *расколоть* должен быть из хрупкого материала, поскольку отсутствием именно этого свойства у тюремных решеток естественно объясняется неправильность употребления глагола в данном контексте.

9.2. Эксперименты с использованием денотата слова

Этот тип экспериментов предполагает использование самих предметов или физических явлений, входящих в денотат слова, или их изображений и, естественно, применяется прежде всего при семантическом описании конкретной лексики. Обычно такие эксперименты проводятся с привлечением информантов-носителей языка.

Цель таких экспериментов — установить, от какого именно параметра предмета или явления зависит возможность употребить для его

¹⁾ Отрицательный языковой материал встречается в текстах художественных произведений, авторы которых используют нарушение языковой нормы как художественный прием, ср. следующие семантически аномальные фразы из произведений Андрея Платонова: **Они присутствовали на этом собрании уже загодя; *Умрищев взял из-под стола следующую книгу и заинтересовался ею.* Анализ аномалий в прозе А. Платонова дан в [Кобозева, Лауфер 1990], а их функций в структуре произведения — в [Левин 1990].

обозначения конкретное слово. Характерный пример подобного эксперимента описан в работе У. Лабова «Структура денотативных значений» [Лабов 1983], посвященной исследованию значений слов, обозначающих сосуды в разных языках. Эксперимент состоит в том, что информанту показывают различные изображения сосудов в случайном порядке и просят назвать очередной сосуд. В изображениях варьируются следующие параметры:

- отношение ширины сосуда к высоте;
- форма (чашеобразная, цилиндрическая, усеченный конус, призма);
- наличие / отсутствие ручки;
- наличие / отсутствие ножки.

Кроме самих изображений варьируется «контекст», в котором фигурирует предмет: 1) «нейтральный», т. е. вне ситуации; 2) «кофе» — назвать сосуд в ситуации, когда некто, помешивая ложечкой сахар, пьет кофе из этого сосуда; 3) «пицца» — сосуд стоит на обеденном столе и наполнен картофельным пюре; 4) «суп»; 5) сосуд с цветами, изображенный стоящим на полке. Варьируется и материал, о котором информантам сообщалось устно. Анализ ответов информантов позволяет выявить зависимость употребления каждого слова от определенных свойств денотата. Эти свойства, а также их отражение в сознании носителей языка и будут кандидатами в дифференциальные семантические компоненты, составляющие значение данного слова. Среди них при этом выделяются категориальные компоненты, образующие необходимые условия применения данного слова. Например, англ. *goblet* «бокал» в качестве категориального признака имеет «наличие ножки»: слово *goblet* никогда не используется, если у сосуда нет ножки. Нем. *glas* «стакан» используется, только если сосуд сделан из стекла. Другой вид компонентов — вероятностные: они отображают такие свойства, которые обычно, но не всегда имеют денотаты, обозначаемые данным словом. Например, сосуд, обозначаемый английским словом *cup* «чашка», обычно имеет ручку, но, как показал эксперимент, это не обязательно для называния сосуда этим именем.

Интересный эксперимент провела О. Н. Селиверстова для уточнения значений глаголов *блестеть*, *сверкать*, *мигать*, *мерцать*. В ходе эксперимента использовался вращающийся диск со щелями и источник света, помещенный позади диска. Варьировались поочередно 3 параметра:

- частота появления светового импульса;
- его интенсивность (яркость);
- скорость изменения освещенности сетчатки глаза.

Оказывается, например, что осуществляемый носителями русского языка выбор между *мерцать* и *мигать* зависит от частоты появления светового импульса: реже, чем 3 раза в секунду — *мигать*, чаще, чем 6 раз в секунду — *мерцать*.

Когда мы имеем дело с абстрактной лексикой или со словами конкретной семантики, обозначающими предмет или ситуацию, которые трудно непосредственно предоставить для эксперимента, объект или ситуация задаются не при помощи изображений или приборов, а словесными описаниями. Например, мы можем спросить себя или информанта, можно ли назвать *костром* горящую лужу керосина на пустыре, или может ли куча дров, горящая в печке, называться *костром* и т. д.

9.3. Семантические тесты

В исследованиях по лексической семантике используется целый ряд тестов разного типа, которые применяются как для выявления определенных семантических характеристик слова, так и для проверки семантических гипотез. Многие из них были выработаны в рамках компонентного анализа лексического значения (см. [Бендикс 1983]). Ниже мы рассмотрим некоторые примеры подобных тестов.

1. Тесты на свободную интерпретацию

Суть их состоит в обращении к информанту с просьбой проинтерпретировать (эксплицировать, разъяснить) то или иное выражение или различие между двумя выражениями. Лингвист обращается к информанту с вопросами типа: *Что это значит?* или *Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по Вашему мнению, он имел бы в виду?*

Если мы хотим выяснить семантическое различие между двумя словами, мы строим тестовые фразы как минимальные пары, т. е. они должны совпадать во всем, кроме одной лексемы. Так, если нас интересует, в чем разница между *просить* и *приказывать*, мы обратимся к информанту с вопросом:

«В чем разница в значении между *Он попросил меня сделать это* и *Он приказал мне сделать это?*»

Можно провести этот тест и с использованием другой тестовой фразы, которая строится по формуле:

не Р, а Q: Он не просил меня сделать это, он приказал мне это сделать.

Этот вариант теста предпочтителен, потому что парадигматическая оппозиция подкрепляется синтагматическим противопоставлением, исключая тем самым то, что информант будет связывать с двумя разными предложениями две разных интерпретации.

Тест срабатывает только в том случае, если из двух значений — *Р* и *Q* — одно входит в другое, т. е. слова связаны гипонимической корреляцией, или если они — различные значения одного и того же параметра, т. е. связаны корреляцией несовместимости или антонимии.

Этот тест может использоваться на этапе формирования семантической гипотезы.

Когда мы уже имеем гипотезу, мы можем проверить ее правильность с помощью более жестких тестов с несколькими альтернативными ответами.

Примером такого теста является имплицативный тест.

2. Имплицативный тест

В имплицативном тесте тестовые фразы оформляются в виде энтимемы (свернутого силлогизма, большая посылка которого скрыта). Информанта просят оценить, истинно ли высказывание Б, когда истинно высказывание А. Высказывание А — меньшая посылка, высказывание Б выражает проверяемый гипотетический компонент значения фразы А и в структуре силлогизма выступает как его заключение. Так, если мы предполагаем, что в значение глагола *X приказывает Y-у Z* входит компонент 'X считает, что Y должен делать Z', мы спрашиваем информанта:

«При условии, что высказывание *Он приказал мне сделать это* истинно, истинно ли следующее высказывание: *Он считает, что я должен сделать это?*»

Другой вариант оформления имплицативного теста приведен в [Лич 1983]. Информантам предъявляется пара предложений — А и Б, например:

А: *Петя сейчас спит.*

Б: *Петя сейчас отдыхает.*

и информант должен, поразмыслив над ними, дать ответ в соответствии с инструкцией:

«Предположив, что А истинно, подумайте, является ли истинным Б. Если вы думаете, что Б должно быть истинным, пишите ДА.

Если вы думаете, что Б не может быть истинным, пишите НЕТ.

Если вы думаете, что Б может быть, а может и не быть истинным пишите ДА / НЕТ.»

Если положительный ответ дают не менее 80 процентов информантов — это свидетельство того, что проверяемый семантический компонент действительно присутствует в составе значения исследуемого глагола. Собственно, утверждение о вхождении компонента Б в семантическую структуру А и составляет скрытую большую посылку силлогизма (в нашем примере это *Если X спит, то X при этом отдыхает*²⁾).

3. Вопросно-ответный тест.

Вопросно-ответный тест строится в форме пары «общий (да-нет) вопрос — полный ответ» с опущением самих частиц *да / нет*. Информанта просят подставить в ответ соответствующую частицу.

²⁾ Данный тест можно использовать для проверки правильности выделения вершинного компонента в толковании глагола *спать* в ТКС: *X спит* = X отдыхает с максимально возможным без ущерба для своего организма отключением систем последнего [ТКС 1984: 785].

Мы использовали этот тест для установления границ семантического поля глаголов речи в русском языке [Кобозева 1985], проверяя с его помощью является ли претендент на вхождение в это поле гипонимом глагола *говорить*. Так, для проверки того, входит ли в этот класс глагол *квалифицировать*, информанту предлагалась вопросно-ответная пара:

— Он сказал что-нибудь?

— ..., он квалифицировал это как вопиющее безобразие.

в которой его просили заполнить пропуск частицами *Да* или *Нет*. В данном случае большинство информантов подставляли *Да*, что показывает, что проверяемый глагол может обозначать вид речевого действия. Если бы это было не так, то он не смог бы образовать прямой ответ на вопрос с глаголом *говорить* / *сказать*, поскольку семантическая структура прямого ответа должна находиться в строго определенном соответствии с семантической структурой вопроса (подробнее об этом см. в разделе III.4).

Ниже мы рассмотрим применение тестов для выявления коннотаций лексем.

9.4. Конкретный пример

лексико-семантического эксперимента:

выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов

Ключом к открытию стереотипов национальных характеров (далее СНХ), т. е. представлений о национальном характере того или иного народа, входящих в языковую картину мира, могут служить лексические коннотации — несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта [Апресян 1988: 36], отражающие связанные со словом культурные представления и традиции [Апресян 1974: 67]. Не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствиями из него, они объективно обнаруживают себя в языке, получая закрепление в переносных значениях, привычных метафорах и сравнениях, фраземах, полусвободных сочетаниях, производных словах [Апресян 1988: 36–38] (о коннотациях см. в разделе I.3.3.4). Таким образом, задача выявления СНХ может быть сведена к задаче выявления коннотаций у этнонимов (*венгр*, *якут* и т. п.), точнее, таких их несущественных семантических признаков, которые несут информацию о чертах характера.

При этом возникает непростой вопрос о том, что считать объективным проявлением коннотации. Если считать таковыми только те свойства лексем, которые зафиксированы в лингвистических описаниях, в частности в словарях, то среди этнонимов в русском языке, пожалуй, только *цыган* окажется наделенным коннотациями (ср. в словаре В. И. Даля

включение в толкование этой лексемы таких характерологических признаков как «обманщик, плут» и наличие производного (*вы*)цыганить со значением '(вы)просить, прибегая к разного рода уловкам, в том числе к обману'). Значит ли это, что только о национальном характере цыган у носителей русского языка имеются стереотипные представления? Очевидно, что это не так. И дело тут не столько в несовершенстве словарей (в исключении тех или иных языковых данных по политическим или идеологическим соображениям, в игнорировании целых пластов разговорной фразеологии), но и в принципиальной невозможности зафиксировать в них с исчерпывающей полнотой устойчивые сочетания типа *с немецкой аккуратностью*. Представляется, что к числу объективных проявлений коннотаций следует отнести и те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватом. Одно из таких явлений, уже отмечавшееся в связи с понятием коннотации, — это относительное единообразие в интерпретации псевдотавтологий типа *X есть X* (см. [Падучева 1985: 42], [Апресян 1988: 40]), которые информативны именно в силу того, что в них объекту *X* имплицитно преддицируется свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа.

На наш взгляд, существует еще одно явление, объективирующее стереотипные представления о денотате лексемы *X* — это эффект сужения круга возможных синтагматических партнеров *P* данной лексемы, своего рода полусвободная сочетаемость, наблюдаемая в специфических диагностических конструкциях. Так, например, конструкция *Он X, но он P*, как показано в целом ряде работ о семантике союза *но*, имплицитно выражает мнение говорящего 'X должен быть не P' или 'X в норме не P' (см. например, [Левин 1970], [Санников 1986]).

Включив подобные данные о типовых партнерах лексемы в круг источников сведений о стереотипах сознания, мы получаем возможность экспериментального выявления СНХ. С целью проверки возможностей подобного подхода был проведен эксперимент. Выбрав для начала лексемы *русский, немец, англичанин и француз*, мы провели два теста.

Тест 1 — свободная интерпретация псевдотавтологий. (О тестах на свободную интерпретацию в семантике см. в разделе 9.3). Информанту предъявляется фраза типа *Немец есть немец* и дается инструкция ответить на вопрос: «Если бы вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по вашему, он имел в виду?». В ходе этого теста не только выявлялись СНХ, но и проверялось утверждение о существовании семантического различия между двумя псевдотавтологическими конструкциями, одна из которых (*X есть X*) подразумевает отрицательную оценку, а вторая (*X — это X*) — положительную [Шмелев 1990].

Тест 2 — заполнение пропуска в одной из диагностических конструкций: а) с производным от этнонима наречием (*но-немецки* и т. п.)

типа *Он по-немецки ...*; б) со сравнительным оборотом типа *Как истинный француз, он...*; в) с союзом *но* типа *Он русский, но он ...*. Инструкция информанту: «Заполните пропуск в следующем предложении, подставив любое выражение, обозначающее свойство характера». (Очевидно сходство эксперимента данного вида с используемым в психолингвистике направленным ассоциативным экспериментом. Это не случайно. Понятие ассоциации, исследуемое в психолингвистике, тесно связано с понятием коннотации. Не случайно в работе [Апресян 1974] термин «семантическая ассоциация» фигурировал как синоним термина «коннотация». Но если ассоциации, связанные со словом, могут быть сугубо индивидуальны, то коннотации лексемы — это, так сказать, общепринятые ассоциации, или ассоциативные нормы. Преимущество нашего эксперимента перед ассоциативным в том, что степень свободы ассоциаций сильно сужается эксплицитно заданным контекстом, что в совокупности с невысказанной явно, но подразумеваемой задачей — дополнить его до «хорошего», «правильного» предложения русского языка — резко ограничивает индивидуальные, субъективные отклонения от ассоциативных норм).

Рассмотрим результаты тестирования. В Тесте 1 участвовали по каждому из этнонимов от 30 до 50 человек. Он оказался наиболее трудным: 20–25 процентов опрошенных либо вообще не могли дать никакой интерпретации, либо давали интерпретацию, не эксплицирующую свойство характера, например, *Русский есть русский* интерпретировали как «Русский остается русским в любых условиях». Тем не менее данные, полученные от остальных 75–80 процентов информантов, в целом подтверждают гипотезу А. Д. Шмелева о различии между *X есть X* и *X — это X*. Тождественными по значению их сочли не более 30-и процентов участников. Свойства, названные при интерпретации *X — это X*, действительно, в подавляющем большинстве положительные. Так, для *Русский — это русский* даны характеристики либо однозначно положительные — *душевный человек, гостеприимный, с широкой душой, радушный, добрый, отзывчивый, отважный* и только два свойства с неоднозначным оценочным значением — *рубаха-парень* и *действует на авось*, тогда как среди свойств, названных при интерпретации *Русский есть русский* встречаются и отрицательные — *лентяй, невоспитанный* и т. п., и оценочно нейтральные — *любит поеть*, и положительные — *бескорыстный, отважный* и т. п. Таким образом, на основе наших данных можно уточнить семантическое отношение между двумя конструкциями: *X — это X* — оценочно маркированная (подразумекает положительную оценку), *X есть X* — оценочно нейтральная.

Тесты 2 значительно проще и в силу этого эффективнее для выделения СНХ. Наборы свойств, полученные для этнонима с помощью Теста 1 и каждого из вариантов Теста 2, обнаруживают существенную общую часть, включая при этом наиболее частотные характеристики. Анализ несовпадающих частей показывает, что они содержат либо (квази)синонимы

к лексемам, образующим пересечение, либо низкочастотные характеристики, которыми можно пренебречь. Из этого следует, что в принципе для извлечения информации о СНХ достаточно пользоваться каким-то одним простым тестом на заполнение диагностической конструкции. Рассмотрим процедуру выявления СНХ на примере данных, полученных с помощью Теста 2а для этнонима *немец*, т. е. теста на заполнение конструкции *Он по-немецки...* названием какого-либо свойства характера.

В опросе участвовало 50 человек, получена 71 реакция, из них 70 релевантных, из них 32 лексически различных реакции. Ясно, что на поверхностном, лексическом уровне мы не наблюдаем той степени единообразия реакций, которую можно было бы считать свидетельством стереотипа сознания, и необходимо перейти на уровень семантических компонентов. Этот переход можно проводить поэтапно: на первом этапе (квази)синонимы сводятся в один ряд, которому сопоставляется единый дескриптор. Так, реакции *аккуратен* (14)³⁾, *чистоплотен* (3), *до тошноты аккуратен* (1), *опрятен* (2), *подтянут* (1), *собран* (1) сводятся в дескриптор АККУРАТНЫЙ, которому приписывается суммарная частота 22. Реакции *педантичен* (8), *пунктуален* (7), *четок* (3), *точен* (3) — ПЕДАТИЧНЫЙ (21) и т. д. «Одиночкам», не вошедшим ни в один из рядов, сопоставляется тождественный им дескриптор. Результат первого этапа анализа полученных данных содержится в таблице 1.

Вообще говоря, можно было бы удовлетвориться результатом, получаемым на первом этапе, и считать, что дескрипторы, относительная частота которых превышает определенную пороговую величину, отражают характеристику, принадлежащую стереотипу данного национального характера в сознании носителей русского языка. Однако такой подход был бы чересчур механистичен, поскольку, во-первых, СНХ представал бы как простой набор характерологических свойств, отношения между которыми оставались бы неясными (например, «немец аккуратен, педантичен и исполнительен»), а во-вторых, отсекая малочастотные дескрипторы, мы можем потерять ценную информацию, позволяющую при более глубоком анализе выявить стержневое характерологическое свойство, инвариантное по отношению к свойствам, полученным на первом этапе анализа. Поэтому необходим второй этап, на котором проводится лексическая декомпозиция слов-дескрипторов с целью выявления общих для них сем.

Так, для лексем ПЕДАТИЧНЫЙ (22), АККУРАТНЫЙ (21), ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ (8), ВЫШКОЛЕННЫЙ (1), ВЕЖЛИВЫЙ (1) выделяется интегральный компонент 'соблюдающий норму', 'действующий по правилам' с общей частотой 52 (= 73% от общего числа полученных реакций). Такую степень единообразия вполне можно считать надежным свидетельством того, что в русской языковой картине мира определяющей чертой немецкого национального характера признается стремление

³⁾ Цифра в круглых скобках указывает количество реакций, содержащих данную единицу языка (лексическую или семантическую).

Таблица 1

Немец

№	Дескриптор	Частота	Реакция	Частота
1.	АККУРАТНЫЙ	22	аккуратен чистоплотен опрятен до тошноты аккуратен подтянут собран	14 3 2 1 1 1
2.	ПЕДАНТИЧНЫЙ	21	педантичен пунктуален четок точен	8 7 3 3
3.	ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ	8	исполнителен обязателен	6 2
4.	ЭКОНОМНЫЙ	4	экономен расчетлив рачителен скуп	1 1 1 1
5.	НЕИНТЕРЕСНЫЙ	4	неинтересен зануден банален примитивен	1 1 1 1
6.	ВЪЕДЛИВЫЙ	2	въедлив дотошен	1 1
7.	СДЕРЖАННЫЙ	2	сдержан холоден	1 1
8.	УПОРНЫЙ	2	упорен настойчив в достижении цели	1 1
9.	РАБОТОСПОСОБНЫЙ	2	работоспособен	2
10.	РАСТОРОПНЫЙ	1	расторопен	1
11.	ВЫШКОЛЕННЫЙ	1	вышколен	1
12.	ВЕЖЛИВЫЙ	1	вежлив	1
13.	ДОБРОДУШНЫЙ	1	добродушен	1
14.	ОСТОРОЖНЫЙ	1	осторожен	1

во всем следовать правилам. По существу именно такое представление о немце было воплощено в «Железной воле» Н. С. Лескова.

Что касается других дескрипторов, не содержащих в себе компонента 'соблюдения правил', то многие из них очевидным образом связаны с данной «смысловой доминантой». Так, ВЪЕДЛИВЫЙ свидетельствует о том, что правила и нормы соблюдаются во всех деталях (ср. аналогичный

компонент 'буквализма' в значении дескриптора ПЕДАНТИЧНЫЙ). Свойство, стоящее за дескриптором НЕИНТЕРЕСНЫЙ, естественным образом выводится из свойства 'во всем действовать в строгом соответствии с правилами', если привлечь в качестве одной из посылок вывода «аксиому» здравого смысла: 'интересно то, что отклоняется от ожидаемого, т. е. от нормы'. Содержание дескрипторов ЭКОНОМНЫЙ, УПОРНЫЙ, СДЕРЖАННЫЙ, РАСТОРОПНЫЙ, ОСТОРОЖНЫЙ также выводится из свойства 'соблюдения правил': все это свойства характера, обеспечивающие нормативное поведение. Так, вообще, поставив цель, надо добиваться ее достижения несмотря на препятствия, т. е. быть упорным. В общем случае следует быть экономным, сдержанным и т. д. «Повисают в воздухе» дескрипторы РАБОТОСПОСОБНЫЙ и БЛАГОДУШНЫЙ, что наряду с их пренебрежимо малой частотностью говорит о субъективном характере данных ассоциаций, не имеющих отношения к соответствующему СНХ.

Итак, в данном случае путем семантического анализа лексических реакций удастся выделить явно доминирующий в количественном отношении семантический компонент, который может претендовать на статус языковой коннотации и тем самым рассматриваться как ядерный элемент соответствующего СНХ.

Однако явное преобладание в реакциях какого-то одного семантического компонента — явление нетипичное, как показал анализ коннотаций других этнонимов. И тогда необходим еще один этап, суть которого мы поясним в ходе рассмотрения результатов эксперимента с этнонимом *англичанин* (см. таблицу 2).

В «досье» *англичанина* встречаются те же дескрипторы, что и у *немца* (ВЕЖЛИВЫЙ, ПЕДАНТИЧНЫЙ, АККУРАТНЫЙ, СДЕРЖАННЫЙ), или близкие к ним (так, ДОБРОСОВЕСТНЫЙ — квазисиноним к ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ). Однако, если в «досье» *немца* общий для вежливости, педантичности, аккуратности и исполнительности компонент 'следования правилу' имел явный количественный перевес и к тому же мотивировал большинство других характеристик, то в данном случае это не так. Не обнаруживается и каких-либо других явно доминирующих сем. В таком случае необходимо построить на базе выделенных семантических компонентов обобщающую характеристику, т. е. такую семантическую предикацию, из которой с привлечением «аксиом» здравого смысла как следствия выводятся частные предикации, соответствующие выявленным ранее компонентам смысла лексем. Суммарная частота тех реакций, которые содержат семы, выводимые из обобщающей характеристики, считается частотой, поддерживающей данную обобщающую характеристику. Если такая частота превосходит 50 % от общего числа реакций, то можно считать данную характеристику правдоподобной формулировкой стереотипа сознания. Попробуем построить такую характеристику для *англичанина*. Обращает на себя внимание то, что вежливость, будучи

Таблица 2

Англичанин

[Количество респондентов — 52, общее количество реакций — 52,
из них релевантных — 49, из них лексически различных — 23]

№	Дескриптор	Частота	Реакция	Частота
1.	ВЕЖЛИВЫЙ	18	вежлив чопорен учтив галантен	11 5 1 1
2.	СДЕРЖАННЫЙ	8	сдержан холоден в обращении себе на уме застегнут на все пуговицы	5 1 1 1
3.	ПЕДАНТИЧНЫЙ	7	педантичен пунктуален	6 1
4.	МАЛООБЩИТЕЛЬНЫЙ	3	малообщителен лаконичен немногословен	1 1 1
5.	НЕВОЗМУТИМЫЙ	3	невозмутим спокоен равнодушен ко всему	1 1 1
6.	КОНСЕРВАТИВНЫЙ	2	консервативен привержен традициям	1 1
7.	АККУРАТНЫЙ	2	аккуратный	2
8.	ДОБРОСОВЕСТНЫЙ	2	добросовестен обязателен	1 1
9.	ИЗЯЩНЫЙ	1	изящен	1
10.	ЗАНОСЧИВЫЙ	1	заносчивый	1

маргинальной характеристикой для немца (1 из 70 реакций), у англичанина выходит на первое место (17 из 49). Существенно повышается и удельный вес сдержанности. Естественно поэтому именно в концепте вежливости искать главное, что выделяет русский в национальном характере англичанина.

В прагмалингвистике (см. в особенности [Lakoff 1973]) выделяют два взаимоисключающих типа вежливости, которые условно можно назвать «отстраненной» и «товарищеской». Первая направлена на поддержание дистанции между собой и партнером по общению, а вторая — на сокращение этой дистанции. Ясно, что со СДЕРЖАННОСТЬЮ и МАЛООБЩИТЕЛЬНОСТЬЮ англичанина совместима только вежливость отстраненного типа. Показательно в этом отношении и то, что английская вежливость в нашем материале характеризуется как *чопорность* (вид вежливого поведения, абсолютно исключаящий товарищескую близость).

Как мы видим, в коннотации вежливости, присущей англичанину, важен не столько аспект 'следования правилу', сколько аспект 'сохранения дистанции между собой и другими'. А от этого уже легко перекинуть мостик к коннотации НЕВОЗМУТИМОСТИ, ибо соблюдение такой дистанции наилучшим образом обеспечивает условия для сохранения эмоционального равновесия, внутреннего и внешнего спокойствия. В свою очередь сохранение спокойствия (= отсутствия изменений) в личной сфере легко связать в коннотацией КОНСЕРВАТИЗМА (сохранения status quo в обществе) через общую для них идею сохранения гомеостаза. Таким образом, мы получаем следующую обобщающую характеристику для англичанина: англичанин стремится прежде всего к сохранению покоя внутри и вокруг себя. Эту характеристику «поддерживают» 34 из 49 реакций, т. е. 70 % релевантных ответов, что опять-таки позволяет считать ее ядром СНХ англичанина в русской наивной картине мира. Прочие реакции, не связанные с этой доминантой (вроде ИЗЯЩЕН), явно субъективны.

Аналогичным образом можно выявить СНХ француза по данным, приводимым в таблице 3.

Очевидная семантическая доминанта СНХ француза — его сознательное и успешное стремление к красоте формы, будь то собственная внешность (см. дескриптор ЭЛЕГАНТНЫЙ) или же межличностные отношения (см. дескриптор ГАЛАНТНЫЙ). По-видимому, именно эти черты, возможно, наряду с экстравертированностью и открытой эмоциональностью (см. дескрипторы БОЛТЛИВЫЙ, РАСКОВАННЫЙ, ГОРЯЧИЙ) лежат в основе ОБАЯТЕЛЬНОСТИ француза с точки зрения русского. Обратной стороной медали является вторая семантическая доминанта данного СНХ — отсутствие адекватного прекрасной форме содержания. Основой для такого обобщения служат дескрипторы БОЛТЛИВЫЙ (ср. русскую пословицу *Пустая бочка громко гремит*), ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ, ЛЖИВЫЙ (здесь форма и содержание находятся в прямом противоречии). Показателен в этом отношении и дескриптор РАЗВРАТНЫЙ, отражающий такое отношение субъекта к объекту чувства, при котором последний рассматривается опять-таки в первую очередь со стороны внешней формы, как вещь, внутреннее содержание которой значения не имеет, в связи с чем и само это чувство оказывается «бессодержательным». Таким образом, мы приходим к следующей обобщающей характеристике: француз во всем стремится к красоте внешней формы и преуспевает в этом, но не придает должного значения внутреннему содержанию. Данную характеристику поддерживают 82 % от общего числа реакций и она вполне может рассматриваться в качестве ядерной части СНХ француза в русской наивной картине мира.

Перейдем, наконец, к анализу данных, полученных с помощью Теста 2а для этнонима *русский* (см. таблицу 4).

Полученные данные, несомненно, вызывают целый ряд вопросов, для ответа на которые необходимо было бы провести гораздо более

Таблица 3

Француз

[Количество респондентов — 50, общее количество реакций — 54, из них релевантных — 52, из них лексически различающихся — 34]

№	Дескриптор	Частота	Реакция	Частота
1.	ЭЛЕГАНТНЫЙ	12	элегантен	5
			изящен	4
			обладает изысканным вкусом	1
			великолепен	1
			красив	1
2.	ГАЛАНТНЫЙ	6	галантен	4
			обходителен	2
3.	БОЛТЛИВЫЙ	6	болтлив	2
			говорлив	1
			словоохотлив	1
			велеречив	1
			общителен	1
4.	ЛЖИВЫЙ	5	лжив	1
			фальшив	1
			необязателен	1
			хитер	1
			изворотлив	1
5.	ОБАЯТЕЛЬНЫЙ	4	обаятелен	2
			обворожителен	1
			обольстителен	1
6.	РАЗВРАТНЫЙ	4	развратен	2
			любовобилен	1
			искушен в любви	1
7.	СКУПОЙ	4	скуп	3
			рачителен	1
8.	ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ	4	легкомысленен	2
			легковесен	2
9.	РАСКОВАННЫЙ	2	раскован	1
			непринужден	1
10.	ГОРЯЧИЙ	1	горяч	1
11.	НЕВРОТИЧНЫЙ	1	невротичен	1
12.	ТРЕЗВЫЙ	1	трезв	1
13.	РОМАНТИЧНЫЙ	1	романтичен	1
14.	ЛЕНИВ ДУШОЙ	1	ленив душой	1

Таблица 4

Русский
 [Количество респондентов — 45, общее количество реакций — 45, из них релевантных — 45, из них лексически различных — 33]

№	Дескриптор	Частота	Реакция	Частота
1.	БЕСШАБАШНЫЙ	8	бесшабашен безрассудно смел беспечен надеется на «авось» нерасчетлив	4 1 1 1 1
2.	ЩЕДРЫЙ	8	щедр добр гостеприимен хлебосолен радушен отзывчив	3 1 1 1 1 1
3.	ЛЕНИВЫЙ	5	ленив	5
4.	НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ	4	необязателен ненадежен	3 1
5.	ПРОСТОДУШНЫЙ	4	простодушен прямодушен доверчив наивен	1 1 1 1
6.	БЕСТОЛКОВЫЙ	4	бестолков простоват несообразителен	2 1 1
7.	НЕОРГАНИЗОВАННЫЙ	4	неорганизован небрежен разболтан неряшлив	1 1 1 1
8.	БЕСЦЕРЕМОнный	2	бесцеремонен нахален	1 1
9.	ШИРОКАЯ НАТУРА	1	широкая натура	1
10.	ЛЮБИТ ВЫПИТЬ	1	любит выпить	1
11.	ПРОЖОРЛИВЫЙ	1	прожорлив	1
12.	ПОВЕРХНОСТНЫЙ	1	поверхностен	1
13.	НЕ ЛЮБОПЫТНЫЙ	1	не любопытен	1
14.	ПРИЯТНЫЙ	1	«приятен во всех отношениях»	1

масштабный эксперимент с фиксацией всех социолингвистических переменных (пол, возраст, национальность, образование, социальное положение информантов), чтобы установить, существует ли корреляция между социальным статусом испытуемого и положительным / отрицательным оценочным значением его реакции на этноним. Как бы то ни было, самокритичность (или, если угодно, заниженная самооценка) очевидна. Результат сам по себе нетривиальный, так как считается, что обыденное сознание «свое» воспринимает как хорошее, нормальное, а «чужое», как худшее, аномальное. Оставляя в стороне этот аспект восприятия современными россиянами русского национального характера, проинтерпретируем наши данные тем же способом, который применялся выше.

Можно ли построить на базе семантики полученных реакций какую бы то ни было обобщающую характеристику, конкретными реализациями которой будут свойства характера, обозначаемые соответствующими лексемами? На первый взгляд это кажется невозможным. Что общего, например, между ЩЕДРОСТЬЮ и БЕСШАБАШНОСТЬЮ (кроме семы интенсивности)? На уровне словарных толкований это общее не обнаружится, но его можно вскрыть на некотором шаге логического вывода. Так, общая часть значений слов дескриптора ЩЕДРЫЙ — ‘готовность делать добро другому’, а дескриптора БЕСШАБАШНЫЙ — ‘отсутствие в действиях предварительного расчета, способность пренебречь возможными отрицательными последствиями своих действий’. Если теперь допустить существование такой «общечеловеческой» «аксиомы» здравого смысла, как ‘никто не желает себе зла’, то БЕСШАБАШНОСТЬ окажется связанной с ЩЕДРОСТЬЮ через идею ‘добра’. Действительно, если человек не желает себе зла и при этом не считает нужным просчитывать свои действия, не боится отрицательных последствий, то, по-видимому, он исходит из предположения, что, что бы он ни делал, такие последствия маловероятны, т. е. мир не причинит ему зла, мир в основе своей добр. Как показано в работе [Селезнев 1985], русский глагол *верить* обозначает мнение, основанное на добрых интуициях о мире. Тем самым, можно переформулировать наиболее яркую черту СНХ русского так: ‘русскому свойственно верить’. С концептом ‘веры’ (и его коррелятом — концептом ‘правды’), в свою очередь, очевидным образом семантически связаны коннотации дескриптора ПРОСТОДУШНЫЙ. Другой «лейтмотив», пронизывающий многие реакции, обобщенно выражен в одной из них — ШИРОКАЯ НАТУРА, т. е. нестесненность в проявлении внутренних состояний (ср. *бесшабашен* (4), *безрассудно смел, щедр, хлебосолен, прожорлив, любит выпить*, а также *бесцеремонен, и нахален*, отражающие ту же нестесненность самовыражения с позиций лица, от нее потерпевшего). Таким образом, в качестве обобщающей характеристики можно предложить следующую: русский исходит из того, что в мире в конечном счете побеждают добро и правда, и стремятся жить в соответствии с этими принципами, не стесняя себя во всем

остальном. Эту характеристику поддерживают 53 % общего числа реакций, что изначально признано достаточным для признания коннотации правдоподобным кандидатом в стереотипы языковой картины мира. Отрицательные свойства СНХ *русского* (ЛЕНИВЫЙ, НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ, НЕОРГАНИЗОВАННЫЙ) также вполне совместимы с этой характеристикой. Действительно, личное трудолюбие, сообразительность, соблюдение порядка и даже верность своим обязательствам не столь существенны, если добро и правда в мире рано или поздно торжествуют. Так что, как и у *француза*, недостатки *русского* являются продолжением его достоинств.

Даже на таком ограниченном материале, которым мы располагаем, очевидны некоторые общие характеристики СНХ как определенного типа когнитивных структур: 1) не все народы удостоиваются своего СНХ в наивной картине мира народа X (это было проверено нами на этнониме *мордвин*, который оказался лишенным общезначимых коннотаций); от чего зависит степень оформленности СНХ того или иного народа в сознании народа X — предмет особого исследования, но ясно, что необходимым условием формирования СНХ являются длительные контакты с данным народом и степень воздействия этих контактов на жизнь народа X; 2) в поведении представителей других народов выделяются и получают закрепление в СНХ черты, не типичные для соплеменников (ср. отсутствие пересечения частотных коннотаций у *русского* с другими этнонимами); 3) множество СНХ структурируется с помощью оппозиций; так, *немец* противопоставлен *русскому* по параметру приверженности к порядку (ср. антонимичные реакции *аккуратен*, *чистоплотен*, *опрятен* vs *неряшлив*; *подтянут*, *собран* vs *разболтан*, *небрежен*; *обязателен* vs *необязателен*; *вежлив* vs *бесцеремонен*); *англичанин* противопоставлен *русскому* по параметру открытости проявлений внутреннего состояния (ср. реакции дескриптора СДЕРЖАННЫЙ у *англичанина* и реакции, связанные с ШИРОТОЙ НАТУРЫ у *русского*); *француз* прямо противоположен *русскому* по их отношению к правде, ср. ЛЖИВ vs ПРОСТОДУШЕН; *англичанин* и *француз* противопоставлены и по открытости, и по общительности, ср. МАЛООБЩИТЕЛЬНЫЙ vs БОЛТЛИВЫЙ.

В заключение необходимо подчеркнуть, что главным результатом эксперимента являются не конкретные семантические реконструкции, которые могут подвергнуться коррекции при анализе массива данных, большего, чем тот, которым мы располагали. Важнее то, что предлагаемая методика при соблюдении всех требований, предъявляемых к подобным экспериментам (в частности требования анализа больших массивов данных), с подключением методов математической статистики (например, корреляционного анализа) может дать более объективную информацию о стереотипах национальных характеров, во всяком случае более объективную, чем та, которую можно добыть с помощью прямых вопросов вроде «Каков, по-вашему мнению, характер типичного англичанина?».

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974. С. 95–114.
2. *Бендикс Э. Г.* Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. XIV. С. 75–107.
3. *Лич Дэс. Н.* К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. XIV. С. 108–132.
4. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Раздел III

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Глава 1

Предложение как объект семантического исследования

До середины 60-х гг. лингвистическая семантика практически сводилась к лексической семантике. Это вполне соответствовало тому положению, которое слово долгое время занимало в представлениях языковедов. Достаточно вспомнить в этой связи знаменитое изречение Ф. де Соссюра: «...слово есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка» [Соссюр 1977].

Действительно, уже на уровне слова мы можем исследовать одну из важнейших функций языка — функцию организации, хранения и передачи из поколения в поколение знаний о мире, или так называемую когнитивную функцию. Это возможно благодаря связи слова с понятием, которое представляет собой обобщенное отражение явлений действительности.

Однако, оставаясь на уровне слова, мы лишены возможности изучать другую важнейшую функцию языка — быть средством общения между людьми, иначе говоря, коммуникативную функцию. Когда мы обращаемся к изучению языка как средства общения, то центральной, ключевой единицей анализа уже не может быть слово. Общаясь, мы передаем друг другу сообщения, задаем вопросы, высказываем суждения о каких-либо явлениях действительности, выражаем свои чувства, даем клятвы, приказываем, оцениваем и т. д. Из всех единиц языка только предложение обладает способностью служить инструментом осуществления коммуникативных актов. Только предложение обладает свойством выражать суждение о чем-либо, которое, будучи соотносено с действительностью, может быть оценено как истинное или ложное. Слово же выступает как строительный материал для предложения. Само по себе, вне предложения, слово не выражает суждения, не может быть оценено как истинное или ложное, не передает намерений говорящего. Если рассматривать язык как средство общения, то следует согласиться с мнением В. А. Звегинцева, что язык фактически начинается с предложений.

Выдвижение семантики на первое место в лингвистических исследованиях и осознание центрального места предложения в функционировании языка как средства общения привели в конце 60-х – 70-х гг. к тому, что впоследствии было названо «штурмом семантики предложения». При этом проблемы семантики слова, лексической семантики, вошли в качестве составной части в комплекс вопросов, возникающих в ходе анализа семантики предложения. Как мы уже знаем, в современных вариантах лексической семантики анализ значения слова оказывается неразрывно связан с анализом значения типовых предложений, содержащих данное слово.

1.1. Значение предложения и смысл высказывания

Термин «предложение» неоднозначен, как и термин «слово». Под ним может пониматься с одной стороны — единица языка, с другой стороны — единица речи. Чтобы избежать этой неоднозначности, единицу языка принято называть предложением, а соответствующую ей единицу речи — высказыванием. План содержания предложения мы будем называть значением, а план содержания высказывания — смыслом.

Язык	Речь
предложение	высказывание
значение	смысл

Очевидно, что понятия «значение» и «смысл» применительно к уровню предложения соотносятся так же, как и понятие виртуального и актуального значения применительно к уровню слова, что отражает нижеследующая таблица:

Уровень	Степень обобщенности	
	Минимальная	Максимальная
слов	актуальное значение	виртуальное значение
предложений	смысл	значение

Когда предложение рассматривается как тип, т. е. выступает как псевдопредложение по терминологии В. А. Звегинцева, то его план содержания, называемый значением или языковым смыслом, — это та информация, которую извлекает из него любой носитель данного языка только благодаря своим лингвистическим знаниям, т. е. знаниям значений слов, синтаксических конструкций и интонационных контуров, встретившихся

в данном предложении. Так, предложение *Он проплыл сто метров кролем за 45 секунд* (пример Ю. Д. Апресяна) для всякого носителя русского языка значит «Плывя стилем кроль, он покрыл расстояние в 100 метров и затратил на это 45 секунд».

Когда предложение рассматривается как конкретный экземпляр, т. е. как высказывание, то его план содержания, называемый (речевым или актуальным) смыслом — это не только и не столько та информация, которая закодирована теми или иными языковыми средствами, но вся та информация, которая может быть передана с его помощью и быть извлечена из него благодаря знанию коммуникантов о мире, друг о друге, о ситуации общения и т. п. не собственно лингвистическим знаниям. Так, если к истолкованию содержания того же предложения привлекать знания таблицы мировых достижений в плавании (а это, конечно, не языковая, а энциклопедическая информация), то оно может быть осмыслено как сообщение о феноменальном мировом рекорде. Если оно употреблено в контексте обсуждения претендентов на включение в состав сборной команды, то для пловца, знающего о том, что его собственные результаты хуже, оно может значить, что он не попадет в сборную команду и т. п.

1.2. Семантически правильные и аномальные предложения

Слово как готовую, воспроизводимую единицу лексической системы языка мы не оцениваем как правильное или неправильное само по себе¹⁾. О слове, входящем в лексикон данного языка, можно сказать только, что оно правильно или неправильно употреблено в составе предложения для обозначения того или иного предмета или явления действительности, или что оно правильно или неправильно употреблено в определенном языковом или экстралингвистическом контексте. Иначе говоря, слова языка, изолированные от контекста их употребления, не бывают правильными или аномальными²⁾. К предложениям — сложным знакам, творимым человеком, такая оценка применима.

¹⁾ Другое дело — форма слова (словоформа), которая может быть правильно или неправильно построенной (ср. формы глагола *бежать* — *беги* и **бежи*).

²⁾ Аномальными словами применительно к конкретному языку можно было бы считать несуществующие в нем «квазислова», которые придуманы с какой-то специальной целью, например, научной (ср. слова, из которых Щерба построил знаменитую фразу *Глокая курдюра штеко будланула бокра и кудрючит бокренка* для демонстрации того, что словоизменительные и словообразовательные морфемы несут достаточно большую смысловую нагрузку, а также псевдослова, используемые в различных лингвистических экспериментах и тестах), художественной (ср. неологизмы Велемира Хлебникова, исследованию которых посвящен целый ряд работ, в том числе [Пригорьев 1986]) или игровой (ср. известное стихотворение *Роззриль, гарзкие хомейки...* из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла, произведение которого иллюстрируют примерами разнообразных языковых игр, некоторые из которых проанализированы в работе [Падучева 1982 б]; о языковых играх в целом см. [Санников 1999]).

Вообще способность отличить правильные предложения от неправильных, аномальных принадлежит к числу тех способностей, которые должна объяснять лингвистическая теория. Поскольку аномальность предложения может быть результатом нарушения принципов и правил, регулирующих разные уровни и аспекты его структуры, то за объяснение разных видов аномальности отвечают различные компоненты, или модули общей теории языка. Семантическая теория, или семантический компонент общей теории языка должен объяснять те виды аномальности, источником которых является значение предложения.

Проблема аномальных предложений имеет давнюю историю. Она интересовала не только лингвистов, но и философов и логиков. Рассмотрим несколько примеров предложений, которые являются в том или ином отношении аномальными (некорректными, дефектными), и покажем, что причины аномальности этих предложений различны. Начнем с предложения (1):

- (1) *Он ходить по комнат очень сердитая.*

Предложение (1) — пример чисто грамматической аномальности, для объяснения которой достаточно указать на правило (правила) грамматики или чисто формальное сочетаемостное ограничение, нарушением которого вызвана данная неправильность. В данном случае — это нарушение правила согласования между подлежащим и глагольной частью сказуемого в лице и числе или роде и числе, правила согласования между подлежащим и именной частью сказуемого в роде, а также нарушение морфосинтаксической сочетаемости предлога *по*, приписывающего управляемому имени дательный падеж. Аномальности такого рода, встречающиеся, например, в речи иностранцев, или появляющиеся в результате опечаток, описок или оговорок, слушающий легко преодолевает на пути к пониманию выражаемого грамматически аномальным предложением значения и может даже вообще не обратить на них внимания. Объяснение аномалий такого рода единогласно признается относящимся к компетенции грамматики.

Рассмотрим теперь предложение (2):

- (2) *Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился в Твери.*

Дефектность предложения (2) состоит в том, что, как нам всем известно, оно не соответствует фактам. Этот вид дефектности называется *ложностью*. При этом предложение (2') *Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился не в Твери* (как и всякое другое предложение, в котором отрицается то, что утверждается в ложном предложении), будет истинным, т. е. соответствующим тому, что признается имеющим место в действительности. Заметим, что, будучи ложным, предложение (2) остается вполне понятным, осмысленным предложением, не нарушающим наших представлений о том, что в принципе могло бы быть в мире, если бы развитие событий пошло по какому-то иному пути, чем это было на самом деле. Так что правильность/неправильность предложений типа (2)

определяется не каким-то пороком в их собственной структуре (формальной или семантической), а несоответствием этой структуры тому, что мы знаем о мире. Предложения, истинность/ложность которых зависит от устройства мира, называются **синтетически истинными/ложными**. Если считать синтетическую ложность одним из видов аномальности предложения, то поскольку причины ее кроются не в самой его языковой структуре, а за ее пределами, то и объяснение этих причин не входит в компетенцию лингвистики. Поэтому лингвистическая семантика, даже когда она включает в себя изучение отношений между предложениями и миром (или моделью мира), как те или иные школы сильной семантики, видит свою задачу не в выяснении того, является ли предложение истинным или ложным относительно данного мира, а в формулировании **условий истинности предложения**, т. е. тех требований, которым должен отвечать мир для того, чтобы предложение было в нем истинным.

Итак, с лингвистической точки зрения синтетически ложные предложения типа (2), будучи осмысленными, не рассматриваются как аномальные, считаются семантически правильными. **Осмысленность** при этом трактуется как свойство предложения, состоящее в возможности оценить его как истинное или ложное, когда оно будет рассматриваться как высказывание о некотором мире (действительном или воображаемом). Подчеркнем, что истинностной оценке естественным образом подвергается только один коммуникативно-синтаксический тип предложений — повествовательные. К вопросительным, побудительным и некоторым другим типам предложений (см., например, понятие перформативного предложения в разделе 2.3) этот тип оценки в принципе не приложим, хотя они тоже бывают аномальными, но уже по иной причине. Невозможность приписать повествовательному предложению истинностное значение в свою очередь может быть следствием различных причин, объяснение части которых, безусловно, входит в компетенцию лингвистической семантики. Рассмотрим предложение (3):

(3) *Нынешний король Франции лыс.*

Что оно не является истинным (относительно мира, в котором мы живем) — ясно, но и просто ложным его считать нельзя. Действительно, если мы оценим (3) как ложное предложение, то служащее его отрицанием предложение (3¹):

(3¹) *Нынешний король Франции не лыс.*

по законам логики должно было бы быть истинным, но оно таковым не является. Итак, мы вынуждены признать, что предложение (3) применительно к действительному миру не может быть оценено ни как истинное, ни как ложное, а значит, оно лишено смысла, и в силу этого аномально. Причиной этого является то, что в нем некоторое свойство (быть лысым) приписано, или предсказано, несуществующему объекту. Если в мире дискурса не существует некоторого объекта, то в этом

мире нет смысла обсуждать свойства данного объекта. Таким образом, существование в мире в момент речи короля Франции составляет условие осмысленности предложения (3), как и предложения (3'). Сравнивая аномальность предложений типа (2) с аномальностью предложений типа (3), мы видим, что оба этих вида дефектности связаны с несоответствием содержания предложения положению дел в мире. Но если в случае (2) мир не отвечает условиям истинности предложения, то в случае (3) — условиям его осмысленности, в связи с чем предложения типа (3) кажутся более странными, чем синтетически ложные предложения типа (2). Аномальность, подобная той, которую иллюстрирует пример (3), в логике и лингвистике описывается с помощью понятия *семантической пресуппозиции* (*презумпции*), с которым мы познакомимся в следующем разделе.

Рассмотрим теперь ряд предложений (4):

- (4) (а) *Муж Ирины — холостяк.*
 (б) *Муж Ирины женат.*
 (в) *Муж у Ирины трехкомнатный.*

Предложения типа (4) также аномальны, однако для объяснения их дефектности нам не нужно обращаться к действительному миру, чтобы установить, имеет ли в нем место то, что такие предложения описывают. В случаях типа (4а) нам заведомо ясно, что такого мира быть не может. И ясно это нам благодаря знанию языковых значений входящих в предложение слов и связей между ними. Так, чтобы оценить предложение (2) как не соответствующее фактам (ложное), нам надо знать биографию А. С. Пушкина, а чтобы понять, что фактам не соответствует предложение (4а), нам ничего не нужно знать ни об упоминаемой в нем Ирине, ни о ее муже, а достаточно знать значения слов *муж* и *холостяк* и понимать, что в данной синтаксической конструкции оба свойства, обозначаемые этими словами, относятся к одному и тому же референту. Мы знаем, что холостяк — это мужчина, не состоящий в браке, а чей-либо муж — это мужчина, состоящий в браке с этим «кем-либо». Интерпретируя предложение (4а), мы получаем *контрадикцию*, или (*логически*) *противоречивое* утверждение о том, что некоторое лицо в одном и том же мире в одно и то же время входит в множество лиц, состоящих в браке и не входит в это множество. Какой бы фантастический мир мы себе ни представили, в нем не может быть того, чтобы некоторое положение дел в нем одновременно имело и не имело места. Значит, предложения, подобные (4а), будут ложными в любом возможном мире. Такие предложения, в отличие от синтетически ложных предложений типа (2), называют *аналитически ложными*.

Соответственно *аналитически истинными* называют такие предложения, истинность которых не зависит от того, каково положение дел в том или ином мире. В силу своего языкового значения они истинны во всех возможных мирах. Если источником аналитической ложности предложения является *противоречие*, то источником аналитической

истины — тавтология. Как показывает пример (4б), тавтологии, будучи истинными, как правило, тоже воспринимаются как предложения семантически аномальные, поскольку в них о предмете речи не сообщается никакой новой информации по сравнению с той, которая уже входит в языковое значение обозначающего этот предмет выражения, что нарушает один из важнейших принципов коммуникации: высказывание должно быть информативно (о принципах (максимах) коммуникации см. [Грайс 1985]).

Пример (4в) иллюстрирует еще один вид семантической аномалии, обычно называемый бессмыслицей. Бессмысленные предложения отличаются от синтетически ложных предложений типа (2) тем, что нам трудно представить себе мир, в котором они могли бы быть истинными. От аналитически ложных предложений типа (4а) бессмысленные предложения типа (4в) отличаются источником неправильности, которым в данном случае является не логическое противоречие, а категориальная несовместимость, или категориальная ошибка, состоящая в том, что объекту, принадлежащему к одной категории (типу, сорту) сущностей, имеющихся в мире, приписывается свойство, присущее объектам другой категории (типа, сорта). Так, в (4в) объекту, принадлежащему к категории человеческих существ приписано свойство, присущее объектам, относящимся к категории помещений.

Известное всем лингвистам предложение (5), с помощью которого Н. Хомский пояснял понятие грамматической правильности:

(5) *Colorless green ideas furiously sleep.*

‘Бесцветные зеленые идеи яростно спят.’

является семантически аномальным и содержит два вида неправильности, рассмотренных нами. В его содержании обнаруживается и логическое противоречие (нечто одновременно имеет определенный цвет и не имеет цвета) и бессмыслица (абстрактной сущности — идеи — приписано состояние сна, присущее только живым существам, и этому состоянию приписано свойство, проявляющееся только в действии — яростность).

У всех разновидностей семантической аномальности, представленных примерами (4) и (5), есть одно общее свойство. Все они в принципе не противопоставлены естественному языку и, будучи употребленными в определенном контексте, способны получить вполне «нормальную» интерпретацию. Все они могут использоваться как стилистические фигуры. Так, противоречивые предложения переосмыслиются как не содержащие противоречия. Например, (4а) может быть понято как выражающее смысл ‘муж Ирины ведет холостяцкий образ жизни’. Противоречие лежит в основе стилистической фигуры, называемой оксюмороном (см., например, первое предложение стихотворения Катюлла *Od(i) et amo* «Ненавижу и люблю», служащее, за неимением лучшего, наиболее точным средством выражения знакомого многим сложного чувства. Среди тавтологических, на первый взгляд, предложений, выделяются псевдотавтологии типа (6):

- (б) (а) *Женщина есть женщина.*
 (б) *На войне как на войне.*

которые, в отличие от подлинных тавтологий, информативны в силу того, что их предикат имеет помимо сигнификативной части своего значения, не несущей новой информации по сравнению с субъектом, также весьма содержательные коннотации (см. II.3.3.4), которые данный тип конструкции и выдвигает на первый план. Какая именно из присущих предикату коннотаций имеется в виду говорящим, зависит от контекста. Так, (ба) в зависимости от контекста может означать 'женщинам свойственно быть непоследовательными / проявлять милосердие / следить за своей внешностью и т. п.', а (бб) — 'на войне неизбежны жертвы / бытовые неудобства и т. п.' Бессмысленные высказывания могут стать осмысленными в текстах определенных стилей и жанров художественной литературы. Так, предложение (4в) могло бы встретиться в сказке, подобной сказкам Г.-Х. Андерсена или Ф. Кривина о вещах, персонажами которой были бы квартиры, наделенные всеми социальными и психологическими свойствами людей, и в частности, имели собственные имена и могли заключать браки между собой. Та же категориальная несовместимость, которая порождает бессмыслицу, обнаруживается в любой живой поэтической метафоре, в составе которой не только не затемняет содержание, но служит средством повышения образности, выразительности речи. Аномальное предложение (5) можно, слегка модифицировав его поверхностную структуру, превратить во вполне приемлемую строчку поэтического произведения (что и было сделано в ходе полемики, развернувшейся вокруг грамматической теории Н. Хомского). Аналогичные «бессмыслицы» — не редкость в поэзии XX в. Ср., например, ...но славию жестокость, которая в мире клопов выжигает, как в затхлой квартире, которая за косы землю берет... (Д. Б. Кедрин); Я клавишей стаю кормил с руки под хлопанье крыльев, плеск и клекот (Б. Л. Пастернак) и т. п.

Ссылаясь на то, что язык не избегает подобных аномалий и говорящие так или иначе справляются с интерпретацией противоречивых, тавтологических и бессмысленных высказываний, Ю. Д. Апресян предлагает не считать их разновидностями языковой неправильности [Апресян 1995, 598–621]. Однако многие лингвисты включают объяснение причин контрадикторности, тавтологичности и бессмысленности предложений в задачи семантической теории языка (см., например, [Katz, Fodor 1964], [Бирвиш 1981], [Катц 1981]). При этом, конечно, признается, что в рамках этих теорий должны получить объяснение и явления «легитимации» аномальных высказываний в определенных контекстах. Так, в семантической теории Дж. Дж. Катца и Дж. А. Фодор бессмыслицы типа *идеи спят* объясняются нарушением требований семантической сочетаемости, входящих в словарное описание лексемы в виде «селекционных ограничений». Аномалия данного типа возникает тогда, когда по правилам соединения значений слов в предложении (правилам

проекции) оказываются связанными друг с другом два слова, значение одного из которых не удовлетворяет селекционному ограничению другого. Например, слово *идея* имеет отрицательное значение семантического признака одушевленности, тогда как селекционное ограничение глагола *спать* требует от его семантического субъекта (экспериментера) положительного значения того же признака. Предложения, содержащие подобное несоответствие, по этой причине не смогут получить интерпретацию и будут отбракованы как не являющиеся (семантически) правильными предложениями. Вместе с тем, содержащие подобную категориальную ошибку предложения используются в образной речи, и соответствующая неправильность даже имеет статус стилистической фигуры и называется олицетворением (ср. например, *Спят курганы темные* или *Идеи нравственного самосовершенствования в современном нам обществе спят непробудным сном*). Чтобы теория могла учесть и такие случаи, вводится понятие полупредложения (*semi-sentence*) — предложения, которое может получить интерпретацию, если ослабить соответствующее селекционное ограничение [Katz 1964].

Аномальность предложений в (7):

- (7) (а) *Вода в озере была совершенно голубоватой.*
 (б) *Подойдите-ка же сюда!*

основана на логическом противоречии, как и аномальность предложения (4б). Однако между ними есть некоторое различие. Аномальные предложения типа (4б) воспринимаются скорее как нарушающие требования здравого смысла; они, как мы видели, не противопоказаны языку и могут при определенных условиях получить осмысленную интерпретацию. В отличие от них предложения типа (7) воспринимаются как содержащие собственно языковую ошибку, и потому никакому переосмыслению не подвергаются. Заметивший это различие Ю. Д. Апресян связал его с различием в способах языкового кодирования противоречащих друг другу семантических компонентов и с различным статусом этих компонентов [Апресян 1995: 598–628]. Так, если логическое противоречие создается соположением однозначных лексем, как в (4б), где противоречат друг другу значения 'X состоит в браке' и 'X не состоит в браке', выражаемые однозначными словами *муж* и *холостяк*, то мы получаем скорее логическую ошибку, чем собственно языковую неправильность. Если же, как в (5), логическое противоречие создается соположением значений, хотя бы одно из которых выражено грамматическими (в широком смысле) средствами, то возникает собственно языковая аномалия. Так, в (5а) противоречат друг другу значение 'степень признака X — полная', выраженное наречием степени *совершенно*, и значение 'степень признака X — неполная', выраженное грамматически, — словообразовательным аффиксом *-оват-*. В (5б) оба противоречащих друг другу значения выражены грамматически: частица *-ка* вносит в побудительное предложение информацию 'говорящий считает, что слушающий не знает,

что ему нужно осуществить действие X' , а частица *же* в побудительном контексте выражает противоположное мнение говорящего — 'говорящий считает, что слушающий знает, что ему нужно осуществить действие X' '. Помимо того, что противоречащие друг другу значения в (5б) выражены служебными, а не полнозначными словами, они еще и не принадлежат главному, центральному компоненту содержания предложения, поскольку характеризуют не тот или иной фрагмент мира, а мнение говорящего о состоянии знаний адресата в момент речи (о компонентах, выделяемых в семантической структуре предложения в зависимости от характера заключенной в них информации и от ее коммуникативного статуса, речь пойдет в главе 2). Таким образом явная, «бросающаяся в глаза» и «режущая ухо» логическая ошибка в выражаемой предложением мысли, будь то контрадикция, тавтология или категориальная несовместимость, оказывается преодолимой с помощью привлечения дополнительных посылок, которые ее снимают³⁾. Незаметная же, скрытая глубоко в семантической структуре предложения логическая ошибка, ставит интерпретатора (если он не лингвист) в тупик, создавая ощущение неправильности, которую он не в силах локализовать, а значит, не может и исправить.

Аномальность предложений типа (8):

- (8) *Вчера во стольный во город во Киев с официальным визитом приперся высокий гость.*

также имеет семантическую природу. Как и в случае бессмысленных предложений, проиллюстрированных примерами (4в) и (5), источником аномальности здесь является несовместимость, но не категориальная (сигнификативная), а стилистическая (прагматическая): в одном предложении, описывающем ситуацию с позиции одного и того же субъекта речи, соединяются языковые средства, связанные с разными условиями общения (функциональными стилями), каковые относятся к прагматическому слою значения этих языковых единиц или конструкций (см. 1.3.3). Так, стилистически нейтральное *вчера* соседствует с фольклорно-поэтическим *стольным городом* (вместо *столица*) в сочетании с принадлежащим тому же стилю повтором предлога в архаической форме *во* (вместо современной *в*), а официально-деловое выражение *высокий гость* сочетается с грубо-просторечным *приперся*. Подобные «стилистические» аномалии, как и аномалии типа (4) и (5), могут использоваться со специальными целями в текстах определенных жанров, обычно для достижения юмористического эффекта.

³⁾ В данном случае действует тот же общий принцип, который побуждает интерпретатора, обнаружившего, что высказывание собеседника при его буквальном понимании «грубо и зримо» нарушает правила логики речевого общения, исправлять положение путем добавления к буквальному смыслу высказывания такой информации, которая приведет его в соответствие с этими правилами, — информации, называемой имплицатурой дискурса (см. [Грайс 1985], [Падучева 1985]). Это принцип рациональности, в соответствии с которым все люди в обычных условиях ожидают друг от друга рационального (разумного, логичного) поведения.

Семантическую аномальность, представленную всеми рассмотренными выше примерами, можно назвать **абсолютной** в том смысле, что признание предложения аномальным в этом случае вытекает из самых общих онтологических и гносеологических посылок об устройстве действительного мира и не зависит от конкретного мировоззрения (системы ценностей, политических убеждений, культурных или сословных традиций), носителем которого является интерпретатор. В отличие от этого предложения в (9) демонстрируют **относительную семантическую аномальность** (см. [Lakoff 1971]):

- (9) (а) *Сначала Марья // назвала Ивана демократом, а потом он \\ оскорбил ее.*
 (б) *Хотя Маше всего восемнадцать лет, у нее уже двое детей.*

Предложение (9а) (с восходящим контрастным ударением на *Марья* и нисходящим — на *он*) может быть воспринято как аномальное, абсурдное приверженцем одной политической партии и как нормальное, правильное — его политическим противником. В предложении (9б) европеец не усмотрит никакой аномалии, но для представителей тех культур, где семейная жизнь женщины начинается гораздо раньше, чем в Европе, оно покажется странным в той же степени, в какой странным было бы для европейца то же предложение с заменой восемнадцати лет на, скажем, пятьдесят. Таким образом, оценка семантической правильности предложения интерпретатором в данном случае базируется на проверке соответствия его значения представлениям интерпретатора о мире, которые варьируют в зависимости от его культурной и социальной принадлежности и индивидуально-психологических характеристик. Тем самым, для объяснения относительной аномальности необходимо обращение не только к лингвистическим, но и к экстралингвистическим знаниям.

Рассмотрев различные виды аномальности предложения, мы установили, что некоторые из них — противоречивость, тавтологичность, бессмыслица, стилистическая несовместимость — могут быть объяснены в рамках семантической теории языка, оперирующей значениями изолированных от контекста предложений. Объяснение аномальности предложения состоит в том, что семантическая теория сопоставляет данному предложению такое описание его значения, которое делает явным источник аномалии: приписывание одному и тому же объекту одновременно предикатов 'Р' и 'не Р' — для противоречивости, избыточное повторное приписывание одному и тому же объекту некоторого предиката — для тавтологичности, несоответствие одной из соединяемых единиц сочетаемостным требованиям другой — для бессмыслицы, различие стилистических характеристик соединяемых единиц — для стилистической несовместимости. Для этого семантическая теория должна содержать словарь, где каждому слову сопоставлено описание его значения и условий употребления на семантическом метаязыке, инвентарь граммем,

где каждой граммеме сопоставлено описание ее значения на том же семантическом языке и набор правил соединения значений слов по линиям их синтаксических связей, — правил композиции значений, или правил взаимодействия значений, позволяющих исходя из синтаксической структуры предложения и значений входящих в него слов и граммем осуществить сборку его семантического представления. Если же, как в целом ряде практических приложений семантического анализа, нам надо уметь улавливать относительную аномальность, включая сюда не только случаи типа (9), но и синтетическую ложность и бессмысленность предложений типа (3), то в модель понадобится включить базу знаний и базу данных, совместимостью с которыми и будет определяться семантическая корректность предложения.

1.3. Логико-семантические отношения между предложениями

Обратимся к другой способности, относящейся, наряду с уже рассмотренной способностью отличать семантически правильные предложения от аномальных, к числу тех умений, из которых складывается владение языком, — способности устанавливать логико-семантические, т. е. основанные на условиях истинности, отношения между предложениями. Объяснение этой способности — еще одна задача семантической теории языка.

Рассмотрим предложение (1):

(1) *Старший сын Анны уехал из Варшавы в Сорбонну учиться.*

Если принять, что предложение (1) истинно, то из этого можно заключить, что истинными являются и многие другие предложения, часть из которых приведена в (2):

- (2) (а) *У Анны есть сын.*
 (б) *У Анны не менее двух сыновей.*
 (в) *Старший сын Анны некоторое время находился в Варшаве.*
 (г) *Старший сын Анны закончил среднюю школу.*
 (д) *Старшему сыну Анны не меньше, чем 16 лет.*

Таким образом, мы устанавливаем определенную зависимость условий истинности предложения (1) и каждого из предложений в (2), то есть наличие определенного логико-семантического отношения между ними. Далее для краткости мы будем называть логико-семантические отношения просто семантическими. При этом об истинности (2а)–(2в), при условии истинности (1), мы судим на основе общей предпосылки, что предложение (1) следует истолковывать в соответствии с конвенциями данного языка. Для установления истинности (2г) и (2д), при условии истинности (1), языковых конвенций нам уже недостаточно, и нужно дополнительно привлечь следующие знания о мире: Сорбонна —

это университет; нельзя учиться в университете, не окончив среднюю школу; учеба в школе начинается в возрасте от пяти до восьми лет и продолжается десять—двенадцать лет.

Целью семантической теории, объектом изучения которой выступает изолированное предложение, является объяснение только тех семантических способностей, которые определяются исключительно знанием данного языка. Поэтому такая теория должна объяснить установление семантического отношения между (1) и (2а), (1) и (2б), (1) и (2в), но не несет ответственности за установление такого отношения между (1) и (2г) или (2д). Это объяснение в семантической теории приобретает форму правил, которые констатируют наличие или отсутствие определенного семантического отношения между предложениями исходя из сопоставляемого им в данной теории формального семантического описания, называемого семантическим представлением (СемП), семантической репрезентацией, или семантической интерпретацией предложения.

Основным семантическим отношением между предложениями, с помощью которого могут быть определены все другие семантические отношения, является отношение следования (иногда называемое также вынуждением).

Носитель языка, которому предъявлено предложение, Р может построить ряд других предложений (Q1, Q2 и т. д.), которые следуют из Р, или, иначе говоря, являются следствиями Р. Отношение следования можно определить следующим образом:

(3) Q следует из Р, если вера говорящего в истинность Р обязывает его считать, что Q тоже истинно.

В другой формулировке:

(3') Р влечет (или вынуждает) Q, если, по мнению носителей языка, нельзя эксплицитно утверждать Р и одновременно эксплицитно отрицать Q.

Примеры отношения семантического следования, символизируемого знаком \supset , дают следующие пары предложений, второе из которых является следствием первого:

- (4) (а) *Петя и Ваня учатся в школе.* \supset (б) *Петя учится в школе.*
 (5) (а) *Иван в прошлом году уволился из университета.* \supset (б) *До прошлого года Иван работал в университете.*
 (6) (а) *Мальчику удалось повесить картинку на стену.* \supset (б) *Мальчик повесил картинку на стену.* \supset (б') *Картинка некоторое время висела на стене.*
 (а) \supset (б'') *Мальчик прилагал усилия к тому, чтобы повесить картинку.*

Наличие отношения семантического следования между двумя предложениями может быть проверено с помощью имплицитивного теста, рассмотренного в разделе II.12.3. Если подавляющее большинство носителей языка в ходе этого теста отвечает ДА (обычно считают достаточным 80 %), то можно с полным основанием считать, что в языке два

рассматриваемых предложения связаны отношением семантического следования, и этот эмпирический факт должен быть объяснен семантической теорией.

В рамках отношения семантического следования, или вынуждения, можно выделить две частных разновидности этого отношения, которые называют импликацией (см. определение 7) и пресуппозицией (см. определение 8).

- (7) **Импликацией** называется такой вид следования, который подчиняется закону контрапозиции: P имплицирует Q (или Q является импликацией P) тогда и только тогда, когда P влечет Q и отрицание Q влечет отрицание P [$(P \supset Q) \& (\sim Q \supset \sim P)$].

Из приведенных нами примеров следования отношением импликации связаны пары (4а) и (4б), (6а) и (6б), (6а) и (6б').

- (8) **Пресуппозицией**, или **презумпцией**, называется такой вид следования, когда не только утверждение P , но и его отрицание $\sim P$ влечет Q . Иначе говоря, Q пресуппонирует P (или Q является пресуппозицией P), если и утверждая и отрицая P , говорящий обязан считать, что Q истинно (не может отрицать Q) [$(P \supset Q) \& (\sim P \supset Q)$].

Отношением пресуппозиции, которое символизируется знаком $\supset\supset$, связаны предложения в паре (6а)–(6б''). Другие примеры пресуппозиций:

- (9) (а) P : *Он знает, что Иван приехал.* $\supset\supset$ (б) Q : *Иван приехал.*
 (10) (а) P : *Человек, который стоит у окна, смотрит на нас.* \supset (б) Q : *У окна стоит человек.*
 (11) (а) P : *Миша переплыл на другой берег Вяземки.* $\supset\supset$ (б) Q : *Вяземка — водоем.*

Определение пресуппозиции как особого семантического отношения между двумя предложениями можно переформулировать следующим образом:

- (12) Предложение Q — пресуппозиция предложения P , если ложность Q означает, что P не является ни истинным, ни ложным, и тем самым бессмысленно.

В такой формулировке пресуппозиция предложения выступает как условие его осмысленности. В предыдущем разделе мы обсуждали аномальность предложений типа *Король Франции лыс.* Используя понятие пресуппозиции, мы можем сказать, что причиной аномальности данного предложения является ложность пресуппозиции 'Во Франции в настоящее время существует король' относительно положения дел в реальном мире. Понятие пресуппозиции, переосмысленное как условие уместного употребления высказывания в том или ином контексте, позволяет описать источники относительной семантической аномальности высказывания. Так, высказывание (1) будет аномальным в том случае, если известно, что у Анны нет детей, и это объясняется тем, что ситуативный контекст

не соответствует пресуппозиции 'у Анны более двух детей', входящей в семантическую структуру (1).

Через отношение следования можно определить отношения **противоречия** и **синонимии** предложений.

Предложение Q **противоречит** предложению P, если из предложения P следует предложение не Q, т. е. предложение, в котором отрицается то, что утверждается в Q. Иначе говоря, предложение Q **противоречит** предложению P, если вера говорящего в истинность P обязывает его считать предложение Q ложным. Так, предложения (13), (14) и (15) противоречат предложениям (1), (4a) и (9a) соответственно:

(13) *У Анны один сын.*

(14) *Петя не учится в школе.*

(15) *Иван не приехал.*

Предложение Q **синонимично** (равнозначно, эквивалентно) предложению P, если из предложения P следует предложение Q, и из предложения Q следует предложение P.

Если отношения между предложениями, устанавливаемые в данной теории, расходятся с показаниями интуиции носителей языка, то что-то в теории должно быть пересмотрено — либо словарные толкования, либо интерпретация синтаксических отношений, либо правила взаимодействия значений — с тем, чтобы получаемые в результате семантические представления предложений своей формой отражали действительно существующие в языке семантические отношения. Ср. следующий пример. Пусть в словаре модели значение слова *закончить* описывается отсылкой к *прекратить*, т. е. *кончить* = *прекратить*. Тогда предложения *Он кончил работу* и *Он прекратил работу* получают тождественные семантические интерпретации, и на этой основе наша теория предскажет отношение синонимии, равнозначности между этими предложениями. Однако с точки зрения носителей языка здесь нет равнозначности. Если из *Он закончил работу* следует *Он прекратил работу*, то обратное явно не верно: можно прекратить работу, но при этом не закончить ее. Т. е. здесь имеется только отношение следования. Чтобы отразить этот факт, необходимо внести исправление в словарь модели, исправить толкование глагола *кончать* так, чтобы значение слова *прекращать* было только частью этого толкования. Для этого надо ввести в толкование *закончить* семантический компонент типа 'достижения естественного предела действия', т. е. достижения состояния, при котором в соответствии с принятыми нормами больше ничего не остается делать.

Таким образом, как и в случае с описанием значений слов, лингвисты реконструируют семантическую структуру предложений, недоступную непосредственному наблюдению, исходя из семантических отношений между ними, наличие которых устанавливается эмпирическим путем.

1.4. От семантических отношений между предложениями к семантической структуре предложения: пресуппозиция и ассерция

Какие выводы для описания значения предложения можно сделать из рассмотрения других предложений, связанных с ним отношением следования? Значение предложения — это та информация, которую оно передает. Если, получив из исходного предложения некоторую информацию А, мы, не привлекая никаких дополнительных сведений, оказываемся обладателями информации Б, передаваемой предложением, связанным с исходным отношением следования, то это возможно только благодаря тому, что информация Б составляет часть информации А. Значит, значение исходного предложения включает в себя значение предложения, являющегося его следствием, импликацией или пресуппозицией. В семантической теории этот факт, нередко скрытый из-за различий в поверхностной структуре соответствующих предложений, должен найти явное отражение, т. е. он должен быть формально эксплицирован. Иными словами, значение исходного предложения и значения предложений, признаваемых его семантическими следствиями, должны получить такое описание, чтобы наличие между ними отношения семантического следования непосредственно усматривалось из формы описания с учетом общих исходных определений и правил.

Указанной цели можно достичь разными способами. Некоторые исследователи, например, Ирена Беллерт, прямо определяют семантическое представление высказывания как множество следствий, которые могут быть из него выведены [Bellert 1969b]. Другие считают, что семантическое представление исходного предложения должно содержать в себе части, соответствующие семантическим представлениям его следствий. В таком случае теория будет объяснять умение носителей языка устанавливать отношение следования с помощью правила типа (16):

(16) предложение P_1 следует из предложения P_2 , если семантическая репрезентация предложения P_1 является частью семантической репрезентации предложения P_2 .

Аналогичное объяснение получают отношения противоречия (17) и синонимии (18):

(17) предложение P_1 противоречит предложению P_2 , если семантическая репрезентация предложения $не P_1$, представляющего собой общее отрицание предложения P_1 , является частью семантической репрезентации предложения P_2 ;

(18) предложения P_1 и P_2 являются синонимичными, или перифразами друг друга, если их семантические репрезентации совпадают.

Так, отношение следования между (2а) и (2б) будет эксплицировано, если мы сопоставим предложению (2а) семантическую структуру

вида 'X и Y', где X — 'Петя учится в школе', а Y — 'Ваня учится в школе' и введем условия истинности для связки 'и': 'X и Y' истинно тогда и только тогда, когда 'X' истинно и 'Y' истинно. Теперь наличие отношения семантического следования между предложениями (2а) и (2б) непосредственно вытекает из их семантической структуры (логической формы) и определения условий истинности для связки 'и'.

В этом случае мы эксплицировали отношение семантического следования между предложениями, не прибегая к лексической декомпозиции, т. е. разложению значения лексем на семантические компоненты. Однако для экспликации отношений в других парах примеров без лексической декомпозиции не обойтись. Рассмотрим, какие конкретно формы может приобретать в различных теориях отражение в семантическом представлении предложения его импликаций и пресуппозиций.

Во многих семантических теориях семантическое представление предложения имеет вид структурированного набора элементарных предложений на семантическом метаязыке. Так, используя толкования предикатов со значением чувства, предложенные Л. Н. Иорданской [Иорданская 1971], мы можем представить значение предложения (19) с помощью СемП (19'):

(19) *Маша боится, что получит тройку на экзамене.*

- (19') (а) 'Маша испытывает пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, причиной которого является следующая ситуация:'
 (б) Маша считает высоковероятным, что получит тройку на экзамене
 (в) и Маша считает это злом для себя
 (г) и Маша считает, что не может противодействовать этому'.

Другой пример представления значения предложения в виде упорядоченного множества семантических компонентов сентенциального типа (т. е. имеющих форму предложения) — толкование X *opened the door* «X открыл дверь» А. Вежбицкой (см. пример (б) в разделе II. 8). Каждый из сентенциальных компонентов СемП (19') может быть выражен соответствующим предложением, и это предложение будет следствием из предложения (19). Но при этом одни из них будут импликациями, другие — пресуппозициями, а третьи — ни тем ни другим, в чем можно убедиться, рассмотрев, что произойдет, если мы подвергнем предложение (19) отрицанию, получив предложение (20):

(20) *Маша не боится, что получит тройку на экзамене.*

При этом часть следствий из предложения (20), а именно (20'а) и (20'б), будет отрицанием следствий из предложения (19):

- (20') (а) 'Маша не испытывает пассивно-отрицательного эмоционального состояния'.
 (б) 'Маша не считает высоковероятным получение ею тройки на экзамене'.
 (в) 'Маша считает получение тройки на экзамене злом для себя'.

Следствие (20' в) будет у отрицательного предложения (20) таким же, как у его утвердительного соответствия (19), и тем самым, по определению, оно составляет пресуппозицию предложения (20). Что же касается компонента СемП (19' г), то ни его утверждение, ни его отрицание не будут следовать из предложения (20). Учитывая такое различие в свойствах компонентов СемП, для их обозначения вводятся специальные термины. Те компоненты СемП, которые подвергаются отрицанию при отрицании предложения в целом, называют **ассертивными компонентами**, или просто **ассерцией**, а те, что сохраняются при отрицании — **пресуппозитивными компонентами**, или **пресуппозициями**.

Отметим, что сентенциальные компоненты, выявляемые в семантической структуре предложения, можно подразделить на два типа. Одни из них непосредственно выражены, **эксплицированы** лексико-синтаксической структурой предложения. Так, например, **ассертивный компонент** 'Петя пришел' явно выражен в предложении *Даже Петя пришел*, а пресуппозиционный компонент 'деньги получены' **эксплицирован** в предложении *Деньги были получены Иваном*. Другие семантические компоненты сентенциального типа не находят себе прямого соответствия в лексико-синтаксической структуре предложения, образуя тем самым **имплицитную информацию** (такowymi являются компоненты предложения (19), за исключением той их части, которая выражена придаточным этого предложения). Таким образом, в составе имплицитной информации, передаваемой предложением, можно выделять конкретные ее виды, и в частности, следствия (импликации) и пресуппозиции (презумпции). Разнообразие разновидностей имплицитной информации увеличится, если мы от изолированных от контекста предложений перейдем к высказываниям в дискурсе. О некоторых других видах имплицитной информации, передаваемой предложением-высказыванием, как то условия успешности речевого акта и исходное предположение (установка) вопроса, мы будем говорить в следующих разделах (см. разделы 4.2 и 6 соответственно). Об импликатурах дискурса см. [Грайс 1986]. Общий обзор видов имплицитной информации в предложении дан в [Падучева 1981].

О наличии в семантической структуре предложения пресуппозиции того или иного типа обычно свидетельствует присутствие в его поверхностной структуре соответствующего языкового средства (слова, синтаксической конструкции, интонационного контура), которое можно назвать **индикатором пресуппозиции**. В качестве примера такого индикатора можно привести **фактивные предикаты** — семантический класс предикатов, выделенный в работе П. и К. Кипарских [Kiparsky, Kiparsky 1968]. Фактивные предикаты — это подкласс предикатов с предикатным актантом Р (выражаемым придаточным предложением, инфинитивной конструкцией, отглагольным или отадективным именем), которые в качестве необходимого условия их употребления предполагают веру говорящего в истинность Р. Иными словами, употребляя фактивные

предикаты, говорящий исходит из того, что положение дел, описываемое их предикатным актантом, имеет место в мире дискурса, т. е. является фактом. Не случайно одним из свойств этих предикатов является их способность вводить придаточное предложение с помощью соотносительного слова *факт*. В русском языке фактивными являются глаголы *знать (что Р)*, *понимать (что Р)*, *радоваться (что Р)*, предикативы *быть известным (известно, что Р)*, *быть удивительным (удивительно, что Р)* и многие другие (см. [Зализняк Анна 1988]). Таким образом, если сказуемым предложения является фактивный предикат X с предикатным актантом Р, то в семантическую структуру этого предложения обязательно входит пресуппозиция 'говорящий считает, что Р имеет место в действительности'. Подобная связь пресуппозиций предложений с единицами языка, входящими в их состав, служит основанием для употребления термина пресуппозиция не только применительно к предложениям, позволяя говорить о пресуппозициях слов, синтаксических конструкций, просодических показателей.

Понятию пресуппозиции посвящена большая литература, в которой оно рассматривается в самых разных аспектах — логическом, коммуникативном, когнитивном (см. [Звегинцев 1976], [Падучева 1984], [Fillmore, Langendoen 1971]). При этом содержание понятия, изначально неразрывно связанного с логической категорией истинности, подвергается переосмыслению. Так, при анализе предложения в коммуникативном контексте используется понятие прагматической пресуппозиции, тесно связанное с рассмотренным нами понятием семантической пресуппозиции, но не тождественное ему (см. раздел 2.2). В исследованиях когнитивистской ориентации под пресуппозициями понимают элементы энциклопедического знания. Неоднократно отмечавшаяся разноликость и разноплановость понятия пресуппозиции (см., например, [McCawley 1981: ch. 9]), объясняет стремление некоторых ученых устранить его из аппарата лингвистической семантики, заменив более однозначными понятиями (см. в особенности [Karttunen, Peters 1977]). Однако большинство исследователей семантики предложения продолжает пользоваться термином пресуппозиция, адаптируя его исходное содержание к решаемой задаче.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. Т II. С. 598–621.
2. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М., 1985. Вып. XVI. С. 303–332.
3. Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // НТИ. 1981. Сер. 2. № 11. С. 23–30.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. С. 48–78.

Глава 2

Основные компоненты плана содержания предложения

В этом разделе мы рассмотрим основные компоненты содержательной структуры предложения.

План содержания предложения, так же как и план содержания слова, состоит из компонентов, различающихся по характеру заключенной в них информации. Это связано со структурой процесса семиозиса и с многообразием функций, выполняемых языком. Мнения по поводу состава функций языка у разных ученых различны. Кроме того, в этой области наблюдается большой терминологический разнобой. Тем не менее, одна из функций присутствует во всех классификациях. Это функция языка быть средством отражения, моделирования внеязыковой действительности. Эту функцию называют по-разному: когнитивная, денотативная, референтивная (Якобсон), дескриптивная (Лайонз), репрезентативная или идеационная (Хэллидей). Этой функции языка соответствует определенный компонент плана содержания предложения — пропозициональный.

2.1. Пропозициональный компонент семантики предложения

Сравним следующие предложения:

- (1) *Петя уезжает.*
- (2) *Петя уезжает?*
- (3) *Уезжай, Петя.*
- (4) *Если бы Петя уехал!*
- (5) *Уехал бы Петя.*
- (6) *Уезжает Петя.*
- (7) *Разве Петя уезжает?*
- (8) *А Петя-то уезжает.*

При всем различии значений этих предложений в них есть существенная общая часть. Все они называют некоторый объект (Петя) и приписывают этому объекту некоторое свойство. Говоря иными словами, эти предложения вводят в рассмотрение одно и то же положение дел, а именно ситуацию отъезда Пети. Этот компонент, отражающий внеязыковую ситуацию, описываемую предложением, можно называть

его объективным содержанием [Langacker 1975], в отличие от прочих компонентов, которые так или иначе связаны с отношением говорящего к описываемой ситуации, с тем, в какой перспективе она осмысливается, и потому относятся к сфере субъективного. Так, помимо обозначения ситуации «отъезд Пети» предложение (1) включает такие субъективные компоненты, как: а) говорящий считает истинным то, что Петя уезжает, и хочет, чтобы слушающий знал, что это истинно; б) мысль говорящего движется от объекта «Петя» к свойству, а не иначе. В предложении (2) есть субъективный компонент 'говорящий не знает, истинно ли то, что Петя уезжает, и хочет, чтобы слушающий сказал ему это' и т. д.

За объективным компонентом содержания предложения в лингвистической семантике закрепилось название **пропозиционального компонента**, **пропозиционального содержания** или же просто **пропозиции предложения**.

Термин «пропозиция» пришел в лингвистику из логики. В целом следует сказать, что, поскольку в области предложения интересы лингвистики и логики пересекаются, многое из того понятийного аппарата, который был выработан в логике для описания смысла предложения, оказалось вполне пригодным для лингвосемантических целей. Так случилось и с понятием «пропозиция».

В логике понятие пропозиции прошло следующие этапы развития. Сначала, в классической логике, оно соответствовало понятию суждения, как определенной формы мысли, утверждающей или отрицающей нечто о предметах действительности и обладающей свойством выражать либо истину, либо ложь. Примеры суждений: *Человек смертен. Змеи не имеют ног*. Затем понятие пропозиции было определено как «объективированное» содержание мысли, которое было отделено от коммуникативной цели утверждения или отрицания, при этом пропозиция уже характеризовалась не как выражение истинное или ложное, а как способное выражать истинностное значение, соединяясь с коммуникативной целью утверждения. Так, пропозиция «Змеи имеют ноги», соединяясь с модусом утверждения, образует суждение *Змеи имеют ноги*, которое в действительном мире имеет значение «ложь». И наконец, был сделан вывод о том, что «объективированное» содержание мысли, т. е. пропозиция, имеется не только в утверждении или отрицании, но и во всех других коммуникативных типах предложений. Любое предложение, кроме таких восклицаний, как *Ай!* или *Чёрт!*, имеет пропозициональное содержание. Здесь необходимо сделать одно уточнение. То, что мы назвали пропозициональным содержанием предложения, это не пропозиция в строгом смысле этого слова, а **пропозициональная форма**, или **пропозициональная функция**. В логике пропозициональной функцией называется выражение, которое содержит одну или более переменных и превращается в пропозицию, когда определенные сущности подставляются вместо переменных. Примеры простых пропозициональных функций: «*X* есть человек»,

«Х смертен»¹⁾. На первый взгляд может показаться, что пропозициональное содержание предложения *Петя уезжает* — это пропозиция, а не пропозициональная функция, так как выражение «Петя уезжает» не содержит в явном виде никаких переменных. Однако для того, чтобы при утверждении этого предложения оно превратилось в истинное или ложное суждение, необходимо знать, кто, когда и где произвел это утверждение и кому адресовал. Для того, чтобы оценить, истинно или ложно утверждение *Петя уезжает*, надо знать, какой Петя имеется в виду, а для этого нужно знать, кто автор высказывания и кто его адресат, так как, если референт собственного имени не входит в общий фонд знаний говорящего и адресата, то высказывание вообще лишается истинностного значения. Нужно также знать время, когда произведено высказывание, так как, если высказывание произведено до момента отъезда, то оно может быть истинным, а если после, то оно уже будет ложным и т. д. Именно поэтому мы говорим, что, в строгом смысле слова, пропозициональное содержание любого предложения — это не пропозиция, а пропозициональная функция от прагматических переменных, которые принимают конкретные значения в высказывании, в результате чего пропозициональная функция, или форма, превращается в замкнутую пропозицию.

Итак, пропозициональный компонент смысла предложения — отображение некоторой ситуации, некоторого фрагмента действительности. Такое отображение осуществляется благодаря тому, что основу пропозиции образует структура, изоморфная структуре ситуации — предикатно-аргументная, или реляционная структура. Рассмотрим этот аспект пропозиционального содержания предложения подробнее.

2.1.1. Предикатно-аргументная, или реляционная структура пропозиции

В общем случае ситуация представляет собой некоторое множество объектов, обладающих определенными свойствами и связанных определенными отношениями. Соответственно этому в структуре пропозиции выделяются два основных типа составляющих — термины, или имена, которые отображают сущности, объекты, являющиеся участниками ситуации, и предикаты, обозначающие свойства объектов и отношения между ними. Так, в пропозиции предложения *Иван продает Петру лыжи за 10 рублей* имеются термины *Иван*, *Петр*, *лыжи* и *10 рублей*, соответствующие объектам, участвующим в описываемой ситуации, и предикат *продавать*, соответствующий тем отношениям, которые связывают данные объекты,

¹⁾ Термин «пропозициональная функция» используется иногда в ином смысле. Так, в работах Ю. С. Степанова «пропозициональная функция» отождествляется с синтаксическим термином «структурная схема предложения». Здесь пропозициональная функция представляет целый класс предложений, тождественных по своей синтаксической структуре и различающихся по конкретному лексическому наполнению. Так, предложения: *Петя уезжает. Поезд опаздывает. Родители волнуются. Курица дорожает.* — относятся по Ю. С. Степанову к одной и той же пропозициональной функции.

тем действиям, которые они производят или которые производятся над ними.

Следует помнить, что термины «предикат», «имя» и «терм» применяются как по отношению к семантическим единицам, формирующим пропозицию, так и по отношению к тем выражениям, которые соответствуют им в поверхностной структуре предложения.

Предикат является главным, определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, которые в ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся. Действительно, сам по себе объект не задает ситуацию, так как этот объект может вступать с другими в самые разнообразные отношения, участвовать в самых разных процессах, менять свои свойства. Так, например, такая сущность, как *сапоги*, связана с такими непохожими друг на друга ситуациями, как «чистка сапог», «купля / продажа сапог», «порча сапог», «удар сапогом» и т. д. Предикат определяет ситуацию, так как он указывает на определенный тип отношений на множестве объектов: определяет характер этих отношений, количество их членов и их роли.

Термы, обозначающие обязательных участников ситуации, определяемой некоторым предикатом, называются аргументами этого предиката, или его актантами. Помимо актантов в реляционную структуру пропозиции факультативно могут входить термы, обозначающие разнообразные обстоятельства ситуации, называемые *сирконстантами*, или *адьюнктами* (о различии между актантами и сирконстантами см. раздел II.7.2).

По количеству аргументов предикаты подразделяются на одноместные, двухместные и т. д. *n*-местные. Замечено, что лексемы-предикаты естественного языка имеют, как правило, от одного до четырех аргументов, или актантов. Так, предикат *спать* является одноместным, предикат *смотреть* — двухместным, предикат *давать* — трехместным, *продавать* — четырехместным. Возможны предикаты, вообще не имеющие аргументов: *Дождь*; *Морозит* и т. п. Встречаются и лексемы-предикаты с пятью и шестью аргументами: *арендовать* — арендатор, арендуемый объект, хозяин арендуемого объекта, арендная плата, срок аренды; *командировать* — кто, кого, куда, откуда, на какой срок, с какой целью.

В семантических метаязыках, используемых для описания семантики предложения, используются, как правило, предикаты с меньшим числом аргументов. Это объясняется вот чем. Те сложные ситуации, которые многоместные предикаты естественного языка отображают в нерасчлененном виде, могут быть представлены как определенным образом организованные совокупности более элементарных ситуаций. Так, ситуация, соответствующая пропозиции предложения *Иван продает Петру лыжи за 10 рублей*, может быть разложена на такие более элементарные составляющие, как: «Иван перестает иметь лыжи», «Иван начинает иметь 10 рублей», «Петр перестает иметь 10 рублей», «Петр начинает иметь лыжи». На таком уровне представления обычно оказывается достаточным использовать не более чем двухместные предикаты: «начинаться»,

«иметь», «каузировать», «хотеть» и т. п. Такая атомизация значения является необходимой для решения целого ряда задач семантического анализа, в частности для установления семантических отношений синонимии, следования, противоречия между предложениями (см. раздел 1.3)²⁾.

Предикаты отличаются друг от друга не только количеством мест, но и степенью, рангом, или порядком. Для описания некоторых ситуаций нужны предикаты, аргументами которых выступают не термы, а опять-таки предикаты. Это, прежде всего, касается описаний мыслительных и эмоциональных состояний и ряда других ситуаций. Так, ситуация, описываемая в предложении *Мать хотела, чтобы ребенок заснул*, включает в себя описание более элементарной ситуации «Ребенок заснул». Соответственно, пропозиция этого предложения имеет сложную структуру, в которой предикат *заснуть* выступает в качестве аргумента предиката *хотеть*. Предикат, аргументами которого могут быть только термы, называется предикатом первого порядка. Предикаты, аргументами которых могут быть предикаты n -го порядка, называются предикатами $n + 1$ -го порядка.

Помимо различий, касающихся количества и способа заполнения аргументных мест, предикаты различаются и по типу связи обозначаемых ими ситуаций с осью времени. Поскольку ситуация всегда имеет место в какой-то точке (точках) пространственно-временного континуума, время является обязательным элементом пропозиционального содержания предложения. Оно не входит собственно в предикатно-аргументную структуру пропозиции, а рассматривается как семантический оператор, относящийся к этой структуре в целом (см., например, как трактуется время ситуации в «ситуационной семантике» Барвайза и Перри [Barwise, Perry 1985] (см. обзор [Петров, Переверзев 1988])). Первая получившая широкую известность классификация предикатов по характеру связи обозначаемых ими ситуаций с временем была построена американским логиком З. Вендлером на материале английских глаголов [Vendler 1957], а к русскому языку применена Х. Р. Мелигом в [Мелиг 1985]. В ней множество предикатов разбивается на четыре класса:

- **состояния (states)** — статические, т. е., не меняющиеся с течением времени ситуации;
- **деятельности (activities)** — длящиеся динамические ситуации, не имеющие естественного предела;
- **исполнения (accomplishments)** — длящиеся динамические ситуации, имеющие естественный предел, по достижении которого они прекращают свое существование;
- **достижения (achievements)** — динамические ситуации, состоящие в мгновенном переходе от одного положения дел к другому.

²⁾ Ю. С. Степанов предложил предикаты естественного языка называть «предикаторами» в отличие от предикатов, используемых в семантическом представлении предложения [Степанов 1981: 120].

На основе этой классификации были затем предложены более детализированные, например, типология предикатов Т. В. Булыгиной [Булыгина 1982] или классификация предикатов Е. В. Падучевой, приведенная в главе II.8 на с. 209, в которых помимо соотношенности обозначаемой ситуации с временем учитывается такой ее параметр, как **контролируемость / неконтролируемость** со стороны субъекта ситуации, под которой имеется в виду **зависимость / независимость** ситуации от воли ее субъекта. Принадлежность предиката к одному из классов подобных классификаций проявляется в его языковом поведении, в частности, в особенностях реализации у глагольного предиката грамматической категории вида (аспекта), в связи с чем соответствующие классы предикатов иногда называют **аспектуальными типами**. Другие проявления различий состоят в ограничениях на сочетаемость данных классов предикатов с определенными семантическими классами обстоятельств и целом ряде иных морфосинтаксических, семантических или прагматических ограничений (см. [Булыгина 1982]). Так, предикаты гомогенной деятельности (термин Т. В. Булыгиной, соответствующий вендлеровскому *activities*) не могут сочетаться с обстоятельствами «срока исполнения действия» типа за два часа, в одну секунду (ср. неправо́тность **Они беседуют за два часа* с предикатом гомогенной деятельности *беседовать* и право́тность *Они высыхают за два часа* с предикатом исполнения *высыхать*). Семантические признаки, обуславливающие принадлежность предиката к одному из таких классов, могут быть либо лексически фиксированными, т. е. присущими слову во всех его употреблениях, либо зависимыми от контекста. Так, признак контролируемости у предикатов *добиться / добиваться, очутиться* лексически фиксирован как [+контрол.] и [-контрол.] соответственно, и поэтому в императивных предложениях с отрицанием первый употребляется только в форме несовершенного вида (ср. *Не добивайся (*добейся) от меня ответа*), а второй — вообще имеет только форму совершенного вида (*Не очутись после кутежа в какой-нибудь канаве*). У многих предикатов данный признак лексически не фиксирован и поэтому оба варианта императива с отрицанием возможны, причем форма несовершенного вида используется в прохибитивах — высказываниях, побуждающих адресата воздержаться от действия, а форма совершенного вида — в предупреждениях (ср. *Не покупай рапсовое масло: мне оно не нравится* и *Будь внимателен: не купи рапсовое вместо кукурузного*).

Термы так же, как и предикаты, подразделяются на ряд категорий. В поверхностной структуре предложения терму соответствует именная группа. По своей синтаксической структуре именная группа может быть простой, как например *Иван, лыжи*, или сложной: *человек, который живет в соседней квартире* и т. д.

По своей семантической сущности термы делятся на следующие основные типы:

1) термы, непосредственно отсылающие к конкретным индивидуализированным объектам. В поверхностной структуре им соответствуют

личные местоимения в таких предложениях, как *Он любит ее*. В логической форме, отражающей пропозициональное содержание предложения, они представлены в виде референциальных индексов, например, *он* — x_{173} , *она* — x_{81} . Этот вид термов соответствует понятию константы в логике;

2) **собственные имена**, например *Иван*, *нуль* и т. п. Хотя собственные имена так же, как и личные местоимения служат для однозначного указания на конкретный индивидуализированный объект, их не следует смешивать с логическими константами. По мнению Дж. Мак Коли [Mc Cawley 1981], собственные имена в обычных контекстах типа *Цезарь убит Брутом*, строго говоря, не являются частью значения предложения, но помогают слушающему или читающему идентифицировать константы, которые действительно являются частями значения;

3) **дескрипции** — именные группы типа *человек*; *мой садик*; *дом, который построил Джек*, вершиной (ядром, главным словом) которых является общее имя, или имя нарицательное, называющее то множество, к которому принадлежит обозначаемый объект. В логической форме, отражающей пропозициональное содержание предложения, им соответствуют **рестриктивные термы**, ограничивающие множество объектов, которые можно подставлять вместо x в пропозициональную функцию, образуемую предикатом предложения (соответствующая формула приводится в разделе 2.1.2.)

Отметим, что одно и то же именование выражение может употребляться и как терм, и как предикат, иначе говоря, иметь и термовое, и предикатное употребление. Так, в предложении *Вася начертил треугольник* существительное *треугольник* является рестриктивным термом, ограничивающим предметную область, к которой принадлежит объект, начерченный Васей, а в предложении *Эта фигура есть треугольник* то же имя выражает предикат предложения. (Об именных лексемах, тяготеющих к предикатному употреблению см. в разделе II.3.2.2.)

Предикат с его аргументами образуют концептуальную основу, каркас пропозиции. Помимо предикатно-аргументной структуры в пропозицию входят и другие элементы. Так, например, пропозициональное содержание предложения *Петр ни в коем случае не уедет* отображает следующая эвплицитная перифраза 'неверно, что существует такой путь развития событий, при котором в некоторый момент, следующий за моментом речи, верно, что Петр уезжает'. В составе этой пропозиции помимо предиката «уезжать» и имени «Петр» мы находим смысловые единицы других типов, соответствующие понятиям утверждения, отрицания, возможного мира и времени. Подобные единицы смысла подразделяются на категории, заимствованные лингвистической семантикой из логики — операторы, кванторы и связки. Хотя эти категории уже были введены в лексико-семантической части нашего учебника (см. раздел II.5.3), мы здесь рассмотрим их подробнее с новой — **сентенциальной** — точки зрения.

2.1.2. Операторы, кванторы и связки

Разные категории логико-семантических единиц, необходимых при описании пропозиционального содержания предложения, удобно рассматривать, следуя традиционной классификации суждений в логике. В классической логике суждения делятся на виды по четырем основаниям.

По качеству суждения делятся на утвердительные и отрицательные. Если в утвердительном суждении отображается тот факт, что данному предмету присуще некоторое свойство, то в отрицательном — тот факт, что данному предмету не присуще некоторое свойство. Соответственно, пропозиции могут совпадать по реляционной, т. е. предикатно-аргументной структуре и различаться тем, что в одной из них эта структура находится в сфере действия семантического оператора утверждения, а в другой — в сфере действия оператора отрицания. Вспомним, что операторы — одна из логико-грамматических категорий семантических единиц, которые мы рассматривали в разделе II.5.3. По сути, оператор — это одноместный предикат, единственное аргументное место которого заполняет другой предикат со своими аргументами. Оператор отрицания отражается в СемII предложения либо с помощью одного из символов, заимствованных из логики (\neg , \sim), либо с помощью языкового показателя отрицания типа 'не'. Оператор утверждения может обозначаться в явном виде, например, с помощью символа \vdash , либо подразумеваться по умолчанию. Так, пропозиция предложения *Петя спит* имеет вид 'спит (Петя)' или ' \vdash спит (Петя)', а предложения *Петя не спит* — ' \neg спит (Петя)'. Помимо утверждения и отрицания для описания пропозиционального содержания предложения необходим ряд других операторов. В предыдущем разделе мы упоминали об операторе времени, ниже пойдет речь о некоторых модальных операторах.

По объему или количеству суждения в классической логике подразделяются на единичные (*Иван ленив*), частные (*Некоторые люди ленивы*) и общие (*Все люди ленивы*). Различия в логических свойствах таких суждений отражаются в логике с помощью особых единиц логического языка — кванторов.

В языке исчисления предикатов используется всего 2 квантора: квантор общности (\forall) для общих суждений и квантор существования (\exists) для частных. Квантор — это своего рода двухместный предикат. Первое место квантора заполняется подкванторной переменной, второе — пропозициональной формой, содержащей связываемую квантором переменную. Так, предложение (9) представляется в логике в виде формулы (9'):

(9) *Некоторые люди ленивы.*

(9') $(\exists x)[\text{человек}(x) \ \& \ \text{ленив}(x)]$

В лингвистической семантике также необходимы метаязыковые средства, которые отражали бы разнообразные количественные аспекты ситуации, обозначаемой предложением. Так, некоторая абстрактная ситуация, например ситуация 'сдача экзамена', может быть представлена

в предложении как осуществившаяся в некоторый конкретный момент времени с конкретными индивидуальными участниками: *Вчера Иванов сдал экзамен по химии на 5*. Та же абстрактная ситуация может быть представлена в предложении, как имевшая место в различные моменты времени с различными, неконкретизированными представителями определенно-го класса объектов: *Некоторые студенты сдают экзамен по химии на 5*. Соответственно, пропозиции могут иметь тождественные предикатно-аргументные структуры, но отличаться друг от друга тем, каким квантором связана та или иная переменная этой структуры.

В естественном языке имеется много слов с количественным значением — **кванторных слов**. Помимо слова *все*, которому в логике соответствует квантор общности и слова *некоторые*, которому в логике соответствует квантор существования, это также слова типа *каждый, любой, много, мало, большинство, меньшинство, оба, всегда, иногда*, а также количественные числительные. Значение таких слов ЕЯ описывается с помощью семантических единиц, которые, как и в логике, называются **кванторами**. Первоначально лингвисты воспользовались для этой цели логическими кванторами, лишь дополнив их список необходимыми единицами, имеющими иное значение, но в синтаксическом отношении подобными кванторам логики. Позднее было показано, что целям лингвистической семантики в большей степени отвечает трактовка кванторов как своего рода трехместных предикатов. Первое место квантора ЕЯ заполняется **подкванторной переменной**, второе — **рестриктивным термом** — группой имени нарицательного, ограничивающей область определения переменной объектами из определенного класса, составляющего ее экстенционал, а третье место заполняет **ядерная сфера действия** — пропозициональная форма, содержащая связываемую квантором переменную [Lewis 1975]. При таком подходе пропозиции предложения (10) можно представить в виде смысловой записи (10')

(10) *Обе девочки выздоровели.*

(10') (Обе x) [девочка (x)] [выздоровела (x)]

где 'обе' — квантор, x — подкванторная переменная, 'девочка (x)' — рестриктивный терм, 'выздоровела (x)' — ядерная сфера действия. Кванторы отражают способ соотнесения термов, выступающих в качестве аргументов предиката, с их референтами в мире дискурса. Этот аспект пропозиционального содержания предложения, называемый референциальным, заслуживает отдельного рассмотрения, и будет обсуждаться в разделе 2.1.3. Дополнительные сведения о том, какие кванторы используются в метаязыках для описания значений предложений, помещены в разделе 3.5.1.1.

Еще одно основание для классификации суждений — это характер связи отображаемых предметов и их свойств. Так, например, условные суждения выделяются в особый класс, так как отображают зависимость того или иного явления от каких-то условий. Соответственно, условное

суждение следует представлять как сложную пропозицию, состоящую из двух или более элементарных пропозиций, объединенных связкой «если ... , то», в логике называемой импликацией. Так, суждение *Если Коля заболел, то он не пошел в школу*, отвлекаясь от параметра времени, можно представить в виде формулы:

[болеть (Коля)] \rightarrow \sim [идти (Коля, школа)].

Связки — еще одна синтаксическая категория единиц логического языка, используемая для экспликации пропозиционального содержания предложений. Связку можно рассматривать как не менее, чем двухместный предикат, аргументами которого могут быть только пропозиции. Помимо связки «если ... , то» (импликации, обозначаемой символом \rightarrow или \supset) существуют и другие связки: «и» (конъюнкция, обозначаемая символом $\&$), «или» (дизъюнкция, обозначаемая символом \vee). Связка «или» создает на базе двух или более пропозиций так называемое раздельное суждение. В естественном языке смысловой категории связки соответствует лексико-грамматическая категория союзов. Как и в случае с кванторными словами, союзов в ЕЯ больше, чем связок в логике. Семантика союза, как правило, включает в себя семантику той или иной логической связки, но помимо этого несет дополнительную информацию, относящуюся уже не к пропозициональному содержанию предложения, а к другим компонентам его семантики. Тонкий анализ семантики союзов на материале русского языка дан в работах [Левин 1970], [Крейдлин, Падучева 1974], [Латышева 1982], [Санников 1989]. Итак, две пропозиции могут состоять из одних и тех же реляционных структур, но различаться связками, соединяющими эти структуры. Например: *Петя уехал, а Света приехала; Если Петя уехал, то Света приехала*.

По степени существенности отображаемого свойства для предмета суждения делятся на суждения возможности (проблематические), действительности (ассерторические) и необходимости (аподиктические). Соответствующий аспект пропозиционального содержания формализуется в виде так называемых модальных операторов. В бурно развивающейся области модальных логик изучаются логические свойства разнообразных модальных операторов и, прежде всего, возможности (обозначаемого символом \diamond) и необходимости (обозначаемого символом \square). В естественном языке логическим модальным операторам соответствуют как лексические средства выражения (модальные глаголы типа *мочь*, модальные предикативы типа *должен* и модальные вводные слова типа *возможно*), так и грамматические (наклонения). Модальный аспект пропозиционального содержания высказывания мы подробнее обсудим в разделе 2.1.4.

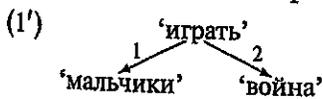
2.1.3. Референциальный аспект пропозиционального содержания

Рассматривая пропозициональный компонент семантики предложения, мы прежде всего обратились к тому его аспекту, который М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик [Бергельсон, Кибрик, 1981] назвали внешне-

ситуационным, поскольку он, как правило, отображает ситуацию, «внешнюю» по отношению к самому акту речи. Внешнеситуационный аспект пропозиционального содержания заключает в себе информацию о типе ситуации и принадлежности ее участников к определенным категориям. Он воплощается в виде предикатно-аргументной, или реляционной структуры (см. 4.1.1), строевыми элементами которой выступают сигнификаты слов, входящих в предложение. Именно этот аспект пропозиционального содержания моделировался в «слабых» семантических теориях (см. 1.1.4). Так, например, внешнеситуационный аспект пропозиционального содержания предложения (1):

(1) *Мальчики играют в войну*

можно представить с помощью следующей реляционной структуры, в узлах которой стоят сигнификативные значения лексем:

Подобный семантический граф отражает значение предложения весьма приблизительно, проходя мимо того факта, что оно неоднозначно с точки зрения способа соотнесения всего предложения и отдельных его составляющих с миром. С этой точки зрения, оно может, по меньшей мере:

- отсылать к конкретной ситуации с конкретными участниками, например, в качестве ответа на вопрос: *Чем заняты наши мальчики?*;
- выражать общее суждение о мальчиках как классе, например, в качестве ответа на вопрос: *Какие игры характерны для мальчиков?*;
- обозначать неконкретную, повторяющуюся ситуацию с конкретными участниками, например, в качестве ответа на вопрос: *Что делают ваши мальчики, когда вас нет дома?*

Иначе говоря, «голая» реляционная структура никак не отражает того аспекта семантики высказывания, который называется **референциальным**.

Как всякий знак, предложение характеризуется определенными отношениями с миром, действительным или воображаемым, называемыми отношениями **референции**, или **денотации** (см. 1.2.3). Как мы помним, референтом, или актуальным денотатом, языкового выражения называется фрагмент мира, который имеет в виду говорящий, употребляя это выражение в речи (см. 1.3.3). Референтом именного выражения, если его главное слово — имя с предметным (в самом широком понимании) значением (*шкаф, студенты, вода, душа* и т. п.), является материальная или идеальная **сущность** (вещество, объект или множество объектов). Референт предложения (а также любой предикативной конструкции, включая ИГ с отпредикатными именами типа *болезнь, встреча*) — это ситуация, или положение дел (явление, состояние, процесс, событие, серия событий

и т. п., ср. типы положений дел, выделяемые в семантических типологиях предикатов, о которых говорилось в разделе 2.1.1)³⁾.

Мы уже видели на примере разных употреблений имени *философ* (см. II.3.2.2) и на примере предложения (1), что одно и то же языковое выражение, взятое в одном и том же языковом значении, может иметь различную референцию, т. е., соотноситься с миром дискурса по-разному. Способ соотнесения языкового выражения с действительностью (или неким другим миром, в рамках которого оно интерпретируется) называется **референциальным статусом (РС)** этого выражения. Подчеркнем, что референциальный статус присущ употребленному языковому выражению, т. е. факту речи. Языковые выражения сами по себе, как факты языка, лишены референции, но благодаря своей структуре они обладают предназначением для использования с тем или иным референциальным статусом (статусами). Так, если именная группа (далее ИГ) *философ* в принципе имеет несколько разных способов соотнесения с действительностью, то ИГ *этот философ* или *всякий философ* имеют уже только один способ референции благодаря тому, что в их состав входят специальные языковые маркеры РС — местоимения *этот* и *всякий*. Е. В. Падучева предложила называть свойство языкового выражения быть предназначенным к употреблению с тем или иным РС **денотативным статусом (ДС)**, а языковые маркеры РС — **актуализаторами денотативного статуса**. Ей же принадлежит первая всеобъемлющая классификация ДС именных выражений с предметным значением [Падучева 1979] и [Падучева 1985: Гл. 4], которая пользуется наибольшей известностью в отечественной лингвистике⁴⁾. Коль скоро ДС определяется через РС, то данная классификация может рассматриваться как классификация РС, а семантические признаки, на которых она построена, — как метаязык для описания референциального аспекта семантики ИГ с предметным значением.

2.1.4. Референция именных групп с предметным значением

Рассмотрим основные признаки, по которым противопоставлены РС именных групп с предметным значением.

Первое противопоставление связано с ролью ИГ в структуре пропозиции. ИГ может быть предикатом пропозиции, как ИГ *рыбачкой* в (2):

(2) *Соня была рыбачкой.*

В таком случае референтом ИГ с предметным значением выступает не та или иная сущность во внеязыковой действительности, а **свойство** входить в тот класс сущностей, который составляет экстенционал

³⁾ В «формальной семантике» (см. I.1.4) референтом предложения считается его истинностное значение — истина или ложь.

⁴⁾ Классификация ДС Е. В. Падучевой построена по древовидной схеме. Позднее С. А. Крыловым была предложена классификация РС по дихотомическому универсальному принципу [Крылов 1986].

соответствующего имени, в нашем случае это свойство можно назвать несуществующим в языке словом «рыбачество». Такой РС называется **предикатным**. Напротив, имя *Соня* в (2) отсылает к внеязыковой сущности — лицу по имени Соня. РС таких ИГ, вводящих в рассмотрение ту или иную внеязыковую сущность, называется **термовым**. Теперь подумаем, что является референтом того же имени в предложении (3):

(3) *Рыбачку звали Соня.*

ИГ *рыбачку* в отличие от ИГ *рыбачкой* в (2) имеет термовый РС, поскольку вводит в рассмотрение некий объект мира дискурса. Но вот ИГ *Соня* в данном контексте имеет своим референтом не внеязыковой объект (лицо по имени Соня), а само это имя. РС имени, которое отсылает не к той или иной сущности в мире и не к свойству, а к себе самому, называется **автонимным**. (Морфема *авто-* имеет здесь то же значение обращенности на самого себя — «само-», что и в обыденных словах *автопортрет* и *автобиография*).

Оставив в стороне предикатный и автонимный РС, обратимся к термовому РС, за которым на самом деле скрывается целый ряд способов соотносённости языкового выражения с внеязыковой действительностью. Все термовые РС можно разделить на два больших класса, противопоставленные друг другу по признаку индивидуализированности, конкретности референта ИГ (ср. противопоставление **конкретного (+specific)** и **неконкретного (-specific)** способа референции в англо-американской лингвистической традиции). Первый класс РС в классификации Е. В. Падучевой назван **референтными (или конкретно-референтными)**, а второй **нереферентными РС**. За любой ИГ, имеющей референтный РС, непременно стоит референт индивидуализированный (единичный или множественный), т. е. существующий в мире дискурса и чем-то «отличающийся» от всех прочих объектов в этом мире. Это может быть известный и говорящему и адресату объект, который они при необходимости смогут идентифицировать, как, например, референт ИГ *наша с тобой статья*, а может быть и объект, о котором говорящий не знает ничего, кроме того, что он — участник некоторого реального положения дел в этом мире, а слушающий вообще впервые слышит о нем, как например, референт ИГ *вертолет* в предложении *В прошлом году директор завода купил себе вертолет*. В любом случае этот референт выбран из множества себе подобных, фиксирован в этом множестве, независимо от степени своей известности участникам коммуникативного акта. В отличие от референтных **нереферентные ИГ не содержат отсылки к конкретному референту.**

Множество референтных РС имеет четкую структуру, организуемую противопоставлениями по определенности / неопределенности, единичности / множественности и собирательности / дистрибутивности референта.

Под **определенностью / неопределенностью** конкретного референта понимается **известность / неизвестность** его адресату (по мнению говоря-

щего). Миры, описываемые средствами естественного языка (и прежде всего мир, в котором мы живем), слишком сложны для того, чтобы все их элементы были в равной степени известными носителям языка. Известность референта адресату может иметь разный источник. Она бывает перманентной и окказиональной (термины С. А. Крылова [Крылов 1986]). В первом случае знание о данном референте входит в фонд знаний о мире, или, если воспользоваться компьютерной метафорой, хранится в долговременной памяти коммуникантов, как, например, знание о первом космонавте Юрии Гагарине, или о пирамиде Хеопса, или о любой известной говорящему сущности из постоянного близкого окружения адресата, среды, в которой он живет и действует. Во втором случае референт становится известным лишь во время коммуникативного акта и какое-то время пребывает в общем поле зрения коммуникантов, или в их «текущем сознании» [Кибрик 1992: 292]. Окказиональная известность адресату референта ИГ, и тем самым определенность референции, может достигаться двумя путями, называемыми дейксисом и анафорой. При дейксисе референт языкового выражения присутствует в ситуации общения, доступен для восприятия органами чувств, и говорящий производит референцию к нему, тем или иным способом указывая на него. Так, дейктически мы осуществляем определенную референцию к конкретной книге, когда, взяв ее в руки или указав на нее жестом, говорим продавцу:

(4) *Я покупаю эту книгу.*

При анафоре языковое выражение отсылает к референту, известному из предшествующего упоминания его в дискурсе. Как правило, это предполагает первоначальное введение данного референта в дискурс как пока еще не известного адресату, т. е. неопределенного, — интродуктивную референцию. Так, в тексте (5):

(5) *Я дам тебе почитать одну книгу. Эту книгу мне дали только вчера. Я проглотил ее за ночь.*

ИГ *одну книгу и ночь*, а также «нулевое» подлежащее, входящее в глубинно-синтаксическую структуру второго, неопределенно-личного, предложения, имеют конкретно-референтный неопределенный статус, а ИГ *я, эту книгу и ее* — конкретно-референтный определенный. При этом отсылка к референту местоимения *я* — дейктическая, а к референту *корепферентных*, т. е. имеющих один и тот же референт выражений *эту книгу и ее* — анафорическая.

Противопоставление по определенности / неопределенности референта в ряде языков маркируется грамматически — с помощью особой лексико-грамматической категории слов — артиклей, определенно-го и неопределенного. В других языках, где категория определенности / неопределенности не является грамматической, актуализаторами соответствующих РС могут служить местоимения. Так, в русском языке указательные местоимения используются для определенной референции,

а неопределенные — для неопределенной. Но и в том и в другом типе языков наличие в составе ЯВ специального актуализатора определенности / неопределенности не всегда является необходимым условием для реализации соответствующего типа референции. Так, в предложении (6):

(6) *Входя в свою квартиру, Иван с удивлением отметил, что дверь не заперта.*

ИГ *Иван* и *дверь* понимаются как имеющие конкретных определенных референтов несмотря на отсутствие специальных показателей определенности: собственных имена без актуализаторов в большинстве контекстов имеют определенный РС⁵⁾, а ИГ, образованная именем нарицательным, получает определенность референции, обозначая неотъемлемую часть ранее упомянутого, и тем самым уже известного, референта 'квартира Ивана'. Вопрос о том, какими средствами достигается определенность ИГ в русском языке, подробнее освещается в работе [Крылов 1984].

Неопределенность референции, как было сказано выше, обусловлена состоянием знаний адресата (по мнению говорящего) — невозможностью для него однозначно идентифицировать референт ИГ в мире дискурса на основе полученных из высказывания сведений о нем. Обычно такая ситуация возникает тогда, когда сам говорящий знает о референте не более того, что сообщает о нем в данном высказывании, т. е. референт ИГ неизвестен как адресату, так и говорящему. Но возможен и такой вид неопределенности, когда говорящему референт известен. Это различие в классификации Е. В. Падучевой отражается с помощью признака [\pm слабая определенность]. Отрицательное значение данного признака соответствует неизвестности референта для говорящего. РС с признаками [$-$ определенность, $--$ слабая определенность] называется **собственно неопределенным**. В русском языке для этого РС есть специальный актуализатор — неопределенные местоимения с частицей *-то*⁶⁾. Так, употребляя предложение (6):

(7) *Перед уходом Петя с кем-то долго говорил по телефону.*

говорящий вводит в рассмотрение конкретное лицо, существующее в мире дискурса (если, конечно, не подозревать, что Петя с той или иной целью разыграл спектакль), о котором говорящему ничего не известно, кроме того, что с ним говорил Петя, прежде чем уйти.

Положительное значение признака слабой определенности соответствует известности референта говорящему. РС с признаками [$-$ определенность, $+$ слабая определенность] называется **слабоопределенным**, или **полуопределенным**. Слабая определенность возникает в двух типах случаев.

⁵⁾ Ср. автономное употребление собственных имен или достаточно редкие контексты типа *В нашем городе проживает более тысячи Наташ*.

⁶⁾ Актуализация собственно неопределенного РС является для *-то*-местоимений основной, но не единственной функцией, ср. *Это надо же! Какой-то первокурсник, а уже опубликовал статью в «Вопросах философии»*. Подробнее о нереференциальных функциях неопределенных местоимений см. [Николаева 1983].

Во-первых, она неизбежна при вводе в дискурс известного говорящему, но неизвестного адресату референта, т. е. при его интродукции. Актуализатором этой разновидности слабоопределенного РС в русском языке является местоимение *один* (см., например, его употребление в этой функции в первом предложении текста (5)). Во-вторых, слабоопределенные ИГ могут отсылать к референту, по отношению к которому говорящий мог бы при желании употребить определенную дескрипцию, содержащую все необходимое для однозначной идентификации его адресатом, но по тем или иным причинам (например, желая скрыть что-то от третьих лиц или просто в игровых целях) не делает этого, одновременно давая понять адресату, что данный референт тому в принципе известен. Такой вид слабоопределенного РС имеет в русском языке специальный актуализатор — неопределенные местоимения с частицей *кое-*. Так, если мы в предложении (7) заменим местоимение с *-то* на местоимение с *кое-*:

(8) *Перед уходом Петя долго говорил кое с кем по телефону.*

то его референт будет по-прежнему неизвестным адресату в том смысле, что он не может идентифицировать его среди других на основе содержащейся в предложении информации ([—определенность]), но при этом говорящему о нем будет уже известно не только то, что сообщается в предложении, но и то, что могло бы помочь адресату, вообще-то знающему обозначаемое лицо, однозначно идентифицировать его ([+слабая определенность]). Заметим, что актуализаторы неопределенного РС в целом ряде языков — неопределенные местоимения — в русском языке проводят более тонкую дифференциацию в рамках данной области референции, чем, например, неопределенные местоимения в английском языке. Так, английское предложение (9) с любым из двух синонимичных местоимений:

(9) *Before going away Pete spoke to someone / somebody on the phone for quite a while.*

референциально неоднозначно, что подтверждается возможностью перевода его на русский язык с помощью двух нетождественных в референциальном аспекте предложений — (7) и (8).

Количественный аспект референции во многих языках грамматализован, т. е. подлежит обязательному выражению по крайней мере для тех случаев, когда референтами служат дискретные сущности. В таких языках граммы категории числа позволяют отличать как минимум единичный референт от множественного, а в ряде языков также от двойственного, реже тройственного и четверного. В классификации РС Е. В. Падучевой количественный аспект референции отражается с помощью бинарного признака *единичность / множественность*.

Для множественных референтов существенно противопоставление *собирательности / дистрибутивности* (в другой терминологии *коллективности / элективности* [Крылов 1986: 22]). Множество, являющееся референтом ИГ, характеризуется признаком *собирательности*, если оно

рассматривается, осмысливается как единое целое. При отсутствии такого «собирающего» осмысления множество характеризуется признаком дистрибутивности. В русском языке существуют имена множеств, маркированные по признаку собираемости, например, *листва*, *руководство (учреждения)*, *детвора*. При этом ИГ множественного числа может обозначать как дистрибутивный, так и собираемый множественный референт. Соответствующий референциальный признак может быть приписан множественной ИГ исходя из семантики предиката предложения, т. е. рассматриваться как сочетаемое ограничение, накладываемое предикатом предложения на данный актанта. Так, предикаты *разбежаться в разные стороны* или *спорить между собой* предполагают не только множественность, но и дистрибутивность агенса, о чем свидетельствует семантическая аномальность, возникающая при употреблении в данной роли ИГ с признаками единичности или собираемой множественности, ср.:

- (10) (а) *Дети разбежались в разные стороны / ссорились между собой.*
 (б) **Ребенок разбежался в разные стороны / ссорился между собой.*
 (в) **Детвора разбежалась в разные стороны / спорила между собой.*

а предикат *загромождать* требует собираемости своего субъектного аргумента, о чем свидетельствует невозможность употребить в данной функции ИГ с кванторным словом *каждый*, предполагающим перебор отдельных элементов множества, и тем самым его дистрибутивную трактовку, ср.:

- (11) (а) *Эти книги содержат ценную информацию.*
 (б) *Каждая из этих книг содержит ценную информацию.*
 (12) (а) *Эти книги загромодили мою комнату.*
 (б) **Каждая из этих книг загромодила мою комнату.*

Таким образом, множественная ИГ *дети* в (10а) имеет дистрибутивный РС, а множественная ИГ *эти книги* в (12а) — собираемый.

Закончив рассмотрение РС, характеризующихся признаком референтности (соотнесенности с фиксированным референтом в мире дискурса), перейдем к статусам, которые в классификации Е. В. Падучевой объединены общим признаком *нереферентности*, отражающим тот факт, что в мире дискурса им не соответствует индивидуализированный, конкретный референт. К этой категории отнесены четыре статуса: экзистенциальный, универсальный, родовой и переменный.

Экзистенциальный статус имеет ИГ, отсылающая к объекту, который существует лишь потенциально, поскольку еще не выбран из класса объектов с теми же свойствами⁷⁾, как, например, ИГ *какой-нибудь феминисткой* в (13):

- (13) *Ваня мечтает познакомиться с какой-нибудь феминисткой.*

⁷⁾ В англоязычной литературе по лингвистической теории референции в близком смысле используется термин «неконкретная референция» (non-specific reference).

Действительно, если мы сравним (13) и (14):

(14) *Ваня мечтает познакомиться с какой-то феминисткой.*

где вместо частицы *-нибудь* употреблена частица *-то*, мы увидим существенное семантическое различие. В (14) речь идет о вполне конкретной феминистке, чем-то заинтересовавшей Ваню, но неизвестной говорящему. Референт реально существует в мире дискурса — мире, в котором живут и действуют говорящий и Ваня. В (13) говорящий в принципе не может указать референта, поскольку Ваня не имеет в виду никакую конкретную представительницу феминистского движения, желая познакомиться с любой из них. Поскольку выбор элемента из множества еще не произведен, референт ИГ *какой-нибудь феминисткой* не может быть локализован в мире дискурса. Он существует «в другом измерении» — в данном случае в мире Ваниной мечты.

Из рассмотренного примера можно сделать два вывода. Во-первых, ИГ с экзистенциальным статусом встречаются прежде всего в сфере действия «миропорождающих» предикатов, т. е. предикатов, один из аргументов которых относится к миру, отличному от реального (от мира дискурса), таких как *думать, ждать, хотеть, бояться* (но не *видеть во сне* и т. п.). Во-вторых, актуализатором экзистенциального статуса ИГ в русском языке является неопределенное местоимение с частицей *-нибудь*.

Теперь, анализируя контексты употребления *-нибудь-местоимений*, мы можем уточнить характеристику контекста, в котором встречаются ИГ с экзистенциальным РС. Это, во-первых, контекст «снятой утвердительности» по терминологии Е. В. Падучевой, а точнее — «снятой реальности», создаваемой употреблением условных и разделительных союзов (ср. *Если кто-нибудь нашел в лифте ключи...; Или он кого-нибудь обидел, или его кто-нибудь обидел*), модальных предикатов (ср., *Я должен срочно что-нибудь съест*), будущего времени (ср. *Мы с удовольствием сами что-нибудь приготовим*). Интересно, что при отсутствии в предложении показателей, снимающих реальность, сама частица *-нибудь* «по совместительству» служит таким показателем (см. [Молчанова 1964], [Кобозева 1981]). Так, предложение (15):

(15) *Кто-нибудь испугал его.*

отличается от предложения

(16) *Кто-то испугал его.*

не только тем, что в (15) референт субъектного термина не локализован в мире дискурса, а в (16) существует и фиксирован в этом мире, но и тем, что (15) понимается только как гипотеза, предположение говорящего, а (16) вполне может быть утверждением или сообщением о реальном факте.

Во-вторых, невыбранность, нефиксированность референта, являющаяся отличительной чертой экзистенциального РС, может иметь своим источником не только контекст снятой реальности, но и ситуацию, когда

ИГ отсылает к одному из множества однотипных участников серии однотипных событий, относящихся к реальному миру, как в предложении (17):

(17) *В прошлом месяце Петр каждое воскресенье ездил на рыбалку с кем-нибудь из своих друзей.*

Друзья Петра, безусловно, представлены в (17) как существующие в мире дискурса, и они даже могут быть поименно известны говорящему. Однако мысленное «сжатие» последовательности событий, в каждом из которых вполне конкретный референт выполнял роль компаньона (комитатива), в одно «множественное» событие создает необходимость в отсылке к референту, который для каждого события из множества — свой, что и создает ситуацию нефиксированности, невыбранности референта, характерную для ИГ с экзистенциальным статусом.

Универсальный статус имеют ИГ, референтом которых является все множество сущностей, обозначаемое соответствующим именным выражением, т. е. экстенционал этого выражения. Актуализаторами данного статуса являются определительные местоимения со значением всеобщности: *все, всякий, каждый*. Разумеется, каждое из указанных местоимений имеет свою специфику. Так, в отличие от *все, каждый*, помимо универсальности, маркировано по признаку дистрибутивности (ср. неправильность (12б) при правильности *Все эти книги загромодили мою комнату*). Признак универсальности, понимаемый как полный охват множества, у местоимений *все* и *каждый*, в отличие от *всякий*, совместим с признаками референтности и определенности (ср. *все музыканты группы «Битлз», каждый музыкант группы «Битлз», но *всякий музыкант группы «Битлз»*). Обязательная нереферентность ИГ с актуализатором *всякий* накладывает ограничение на характер пропозиции, субъектом которой выступает ИГ с данным актуализатором — эта пропозиция не может соотноситься с конкретной, локализованной во времени и пространстве ситуацией:

- (18) (а) *Вчера все студенты получили студенческие билеты.*
 (б) *Вчера каждый студент получил студенческий билет.*
 (в) **Вчера всякий студент получил студенческий билет.*
 (г) *Всякий студент имеет студенческий билет.*

Явная временная локализованность ситуации в (18в) исключает неререферентность ее участников⁸⁾, что объясняет аномальность употребления *всякий* в этом предложении. С другой стороны, нормальность употребления *всякий* в (18г) обусловлена возможностью интерпретировать это предложение не как описание конкретного положения дел, а как общее суждение, предизирующее субъекту постоянное свойство, не привязанное к определенной точке или отрезку на оси времени. Подробнее референциальная семантика «универсальных» местоимений русского языка

⁸⁾ Ср., однако, возможность сочетания неререферентности термина с временной локализованностью пропозиции в случае серии однотипных событий в области экзистенциальных РС.

рассматривается в [Кронгауз 1986], а семантическая типология таких местоимений в языках мира анализируется в [Татевосов 1997].

Родовой, или генерический статус имеет ИГ, референтом которой является неиндивидуализированный эталонный представитель множества сущностей, составляющих экстенционал соответствующего именного выражения. Так, в следующих примерах из работы Е. В. Падучевой [Падучева 1986: 29]:

(19) *Норвежцы высокого роста.*

(20) *Вот эта козявка похожа на скорпиона.*

родовой РС имеют ИГ *норвежцы* и *скорпиона*. Действительно, в отличие, например, от предложения из текста спортивного репортажа (21):

(21) *Норвежцы атакуют ворота противника.*

где ИГ *норвежцы* имеет конкретно-референтный статус, ИГ *норвежцы* в (19) не отсылает к конкретному множеству норвежцев. Не отсылает эта ИГ и ко всему экстенционалу имени *норвежцы*, в отличие от ИГ *все норвежцы*, поскольку, употребляя предложение (19), говорящий не берет на себя обязательство считать, что в мире не существует ни одного низкорослого норвежца. Ведь речь в (19) идет только о неких типичных, характерных представителях данной национальности. Аналогичным образом в (20) имеется в виду неконкретный, но эталонный скорпион.

Кроме этого, к нереферентным РС иногда причисляют статус «перемкнутой», представленный, например, личными местоимениями в предложениях типа (22):

(22) *Если у фермера есть ослик, то он его бьет.*

когда они обозначают не конкретного фермера и / или ослика, а меняют свою референцию в зависимости от референции ИГ в придаточном условия, а также статус «атрибутивной референции», представленный, например, ИГ *убийца Смита* в предложении (23):

(23) *Убийца Смита сумасшедший.*

употребляемого в ситуации, когда преступник еще не идентифицирован, но уже может быть гипотетически охарактеризован на основании имеющихся данных о совершенном им преступлении.

2.1.5. Референция языковых выражений с пропозитивным значением

До сих пор речь шла о референции именных выражений с предметным значением. Попробуем теперь с этой же точки зрения взглянуть на выражения сентенциального типа, имеющие пропозитивное значение, которые мы по аналогии с именными группами будем называть сентенциальными группами (СГ). К последним относятся: 1) простые независимые предложения; 2) придаточные предложения; 3) нефинитные глагольные конструкции (инфинитивные, деепричастные и причастные обороты); 4) неполные номинализации предложений, имеющие вид

то, что *S* или тот факт (то обстоятельство и т. п.), что *S*; 5) полные номинализации предложений, синтаксической вершиной которых является отпредикатное существительное (например *победа этой партии на выборах, гордость детей своими родителями, его вечное недовольство собой*). Проблема референтной отнесенности таких выражений и выражаемых ими пропозиций имеет комплексный характер и при расширительной трактовке понятия референции (см. [Падучева 1986]) предполагает ответ на следующие вопросы: 1) с какими типами феноменов соотносятся пропозиции (онтологический параметр референции); 2) какими способами СГ выделяют из соответствующего класса феноменов тот подкласс или индивидуальный феномен, который имеет в виду говорящий (квантификационный параметр референции); 3) известно ли содержание пропозиции слушающему (прагматический параметр референции); 4) каково отношение выражаемой с помощью СГ пропозиции к реальному миру (модальный параметр референции)⁹⁾. Кратко остановимся на каждом из указанных параметров.

В онтологическом аспекте референты СГ и выражаемые ими пропозиции делятся на два типа. В начале раздела 4.5.1 мы определили референт предложения и других предикативных конструкций как *ситуацию* (положение вещей) в мире дискурса. Это, действительно, единственный тип референта для независимого предложения. Подчиненная предикативная конструкция также может соотноситься с ситуацией, но она может иметь и другой тип референта, называемый *фактом*. Различие между этими двумя типами референтов СГ — ситуациями и фактами — было первоначально замечено при исследовании семантико-синтаксических свойств номинализаций. Оказалось, что в одних контекстах полные номинализации могут быть заменены на неполные или на другие виды СГ, вершиной которых является глагольная форма:

- (24) (а) *Бережливость Ивана мне нравится / известна всем.*
 (б) *То, что Иван бережлив, мне нравится / известно всем.*
 (25) (а) *Объединение этих партий в один блок весьма вероятно / желательно.*
 (б) *Весьма вероятно (то), что эти партии объединятся в один блок.*
 (в) *Желательно, чтобы эти партии объединились в один блок.*

⁹⁾ Заметим, что некоторые исследователи, признавая необходимость описания референциальных свойств ИГ с предметным значением, выражают сомнения в необходимости введения референциального аспекта в семантическое описание предложения и производных от него конструкций (см. [Арутюнова 1999: 490]), мотивируя это тем, что на этом уровне данный аспект сводится к референциальным свойствам субъектной ИГ вкупе с такими освященными традицией категориями семантики предложения, как модальность и коммуникативная организация смысла. Заметим, однако, что частично такой упрек справедлив и в отношении референции ИГ, поскольку такой классический референциальный признак, как [\pm определенность] имеет бесспорно коммуникативно-прагматическую природу, поскольку за ним стоит (не)известность референта ИГ адресату по мнению говорящего.

тогда как в других контекстах такая замена невозможна:

- (26) (а) *Бережливость Ивана со временем превратилась в скупость.*
 (б) **То, что Иван бережлив, со временем превратилось в скупость.*
 (27) (а) *Объединение этих партий в один блок произошло за два месяца до выборов.*
 (б) **(То), что эти партии объединились в один блок, произошло за два месяца до выборов.*

Не трансформируемые таким образом полные номинализации, как и независимые предложения, соотносятся с ситуациями. Что же касается трансформируемых в глагольные СГ номинализаций и большинства других типов подчиненных СГ, то их референтом выступают не сами ситуации, принадлежащие описываемому миру, а факты — по сути те же положения вещей, но уже «погруженные в сознание человека» [Арутюнова 1980] и получившие определенную истинностную оценку как принадлежащие или не принадлежащие миру, возможные или невозможные в нем. Пропозиции-ситуации и пропозиции-факты обнаруживают целый ряд различий в языковом поведении, подробно разобранных в работе [Арутюнова 1980]. Что касается отражения данного референциального противопоставления в семантическом представлении СГ, то СГ, референтом которой является ситуация, отображается на семантическом уровне в виде простой, так сказать «голой» пропозиции, сводящейся к предикатно-аргументной структуре со связанными переменными, а СГ, референтом которой является факт, отображается в пропозицию, подчиненную семантическому оператору истинностной оценки, который в традиционной логике трактовался как «связка» между логическим субъектом и логическим предикатом. На конкретном примере подчиненных пропозиций из (24) и (26) это различие между ситуацией и соответствующим ей фактом можно представить следующим образом:

- (28) (а) ситуация: БЕРЕЖЛИВ (ИВАН);
 (б) факт: ИМЕЕТ МЕСТО (БЕРЕЖЛИВ (ИВАН)).

Квантификационный, или количественный аспект референции СГ и выражаемых ими пропозиций имеет две стороны. Это связано с тем, что квантификации может подвергаться либо множество сущностей, участвующих в ситуации, к которой отсылает пропозиция, либо множество самих ситуаций (см. разграничение D- и A-квантификации в [Bach et al. 1995]). В первом случае референциальный статус СГ обусловлен референциальным статусом ее субъектной ИГ. Если субъектная ИГ конкретно-референтна, как в предложениях (2), (4), (6), (7) и др., то и пропозиция относится к классу конкретно-референтных, или сингулярных. Пропозиции с нереперентным субъектом образуют класс общих пропозиций, в котором в соответствии с РС субъектного термина можно выделить подклассы универсальных пропозиций (к нему относится, например, пропозиция предложения (18г)), частных, или экзистенциальных, пропозиций, примером которых может служить пропозиция предложения (29):

(29) *Некоторые русские слова имеют побочное ударение.*

и, наконец, родовых пропозиций (см. пример (19)).

От того, каким образом квантифицирован субъект пропозиции, зависит то, каким может быть ее предикат по своему аспектуальному типу (о семантической типологии предикатов см. в разделе 2.1). Предикат сингулярной пропозиции может относиться к любому аспектуальному типу. Так, в (2) это предикат свойства, в (4) и (6) — достижения, или события, в (7) — (гомогенной) деятельности. Предикат общей пропозиции может быть только предикатом постоянного свойства, т. е. свойства, присущего субъекту на всем протяжении его существования. Так, предикат универсальной пропозиции в (18г) приписывает свойство обладания студенческим билетом любому референту на протяжении всего того времени, пока этот референт входит в множество студентов; предикат частной пропозиции в (29) также интерпретируется как неизменное свойство некоторых слов, а предикат родовой пропозиции в (19) — как постоянное свойство типичного норвежца (в качестве какого рассматриваются представители взрослого населения).

Во втором случае референциальный статус СГ и выражаемой с ее помощью пропозиции определяется квантификацией предиката пропозиции, за которым стоит множество (сорт) ситуаций. Операция квантификации выделяет из этого множества его части (подмножества) или отдельные элементы. При данном типе квантификации также противопоставляются друг другу конкретно-референтные, универсальные, экзистенциальные и родовые пропозиции, соотносящиеся соответственно с конкретной ситуацией определенного сорта, всем множеством таких ситуаций, подмножеством этого множества или его типичным, эталонным представителем. При этом пропозиция может иметь один РС, связанный с «количеством» ее субъекта и другой РС, обусловленный квантификацией ситуации в целом. Если мы вернемся теперь к анализу примера (1), с которого мы начали разговор о референциальном аспекте семантики предложения, то мы можем теперь объяснить каждое из трех возможных прочтений этого предложения разными способами квантификации пропозиции в целом и ее субъекта. Прочтению (1а):

(1а) 'имеет место конкретная ситуация сорта «мальчики играют в войну»' соответствует пропозиция, конкретно-референтная в целом, которая, естественно, при этом может быть только конкретно-референтной (сингулярной) по количеству субъекта. Прочтению (1б):

(1б) 'мир таков, что если взять типичного мальчика, то типичной для него игрой будет игра в войну'

соответствует пропозиция, родовая и в целом, и по количеству субъекта. Прочтению (1в):

(1в) 'во всех случаях определенного типа конкретные мальчики являются субъектом ситуация сорта «игра в войну»'

соответствует пропозиция, универсальная в целом, но конкретно-референтная по количеству субъекта.

Прагматический параметр референции СГ и выражаемых ими пропозиций сводится к противопоставлению известности / неизвестности пропозиции слушающему (см., [Падучева 1986: 28]), которое, как показывают приведенные в указанной работе примеры, сводится к противопоставлению «данной» и «новой» информации, которое большинство исследователей относит к особому компоненту плана содержания — коммуникативному (упаковочному). Принимая эту точку зрения, мы переносим рассмотрение данного коммуникативного противопоставления в соответствующий раздел (см. 2.2).

Последний из выделенных выше параметров референции — отношение СГ и выражаемых ими пропозиций к реальности. Отдавая дань многовековой лингвистической традиции, мы рассматриваем этот параметр в качестве особого аспекта семантики высказывания — модального. Обсуждению этого аспекта мы и посвятим следующий раздел данной главы.

2.1.6. Модальный аспект пропозиционального содержания

Понятие «модальность» в лингвистике используется очень широко. Определение «модальный» входит в состав многих терминов грамматики и семантики (например, «модальный глагол», «модальная частица», «модальная рамка»), означая при этом далеко не одно и то же. В связи с этим мы подробнее остановимся на основном для «модальных» понятий противопоставлении «объективной» и «субъективной» модальности.

2.1.7. Типы и виды модальности

В лингвистике уже давно утвердилось противопоставление объективной и субъективной модальности. Понятие объективной модальности используется при характеристике отношения между высказыванием и действительностью, а понятие субъективной модальности — при характеристике отношения говорящего к высказыванию.

Традиционная грамматика прибегает к понятию объективной модальности при описании грамматической категории наклонения, противопоставляя реальную модальность предложения (соответствие его реальности) ирреальной (несоответствие реальности). Развитием традиционного представления о категории объективной модальности явилось предложенное Е. В. Падучевой [Падучева 1974: 197–199] противопоставление четырех модальностей предложения (точнее, сентенциальной составляющей, или предикативной конструкции): 1) утвердительной, характеризующей независимые утвердительные предложения; 2) презумптивной, свойственной сентенциальному актанту, выражающему презумпцию, или пресуппозицию предложения в целом (см. например, модальность придаточных в примерах (9) и (10) раздела 1.3); 3) нейтральной,

свойственной сентенциальным актантам некоторых предикатов второго порядка (см., например, модальность придаточного в предложении *Иван надеется, что Маша его простила* или инфинитивного дополнения в предложении *Он стесняется рассказывать о себе*); 4) вопросительной, представленной той разновидностью изъяснительных придаточных, которые называются косвенными вопросами (см. модальность придаточного в предложении *Он не помнит, куда он положил квитанции*).

С появлением лингвистической теории референции, изучающей отношение языковых выражений к действительности, семантический признак объективной модальности был включен в комплекс признаков, из значений которых складывается референциальный статус пропозиции (см. раздел 2.1.3). В [Падучева 1986] признак модальности трактуется как принимающий два значения: реальная модальность и нейтральная модальность. Реальную модальность имеют пропозиции, которым соответствуют ситуации, имеющие место в действительном мире (по мнению говорящего). Пропозиции с реальной модальностью могут быть выражены не только независимыми утвердительными предложениями со сказуемым в изъявительном наклонении, но и зависимыми предикативными конструкциями, примеры которых представлены в (1):

- (1) (а) *Он внимательно смотрит, как садовник подстригает кусты акации.*
 (б) *Я благодарен тебе за помощь.*
 (в) *Я познакомился с человеком, который три года прожил на Новой Земле.*

Нейтральную модальность по Е. В. Падучевой имеют пропозиции, отражающие ситуации, принадлежащие миру, не совпадающему с реальным. Это может быть мир мнений, желаний, гипотетический мир и т. п. Нейтральную модальность может иметь только подчиненная пропозиция, выражаемая зависимой предикативной конструкцией того или иного типа. Примеры подчиненных пропозиций с нейтральной модальностью содержатся в предложениях (2):

- (2) (а) *Петя давно хочет спать*
 (пропозиция 'Петя спит' отсылает к ситуации в мире желаний Пети).
 (б) *Если пойдет дождь, мы останемся дома*
 (пропозиция 'идет дождь' относится к гипотетическому миру).

К сфере субъективной модальности традиционная грамматика относит целый ряд разнородных явлений. Это и вводные («модальные», по терминологии В. В. Виноградова [Виноградов 1938: 551–566]) слова, и модальные частицы, и специфические экспрессивные синтаксические конструкции типа *Охота было вмешиваться* (о разнообразных показателях субъективной модальности, см. [Падучева 1996, глава 5]). Именно с этим типом модальности соотносится получивший широкое распространение термин *модус*, введенный Шарлем Балли, который выделял в содержании

предложения две части — модус и диктум. С ним же связано и введенное А. Вежбицкой в концептуальный аппарат семантики понятие «модальной рамки». Данный тип модальных понятий характеризует отношение говорящего к сообщаемому в терминах разного рода оценок (степени достоверности, желательности, неожиданности, связи с предтекстом и т. п.) и соответственно относится уже не к пропозициональному, а к прагматическому компоненту семантики предложения (см. раздел 2.3).

Четкое разграничение объективной и субъективной модальности особенно важно в тех случаях, когда для их выражения применяется одно и то же языковое средство. Так, в целом ряде языков, в том числе и в русском, модальные глаголы со значением возможности, необходимости и долженствования способны выражать как объективную, так и субъективную модальность. Поэтому различия между двумя типами модальности мы обсудим подробнее именно на материале слов, которым в семантической структуре предложения соответствуют модальные операторы возможности, необходимости и долженствования.

2.1.8. Модальные операторы возможности, необходимости и долженствования

В разделе 2.1.2, когда мы говорили о модальных операторах возможности и необходимости как элементах пропозиции, выражаемой предложением, мы тем самым относили их к сфере объективной модальности. Указанные операторы объективной модальности используются при описании альтернативных путей развития событий, заложенных в самой действительности. Так, если человеку предстоит вынуть любой шар из урны и нам известно, что в ней лежат три шара — один белый и два черных, то данной ситуации будут соответствовать, например, следующие предложения: *Он может вынуть белый шар*; *Возможно, что он вынет черный шар* и *Он не может вынуть красный шар*. Если этот человек вытащит белый шар и должен будет тащить из урны еще один, то этой ситуации будет соответствовать, например, предложение *Он неизбежно вытащит черный шар*.

На поверхностном уровне оператор возможности в русском языке выражается главным образом глаголом *мочь* и кратким прилагательным *возможен*, а оператор необходимости — кратким прилагательным *невозможен*, а также наречиями и обстоятельными оборотами того же значения (*с необходимостью*, *неизбежно* и т. п.).

В модальной логике содержательная интерпретация этих модальных операторов дается в терминах «возможных миров» (далее ВМ) (см. [Крипке 1982]). «ВМ» (= «описание состояния») — это набор альтернативных друг другу «миров», понимаемых как альтернативные состояния мира, возникающие на разных путях развития событий¹⁰. Операторы объективной возможности, невозможности и необходимости эксплицируются следующим образом:

¹⁰ Идея ВМ идет от Лейбница.

возможность P = истинность P в некоторых (по крайней мере в одном) BM ;

невозможность P = ложность P во всех BM ;

необходимость P = истинность P во всех BM .

Соответствующие модальные операторы, таким образом, трактуются в логике как кванторы, связывающие переменную, область значений которой являются BM .

Апелляция к истинности в BM характерна для описания значения модальных операторов в рамках «сильной» семантики (см. раздел I.1.4). В рамках «слабой» семантики объективно-модальные значения эксплицируются без обращения к категории истинности. По мнению И. Б. Шатуновского, для ЕЯ более адекватна экспликация указанных объективно-модальных понятий не через истинность, а через связку «имеет место», «есть». Например, P возможно = ' P имеет место / есть хотя бы в одном из BM '. Анна А. Зализняк и Е. В. Падучева истолковывают «объективное» значение модального глагола *мочь* следующим образом:

Предложение вида « X может P (во временном интервале t)» употребляется в такой ситуации, когда говорящий, деля совокупность условий для наступления события $P(X)$ на существенные и несущественные, утверждает, что все существенные условия для наступления события $P(X)$ выполняются в t [Зализняк Анна, Падучева 1989: 99–100].

Эквивалентный данному вариант толкования содержит вместо понятия «существенных условий» понятие «принципиальных препятствий»:

X может P (в t) = ' X нет принципиальных препятствий для наступления события $P(X)$ ' [там же: 100].

Однако и у модального глагола *мочь*, и у некоторых других показателей возможности существует не только объективно-модальное, но и субъективно-модальное значение.

Еще английский философ Юм, говоря о родственном возможности понятии вероятности, четко разграничил два вида вероятностей: «Вероятность бывает двух родов: или объект сам по себе в действительности недостоверен и существование его или несуществование зависят от случая, или объект сам по себе достоверен, но наше суждение о нем недостоверно, ибо мы находим целый ряд доказательств “за” и “против”» [Цит. по Шатуновский 1996: 173–174].

В случае объективной (не)возможности (= онтологической = алетической), наличие альтернатив или отсутствие таковых является свойством объективной действительности. Сама действительность такова, что в ней существуют различные варианты, «направления» развития событий. Субъективная же, или эпистемическая возможность проистекает из ограниченности знаний говорящего субъекта. Так, говоря, *Возможно, что Петя является сыном Иванова* мы описываем не альтернативные состояния мира, достижимые из мира действительного (поскольку Петя уже

является чьим-то сыном и никакой путь развития событий не может изменить этого положения дел), а наличие у нас каких-то, хотя и недостаточных, оснований для мнения о том, что ситуация 'Петя является сыном Иванова' имеет место в действительном мире.

Между объективной и субъективной модальностью в общем случае не существует какой-либо обязательной связи. Но в некоторых случаях они естественно сопровождают друг друга. Например, когда возможная ситуация Р относится к будущему, может быть подчеркнут как объективный, так и субъективный аспект возможности: *Он может приехать* (объективный) и *Он, может быть, придет* (субъективный).

Из сказанного становится очевидным, что семантические области объективной и субъективной модальности имеют различную природу и, следовательно, различную структуру. Возможность бывает и субъективной, и объективной. Однако невозможность и необходимость целиком относятся к области объективной модальности.

Между языковыми показателями объективной и субъективной модальности существует целый ряд различий. К семантическим различиям относятся:

1) особенности связи с осью времени (важнейшей координатой объективной действительности).

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев пишут по этому поводу следующее: «Онтологическая возможность имеет место в прошлом, настоящем или будущем или носит вневременной характер; эпистемическая возможность — это возможность прошлой, настоящей, будущей или вневременной ситуации, но сама проблематичность "имеет место" в момент, когда делается соответствующее высказывание. Типичные показатели онтологической возможности свободно изменяются... по временам... а типовые показатели эпистемической возможности изменяться по временам не могут» [Булыгина, Шмелев 1990: 138]. Объективная возможность (ОВ) некоторого положения дел может с течением времени исчезнуть, но при этом она сохраняется «навсегда» в том пункте временной оси, в которой она имела место. Так, если кто-то накопил денег на покупку дома, а в результате финансового кризиса деньги обесценились в три раза и возможность покупки дома потеряна, мы вправе сказать *Теперь он не может купить себе, хотя до кризиса вполне мог это сделать*. Субъективная возможность (СВ), напротив, «навсегда» исчезает вместе с исчезновением неопределенности в уме говорящего. «Если некто предположил: *Возможно, идет дождь*, а затем выглянул в окно и увидел, что это не так, то он не может описать ситуацию словами: *Прежде было возможно, что идет дождь, а теперь это стало невозможным*» [там же: 138–139].

2) Различие в соотношении времени модального предиката и времени дескриптивного, т. е. описывающего ситуацию, предиката Р. В типовом случае ОВ время модальной предикации предшествует времени Р

(*P* — абсолютное или относительное будущее). Так, *Я могу к нему зайти* разлагается на «я могу» + «я зайду» [Зализняк Анна, Падучева 1989: 94]. В случае СВ время *P* может как угодно соотноситься с временем «возможности», ср. *Возможно, он знает / знал / узнает об этом*.

Имеются между показателями объективной и субъективной модальности и поверхностно-синтаксические различия. Показатели ОВ относятся к самому объективному положению дел *P*. Тесная их связь с *P* иконически отражается в синтаксисе предложения: они непосредственно входят внутрь пропозициональной синтаксической структуры и показатель ОВ непосредственно подчиняет *P*. Ср.: *Он может опоздать; Машина может перевернуться; Он мог выиграть эту партию*. Краткое прилагательное *возможен* выражает ОВ, выступая только как предикат при полной номинализации предложения, описывающего объективное положение дел *P*, как в *Его приезд возможен* или при заменяющем такое описание местоимении, как в *Это возможно*.

Показатели СВ относятся не к самой действительности, а к «мысли» о ней, и поэтому занимают внешнюю позицию по отношению к структурам, отражающим эту действительность. Это либо вводные слова, которые, как известно, не являются членами предложения (ср. *Он, возможно, заболел*), либо все то же краткое прилагательное *возможен*, выступающее как предикат при неполной номинализации предложения, описывающего объективное положение дел *P*, — сложной именной группе, состоящей из соотносительного местоимения *то* и придаточного предложения (ср. *То, что он заболел, возможно*).

Хотя, как мы только что показали на примере ОВ и СВ, средства и способы выражения объективной и субъективной модальности различаются, существуют и неоднозначные конструкции, допускающие оба понимания. Так, глагол *мочь* употребляется как показатель не только ОВ, но и СВ. Помимо рассмотренного выше объективного значения, у него есть и субъективно-модальное эпистемическое значение, реализуемое в контекстах типа *Он мог нас не расслышать; Он может нас подвести*. Это значение в [Зализняк, Падучева 1989] истолковывается следующим образом:

X может P = 'По моим представлениям о мире, нет препятствий, чтобы в нем имело место *P(X)*' [там же, 100].

Как мы видим, лингвистические экспликации «объективного» и «эпистемического» значений модального оператора *мочь* имеют инвариантный компонент — 'отсутствие препятствий' (или эквивалентный ему компонент 'наличие условий') и отличаются друг от друга характером препятствий (условий): в случае объективно-модального *мочь* они отсутствуют (существуют) в самом мире дискурса, а в случае субъективно-модального *мочь* — в «мире» представлений (фонде знаний) говорящего о мире дискурса. Аналогичное соотношение разных модальных значений: инвариантное ядро толкования и вариативное заполнение одной из его

переменных — наблюдается и у операторов долженствования, которые мы рассмотрим ниже на примере русского языка.

Основным показателем долженствования в русском языке является предикатив *должен* (кроме того, операторами долженствования служат *обязан, надо, нужно, следует, необходимо*¹¹⁾ и целый ряд других глаголов и наречий). В логике долженствование рассматривается как одно из значений деонтической модальности, характеризующей отношение положения дел Р к норме (закону, правилу). С точки зрения лингвистического разграничения объективной и субъективной модальности, деонтическая модальность — объективная, так как и по своим семантическим, и по семантико-синтаксическим свойствам ее показатели ведут себя как типичные показатели объективной модальности (см. выше о различии свойств показателей объективной и субъективной модальности на примере возможности), и тем самым модальный оператор долженствования относится к пропозициональному компоненту значения предложения. Именно деонтическое модальное значение имеет слово *должен* в следующих предложениях:

- (3) *Я должен написать ему письмо — я обещал.*
- (4) *Вы должны в трехдневный срок сдать паспорт на регистрацию.*
- (5) *Староста группы должен вести журнал посещаемости.*

Однако в предложении (6) тот же показатель имеет субъективно-модальное эпистемическое значение:

- (6) *Она не родила, но по расчету по моему должна родить.* (А. С. Прибоедов)

Исследуя семантику предикатов долженствования в русском языке, И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер [Кобозева, Лауфер 1991а, б] показали, что все их модальные значения имеют инвариантную семантическую основу, представимую в виде формулы:

- (7) $D(\Pi) = N(Q \Rightarrow P)$

(где D — предикат долженствования, Π — сентенциальное дополнение при D, P — ситуация, выражаемая при помощи Π , Q — некоторая ситуация, \Rightarrow — отношение следования, или вынуждения; N — модальный оператор необходимости).

Формулу (7) можно рассматривать как схему толкования для показателей долженствования, принципиальным моментом которой является трактовка их как семантически двухвалентных: валентность 1(P) — это то, что должно быть, валентность 2(Q) — то, что вынуждает P.

Частные модальные значения показателей долженствования возникают из разного заполнения переменных P и Q. Рассмотрим это

¹¹⁾ Обратите внимание на то, что слово *необходимо* выражает модальность долженствования, а не необходимости в том строгом смысле, который придается понятию «необходимость» в модальной логике. Последнее, как мы уже отметили, в русском языке выражается иными средствами, например, наречием *неизбежно*.

на примере слова *должен*. Деонтическое, или «обязывающее» значение этого модального оператора имеет следующую экспликацию:

X должен P = 'существуют не зависящие от воли X-а обстоятельства Q, которые вынуждают X-а сделать P, потому что, если X не сделает P, то некоторая сила F, входящая в состав обстоятельств Q, причинит X-у зло'.

Ощущаемая у предикатива *должен* отрицательная коннотация вытекает из встроенного в данное толкование ограничения свободы воли субъекта X.

Оттенки «обязывающего» значения *должен* зависят от конкретного характера обстоятельств Q. Так, в (3) представлено «морально обязывающее» значение, при котором в качестве Q выступают нормы морали, в качестве силы F — общественное мнение, а злом является общественное осуждение. В (4) мы имеем «юридически обязывающее» *должен*, где Q — правовые нормы, F — органы охраны правопорядка, а зло выступает в форме разного рода санкций. В (5) значение долженствования имеет «функционально-обязывающий» оттенок, где Q — функциональные обязанности определенных социальных ролей, F — инстанции, контролирующие их исполнение, зло — разнообразные формы взысканий. Можно выделить и другие разновидности обязывающего значения (см. [Кобозева, Лауфер 1991б: 71–72]).

Эпистемическое *должен* имеет следующее толкование:

X должен P = 'среди моих знаний о мире существуют знания Q, которые вынуждают меня считать, что P(X) имеет (имело, будет иметь) место в мире'.

2.2. Коммуникативный (упаковочный) компонент семантики предложения

Пропозициональный компонент семантики предложения включает в себе основное информационное содержание предложения, отображающее некоторую ситуацию в мире дискурса.

Следует подчеркнуть, что когда мы говорим, что некоторая ситуация отображается пропозициональным содержанием предложения, мы ни в коей мере не должны представлять это так, будто бы каждая ситуация действительности однозначно отображается в ту или иную пропозицию.

Так, информация об одном и том же реальном событии получила в прессе следующие весьма различные заголовки (пример из [Fowler et al. 1979]):

- (1) *Police shot dead Africans* «Полицейские расстреляли африканцев»;
- (2) *Africans shot dead by the police* «Африканцы расстреляны полицейскими»;
- (3) *Africans shot dead* «Африканцы расстреляны»;

- (4) *Africans died* «Погибли африканцы»;
 (5) *...deaths...* «...смерти...»;
 (6) *Factionalism caused deaths* «Фракционность привела к жертвам».

Сравнивая предложения (1)–(6), мы замечаем, что одна и та же ситуация действительности подается в них по-разному. Предложение (1) содержит наиболее полное и непосредственное описание ситуации: обозначен ее тип и названы все обязательные участники. В (2) пассивизация предложения имеет семантический эффект затушевывания ответственности участника, выступающего в роли агенса, — полицейских, поскольку соответствующий актант оказывается вынесенным из престижной синтаксической позиции подлежащего на периферию предложения. В (3) агенс и вовсе опущен, и тем самым о лицах, несущих ответственность, умалчивается. В (4) та же объективная ситуация осмысливается как принадлежащая к другому типу: действие превращается в соответствующее результирующее состояние, что ведет к полному устранению из предложения следов каузатора — того, кто вызвал данное состояние. Из (5) изъято упоминание не только об агенсе, но и о пациенсе исходной ситуации. В довершение ко всему в (6) введена посторонняя по отношению к исходной ситуации причина.

Ситуация действительности — это элемент недискретного человеческого опыта, а пропозиция — это результат интерпретации, или концептуализации человеком этого недискретного опыта, выделения в нем определенного количества тех или иных дискретных элементов, подведение их под определенные понятийные категории. Конкретная ситуация-экземпляр интерпретируется человеком как представитель некоторой обобщенной ситуации-типа. А интерпретировать одну и ту же ситуацию человек может по-разному в зависимости от целого ряда факторов — и, прежде всего, от того, что в ней для него является значимым. Так, видя на выставке-продаже толпу людей у стенда Гусевского хрустального завода, один наблюдатель соотнесет наблюдаемое с идеей местонахождения, а другой — с идеей коммерческого спроса (несколько модифицированный пример М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрика). Тем самым, хотя предложения *Посетители выставки толпились у стенда Гусевского хрустального завода* и *Продукция Гусевского хрустального завода пользовалась большим спросом у посетителей выставки* могут быть использованы для описания одного и того же фрагмента действительности, они отображают различные способы интерпретации, осмысления, концептуализации его говорящим, и их пропозициональные компоненты различны.

Далее, даже если мы находимся на уровне обобщенных, или абстрактных ситуаций, мы не можем сказать, что тождество обобщенных ситуаций, отображаемых предложением, гарантирует тождество их пропозиций. Различие пропозиций может быть обусловлено различными способами выделения объектов, участвующих в ситуации. Выделение объектов из ситуации — это еще одна сторона интерпретации собы-

тия говорящим. У. Чейф в статье «Память и вербализация прошлого опыта» [Чейф 1983] отмечает, что следующие предложения:

- (7) *Потом я съел бутерброд.*
 (8) *Потом я поел.*

могут использоваться для описания одного и того же события, но в первом из них выделены два участника, или актанта ситуации — «я» и бутерброд, а во втором — только один «я». Несомненно, что два этих предложения имеют разное пропозициональное содержание.

Один из способов установить тождество пропозициональных содержаний для двух утвердительных предложений состоит в проверке их логической эквивалентности: является ли утверждение одного из них истинным тогда и только тогда, когда истинно другое и наоборот. Ясно, что когда истинно (7), то (8) истинно тоже, но не наоборот. Различие пропозициональных содержаний (7) и (8) состоит в том, что при совпадении их предикатов и первых аргументов, их вторые аргументы имеют разную семантику: экстенционал терма «бутерброд» уже, чем экстенционал терма, имеющего нулевое выражение в поверхностной структуре, а на уровне семантической структуры интерпретируемого как нечто съедобное.

Для повествовательных предложений можно сформулировать следующее обобщение: если два повествовательных предложения, связанных по смыслу, логически эквивалентны, то они имеют тождественные пропозициональные содержания. Семантическое отношение логической эквивалентности является одним из способов формализации отношения синонимии. Поэтому другая формулировка того же обобщения звучит так: у предложений, признаваемых равнозначными (синонимичными), имеется одинаковое пропозициональное содержание.

Отсюда следует, что тонкие смысловые различия между предложениями в следующих парах уже относятся к какому-то другому компоненту плана содержания, а не к его пропозициональному компоненту:

- (9) (а) *Иван продал Петру лыжи за 10 рублей.*
 (б) *Петр купил у Ивана лыжи за 10 рублей.*
 (10) (а) *Иван продал Петру лыжи за 10 рублей.*
 (б) *Лыжи были проданы Иваном Петру за 10 рублей.*
 (11) (а) *Иван продал Петру лыжи.*
 (б) *Иван продал лыжи Петру.*
 (12) (а) *Была безработица, и поэтому заработная плата снизилась.*
 (б) *Зарботная плата снизилась, потому что была безработица.*
 (13) (а) *Иван считал, что Петр слишком молод для этого.*
 (б) *Иван считал Петра слишком молодым для этого.*
 (14) (а) *Касса не продает билеты.*
 (б) *Касса не производит продажу билетов.*
 (15) (а) *Джон — незаконнорожденный.*
 (б) *Родители Джона не состояли в законном браке.*

- (16) (а) *Петя поздравил свою тетьу Клаву с днем рождения.*
 (б) *Племянник Клавы Петя поздравил ее с днем рождения.*

Все приведенные пары содержат предложения, совпадающие по их пропозициональному содержанию, но отличающиеся друг от друга тем, на каком из аспектов обозначаемой ситуации фокусируется внимание, или как еще говорят, они отличаются друг от друга тем, в какой перспективе отображается данная ситуация. Образно это можно себе представить так, будто на изображение некоторой ситуации накладывается определенная сетка или фильтр, выделяющий какой-то участок этого изображения из всех прочих.

Выделенность, подчеркнутость того или иного элемента плана содержания предложения достигается с помощью самых разнообразных языковых средств:

- 1) порядка слов + интонации = линейно-интонационной структуры;
- 2) выбора одной из коррелятивных лексических единиц;
- 3) выбора одной из синтаксических конструкций-трансформов (конструкций, связанных той или иной синтаксической трансформацией).

И вот этот-то способ организации пропозиционального содержания, задающий порядок важности, значимости тех или иных его элементов для данной ситуации общения, составляет содержание особого компонента семантики предложения, который У. Чейф предложил называть «упаковкой». «Упаковка» пропозиционального содержания — это то, как подается пропозициональное содержание, и лишь во вторую очередь она связана с тем, что представляет собой это содержание, точно так же, как упаковка зубной пасты связана со свойством товара при продаже при относительной независимости от качества самой пасты. Для обозначения примерно того же круга явлений в семантике предложения в МСТ используется термин **коммуникативная организация смысла (КОС)**, обладающий тем недостатком, что слово «коммуникативный» многозначно и может вызвать ассоциации с коммуникативным намерением (целью) говорящего, которое как раз не входит в данный компонент семантики предложения.

«Упаковочный» компонент включает в себя целый ряд противопоставлений, в соответствии с которыми членится пропозициональное содержание предложения или маркируется та или иная его часть.

2.2.1. Подчеркивание особой роли одного из участников ситуации

Этот вид выделения связан с выбором одного из глаголов-конверсивов (см. раздел II.4.3.6) или с выбором одного из нескольких возможных вариантов моделей управления для данной глагольной лексики (см., например, явление расщепления валентностей, рассмотренное в разделе II.7.2).

Так, предложения (9а) и (9б) обозначают одну и ту же ситуацию: 1) лыжи переходят от Ивана к Петру; 2) 10 рублей переходят от Петра к Ивану. При этом Петр и Иван выступают как два равно активных деятеля. Но в (9а) подчеркивается роль Ивана, а в (9б) — роль Петра.

Аналогичный пример:

- (17) (а) *Иван дал Петру взаймы большую сумму денег.*
 (б) *Петр занял у Ивана большую сумму денег.*

Опять-таки ситуация, отображаемая пропозициональным содержанием, одна и та же: временное изменение отношений принадлежности, причем оба участника являются активными, но в (17а) подчеркивается роль Ивана, а в (б) — Петра. Это подтверждается невозможностью замен (а) на (б) в следующем контексте:

- (18) *Подруга Ивана считает доброту проявлением слабости и потому ей очень не понравилось, что Иван дал Петру взаймы большую сумму денег / ?что Петр занял у Ивана большую сумму денег.*

Отметим, что важным в данном случае является именно выбор глагола с определенной актантно-ролевой структурой, а не то, что некоторое имя занимает позицию подлежащего в предложении. Так, в предложении (10б) *Лыжи были проданы Иваном Петру*, несмотря на то, что ни *Петр*, ни *Иван* не являются подлежащими предложений, подчеркивается роль Ивана — того, кто продал.

Рассмотрим теперь различие в подчеркивании, осуществляемом с помощью выбора одной из нескольких возможных при некоторой глагольной лексеме моделей управления. Например:

- (19) (а) *Они грузили арбузы на баржу.*
 (б) *Они грузили баржу арбузами.*
 (20) (а) *Он гладил ей волосы.*
 (б) *Он гладил ее по волосам.*

В (19а) и (20а) подчеркнуты, выделены соответственно арбузы и волосы. Выделение осуществляется с помощью помещения одного из аспектов сцены в ядро предложения (т. е. в позицию подлежащего или дополнения) и вынесение других аспектов на периферию.

Интерпретируется подчеркивание в данном случае так: в ядро предложения помещается тот объект, который полностью вовлечен в ситуацию в противопоставление объекту, частично вовлеченному. В ядро попадает объект, подвергшийся изменению, в отличие от объекта, не подвергшегося изменению. В (19а) подчеркивается тот факт, что арбузы вовлечены в ситуацию целиком и это они подвергаются изменению в отношении своего положения в пространстве, а в (19б) подчеркивается полнота вовлеченности в ситуацию и изменение состояния баржи.

2.2.2. Актуальное (теморематическое) членение предложения

Следующее противопоставление в рамках упаковочного компонента семантики предложения — это противопоставление того, о чем говорится тому, что говорится. Это противопоставление имеет разные названия, например, «тема / рема», «логический субъект / логический предикат», «топик / комментарий». Выражаясь фигурально, это противопоставление задает «маршрут движения» через ситуацию, указывая исходный пункт, начальную точку при ее «обходе».

На поверхностном уровне противопоставление семантических категорий «темы» и «ремы» выражается разными средствами. В русском и ряде других языков — линейно-интонационной структурой предложения (далее — ЛИС) и залоговыми формами.

В работе Е. В. Падучевой [Падучева 1985: 109–120] строится следующее соответствие между компонентами ЛИС и компонентами теморематического членения.

План выражения	План содержания
РЕМА — компонент ЛИС, который включает слово с главным фразовым ударением	СМЫСЛОВАЯ РЕМА
НАЧАЛО (или начальная группа) — компонент, не входящий в рему и отмеченный второстепенным фразовым ударением	СМЫСЛОВАЯ ТЕМА (предмет речи) ИСХОДНАЯ ТОЧКА
ВНЕРЕМАТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ	

Е. В. Падучева различает две «упаковочных» семантических единицы, которые обычно выступают нерасчлененными в традиционном понятии темы — это, во-первых, признак «смысловая тема» (предмет речи), а во-вторых, признак «исходная точка». Понятие смысловой темы с трудом поддается операциональному определению. Существо этой категории хорошо проясняет следующая аналогия: смысловая тема — это та рубрика предметного указателя, куда человек заносит содержащуюся в предложении информацию. Смысловая тема обычно становится начальной группой предложения, но не всегда. Так, например, в предложениях (21):

- (21) (а) Собака ↗ укусила мальчика ↘.
 (б) Мальчика ↗ укусила собака ↘.

смысловая тема выражена начальной группой. Иначе обстоит дело в предложении (22):

- (22) [Искусствоведы и археологи] ↗ («начало») [обнаружили новые факты, свидетельствующие о своеобразии] ↘ («рема») [культурного развития Руси] («внерематический компонент»).

Предметом речи в этом предложении являются не искусствоведы и археологи, а культурное развитие Руси, а значит, смысловую тему выражает внереферентный компонент. Однако положение группы «искусствоведы и археологи» в ЛИС предложения (22) маркирует именно ее референта как «исходную точку», из которой начинается маршрут движения через ситуацию.

Предложения (10а) и (10б), имея одинаковое пропозициональное содержание, различаются в том, как членится это пропозициональное содержание на тему и рему, что достигается выбором формы активного или пассивного залога глагола-сказуемого. В (10а) смысловой темой и исходной точкой является Иван, а в (2б) — лыжи. Категория смысловой темы тесно связана с синтаксической функцией подлежащего предложения. Первым претендентом на роль смысловой темы всегда является подлежащее. Поэтому иногда вместо темы используется понятие «статус подлежащего».

Предложения с глаголами-конверсивами также при нейтральном порядке слов передают различия в членении пропозиционального содержания на тему и рему. Однако при определенном порядке слов предложения-конверсивы могут иметь одну и ту же смысловую тему.

- (23) (а) Иван ↗ продал Петру лыжи ↘.
 (б) У Ивана ↗ Петр купил лыжи ↘.

В (23а) и (23б) одна и та же смысловая тема — Иван.

2.2.3. Данное и новое в предложении

Следующее противопоставление в рамках упаковочного компонента — это противопоставление *данного*, или *старого*, и *нового*. Данной (старой) называется та часть передаваемой предложением информации, которая, по предположению говорящего, присутствует в сознании слушающего в момент произнесения предложения. Иначе говоря, данность информации — это нахождение ее в общем поле зрения партнеров по общению. Новой называется та часть передаваемой предложением информации, которую, по предположению говорящего, он вносит с помощью употребления этого предложения в сознание слушающего.

Статус данного связан с наличием определенной информации в языковом или экстралингвистическом контексте, который является типовым для данного предложения. Так, например, предложение *Я купил картину в салоне*, в отличие от предложения *Я купил в салоне картину*, естественно употребляется в контексте разговора, в котором «картина» уже находится в сознании слушающего либо благодаря тому, что она присутствует в ситуации общения (экстралингвистическом контексте), либо благодаря тому, что до этого данная картина уже была упомянута.

Иногда «данное» прямо определяют как информацию, связанную контекстом, или активированную.

Главное проявление противопоставления данного / нового в поверхностной структуре предложения состоит, по-видимому, в том, что данное сообщается в более слабой форме, чем новое. Это ослабление выражается в двух основных формах: 1) данное произносится более низким тоном и с более слабым ударением, чем новое; 2) данное может подвергаться прономинализации. Кроме того, для выражения этого противопоставления некоторые языки используют также частицы. Наиболее известный пример — частицы *wa* и *ga* в японском языке.

«Данное» в целом тяготеет к такому компоненту ЛИС предложения, как «начало». Это понятно. Ведь «начало» отражает исходную точку маршрута движения через ситуацию, а в качестве исходной точки естественно выбирать те аспекты ситуации, которые уже активированы в данной ситуации общения. Естественный путь через ситуацию — путь от данного к новому. Поэтому тема, или «исходная точка», обычно совпадает с «данным». Обычно, но не всегда. См. пример: *На горизонте сверкали снежные вершины горного хребта. Небольшой городок раскинулся у самого его подножья.* [Мельчук 1974: 65]. Здесь 'небольшой городок' — «исходная точка», являющаяся одновременно «новым».

В [Баранов 1984а] оппозиция «данное-новое» интерпретируется как признак (категория) «данности», принимающий три значения: «активированное данное» (\approx то, что активировано в сознании субъекта в ситуации общения); «виртуальное данное» (\approx то, что не активировано, но имеется в тезаурусе, модели мира субъекта) и «новое в тезаурусе» (\approx то, что вообще отсутствует в модели мира субъекта). Кроме того, показано, что реализация значений признака данности происходит на разных сторонах языкового знака — плане выражения, сигнификативном и денотативном слоях плана содержания.

2.2.4. Известное и неизвестное в предложении

Противопоставление данное / новое нельзя отождествлять с противопоставлением известное / неизвестное¹²⁾. Так, в предложении *Я нашел твой паспорт* ИГ *твой паспорт* несмотря на то, что ее референт наверняка известен адресату данного сообщения, тем не менее может быть новым, так как ее референт не обязан быть активированным в сознании адресата для того, чтобы употребление данного предложения было признано правильным.

Та часть содержания высказывания, которая, по мнению говорящего, известна адресату, называется его **прагматической пресуппозицией** (презумпцией). Прагматическая пресуппозиция высказывания обычно

¹²⁾ Напомним, что данное противопоставление в теории референции служит основанием для разграничения определенной и неопределенной референции именных выражений. Так что в данном пункте пропозициональный и коммуникативный компоненты значения предложения-высказывания оказываются неотделимыми друг от друга.

совпадает с семантической пресуппозицией соответствующего предложения (см. раздел 1.4), как, например, в высказывании (24):

(24) *Все сотрудники отдела сожалеют о том, что вы подали в отставку.*

где компонент 'вы подали в отставку' составляет и семантическую и прагматическую пресуппозицию.

Связь между семантической и прагматической пресуппозицией вполне объяснима. Действительно, семантическая пресуппозиция, — это та часть значения предложения, которая содержится в его утверждении и сохраняется как при его отрицании, так и при постановке вопроса о его истинности. Это значит, что она заключает в себе информацию, истинность которой не может быть оспорена посредством простого несогласия (*Нет, это неверно*) или подвергнута сомнению посредством верифицирующего вопроса (*Так / Верно ли это?*). Именно поэтому подача определенной информации в составе семантической пресуппозиции является одним из языковых приемов манипуляции сознанием, входя в арсенал «языковой демагогии» [Николаева 1988]. При обычном, неманипулятивном использовании языка в качестве семантической пресуппозиции, как правило, выступает только та информация, истинность которой не должна вызывать сомнений у адресата, в частности информация, известная адресату, а это и есть прагматическая пресуппозиция. Как правило, но не всегда.

Рассмотрим предложение с тем же фактивным предикатом *сожалеть*:

(25) *Один мой знакомый сожалеет, что стал лингвистом* (пример В. М. Труба).

Здесь компонент 'один мой знакомый стал лингвистом', являясь семантической пресуппозицией, не может рассматриваться говорящим как информация, известная адресату (прагматическая пресуппозиция), хотя бы потому, что последнему, по мнению говорящего, неизвестен референт неопределенной дескрипции *один мой знакомый* (в противном случае говорящий употребил бы определенную дескрипцию, позволяющую адресату идентифицировать референта в мире дискурса).

Противоположная ситуация — прагматическая пресуппозиция, не являющаяся семантической, в принципе невозможна. Если заведомая истинность некоторой информации для говорящего совместима с неизвестностью этой информации адресату, то известность некоторой информации адресату (по мнению говорящего) неотделима от истинности ее для говорящего. *Знать* и *быть известным* — фактивные предикаты, связанные с семантической пресуппозицией истинности их сентенциального аргумента. *Известным* (в строгом смысле слова) может быть названо только то положение дел, которое имеет место в мире (по мнению говорящего), и тем самым информация о нем может быть для него только истинной. В [Падучева 1986: 28] приводится следующий пример прагматической пресуппозиции без семантической:

(26) *Он заболел? — Нет, но он говорит \, что он заболел.*

Компонент 'он заболел', безусловно, не является семантической presupпозицией второго предложения. Но и прагматической его считать нельзя, поскольку соответствующая информация, хотя и присутствует в общем поле зрения коммуникантов (и тем самым является во втором предложении «данным»), не может быть охарактеризована как «известное адресату» (иначе он не задал бы свой вопрос). Это еще один пример, показывающий, что категории «данного» и «известного» нельзя отождествлять.

2.2.5. Контрастивность

Еще одной категорией из репертуара «упаковочных» является контрастивность, названная так в связи с тем, что первоначально выделена она была при описании семантики предложений с контрастным фразовым ударением на одной из составляющих (см., например, [Чейф 1982]). При этом контрастное ударение может приходиться как на «начало», так и на «рему» предложения. Если в предложении присутствует контрастное ударение, например, *Радио включил Иван* (в отличие от *Радио включил Иван*), то это соответствует членению пропозиционального содержания данного предложения на три части:

1) информацию о том, что кто-то включил радио, которая, по мнению Г, известна также и С. Тем самым эта информация составляет presupпозицию данного предложения (см. раздел 1.4). Более того, эта часть информации контрастивного предложения есть не просто «известное», но и «данное»;

2) информацию об определенном множестве возможных кандидатов на указанную в предложении роль, которая, по мнению Г, должна присутствовать в сознании С. Это тоже элемент «данного», называемый в работах, посвященных данной теме, по-разному: «ситуационное множество», «объемлющее множество», «релевантное множество» и т. п.;

3) информацию о том, какой из кандидатов в действительности выполняет эту роль. Это, конечно, то «новое», что сообщает контрастивное предложение и что составляет ассерцию даного предложения.

Данная категория рассматривается, в частности, в [Николаева 1982]; [Баранов 1984а]; [Баранов 1984б]; [Богуславский 1980]; [Паршин 1983]; [Паршин 1984].

2.2.6. Эмпатия*, или точка зрения

Предложение, отражая некоторую ситуацию, сообщает и о том, в какой степени говорящий эмпатизирует участникам ситуации, иначе говоря, с позиции какого из участников он ее воспринимает. Фокус эмпатии — это тот участник ситуации, через отсылку к которому описываются

* Термин заимствован из психологии.

все остальные участники. Предложения в (16) отличаются друг от друга именно фокусом эмпатии. Аномальность предложения может быть вызвана конфликтом эмпатии, ср. ? *Ее племянник купил красивый букет для своей тети*, где первый участник поименован с позиций тети, а второй — с позиций ее племянника.

2.2.7. Важность

Важность — еще одна категория упаковки, связанная с выделением психологически более важных / менее важных для говорящего аспектов ситуации.

Говорящий, считая тот или иной аспект ситуации более или менее важным, решает, как будет выражен соответствующий пропозитивный компонент семантической структуры. Приоритетность психологически более важных аспектов по сравнению с менее важными отражается в том, что для них избираются более «престижные» средства выражения. При этом иерархия «престижности» средств выражения некоторой смысловой единицы пропозитивного характера может быть представлена следующим образом [Бергельсон, Кибрик 1987: 56]:

независимое предложение > придаточное предложение > оборот > копредикат > определитель > именная группа > служебное слово > грамматическая категория > часть лексического значения слова > 0 (отсутствие формального выражения)

Так, например, предложения (27а) в актуально-процессном значении и (27б) описывают одно и то же положение дел, они логически эквивалентны:

- (27) (а) *Он все еще выступает.*
(б) *Его выступление продолжается.*

Но в (а) в качестве более важного подано то, что некоторая ситуация («он выступает») имеет место в момент речи (именно этот аспект выражен предикатом независимого предложения), а то, что она продолжается, подано как менее важное (выражено служебным словом). В (б), напротив, тот факт, что некоторая ситуация продолжается, как более важный, закодирован предикатом независимого предложения, тогда как ее актуальный характер обладает уже несколько меньшей важностью, и потому ситуация выражена именной группой. Аналогична природа семантических различий между предложениями в (13)–(15).

Рассмотренными семью категориями, возможно, не исчерпывается репертуар понятий, необходимых для описания коммуникативного компонента плана содержания предложения. К этому же ряду относятся и такие традиционные понятия, как *эмфаза* (см. разные трактовки в [Мельчук 1974] и [Янко 1999]), и такие относительно новые коммуникативные противопоставления, как *фон / фигура* (см. [Talmy 1978], [Talmy 1983], а также [Кубрякова и др. 1996]). Одни из них, например, *эмфаза*, несмотря на широкое распространение,

до сих пор не получили четкого общепринятого определения. Другие, например, фон / фигура, явным образом пересекаются с целым рядом противопоставлений, которые были введены ранее, и есть ли у них собственное специфическое содержание — еще только предстоит выяснить.

2.3. Прагматический (иллокутивный) компонент семантики предложения

Пропозициональное содержание предложения — это отображение некоторой ситуации, принадлежащей миру дискурса.

Однако план содержания предложения, помимо отображаемой пропозициональным компонентом ситуации, которую упаковочный компонент подает в определенном ракурсе, содержит и иной тип информации, а именно информацию о говорящем, о его внутреннем состоянии, отношении к собственному высказыванию, к тому, о чем он говорит, к собеседнику и другим аспектам коммуникативной ситуации. Поскольку для отношений между знаком и использующим его человеком имеется специальный термин — прагматика, то можно назвать соответствующий компонент плана содержания предложения прагматическим.

Иногда этот компонент называют иллокутивным, имея в виду понятие иллокутивной силы, или иллокутивной функции высказывания, введенный Дж. Остином — основоположником теории речевых актов (ТРА). ТРА — один из возможных подходов к анализу коммуникативного действия, при котором в центре внимания оказывается **речевой акт (РА)**, понимаемый как произнесение говорящим предложения в определенной ситуации с определенной целью. В ТРА единый РА рассматривается как сложное образование, которое можно анализировать на трех уровнях. При этом существуют некоторые вариации в проведении границ между уровнями. Рассмотрим вариант, предложенный Дж. Серлем — наиболее авторитетным из ныне здравствующих ученых, развивающих данную теорию.

Речевой акт на первом уровне рассматривается как **пропозициональный акт**, т. е. акт обозначения некоторой ситуации, который можно разложить на составляющие его акты двух видов — **акты референции**, т. е. акты обозначения лиц и объектов, участвующих в ситуации, и **акты предикации**, т. е. акты приписывания этим лицам и объектам определенных свойств и / или отношений. Так, употребляя предложение *К Градусову подошел околоточный* мы совершаем пропозициональный акт, состоящий в обозначении соответствующей ситуации, в ходе которого мы совершаем два акта референции — обозначаем одно лицо как Градусова и другое как околоточного, и один акт предикации — мы предиклируем околоточному действию подхода к Градусову. Подчеркнем, что когда речевой акт рассматривается на уровне пропозиционального акта, то мы говорим о его

пропозициональном содержании с учетом коммуникативной «упаковки» этого содержания.

На втором уровне рассмотрение РА трактуется как действие, совершаемое в определенных условиях с определенной целью, которую говорящий доводит до сознания адресата. Речевой акт в его отношении к манифестируемой в нем цели и условиям его осуществления называется **иллокутивным актом (ИА)**. Понятие ИА не имеет строгого определения и поясняется с помощью примеров. Вот как это понятие вводится у Остина. «Чтобы определить, что представляет собой осуществленный иллокутивного акта, следует установить, каким образом мы используем локуцию (\approx пропозициональное содержание — *И. К.*): спрашивая или отвечая на вопрос; информируя, уверяя или предупреждая; объявляя решение или намерение; объявляя приговор, назначая, взывая или критикуя; отождествляя или описывая и т. п.» [Остин 1986: 86]. Если на уровне пропозиционального акта мы выделяем такой компонент семантики предложения, как пропозиция, то на уровне ИА к этому компоненту содержания добавляется новый компонент, называемый иллокутивной силой, или иллокутивной функцией (далее ИФ). Так, иллокутивной функцией предложения *Пойдем сегодня в кино!* в типовом контексте употребления является «предложение», у высказывания *Равняйся!* — иллокутивная функция «команды», у высказывания *Сообщаю вам о том, что ваш доклад включен в программу конференции* — иллокутивная функция «сообщения» и т. д.

Строго говоря, об ИФ можно говорить только применительно к высказыванию, т. е. предложению, рассматриваемому непосредственно в контексте его употребления, а применительно к изолированному от контекста предложению можно говорить только об иллокутивном предназначении или иллокутивном потенциале. Так, в нулевом контексте (и без учета интонации) предложение *Попробуй только!* неоднозначно как в отношении пропозиционального содержания, так и в отношении иллокутивной функции. Два возможных понимания этого предложения представлены в (1):

- (1) 1) 'усиленная просьба' + 'ты попробуешь (некоторое блюдо)';
- 2) 'угроза' + 'если ты попытаешься сделаешь это, у тебя будут большие неприятности'.

При однозначности пропозиционального содержания ИФ предложения *К Градусову подошел околочный* неоднозначна. В реальном употреблении соответствующее высказыванию может иметь функцию сообщения, описания, предупреждения и др. Если же мы рассматриваем данное предложение вне контекста, то мы можем только констатировать, что его иллокутивный потенциал — это либо дизъюнкция указанных ИФ, либо то общее, что их объединяет — репрезентация некоторого фрагмента действительности.

На третьем уровне РА рассматривается в отношении к своим результатам — к тому воздействию, которое он оказал на слушающего и называется перлокутивным актом. Так, употребив предложение *Попробуй только!* с ИФ угрозы мы можем испугать адресата, насмешить его, заставить его ретироваться или, напротив, спровоцировать его на немедленное осуществление его замысла. Изменения, которые РА вызывает в ситуации общения, и в первую очередь в мыслях, чувствах и поведении адресата, называется перлокутивным актом или перлокутивным эффектом РА. Если пропозициональному акту в семантической структуре предложения соответствует такой компонент, как пропозициональное содержание, а иллокутивному акту — такой компонент, как иллокутивное предназначение, то перлокутивный акт по самой своей сути не находится в необходимой связи с планом содержания предложения. Тот или иной перлокутивный эффект может быть достигнут употреблением самых разных по своему значению предложений, и наоборот, употребление одного и того же предложения может вызвать очень разные перлокутивные эффекты в зависимости от обстоятельств, в которых оно употребляется, в частности от характера адресата, его знаний, системы ценностей и т. д. Следовательно, нельзя приписать определенный перлокутивный эффект или даже перлокутивный потенциал предложению в качестве части его семантической структуры.

Следует, правда, оговориться, что имеются такие РА, для которых осуществление иллокутивного акта обязательно влечет за собой осуществление соответствующего перлокутивного акта, т. е. влечет вполне определенный перлокутивный эффект. Это имеет место в случае иллокутивного акта сообщения. ИФ сообщения характеризуется следующей коммуникативной целью — сделать так, чтобы адресат начал иметь некоторую информацию Р. Как только говорящий (Г) манифестирует эту коммуникативную цель в своем РА, т. е. передает слушающему (С) информацию Р, так сказать, под маркой «сообщения», он при нормальных условиях коммуникации автоматически достигает того, что слушающий начинает иметь информацию Р. Совсем иначе обстоит дело в случае иллокутивного акта просьбы. Здесь Г манифестирует в своем РА цель, состоящую в том, чтобы С произвел некоторое действие Д. Манифестация этой коммуникативной цели осуществляется с помощью разнообразных языковых средств, например, с помощью глагола, эксплицирующего ИФ высказывания (так называемого перформативного глагола), например: *Я прошу вас подвинуться*, или с помощью повелительного наклонения и вводного слова *Подвиньтесь, пожалуйста*, или с помощью вопросительно-побудительной конструкции *Вы не подвинетесь?* и т. д. Однако ясно, что никоим образом манифестация цели не ведет автоматически к ее достижению: подвинуться или не подвинуться решает адресат, и его решение будет зависеть от факторов, независимых от значения обращенного к нему предложения, например, от уровня общей культуры адресата, от оценки им ситуации, от реальной возможности подвинуться и т. п.

Итак, в семантической структуре предложения выделяется дополнительный к пропозициональному содержанию компонент — иллокутивный, или прагматический, характеризующий условия употребления этого предложения, и, в первую очередь, — цель, с которой оно используется.

Здесь, конечно, следует отметить, что в грамматической традиции давно была осознана связь формы предложения с той целью, для которой оно обычно используется в речи, и, соответственно, выделялись так называемые типы предложения по цели высказывания, или синтаксические типы. Для русского и ряда других языков по этому основанию выделяются: повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. Цель, свойственная повествовательному предложению, — передача некоторой информации, цель вопросительного предложения — получение информации от адресата, цель побудительного предложения — побуждение адресата к совершению определенного действия. Однако, поскольку при грамматической классификации предложений принимались во внимание только те формальные различия между ними, которые могут быть описаны в терминах морфологии или синтаксиса, а лексический состав предложений не принимался во внимание, то и классификация получилась достаточно грубой. Получается, что предложение отражает своей формой различия только между тремя видами целей употребления. Однако, если принять во внимание не только морфосинтаксический аспект формальной структуры предложения, но и его лексический аспект, т. е. если рассматривать лексико-синтаксическую структуру в целом, то можно увидеть, что форма предложения гораздо точнее указывает на типовые условия употребления, в том числе на типовую коммуникативную цель.

Прежде всего существует особый класс предложений, прямо эксплицирующий иллокутивную функцию высказывания, которое производится с их помощью. Это так называемые перформативные предложения. Основу лексико-синтаксической структуры этих предложений составляет так называемый иллокутивный глагол, т. е. глагол, относящийся к подклассу глаголов говорения и содержащий в своем лексическом значении компонент, указывающий на цель говорения и факультативно указывающий на другие условия осуществления речевого действия, например, *просить, поздравлять, уверять, обещать* и т. п. Чтобы представить себе все многообразие иллокутивных глаголов можно обратиться к построенной на основе ТРА классификации речевых действий Баха—Харниша, приведенной в другой связи в разделе II.6, в которой выделяется подкласс иллокутивных актов и дается их подробная классификация). Однако наличие иллокутивного глагола не является достаточным условием для того, чтобы предложение было перформативным. Иллокутивный глагол должен быть употреблен не описательно, а перформативно, т. е. не для того, чтобы описать некоторую ситуацию в мире дискурса, а для того, чтобы пояснить, какой речевой акт совершает говорящий, употребляя данное предложение.

Семантическая специфика перформативного предложения, его отличие от обычного повествовательного предложения состоит в том, что обычное повествовательное предложение используется с целью репрезентации некоторого положения дел, т. е. с целью описания, сообщения, утверждения и т. п., а перформативное предложение служит не для описания действия, которое совершает говорящий, а для экспликации того, какое именно действие он совершает. Референтом обычного повествовательного предложения, например, *Я помогаю сестре* является некоторая ситуация в мире дискурса, независимая от речевого акта, а референтом перформативного предложения *Я приветствую вас* при нормальном для него употреблении является сам речевой акт его употребления. Говоря короче, перформативное высказывание обладает свойством автореферентности. Обычное повествовательное предложение, будучи употребленным, становится высказыванием, которое можно оценить как истинное или ложное. А к перформативным предложениям в типовом контексте их употребления не применим этот вид оценки. Так, можно сказать, что предложение *Я помогаю сестре* будет в зависимости от реального положения дел в мире дискурса либо истинным, либо ложным (ср. возможные реакции — *Да, это так* или *Нет, это не так*), но мы не можем сказать того же о предложении *Я приветствую вас*. В типичном случае употребления такого предложения не встает вопрос об истинности или ложности того, что говорящий приветствует адресата. Соответствующее высказывание может оцениваться только как уместное или неуместное, но не как истинное или ложное. В этой связи говорят также о самоверифицируемости перформативных предложений, т. е. истинности их в силу самого факта их употребления.

Классическая форма перформативного предложения имеет подлежащее, выраженное личным местоимением 1 л. ед. ч. и согласованное с ним сказуемое в форме индикатива настоящего времени активного залога. Например, *(Я) обещаю вам исправиться*.

Однако еще Дж. Остин указывал, что перформативное употребление не является исключительной привилегией модели предложения с глаголом-сказуемым в названной форме. В [Апресян 1980] и в [Падучева 1985] приводятся целые списки грамматических форм глагола, имеющих перформативное употребление. Для русского языка к вышеуказанной форме можно добавить следующие, отличающиеся от нее по линии любой из входящих в ее описание грамматических категорий: 1) лицо может быть не только 1, но и 3, например, в тексте официального послания глагол в 3 л. «благодарят» употреблен перформативно: *Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации и М. П. Иванова благодарят за приглашение...;* 2) число может быть множественным; 3) время может быть будущим: *Напомню вам, что завтра заканчивается срок подписки;* 4) залог может быть пассивным: *Вы назначаетесь моим заместителем;* 5) наклонение может быть сослагательным: *Я посоветовал бы вам остаться*. Кроме того, для перформативного употребления глагола

не обязательно даже, чтобы он был синтаксической вершиной предложения, ср.: *Хотелось бы поблагодарить выступавших за теплые слова. Спешу поздравить вас с рождением сына* и т. п.

Мы сказали, что основу перформативного предложения составляет иллокутивный глагол, т. е. глагол говорения, в семантической структуре которого имеются компоненты, описывающие цель говорения и ряд других обстоятельств. Здесь следует сказать, что первоначально понятие ИФ фактически отождествлялось со значением иллокутивного глагола, т. е. говорилось, что иллокутивных функций столько, сколько существующих в языке глаголов, обозначающих различные виды действий, осуществляемых в ходе говорения. При этом ИФ трактовалась как семантически неразложимая сущность. Однако, если значение иллокутивного глагола методом компонента анализа можно разложить на семантические компоненты, то точно так же и понятие ИФ следует рассматривать не как нечто неделимое, а как пучок признаков, каждый из которых соответствует одному из условий успешного осуществления РА. Попыткой представить ИФ как набор признаков предпринял Дж. Серль, который выделил ряд семантических компонентов, составляющих ИФ, которые можно принять за основу при выделении типов информации, составляющих прагматический компонент плана содержания предложения (см. [Серль 1986б]). Обобщая результаты его анализа, можно выделить следующие типы информации в составе прагматического (иллокутивного) компонента семантики предложения-высказывания:

- цель речевого акта;
- психологическое состояние говорящего (ментальное, волевое, эмоциональное);
- соотношение социальных статусов говорящего и слушающего;
- связь высказывания с интересами говорящего;
- связь высказывания с остальной частью дискурса;
- связь высказывания с деятельностью в рамках определенных социальных институтов (таких, например, как парламент, суд, церковь);
- стиль осуществления речевого акта.

Данные типы прагматической информации имеют в поверхностной структуре предложения свои показатели, которые можно назвать **иллокутивными показателями**, или **индикаторами ИФ**. Наличие в предложении таких индикаторов определяет его иллокутивное предназначение или иллокутивный потенциал.

Наиболее точным индикатором ИФ является перформативный глагол. Определенную ИФ имеют и так называемые речевые клише, например *Здравствуйте!* (ИФ приветствия, статус адресата не ниже статуса говорящего, стиль нейтральный), *Вон отсюда!* (ИФ требования (покинуть помещение), Г находится в активно-отрицательном эмоциональном состоянии, вызванном действием С). Тип предложения по цели высказывания (повествовательный, вопросительный, побудительный) указывает

только на такой компонент ИФ, как цель говорящего, да и то не точно. Так, побудительное предложение может иметь ИФ разрешения, цель которого — не побуждать адресата к действию, а снять препятствия к его осуществлению. Косвенно уточнению ИФ способствуют модальные слова и частицы (см. [Кобозева 1989]).

Одним из наиболее распространенных способов описания прагматического (иллокутивного) содержания предложения-высказывания является характеристика условий его уместного употребления в речи, называемых в ТРА условиями успешности. Условия успешности делятся на четыре типа: 1) условия пропозиционального содержания, 2) подготовительные, или предварительные условия, 3) условия искренности, 4) существенное условие, или условие назначения. Условия первого типа эксплицируют не саму ИФ, а сочетаемостные требования, которые она накладывает на содержание пропозиционального компонента смысла высказывания. Существенное условие эксплицирует главный компонент ИФ — иллокутивную цель (цель Г, которую он стремится довести до сознания С при помощи своего высказывания). Подготовительные условия отражают объективные и субъективные предпосылки, совместимые с выдвинутым данной иллокутивной целью, т. е. обстоятельства речевого акта, при отсутствии которых он потерпит коммуникативную неудачу (коммуникативный провал). Таким образом, подготовительные условия успешности образуют один из типов имплицитной информации, передаваемой высказыванием, наряду со следствиями и пресуппозициями. Условия искренности отражают внутреннее (психологическое) состояние, которое может быть приписано Г, исходя из предположения об искренности и серьезности данного речевого акта (в отличие от подготовительных условий, нарушение говорящим условий искренности в силу его ненаблюдаемости для адресата непосредственно не влечет за собой коммуникативного провала, хотя и может быть разоблачено в дальнейшем). Так, ИФ обещания может быть эксплицирована в виде следующих условий успешности речевого акта обещания, осуществляемого с помощью высказывания Т (согласно [Searle 1969], [Серль 1986а], см. также [Падучева 1985: 24–25]):

Условие пропозиционального содержания:

Произнося высказывание Т, Г выражает мысль о том, что Г совершит действие Д в будущем.

Подготовительные условия:

1. Г в состоянии совершить Д;
2. С предпочел бы совершение Г действия Д его несовершению, и Г убежден в том, что это так;
3. Ни Г, ни С не считают, что совершение Г действия Д есть нечто само собой разумеющееся.

Условие искренности:

Г намерен совершить Д.

Существенное условие:

Г намерен с помощью высказывания Т связать себя обязательством совершить Д.

С другими способами репрезентации прагматической информации, передаваемой предложением-высказыванием (перформативным анализом Дж. Росса, модальными рамками А. Вежбицкой), можно ознакомиться в разделе 3.5.3, а в главе 4 мы проиллюстрируем понятие условий успешности и способы их репрезентации на конкретном примере описания семантики общевопросительных предложений.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука 1976. 383 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. Пт. 3. С. 152–181.
3. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974. С. 62–67.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. Пт. II, IV, V. 272 с.
5. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. XVII. С. 151–169.
6. Чейф У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. С. 277–316.
7. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова. М., 1996. Пт. 6.1: Модальность в логике и языке.

Глава 3

Семантические метаязыки для описания смысла предложения-высказывания*

В имеющейся литературе термин «метаязык» используется неоднозначно. Его употребление применительно к языкам для описания значений языковых выражений соответствует традиционному философскому и логическому определению метаязыка как «языка, средствами которого описываются и исследуются свойства некоторого другого языка» [ФЭС: 364]. В данном случае описывается такое свойство «языка-объекта», как значения сформулированных на нем предложений. Возникающая при этом многозначность может быть проинтерпретирована следующим образом. Согласно первому пониманию любой язык (например, русский) представляет собой объединение языка-объекта L1 и метаязыка L2, на котором мы говорим об L1 [Карри 1969: 61]. При таком подходе к естественному языку семантический метаязык будет содержать такие выражения, как «значение», «смысл», «денотат», «сигнификат», «утверждение», «пресуппозиция», «синонимия», «противоречие» и т. п. (ср. понимание метаязыка в философии грамматики Г. Рейхенбаха [MacMahon 1976]). В рамках второй интерпретации семантический метаязык противопоставляется языку-объекту как другая знаковая система, позволяющая более непосредственно отразить структуру выражений объектного языка, тем самым выявляя, объективируя ее. Так, упомянутые выше выражения (например, «пресуппозиция», «синонимия» и т. д.) при втором понимании метаязыка будут рассматриваться как выражения языка-объекта, требующие экспликации в терминах соответствующего метаязыка (ср. «Предложение S имеет пресуппозицию P» = 'полагая, что ты знаешь P, я говорю S' [Wierzbicka 1969]).

Значение предложений языка-объекта фиксируется с помощью семантического представления (репрезентации, записи, интерпретации и т. п.), построенного из единиц семантического метаязыка, которое, по замыслу, не только передает то же значение, что и предложение языка-объекта, но и своей формой непосредственно отражает структуру этого значения.

Так, например, значение предложения *Учитель простил ученика за опоздание* на одном из семантических метаязыков передается как «Имея право наказать ученика за опоздание, но не желая каузировать ученику

* В основу данного раздела положен аналитический обзор [Баранов, Кобозева 1983].

неприятное или не считая опоздание достаточно большой виной, учитель отказывается от этого права» [Апресян 1974: 107]. Мы здесь рассматриваем метаязыки только во втором понимании.

Существующие сентенциальные метаязыки отличаются друг от друга по целому ряду параметров, важнейшими из которых являются следующие:

- трактовка «значения (смысла) предложения», для описания которого строится метаязык;
- полнота описания значения предложения средствами семантического языка;
- словарь метаязыка;
- синтаксис (грамматика) метаязыка;
- типы информации, отражаемые средствами метаязыка.

Сравнение существующих метаязыков позволяет выявить целый ряд особенностей их организации и определить общие тенденции развития этой области лингвистической семантики, связав ее с важнейшей сферой приложения лингвистических знаний — созданием компьютерных систем с элементами искусственного интеллекта, умеющих строить и понимать тексты на естественном языке.

3.1. Тип значения, для описания которого используется метаязык: лингвистическое или логическое значение?

Значение выражений ЕЯ изучает не только лингвистика, но и логика. При этом логики вкладывают в такие понятия, как «семантика», «значение языкового выражения», «денотат» содержание, существенно отличное от того, которое до сих пор связывают с этими понятиями большинство лингвистов, занимающихся семантикой. Для логики значение (\neq смысл) предложения ЕЯ есть условие его истинности. С точки зрения логики цель семантического описания (интерпретации) предложения ЕЯ состоит в том, чтобы сформулировать условия истинности последнего относительно некоторой модели мира. «Семантика, не изучающая условий истинности, не может быть семантикой», — пишет Д. Льюиз [Льюиз 1983: 253]. Такой взгляд на значение разделяют с логиками лингвисты, принадлежащие к направлению формальной семантики (см. раздел 1.1.4), по мнению которых «знать значение предложения значит знать, каким должен быть мир, если это предложение истинно» [Partee 1996: Lecture 1].

Для прочих лингвистов значение любой единицы языка, в том числе и значение (= смысл) предложения — это концептуальная, ментальная сущность — «отображение предмета (действия, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной связи его с определенным звучанием,

в котором оно реализуется» [Ахманова 1969: 160]. Лингвиста, как правило, интересует не установление связи «выражение» — «(действительный) мир» через понятие истинностного значения, а выявление отношений между выражениями, возможными в данном языке, и теми значениями, которые с их помощью могут быть выражены. Одному и тому же значению может соответствовать в ЕЯ несколько разных выражений (синонимия), а одному и тому же выражению — несколько разных значений (полисемия и омонимия). Цель семантического описания в лингвистике — сопоставить любому выражению на ЕЯ другое выражение на том же языке или специально созданном для этой цели искусственном языке, по форме которого можно было бы судить об осмысленности описываемого выражения (его семантической правильности), о тех парадигматических (синонимических, гипонимических, антонимических и т. д.) отношениях, в которые оно вступает с другими выражениями в системе языка, о синтагматических отношениях, которые могут связывать его с другими выражениями в тексте.

Указанное различие лингвистического и логического понимания значения соответствует проводимому вслед за У. Куайном делению семантики на внутреннюю (слабую) и внешнюю (сильную) [Quine 1973]. Семантические метаязыки, разрабатываемые логиками и лингвистами для описания сильной семантики предложения, строятся на основе тех или иных языков логики, в последнее время — интенциональной логики [Льюиз 1983], [Montague 1974]. Семантические метаязыки, используемые в лингвистике для описания слабой семантики предложения, в основном сводятся к двум типам — языку исчисления предикатов с теми или иными расширениями и языку семантических сетей (графов).

Вообще говоря, логический и лингвистический семантический анализ ЕЯ имеют один и тот же, хотя и многоаспектный, объект, и цели их не противоречат друг другу, а скорее, дополняют одна другую. Это положение хорошо согласуется с представлениями, лежащими в основе анализа предложения в системах искусственного интеллекта, — в рамках процедурного описания семантики план содержания высказывания рассматривается как последовательность операций над его структурой, при декларативной интерпретации — как результат преобразований его структуры, фиксирующийся в модели мира [Виноград 1976, Попов 1982]. И в первом, и во втором случае значение предложения оказывается существенно ближе лингвистическому пониманию и не связывается с истинностью. Однако процедуры верификации и, в частности, определение соответствия поступающей новой информации данным из модели мира (проще говоря, оценка истинности-ложности сообщения) составляют существенную часть современных интеллектуальных систем [Petőfi 1973; Steedman, Johnson-Laird 1980].

Многие языковеды, осознав, что полное описание значения невозможно без учета сильной семантики, теперь ставят своей целью создание

синтетических семантических описаний, учитывающих не только лингвистический, но и логический аспект значения, или, по крайней мере, таких описаний, которые можно было бы «состыковать» с логическими [Крейдли, Рахилина 1981]. Безусловно правы те, кто подобно известному лингвисту-семасиологу Дж. МакКоли считают, что можно дать такой анализ плана содержания языкового выражения (в частности, предложения), который удовлетворит и целям лингвиста, и целям логика [McCawley 1981]. Однако по сей день эти цели обслуживаются существенно разными семантическими метаязыками. Поскольку сильная семантика развивается преимущественно в рамках генеративной лингвистики, в центре внимания которой изначально находился синтаксис предложения, ее метаязыки предназначены для описания той части плана содержания предложения, которая выражается грамматическими средствами (синтаксической структурой, служебными и местоименными словами). Иначе говоря, они эксплицируют вклад грамматики в семантику предложения, не подвергая анализу его лексический состав. Поэтому отношения синонимии между предложениями типа (1a) и (1б), или отношения противоречия между каждым из этих предложений и предложением (1в):

- (1) (а) *Похолодание привело к смерти черепах*¹⁾.
 (б) *Черепахи умерли из-за понижения температуры воздуха.*
 (в) *Причиной смерти черепах было потепление.*

не получают в таких языках объяснения. Напротив, метаязыки слабой семантики разрабатывались преимущественно для нужд описания лексического значения. С их помощью можно объяснить семантические отношения между предложениями в (1), но было бы бесполезно искать в них ответа на вопрос, каковы условия истинности предложений в (1) и какой вклад в эти условия вносят те выражения, из которых эти предложения состоят. В настоящее время приобретает особую актуальность проблема соединения достижений двух указанных направлений семантики и создания семантического метаязыка, с помощью которого можно было бы объяснять и условия истинности предложения и его семантические отношения с другими предложениями (см. об этом [Partee 1996: Lecture VI]).

3.2. Все ли в значении предложения может и должно фиксироваться средствами семантического языка? (К вопросу о полноте семантического описания)

Отношение к этой проблеме делит лингвистов-теоретиков на два лагеря. Одни постулируют в качестве конечной цели семантического описания отражение всех семантических свойств языкового выражения,

¹⁾ Пример взят из [Апресян 1995: 14].

т. е. выявление его языкового значения во всей полноте. Выражение семантического метаязыка, сопоставляемое исследуемому предложению, по их мнению, должно задавать необходимые и достаточные условия для правильного употребления этого предложения. Между выражением языка-объекта и его описанием на метаязыке ставится (или подразумевается) знак равенства, означающий, что значение исходного предложения полно и точно отражается в его семантическом представлении. В крайнем случае используется знак приближительного равенства, указывающий на то, что семантическое представление точно и полно отражает семантические свойства предложения на нынешнем этапе их познания. Такую позицию занимают семасиологи, работающие в рамках таких направлений, как «Смысл \leftrightarrow Текст» (см., например, [Апресян 1974]; [Апресян 1995]; [Богуславский 1980]), «порождающая» и «интерпретирующая» семантика (см., например, [Bellert 1969]; [Karttunen 1970]; [Fodor 1975], а также создатель «языка мысли» А. Вежбицка [Wierzbicka 1972]; [Wierzbicka 1980]).

Другая точка зрения состоит в том, что в семантическом представлении могут быть отражены только необходимые условия его правильного использования. В этом случае между исходным предложением и его представлением на семантическом метаязыке ставится или мыслится знак логического следования. Такое понимание было реализовано в ряде интеллектуальных систем, ориентированных на получение дополнительной информации из текста путем преобразования его предложений (выявление следствий, пресуппозиций, синонимичных конструкций и т. д.). Так, в теории концептуальной зависимости Р. Шенка значением каждого «элементарного действия» (типа MOVE «двигать часть тела», PROPEL «применить силу к», GRASP «схватить физический объект» и др.) считается то множество выводов, которые могут быть истинными при его выполнении ([Шенк 1980]; [Shank, Abelson 1977]), см. также систему, описанную в [McGalla 1978]).

Применительно к описанию значений слов при первом подходе постулируется возможность полного (без остатка) разложения (декомпозиции) значения на элементы смысла (единицы семантического метаязыка), а при втором подходе допускается неполная декомпозиция, и семантика слова описывается с помощью постулатов значения [Карнап 1959], задающих необходимые условия для употребления данного слова (подробнее см. раздел II.5.3).

Сравнительные достоинства и недостатки этих подходов рассмотрены, например, в [Bach, Harnish 1982: 138–148].

3.3. Словарь метаязыка

Словари существующих семантических метаязыков можно сравнивать в различных аспектах. Начнем с такого аспекта, как соотношение словаря метаязыка со словарем языка-объекта. Здесь можно выявить следующие три случая:

I. Извлечение словаря метаязыка из словаря языка-объекта. Метаязыки такого типа удовлетворяют принципу естественности элементов метаязыка, восходящему к Г. В. Лейбницу [Лейбниц 1983]. Принцип естественности требует, чтобы в метаязыке использовались только слова объектного языка (в одном из своих значений, если это слово в ЕЯ многозначно). В частности, в семантических репрезентациях запрещается использование переменных, кванторов, связок и других символов языка формальной логики. Данный принцип был последовательно реализован в исследованиях А. Богуславского [Boguslawski 1970] и А. Вежицкой [Wierzbicka 1972]. Так, в Естественном семантическом метаязыке (ЕСМ) А. Вежицкой вместо переменных используются местоимения КТО-ТО, ЧТО-ТО, вместо логических кванторов — местоимения НЕКОТОРЫЕ, ВСЕ.

II. Пересечение словаря метаязыка со словарем языка-объекта. Основная часть словаря метаязыка формируется из слов описываемого естественного языка, отобранных таким образом, чтобы внутри метаязыка они не имели синонимов и использовались каждое ровно в одном значении. Но при этом в словарь могут включаться инородные элементы, воплощающие такие единицы смысла, которые не имеют в ЕЯ удобного и однозначного способа выражения. Примером такого метаязыка является поверхностно-семантический язык, предлагаемый в [Апресян 1980], в словаре которого допускается присутствие придуманных слов типа *каузировать*, однословно выражающего весьма частотную смысловую единицу, в русском языке выражаемую словосочетанием *делать так, чтобы имело место*.

III. Полное несовпадение словарей метаязыка и языка-объекта. Такое положение дел декларируется во многих существующих сентенциальных метаязыках, поэтому в их словари могут входить такие «слова», как переменные, операторы, кванторы, и связки языка логики предикатов; знаки плюс и минус из языка арифметики; слова других ЕЯ (ср., например, возможность использования слов латинского или английского языка в качестве имен семантических единиц, в терминах которых будет описываться смысл русских предложений); разного рода аббревиатуры слов и словосочетаний языка-объекта (ср., например, семантические предикаты PTRANS от *physically transport* «физически перемещать» или MBUILD, произведенный от *mentally build* «мысленно строить» из языка теории концептуальной зависимости Р. Шенка [Шенк 1980]); придуманные слова типа *каузировать*. Однако на практике существенно большая часть единиц словаря и в этом типе семантических метаязыков «рекрутируется» из слов языка-объекта²⁾. Чтобы в такой ситуации метаязыковые единицы не смешивались со словами языка-объекта используются определенные

²⁾ «Семы можно обозначить соответствующими русскими словами (уточнив, где надо, их смысл)» [Мельчук 1974: 73].

нотационные конвенции. Так, например, в вариантах семантического метаязыка, используемых лингвистами, стоящими на платформе модели «Смысл \leftrightarrow Текст» (см., например, [Мельчук 1974]; [Апресян 1974]; [Апресян и др. 1978]; [Богуславский 1980], несопадение семантического элемента 'X' и «одноименного» с ним слова ЕЯ X отражается в нотации использованием для них различных шрифтов и обрамлением выражений на семантическом метаязыке особыми кавычками.

Второй аспект, по которому различаются словари метаязыков, — это степень семантической сложности / элементарности входящих в них единиц по сравнению с выражениями объектного языка. Все создатели и разработчики современных семантических сентенциальных метаязыков исходят из того, что семантические единицы должны быть проще, чем значения выражений языка-объекта, которые с их помощью эксплицируются (см., например, [Мельчук 1974], [Леонтьева 1981], [Wierzbicka 1980]). Иначе и быть не может, поскольку цель всякого объяснения (экспликация) состоит в сведении сложного к чему-то более простому и в идеале самоочевидному. Только при таком подходе семантические метаязыки могут служить инструментом для объяснения семантических отношений между предложениями в семантической теории языка, что, в свою очередь, необходимо для решения задач прикладной семантики, например, для автоматизации таких процедур, как логический вывод по тексту, поиск в тексте ответа на заданный вопрос, поиск скрытых в нем противоречий и т. п.

Максималистским вариантом ограничения степени сложности семантических единиц является требование включать в метаязык только элементарные, далее не разложимые единицы — атомы, примитивы. Подобный максимализм характерен для создателей универсального семантического языка, подобного ЕСМ А. Вежбицкой. Ю. Д. Апресян, называя такой язык глубинно-семантическим, солидарен с А. Вежбицкой в том, что словарь этого языка должен состоять «исключительно из *indefinibilia*» [Апресян 1995: 22], т. е. единиц, которые не могут быть определены с помощью каких бы то ни было более простых элементов. Попытки реализации этого принципа при разработке семантических метаязыков вызвали ряд более или менее обоснованных критических откликов (см., например, [Котелова 1974]; [Котелова 1975]; [Парти 1983]). Прежде всего, вызывает сомнения безоговорочная категоричность в выборе тех или иных семантических единиц в качестве «первозлементов». Дело в том, что даже в рамках общей теории языка на уровне базовых единиц смысла неизбежна конкуренция за «право» той или иной единицы быть избранной в качестве элемента и войти в состав метаязыка (см. об этом [Шатуновский 1996: 13]). Вместо того, чтобы принимать в таких случаях произвольное решение, правильнее признать принципиальную вариативность возможного выбора метаязыковых элементов и существование ненаправленных (от более простого, базового представления к более сложному, производному от базового) синонимических

соотношений (ср. [Падучева 1974: 11]). Это лишь одна их причин, по которой в семантических метаязыках, не претендующих на универсальность, требование обязательной элементарности единиц словаря снимается (см., например, концепцию поверхностно-семантического языка, служащего для описания национальной семантики, в [Апресян 1980]). Тем более неприемлемым является это требование для словарей семантических метаязыков, разрабатываемых в рамках систем искусственного интеллекта, осуществляющих семантический анализ текстов на ЕЯ. В таких системах степень семантической сложности семантических единиц и, соответственно, состав словаря метаязыка прямо зависят от моделируемой проблемной области. «Система ИИ — пишет Э. В. Попов, — в перспективе не должна иметь фиксированных базовых понятий, их состав должен меняться в процессе функционирования системы, т. е. то, что вчера было атомом, сегодня может приобрести внутреннюю структуру» [Попов 1982: 85].

Еще одна причина отказа от обязательной элементарности единиц метаязыка состоит в следующем: если строго соблюдать требование использовать в семантическом представлении предложения только атомы-примитивы, то в общем случае получаемые таким образом описания семантики предложения оказываются чрезмерно усложненными. Усложнение синтаксической структуры семантического представления, неизбежно сопровождающее повышение степени элементарности «слов» метаязыка и выражающееся в нагромождении конструкций семантических элементов, хорошо иллюстрирует пример описания А. Вежбицкой плана содержания сентенциальной формы (2):

- (2) $X - \text{мать } Y =$ « X относится к Y таким образом, как некто относится к кому-нибудь еще, чье тело было однажды в теле этого некто (и могло рассматриваться как часть тела этого некто, становящаяся телом другого человеческого существа), потому что было время, когда тело Y было в теле X и могло рассматриваться как тело, становящееся телом другого человеческого существа» [Wierzbicka 1980: 49].

Репрезентации подобной степени сложности, будучи вполне оправданными при решении чисто теоретических проблем, не всегда удобны для оперирования ими в прикладных целях. Так, в системах ИИ, «понимающих ЕЯ», чрезмерная «дробность» семантических элементов может затруднить поиск необходимой информации, ибо «чем мельче атомы, тем длиннее запись информации, выраженной в этих атомах, и тем сложнее сопоставить ее с внутренними знаниями» [Попов 1982: 85] (см. также [Шенк 1980]). Для того, чтобы избежать усложненности семантических описаний, требования к степени элементарности единиц метаязыка ослабляют, удовлетворяясь не максимальной, а лишь относительной их простотой по сравнению с интерпретируемым выражением.

Третий аспект вариативности существующих метаязыковых словарей, коррелирующий со вторым, — это количество единиц словаря.

Парадоксальным образом этот, казалось бы, чисто формальный признак позволяет многое узнать о степени разработанности того или иного семантического метаязыка и о состоянии дел в этой области лингвистической семантики. Анализ литературы показывает, что статус синтаксических метаязыков в большинстве семантических теорий таков, что количество единиц их словарей не определено, хотя и предполагается, что оно существенно меньше количества слов языка-объекта (например, для поверхностно-семантического языка МСТ это соотношение уточняется как «на два порядка меньше» [Апресян 1995: 22], т. е. счет идет на тысячи). Только в универсальном ЕСМ А. Вежбицкой список исходных семантических элементов в каждый данный момент фиксирован, хотя и меняется с течением времени. По состоянию на 1980 г. в нем выделялось 13 семантических примитивов (см. [Вежбицка 1983]), а к концу 90-х гг. он вырос до 60 единиц. Приводимый ниже словарь семантических примитивов дан в его русскоязычной версии, выполненной самой А. Вежбицкой, и в том виде, в котором он представлен в работе [Wierzbicka 1999] — в виде списка, упорядоченного по тематическому принципу:

Субстантивы: Я, ТЫ, КТО-ТО, ЧТО-ТО, ЛЮДИ, ТЕЛО.

Детерминаторы: ЭТОТ, ТОТ ЖЕ, ДРУГОЙ.

Квантификаторы: ОДИН, ДВА, НЕКОТОРЫЕ, МНОГО, ВСЕ.

Атрибуты: ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ.

Ментальные предикаты: ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ.

Речь: СКАЗАТЬ, СЛОВО, ПРАВДА.

Действие, событие, движение: ДЕЛАТЬ, СЛУЧАТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ.

Существование и обладание: ЕСТЬ / СУЩЕСТВОВАТЬ, ЕСТЬ / ИМЕТЬ.

Жизнь и смерть: ЖИТЬ, УМЕРЕТЬ.

Логические понятия: НЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ, МОЖЕТ, ПОТОМУ ЧТО, ЕСЛИ.

Время: КОГДА, ТЕПЕРЬ, ПОСЛЕ, ДО, ДОЛГО, КОРОТКО, НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ.

Место: ГДЕ, ЗДЕСЬ, НАД, ПОД, ДАЛЕКО, БЛИЗКО, СТОРОНА (например, с этой стороны), ВНУТРИ.

Интенсификатор, аугментор: ОЧЕНЬ, БОЛЬШЕ.

Таксономия, партономия: РОД, ЧАСТЬ.

Сходство: КАК (ТАК КАК).

Факт подобных колебаний в количественном и качественном составе метаязыка говорит сам за себя. Построение универсального семантического языка, с помощью которого можно было бы эксплицировать отношения синонимии между предложениями всех естественных языков, — грандиозная задача, предполагающая семантическое описание наиболее важных пластов лексических, грамматических и просодических

средств в типологически различных языках мира, представляющих разные культурные ареалы. Это отнюдь не означает, что попытки создания «алфавитов человеческой мысли» преждевременны. Следует только сознавать, что пока речь идет о более или менее правдоподобных гипотезах, нуждающихся в эмпирической проверке. Понимая это, А. Вежбицкая со своими последователями разработали и осуществляют программу семантико-типологических исследований, направленных на проверку универсальности предполагаемых единиц ЕСМ (Goddard, Wierzbicka 1994).

Конечны, хотя и значительны по объему, словари метаязыков, используемых для записи семантических (концептуальных, информационных) представлений в интеллектуальных системах, предполагающих автоматический семантический анализ текстов на ЕЯ. Однако в этом случае фиксация словаря — следствие не теоретической установки, а прикладного характера систем, обслуживающих, как правило, ограниченную предметную область [Шенк 1980]; [Schank, Abelson 1977].

3.4. Синтаксис (грамматика) метаязыка

Синтаксис, или грамматика семантического языка в самом общем смысле — это совокупность средств, с помощью которых элементы его словаря объединяются в правильно построенные семантические представления. Степень развитости синтаксических средств, используемых в метаязыке, так же как и состав его словаря, определяется требуемой степенью полноты отражения и глубины анализа значения предложения, что в свою очередь зависит от той задачи (теоретической или прикладной), для решения которой этот метаязык предназначен.

«Нулевым» вариантом синтаксиса можно считать простую конкатенацию (соположение) единиц словаря метаязыка, которые в отличие от слов языка-объекта не подразделяются на лексико-грамматические категории. В этом случае семантическое представление предложения имеет вид цепочки «слов» метаязыка, порядок следования которых зависит от чисто внешних причин (удобство, порядок слов в описываемом предложении и т. п.). Такие семантические представления появляются в качестве промежуточных результатов в простейших системах автоматического аннотирования, когда в ходе анализа текста всем информационно существенным словам предложения приписываются их толкования, представляющие собой наборы семантических элементов (дифференциальных признаков, компонентов и т. п.). Простая последовательность таких наборов и будет в рассматриваемом случае правильно построенным семантическим представлением предложения.

Более сложные метаязыки имеют в своей основе грамматику, предполагающую деление семантических единиц на синтаксические категории, своего рода «части речи» метаязыка. Любой метаязык для описания смысла предложения (кроме самых элементарных, типа тех, о которых

мы только что упомянули) содержит (хотя бы имплицитно) по меньшей мере две категории «слов» — предикаты, или функторы, и термы. В языках сетевого типа предикатами можно считать единицы, из которых выходит хотя бы одна стрелка отношений (зависимостей), а термами — единицы, из которых не может выходить ни одна стрелка. Метаязыки, основанные на исчислении предикатов, в дополнение к указанным двум категориям имеют категории кванторов, операторов и связок (см. раздел 2.1.2). Метаязыки, имеющие в основе ту или иную версию категориальной грамматики Айдукевича [Ajdukiewicz 1935]³⁾, имеют две базовых категории, например, имя (n), и пропозицию (p), и множество производных категорий, рекурсивно порождаемых из базовых по следующему правилу:

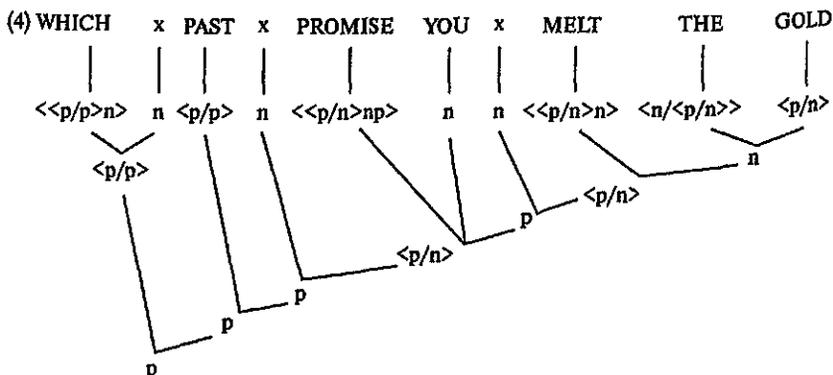
— если c_0, c_1, \dots, c_k — категории, то $\langle c_0/c_1, \dots, c_k \rangle$ — категория k -местного функтора, который на основе аргументов, относящихся соответственно к категориям c_1, \dots, c_k строит сложную единицу, относящуюся к категории c_0 .

Так, в семантическом метаязыке, применяемом в формальной семантике, для описания смысла предложения на уровне так называемой «логической формы» (LF), вскрывающей вклад грамматической структуры в значение предложения, LF предложения (3):

(3) *Who promised you to melt the gold?*

‘Кто обещал вам расплавить золото?’

в [Бирвиш 1988: 111] представлена в виде дерева непосредственных составляющих:

В терминальных, т. е. не подлежащих дальнейшему разложению, узлах этого дерева мы видим семантические единицы, являющиеся либо

³⁾ Категориальная грамматика используется преимущественно в метаязыках формальной семантики. Примером применения аналогичной формальной грамматики в отечественной лингвистике является аппликативная грамматика С. К. Шаумяна [Шаумян 1974].

константами (и тогда они представлены прописными буквами), либо переменными в обычном логическом смысле (представлены строчными буквами). Константы отображают целостные узуальные значения слов, составляющих предложение. Каждая терминальная и нетерминальная составляющая данного дерева НС принадлежит к определенной грамматической категории. Так, семантическая единица — переменная x , принимающая значения из области сущностей, имеющих в мире дискурса, принадлежит к категории n ; семантическая единица — константа PAST ('время, предшествующее моменту речи') принадлежит категории $\langle p/p \rangle$ (аналог категории операторов в языке логики предикатов), неэлементарная семантическая единица — составляющая MELT THE GOLD принадлежит категории $\langle p/n \rangle$ (аналог категории одноместных предикатов в языке логики предикатов).

Еще одним аспектом грамматических различий между семантическими метаязыками, помимо разницы в составе имеющих в них лексикограмматических категорий, является соотношение между инвентарями синтаксических средств метаязыка и языка-объекта. Здесь возможно два случая:

I. Извлечение синтаксиса метаязыка из синтаксиса языка-объекта. В синтаксисе метаязыка может использоваться только определенная часть синтаксических конструкций ЕЯ. Таков по замыслу ЕСМ А. Вежбицкой и метаязык толкований в толковых и синонимических словарях, как традиционных, так и новейших (см., например, [НОССРЯ 1997]).

II. Полное несовпадение синтаксиса метаязыка с синтаксисом языка-объекта. Система синтаксических средств метаязыка может не иметь ничего общего с системой синтаксических средств языка-объекта. При этом синтаксические средства метаязыка либо заимствуются из логики, например, из исчисления предикатов первого порядка (см. уже упомянутые работы Дж. Лакоффа, Дж. МакКоли и др. представителей «порождающей семантики», а также ряд исследований в рамках модели «Смысл \leftrightarrow Текст») или систем интенциональной логики (см. работы в русле грамматики Монтегю, например, [Парти 1983]), либо принимается определенный инвентарь семантических отношений (зависимостей), с помощью которых из элементов словаря метаязыка строятся семантические сети или деревья, репрезентирующие смысл предложения (см., например, язык для описания значений, разработанный в рамках системы англо-русского машинного перевода З. М. Шаляпиной [Шаляпина 1979], языки, используемые в системах ИИ [Скрэгг 1983]).

Следующее основание для сопоставления касается метаязыков сетевого типа, т. е. таких, в которых «слова» метаязыка, называемые элементарными семантическими единицами (ЭСЕ) представляются как узлы сети, а связывающие их семантические отношения (СО) изображаются в виде стрелок, или направленных дуг. Для таких языков оказывается существенным вопрос о способах репрезентации СО, рассмотренный

З. М. Шаляпиной [Шаляпина 1980]. Используется ли для задания СО (всех или части) особые символы, или же СО задаются путем отсылки к «словам» метаязыка, имеющим в своих описаниях валентности, которые указывают на их способность вступать в данные СО с другими элементами? В зависимости от ответа на этот вопрос различается два разных типа метаязыков:

1) Метаязыки, в которых имеется ограниченный набор СО, снабжаемых специальными именами (пометами), символизирующими содержание отношения. Примером такого набора, используемого полностью или частично, во многих системах семантической репрезентации предложения, может служить предложенный Ч. Филлмором инвентарь из семи «глубинных падежей», включающий такие отношения, как «агентив», или «агенс» (СО, связывающее действие с его одушевленным инициатором), «инструмент(алис)» (СО, связывающее ситуацию с неодушевленной силой или предметом, который включен в нее в качестве причины ее возникновения) и др. (см. [Филлмор 1981]). Многие авторы используют более детализированные списки СО для описания семантики предложения. Так, В. В. Богданов предлагает четырнадцать типов семантических функций [Богданов 1977]. Ю. Д. Апресян различает двадцать пять семантических валентностей на уровне связей между целостными значениями слов в предложении [Апресян 1973], [Апресян 1974], указывая при этом, что они могут быть в результате семантической декомпозиции, или атомизации значения выражений сведены к восьми элементарным СО (ЭСО) между ЭСЕ, которые он называет элементарными значениями [Апресян 1974: 78]. Так, СО начальной и конечной точки могут быть выведены из ЭСО места [там же]. В системах понимания ЕЯ количество СО, как правило, несколько больше — порядка тридцати общих и большое количество частных, т. е. специфических для конкретных глаголов (см., например, [Taylor, Rosenberg 1975]). Проблемы, возникающие при определении инвентарей СО, мы рассматривали в разделе II.7.1.

2) Метаязыки, в которых не существует никакого особого списка СО с фиксированным содержанием и где каждое СО полностью идентифицируется с помощью того «слова» метаязыка, которое имеет валентность на данное СО, а также номером этой валентности. В качестве примера можно привести тот вариант языка СемП в МСТ, который предложен в [Мельчук 1974] и позднее использован в [Апресян 1980], а также язык, разработанный для системы англо-русского машинного перевода АРМАС З. М. Шаляпиной. В последнем единственным СО, помечаемым с помощью семантически содержательного символа является СО «отождествления». Наличие этого СО между двумя «словами» метаязыка означает, что объект, событие или другой факт, описываемый результирующим выражением, входит одновременно в оба родовидовых класса, задаваемых двумя связанными этим СО «словами». Все прочие СО

обозначаются в виде стрелки зависимости, помеченной индексом номера валентности на данное СО, которая исходит из ЭСЕ. Так, отношение «быть одушевленным инициатором» трактуется как отношение, соответствующее 1-й валентности семантической единицы ‘действие’ и представляется в виде ‘действие’ $\xrightarrow{1}$ [Шаляпина 1979: 37]. Естественно, что подобный подход предполагает, что в семантическом представлении предложения любой глагол активного действия должен отражаться в «атомизированном» виде, чтобы в явном виде была представлена входящая в его значение родовая сема ‘действие’.

В работе З. М. Шаляпиной [Шаляпина 1980] доказывается, что в силу своей меньшей избыточности, языки последнего типа ближе к идеальному языку семантического представления, чем язык, использующий фиксированный набор именованных СО, но при этом не отрицается, что выбор того или иного способа задания СО может быть продиктован соображениями удобства в пользовании при решении конкретных исследовательских задач.

Независимо от способа задания содержания отношений в синтаксисе метаязыка, существует определенная зависимость между составом словаря метаязыка и количеством СО в его синтаксисе. Чем элементарнее семантические единицы, тем меньше разновидностей СО требуется в его синтаксисе. Так, в универсальном глубинно-семантическом языке, состоящем из ЭСЕ-атомов, среди которых нет предикатов с количеством мест более двух, достаточно двух актантных отношений, а в национально-специфическом поверхностно-семантическом языке, в словаре которого имеются предикаты с большим числом мест, требуется уже 5–6 актантных СО [Апресян 1980: 23]. Конкретный пример роста числа СО, сопровождающего повышение степени семантической сложности словарных единиц метаязыка, рассматривался в разделе II.7.1 (ср. отношение Адресата, возникающее при введении в словарь метаязыка единиц со значением каузации информационного процесса, типа ‘сообщать’).

3.5. Метаязыковые средства для отражения различных аспектов смысла предложения-высказывания

Семантические исследования последнего времени привели к расчленению плана содержания предложения на ряд компонентов, различающихся по типу информации, для каждого из которых потребовалось разработать соответствующие метаязыковые средства (ср., например, двухкомпонентную концепцию семантического представления в модели «Смысл \leftrightarrow Текст» [Мельчук 1974] и восьмикомпонентную структуру смысла предложения в модели текстообразования, разрабатываемой А. Е. Кибриком [Кибрик, Нариньяни 1987: 53–54]). Ниже мы дадим

по необходимости весьма краткий и фрагментарный обзор метаязыковых средств, которые используются для описания компонентов плана содержания предложения, рассматриваемых в главе 2, имея своей целью первичное ознакомление читателя с вариантами смысловой записи, своего рода «семантической транскрипции», встречающейся в специальной литературе по семантике.

Сразу же следует оговориться, что существующие семантические метаязыки различаются спектром тех типов информации, которая может быть эксплицирована с их помощью. Можно сказать, что каждый метаязык соответствует определенной степени глубины понимания смысла высказывания. Известно, что понимание смысла предложения-высказывания может иметь различную глубину в зависимости от целого ряда факторов (знания языка, конкретной ситуации общения, целей и задач реципиента сообщения, фонда его знаний и т. д.). Чем имплицитнее тот или иной компонент информации, чем глубже он «запрятан», тем сложнее операции, требуемые для его выявления (например, необходимость привлечения знаний о ситуации, собеседнике, о правилах ведения коммуникации и т. д.), тем он менее очевиден и менее осознаваем носителем языка. Это является объективной основой для построения языков смысла, ориентированных на разную степень глубины экспликации семантики предложения-высказывания.

3.5.1. Пропозициональный компонент в метаязыковом представлении

Пропозициональный компонент предложения-высказывания непосредственно соотносится с описываемым «положением дел», «ситуацией» в мире дискурса. Его характерной чертой является «портретирование, воспроизведение фрагментов действительности» [Арутюнова 1976: 34] при одновременном абстрагировании от коммуникативных («упаковочных») и прагматических аспектов содержания предложения.

В случае утверждений именно пропозициональный компонент отвечает за истинностное значение предложения-высказывания. Не случайно одним из основных типов метаязыков для представления пропозиционального содержания предложения являются метаязыки, заимствованные из логики, которые строились для формализации процессов «правильного» умозаключения, т. е. приводящего к истинному выводу на основе истинных посылок. Это языки логических исчислений, из которых первоначально использовался язык исчисления предикатов первого порядка с теми или иными расширениями, а в последнее время — язык интенсивной логики. При этом пропозициональный компонент содержания предложения представляется в виде формулы, состоящей из единиц словаря семантического метаязыка и построенной по правилам грамматики (синтаксиса) языка некоторого логического исчисления. Основные категории этой грамматики для метаязыка, базирующегося на исчислении предикатов, мы уже охарактеризовали в разделе 2.1. Это термины

(константы и переменные), предикаты, операторы, кванторы и связки. В качестве примера использования такого метаязыка приведем запись пропозиционального содержания предложения (5а) в виде формулы (5б)⁴⁾:

- (5) (а) *Аляска больше Техаса.*
 (б) (ι x: ВЕЛИЧИНА (АЛЯСКА, x)) (ι y: ВЕЛИЧИНА (ТЕХАС, y))
 ПРЕВОСХОДИТЬ x, y

где ι — оператор определенной дескрипции (см. ниже 3.5.2). Словами эта формула читается приблизительно так: 'То, что есть величина Аляски, превосходит то, что есть величина Техаса'.

При другом способе описания пропозициональное содержание предложения представляется в виде семантической сети (графа или дерева) — множества семантических единиц из словаря метаязыка, связанных дугами (стрелками), отражающими семантические отношения между этими единицами. Разные варианты сетевого способа репрезентации семантической структуры предложения отличаются друг от друга тем, насколько содержательными могут быть в данном метаязыке сами по себе семантические отношения. Как указывалось в разделе 3.4, это отражается в том, помечаются ли стрелки отношений именами, указывающими на интерпретацию этих отношений (например, агенс, бенефициант, исходная точка и т. п.), или же они просто нумеруются как первое или второе аргументное место при соответствующей семантической единице. В качестве примера использования сетевого метаязыка приведем запись пропозиционального содержания предложения (6а) в виде дерева (6б) (адаптация примера из [Апресян 1995а: 78]).

- (6) (а) *Аня вешает картину на стену.*

В большинстве случаев оба способа представления позволяют с одинаковой степенью точности и однозначности отразить семантические свойства анализируемых предложений. Так, пропозициональный компонент предложения (5а) можно представить не только в виде логической формулы (5б), но и в виде эквивалентного ей семантического графа (7), а дерево (6б) — в виде эквивалентной ему формулы (8):

⁴⁾ Перевод примера из книги Дж. МакКоли [McCawley 1981: 7.3.1, 7.3.3].

- (8) $(\iota x: \text{АНЯ } x)(\iota y: \text{КАРТИНА } y)(\exists z: \text{СТЕНА } z) \text{КАУЗИРОВАТЬ } (x \text{ ВИСЕТЬ } y, z).$

Но при этом есть такие явления и такие цели их описания, для которых один из указанных способов оказывается предпочтительнее другого. Сравнительные достоинства метаязыков исчисления предикатов и семантических сетей подробно обсуждаются в работе Г. Скрэгга [Скрэгг 1983], к которой мы и отсылаем заинтересованного читателя. Здесь же мы ограничимся сопоставлением данных метаязыков только в одной, хотя и очень важной области, — в том, какими средствами в них отражается референциальный аспект пропозиционального содержания.

3.5.2. Метаязыковые средства для отражения референциального аспекта пропозиционального содержания

Для отражения в семантическом представлении высказывания референциального аспекта его семантики в конкретных теориях языка и моделях его описания применяются разные метаязыковые средства.

В системах репрезентации, основанных на том или ином логическом языке, референциальные статусы (РС) именных групп предложения (см. раздел 2.1.3.1) отражаются с помощью особой синтаксической категории семантических единиц — кванторов. Так, определенный конкретно-референтный РС отражается с помощью введенного Б. Расселом для описания семантики определенных дескрипций квантора ι , называемого йота-оператором, или оператором определенной дескрипции. Универсальный РС репрезентируется с помощью квантора общности \forall . Квантор существования \exists , в зависимости от сферы действия, может отражать как неопределенный конкретно-референтный РС, так и не-референтный экзистенциальный РС. Так, например, неоднозначность английского предложения (9):

- (9) *Every man loves a woman.*

два разных значения которого передаются двумя русскими его переводами (10):

- (10) (а) *Каждый мужчина любит какую-нибудь женщину.*
 (б) *Все мужчины любят какую-то (одну и ту же) женщину.*

вызвана референциальной неоднозначностью ИГ *a woman*. При переводе на семантический метаязык, основанный на исчислении предикатов,

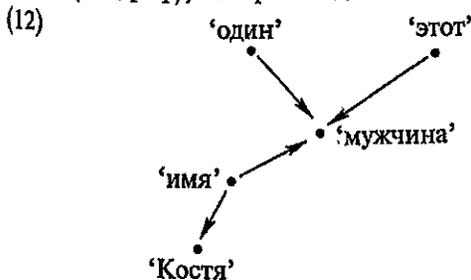
интерпретация (10а), предполагающая нереферентный экзистенциальный РС ИГ *a woman*, будет отражена формулой (11а) с узкой сферой действия квантора \exists , а интерпретация (10б), предполагающая неопределенный конкретно-референтный РС ИГ *a woman*, — формулой (11б) с широкой сферой действия квантора \exists :

(11) (а) $(\forall x) [MAN\ x] (\exists y) [WOMAN\ y] [LOVE\ x\ y]$

(б) $(\exists y) [WOMAN\ y] (\forall x) [MAN\ x] [LOVE\ x\ y]$

Кроме стандартных логических кванторов лингвисты при необходимости вводят в семантические метаязыки новые кванторы. Так, И. Беллерт вводит квантор Ref для отражения неопределенного конкретно-референтного РС при интродуктивном употреблении ИГ [Беллерт 1978].

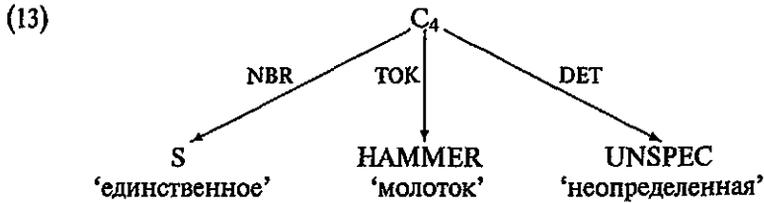
В метаязыках сетевого типа РС ИГ отражаются с помощью подмножества элементарных семантических единиц (ЭСЕ) из словаря и подмножества элементарных семантических отношений (ЭСО) из синтаксиса данного метаязыка. Так, в МСТ, как можно судить на основании примеров СемП, приводимых в [Мельчук 1974], референциальным признакам ИГ соответствуют одноместные (одновалентные) ЭСЕ, связываемые с ЭСЕ, отражающими ее сигнификативные признаки, стрелками неинтерпретируемых отношений. Так, ИГ *Костя*, которая в предложении *Костя удалось победить* имеет РС, характеризующийся признаками определенности и единичности, в СемП соответствует часть семантического графа (подграф), воспроизводимая нами в (12):

Очевидно, что ЭСЕ ‘один’ соответствует референциальному признаку единичности, а ЭСЕ ‘этот’ — признаку определенности.

Иначе обстоит дело в сетевых метаязыках, используемых для записи смысла предложений в различных системах автоматического анализа текста, где в кодировании референциальной информации участвуют не только особые семантические единицы, но и особые семантические отношения. Семантические репрезентации предложений, используемые в таких системах, отражают его референциальные характеристики различными формальными средствами, например, разграничением различных видов узлов семантической сети (ср. узел-экземпляр (token) vs узел-тип в [Скрэгг 1983: 232–233]), а также введением семантических отношений,

отображаемых в виде стрелок, помечаемых именем соответствующего референциального признака. В качестве примера рассмотрим, как представлена в одной из систем семантика ИГ *a hammer* в предложении *John broke the window with a hammer* 'Джон разбил окно молотком', где она имеет РС конкретно-референтный неопределенный. Репрезентация, приводимая в (13), показывает, какую информацию несет четвертая по счету единица анализа, которой соответствует некий референт в мире анализируемого дискурса (C_4):

где NBR — 'число', TOK — 'быть экземпляром', DET — 'детерминация'.

Мы видим, что понятие референциального статуса в этом метаязыке отражается с помощью семантических отношений (NBR, DET), задающих тот или иной референциальный параметр, и семантических единиц, задающих значения таких параметров. Для того, чтобы выразить с помощью семантических сетей различие между двумя интерпретациями предложения типа (9) *Every man loves a woman* необходимо, чтобы набор ЭСЕ, обслуживающих сферу референции, был достаточным для различения двух возможных РС ИГ *a woman*, например, включал бы такие единицы, как 'определенный', 'неопределенный', 'конкретный', 'неконкретный'. Тогда прочтение (10а) однозначно представляла бы структура, в которой семантическое отношение детерминации (ср. DET в (13)) связывало бы референт ИГ с ЭСЕ 'неконкретный', а прочтение (6б) — структура, в которой в отношении детерминации с референтом той же ИГ находилась конъюнкция ЭСЕ 'конкретный & неопределенный'.

Таким образом то референциальное семантическое различие, которое в метаязыке исчисления предикатов может быть отображено средствами его синтаксиса, в языке семантических сетей требует расширения его словаря. Это еще один аспект взаимозависимости этих двух компонентов метаязыка в дополнение к тем, о которых говорилось в разделе 3.4.

3.5.3. Метаязыковые средства для репрезентации коммуникативного (упаковочного) компонента

Коммуникативный (упаковочный) компонент семантики предложения, рассмотренный в разделе 2.2, включает в себе сведения о том, каким образом пропозициональное содержание предложения должно встраиваться в те информационные структуры, которые присутствуют в момент речи в текущем сознании и / или в памяти коммуникантов. Для отражения информации такого рода метаязык должен содержать те или

иные средства членения пропозиционального содержания предложения на части, соответствующие коммуникативным категориям темы и ремы, данного и нового, прагматической пресуппозиции и ассерции, а также средства маркировки разного рода «фокусов» (контраста, эмпатии, внимания) и т. п. коммуникативных категорий, связанных с положением высказывания в тексте, с ситуацией общения, с точкой зрения говорящего на описываемую ситуацию, с его собственным фондом знаний и представлением о знаниях адресата. В целом следует отметить неравномерность метаязыковой оснащенности различных категорий «упаковки», отражающую степень их исследованности.

Не удивительно в этой связи, что более всех остальных разработана в метаязыковом отношении самая «старая» из коммуникативных оппозиций — актуальное, или теморематическое членение предложения. Средства, используемые в разных метаязыках для экспликации членения пропозиции на тему (логический субъект) и рему (логический предикат), можно разделить на два типа.

К первому типу относятся специальные маркеры темы и ремы, приписываемые соответствующим фрагментам семантического представления (графа или формулы). Так, в метаязыке МСТ, описанном в [Мельчук 1974], фрагменты семантического графа, отображающего пропозициональное содержание предложения, помечаются ярлычками темы (L) и ремы (R), которые, в отличие от самого семантического графа, принадлежат к особому компоненту семантического представления — компоненту «коммуникативной организации смысла» (КОС).

Ко второму типу относятся семантические единицы (или конфигурации из таких единиц), которые стоят в одном ряду с прочими метаязыковыми единицами и входят в качестве обязательного элемента в состав правильно построенного семантического представления предложения, будь то семантическая формула, подобная логической, или семантическая сеть. Так, О. Далем на основе языка исчисления предикатов был предложен метаязык, в котором использовались некоторые свойства материальной импликации. Считалось, что на глубинном уровне все предложения ЕЯ имеют предикат импликативного характера, причем посылкой этого предиката является тема, а заключением — рема [Dahl 1969]. И. М. Богуславский вводит в семантическую структуру предложения «предикат актуального членения» 'ТО, что X ЕСТЬ Y' (где X — тема предложения, Y — его рема, а «то», «что» и «есть» следует воспринимать не как самостоятельные семы, а как части единого семантического элемента) и объясняет с его помощью семантическое различие между предложениями с нейтральным и противопоставительным отрицанием [Богуславский 1986: 73–81]. На его семантическом метаязыке значение предложения (14) с нейтральным отрицанием будет представлено в виде (15):

(14) *Коля не спит* (не подразумевается: «а делает что-то другое»).

(15) 'ТО, что Коля делает, ЕСТЬ не спит'

а значение предложения (16) с противопоставительным отрицанием будет представлено в виде (17):

- (16) *Коля не спит* (подразумевается: «а делает что-то другое»).
 (17) 'ТО, что Коля делает, не ЕСТЬ спит'.

Таким образом, многочисленные коммуникативные, семантические и синтаксические различия в свойствах между двумя данными видами отрицания объясняются тем, попадает ли «предикат актуального членения» в семантическую сферу действия отрицания или же остается за ее пределами.

В формальной семантике (см., напр., Jackendoff 1972) теморематическое членение предложения отражается с помощью семантического оператора λ (лямбда-оператора), превращающего пропозициональную форму φ , содержащую переменную ν в одноместный предикат $\lambda\nu [\varphi\nu]$. Членение пропозиционального содержания предложения на тему и рему производится следующим образом: СЕ-рема извлекается из пропозиции и заменяется на переменную. Полученная таким образом пропозициональная форма связывается лямбда-оператором. Результирующее выражение служит репрезентацией темы предложения. Семантическое представление предложения складывается из двух указанных составляющих: тематической и следующей за ней рематической. Так, предложения (18а) и (18б), поверхностно различающиеся только своей линейно-интонационной структурой, а семантически — только актуальным членением, с помощью оператора λ представляются в виде (19а) и (19б) соответственно:

- (18) (а) *Иван встречает Машу.*
 (б) *Машу встречает Иван.*
 (19) (а) λx [Встречать (Иван, x)] (Маша)
 (б) λx [Встречать (x , Маша)] (Иван)

В ЕСМ А. Вежбицкой актуальное членение пропозиционального содержания (вводимого в модальной рамке 'я говорю') осуществляется путем введения в семантическое представление модальной рамки 'думая о', в которую «упаковывается» дублируемая тематическая часть пропозиции, в то время как рема не получает специальной маркировки [Wierzbicka 1972, 1980]. Пример, иллюстрирующий использование этого метаязыкового средства, можно найти в главе 4, где мы покажем, как с его помощью может быть эксплицировано семантическое различие между двумя типами общевпросительных предложений.

Еще одна коммуникативная оппозиция, нашедшая отражение в семантических метаязыках — это членение пропозиционального содержания на пресуппозиционную и ассертивную части (см. раздел 1.4). Данное противопоставление первоначально имело чисто логическую интерпретацию, в соответствии с которой пресуппозиция — это часть смысла предложения, истинность которой составляет необходимое условие его

осмысленности, т. е. возможности приписать ему истинностное значение («истинно» или «ложно»). Уже при таком понимании в семантическом представлении предложения предусматривалось выделение пресуппозиций в особый компонент. Так, в теории «порождающей семантики», как она изложена Дж. Лакоффом, семантическая репрезентация (SR) предложения определяется следующим образом:

$$SR = (P, PR, \text{Тор}, F, \dots),$$

где P — содержание предложения (без расчленения на асертивную и пресуппозиционную части), PR — конъюнкция пресуппозиций, Тор — тема предложения, F — фокус предложения, а знак многоточия показывает, что в дальнейшем, возможно, понадобится маркировать в семантической репрезентации и какие-то другие категории [Лакофф 1981: 306–307].

В некоторых семантических метаязыках асертивный и пресуппозиционный компоненты СемП снабжаются соответствующими ярлыками. Так, на метаязыке, построенном Ч. Филлмором для семантического описания глаголов оценочного суждения, СемП предложения (20) имеет (в интересующем нас аспекте) вид (20'):

(20) *Билл обвиняет Джона в случившемся;*

(20') асерция: 'Билл говорит, что Джон несет ответственность за то, что случилось';

пресуппозиция: 'Билл считает, что то, что случилось — плохо'.

Эта смысловая запись самой своей формой показывает, какие семантические следствия выводят носители языка из содержания как самого данного предложения, так и его общего отрицания (*Билл не обвиняет Джона в случившемся*).

Аналогичным способом может маркироваться членение на асерцию и пресуппозицию, и при его коммуникативной трактовке, когда (прагматическая) пресуппозиция рассматривается как информация, которая, по мнению говорящего, известна слушающему (см. раздел 2.2.4). Однако для прагматической пресуппозиции было предложено и специфичное именно для нее метаязыковое средство. Так, в *lingua mentalis* А. Вежбицкой асертивный и пресуппозитивный статусы частей СемП предложения маркируются с помощью особых компонентов смысла, именуемых модалными рамками. Асерция подается «вставленной» в модалную рамку 'знай', или 'я говорю', а прагматическая пресуппозиция — в рамку 'я полагаю, что ты знаешь / понимаешь'. Так, предложению (21) сопоставляется СемП (22):

(21) *Он нашел всего три белых гриба.*

(22) 'Знай, что он нашел три белых гриба; я полагаю, что ты понимаешь, что это мало'.

Использование концептов, выделявшихся в коммуникативном компоненте плана содержания высказывания, в интеллектуальных системах ограничивается почти исключительно оппозицией «данное-новое» (см., например, [Isard, Longuet-Higgins 1978]; [Longuet-Higgins 1972];

[Steedman, Johnson-Laird 1980]). Однако имеются примеры учета и других коммуникативных категорий. Так, в системах ИИ используется понятие пресуппозиции, необходимое для выявления имплицитной информации, содержащейся в высказывании, и автоматизации логического вывода по тексту, а также для моделирования представлений говорящего о слушающем — важнейшем факторе, влияющем на процесс коммуникации (см., например, [Engelcamp, Zimmer 1983], [Shank, Abelson 1977], [Steedman, Johnson-Laird 1980: 122–134]). Э. В. Попов подчеркивает важность анализа контекста при моделировании процесса обработки сообщения на ЕЯ. Контекст высказывания в этом случае понимается как множество ограничений, «фиксирующих внимание на тех понятиях, которые встречаются в дискурсе» [Попов 1982: 277]. Влияние контекста проявляется в направленности «фокуса внимания», «дифференцирующего знания по степени релевантности» [там же: 278]. Основное назначение фокуса внимания в интеллектуальных системах, использующих представление знаний, состоит в ограничении поиска информации на основе концептов, обсуждающихся в данной ситуации общения и представляющих интерес для ее участников (ср. также использование фокуса внимания для анализа анафорических конструкций в [Hendrix 1975]). В системе Э. В. Попова фокус внимания отражается в концептуальном представлении в виде «фокусных пространств».

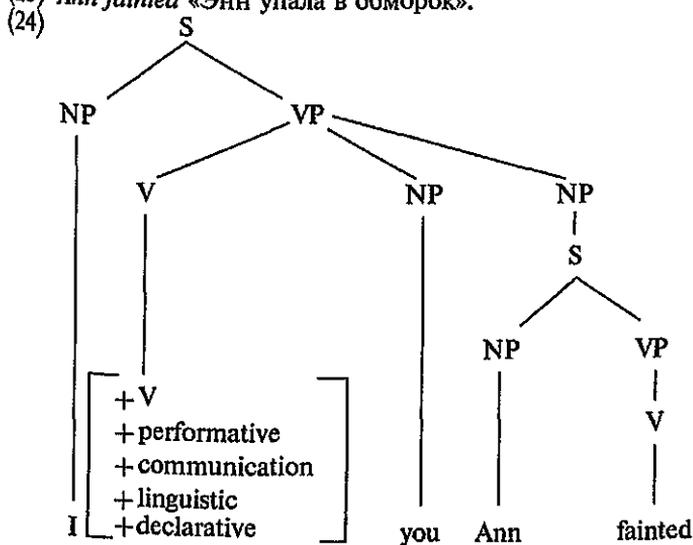
3.5.4. Метаязыковые средства для репрезентации прагматического (иллокутивного) компонента семантики предложения-высказывания

Пропозициональное содержание не исчерпывает собой информацию, передаваемую высказыванием. В ее состав обязательно входит прагматический компонент, основу которого образует иллокутивная функция высказывания, отражающая целевую направленность и ряд других характеристик речевого акта (см. раздел 2.3). Именно прагматический (иллокутивный) компонент плана содержания превращает пропозицию в утверждение, вопрос, приказание, благодарность, угрозу и т. п. Иллокутивная функция (ИФ) есть свойство высказывания, т. е. предложения, употребленного в речи, в дискурсе. Пожалуй, наиболее теоретически обоснованный и вместе с тем достаточно удобный метаязык описания иллокутивного компонента смысла высказывания предлагает теория речевых актов, где ИФ высказывания эксплицируется в виде определенным образом организованного набора условий его успешности (см. раздел 2.3). Сами условия имеют вид предложений на естественном языке, формулируемых с использованием достаточно простых и однозначных слов, отображающих различные аспекты коммуникативной ситуации и внутреннее (психологические) состояния говорящего: говорящий (Г), слушающий (С), делать, считать, быть в состоянии, быть выше / ниже по своему социальному статусу и т. п.

В большинстве семантических теорий объектом исследования является изолированное предложение. В этом случае вместо иллокутивной функции следует говорить об иллокутивном предназначении (далее — ИП) предложения. Отражение в семантическом представлении предложения его ИП предусмотрено в ряде метаязыков.

Так, в порождающей семантике ИП предложения отражалось в его семантической репрезентации в виде ее главного предиката, первым аргументом которого является семантический элемент, отображающий говорящего ('I'), вторым — семантический элемент, отображающий слушающего ('you'), и третьим — пропозициональное содержание предложения. В этом суть так называемого «перформативного анализа», впервые предложенного и обоснованного Дж. Россом [Ross 1970] (см. также [Дейвисон 1986], [Sadock 1974]). Так, например, значение повествовательного предложения (23) в [Schreiber 1972] представлено деревом (24):

(23) *Ann fainted* «Энн упала в обморок».

В (24) предикат, отражающий ИП предложения (23), представлен набором дифференциальных синтаксических и семантических признаков: [+ глагол, + перформативный, + коммуникация, + языковая, + декларативный]. В других работах того же направления предикаты, репрезентирующие ИП, считаются элементарными единицами семантического метаязыка и предполагается, что набор их ограничен. Так, ИП императивных предложений передается предикатом REQUEST «просить, требовать», вопросительных — ASK «спрашивать» и т.д.

В *lingua mentalis* А. Вежбицкой, так же, как и при перформативном анализе, ИП отражается в семантической репрезентации предложения

в виде некоей надстройки над структурой, отражающей его пропозициональное содержание, а именно — составляет часть содержания «модальной рамки», в которую вставлена пропозиция. Здесь разные виды ИП не считаются «семантическими примитивами», а представляются в виде конфигураций, состоящих из более простых единиц. Например, смысл вопросительного предложения (25) репрезентирует толкование (26):

(25) *Что случилось?*

(26) 'Желая, чтобы ты путем говорения этого сделал так, чтобы я знал, что случилось, я говорю: я хочу знать, что случилось'

где пропозициональное содержание отражает компонент 'что случилось', а вся надстройка над ним (модальная рамка) эксплицирует ИП вопроса [Вежбицка 1986: 261].

Завершая наш выборочный обзор метаязыковых средств для описания семантики предложения-высказывания, мы вынуждены констатировать, что целый ряд коммуникативно-прагматических категорий, теоретически выделенных в смысловой структуре предложения, взятого изолированно или в дискурсе, пока не получили соответствующей «метаязыковой поддержки», например эмпатия (см. раздел 4.2), импликатура дискурса (см. [Грайс 1985], [Падучева 1977]), персонализация [Шмелева 1984]. Оценивая перспективы использования теоретических концептов, лежащих в основе существующих сентенциальных метаязыков лингвистической семантики, в компьютерном моделировании процесса общения на ЕЯ, следует подчеркнуть, что к настоящему времени реализован далеко не весь имеющийся здесь потенциал. Фактически, в большинстве реально работающих программ моделируется лишь сравнительно небольшая часть выделяемых в лингвистической семантике особенностей структуры ЕЯ и закономерностей его использования в процессе коммуникации [Steedman, Johnson-Laird 1980]. Устранение пробелов, препятствующих осуществлению полного интегрального описания семантики предложения-высказывания, становится насущной задачей как теоретической лингвистики, так и ее приложений.

Мы рассмотрели не все возможные параметры различия между существующими семантическими сентенциальными метаязыками. Так, остались в стороне степень их психологической адекватности, или реальности, их целевая направленность и перспективы использования. Однако несмотря на ограниченный список использовавшихся при сравнении параметров, оно выявляет положение дел и основные тенденции развития этой важной области лингвистической семантики.

Что касается оценки имеющихся метаязыков, то она по сути своей не может быть однозначной, поскольку подавляющее большинство из них (даже чисто теоретических) имеют вполне определенную целевую направленность, а язык, эффективный при решении одних задач, может оказаться неэффективным для других областей применения. Как показывает анализ литературы, практически, все существующие сентенциальные

метаязыки постоянно развиваются и ощущается необходимость в разработке все новых «языков смысла». Поэтому мы не разделяем негативных оценок сущности и функций семантических метаязыков, высказанных некоторыми учеными (см., например, [Севбо и др. 1983]). Какой бы ни была степень психологической реальности семантических метаязыков, их использование необходимо для описания структуры ЕЯ. Совершенствование семантических метаязыков оказывается связанным с расширением сферы их использования — с необходимостью семантического описания новых пластов лексики, синтаксических конструкций, аспектов значения предложения, с моделированием связанных с языком интеллектуальных способностей человека в человеко-машинных системах. С другой стороны, решение проблемы общения с компьютером на естественном языке невозможно без учета опыта построения сентенциальных метаязыков, накопленного в лингвистической семантике.

Глава 4

Конкретный пример: семантическое описание общевопросительных предложений русского языка*

Семантика вопросительных предложений (ВП) активно исследуется в последние годы на материале различных языков с применением разнообразных методов и инструментов семантического описания [Белнап, Стил 1981]. Наибольшую ценность как для теоретической, так и для прикладной лингвистики представляют те исследования, в которых семантическое описание этого типа предложений строится с целью дать объяснение фактам его употребления в тексте (или дискурсе). В ходе исследований, имеющих указанную ориентацию, была выработана общая концепция семантики ВП, которую мы рассмотрим в данной главе на материале русских общевопросительных предложений (ОВП), т. е. предложений, предполагающих ответ «да» или «нет». Однако не все аспекты этой концепции являются в равной степени разработанными. Особенно нуждается в обосновании введение в семантическое представление ВП так называемого «исходного предположения», или «установки» [Kiefer 1977]. В литературе уже высказывалось мнение о важной роли категории исходного предположения для описания общих вопросов русского языка [Падучева 1981]. Действительно, сам факт многообразия форм общих вопросов в русском языке при их логической эквивалентности, свидетельствует о том, что их значение не сводится к логико-семантической основе 'сделай так, чтобы я знал Р или не Р', что оно богаче.

Нет, пожалуй, такого описания семантики ОВП, в котором не указывалось бы, что они имеют различные оттенки значения, связанные с предположениями и ожиданиями говорящего. Что это за предположения, каковы они для каждого формального типа ОВП? К сожалению, имеющиеся описания не дают готового ответа на эти вопросы. Содержащиеся в них сведения о семантике ОВП недостаточно четко соотносены с их формальной классификацией. Суждения о значении того или иного формального типа подчас прямо противоположны (например, в [Русская грамматика 1980: 388] ОВП с отрицанием *не* и частицей *ли* характеризуются как содержащие неуверенное предположение, а в [Лобанова 1971] —

* В основу данного раздела положено исследование [Баранов, Кобозева 1983].

«предположение с оттенком уверенности»). Толкования значений даются в столь свободной форме, что это затрудняет проверку их правильности. По тем же причинам на основе таких толкований трудно объяснить отмеченные в ряде работ ограничения на сочетаемость модальных слов с некоторыми типами ОВП [Никитин 1949]; [Малюткина 1966]; [Русская грамматика 1980] и различия в наборе так называемых вторичных функций, т. е. не собственно вопросительных употреблений у ОВП с разными исходными предположениями. Например, они не помогают понять, почему ОВП с частицей *ли* могут выступать в качестве названия статьи, доклада или дискуссии (ср. *Есть ли жизнь на Марсе?*), а ОВП без *ли* так не используются (ср. **Есть жизнь на Марсе?*).

4.1. Семантическая структура общевпросительного предложения (ОВП) и ее отражение в семантическом представлении

4.1.1. О первичной и вторичной функциях вопросительных предложений

Необходимость различения первичной и вторичной функции ВП (см., например, [Русская грамматика: 384, 395] вытекает из многообразия типов речевых актов, которые осуществляются с помощью данного грамматического типа предложения. Речь по сути идет об иллокутивных функциях (ИФ, см. раздел 2.3). Первичной иллокутивной функцией ВП является выражение вопроса. Вопрос — тип речевого акта, характеризующийся следующими условиями успешности (см. [Searle 1969]; [Падучева 1981]):

- 1) условие пропозиционального содержания — пропозициональное содержание вопросительного предложения — произвольное суждение или пропозициональная форма;
- 2) подготовительные условия:
 - (а) говорящий не знает ответа;
 - (б) ни для говорящего, ни для адресата не очевидно, что адресат сообщит нужную информацию, не будучи спрошен;
 - (в) адресат знает ответ;
- 3) условие искренности — говорящий хочет знать ответ;
- 4) условие назначения — данный акт рассматривается как попытка говорящего получить информацию от адресата.

ВП считается употребленным в первичной функции, если соблюдены все условия успешности речевого акта вопроса. При видимом нарушении в ситуации речевого общения одного или нескольких из условий (2)–(4) ВП выступает в одной из своих вторичных ИФ (утверждения, экзаменационного вопроса, просьбы, выражения сомнения, удивления

и т. п.)¹⁾. Когда описывается семантика ВП не как структурной схемы предложения, а как коммуникативной единицы с определенной иллюкативной функцией, в толкование ВП, кроме пропозиционального содержания, принято вводить компоненты, отражающие ИФ и соответствующие условиям успешности (2)–(4), например, ‘не зная Р или не Р’, ‘желая знать Р или не Р’ и т. п. В предлагаемых ниже семантических представлениях ОВП эту часть информации, передаваемую вопросом в его первичной функции, мы опускаем, чтобы не загромождать изложения. В тех случаях, когда речь идет о вторичных функциях, в тексте указывается, с нарушением каких условий успешности (2)–(4) связана соответствующая функция. Далее везде, где это специально не оговорено, ВП рассматриваются в их первичной функции.

4.1.2. Структурно-семантическое единство вопроса и ответа

Вопрос, выражая требование информации, одновременно является «инструкцией» слушающему по построению ответа, т. е. структура вопроса и структура допустимого ответа на этот вопрос взаимосвязаны. С учетом такой взаимосвязи строится как семантическая типология вопросов, так и выделение в семантическом представлении вопроса качественно различных частей или зон смысла.

4.1.3. Общее строение семантического представления вопроса

В семантике вопроса выделяются следующие компоненты.

Главный компонент, состоящий из показателя ИФ и пропозициональной части.

Показатель ИФ вопроса. Большинство исследователей трактует вопрос как разновидность побуждения — побуждения слушающего к сообщению нужной говорящему информации (ср., однако, иную точку зрения в [Wierzbicka 1980]). Следуя этой традиции, мы будем отражать ИФ вопроса в толковании в виде показателя ‘сделай так, чтобы я знал’.

Пропозициональный компонент. Пропозициональный компонент любого вопроса задает множество альтернатив, выбор одной из которых ведет к ответу на вопрос. «Альтернативы либо явным образом задаются в вопросе, либо описываются путем отсылки к... матрице, где под последней имеется в виду предложение, в котором на местах имен стоят переменные» [Белнап, Стил 1977]. Указанное различие способов задания альтернатив приводит к разбиению вопросов на два класса: альтернативные (*Он живет в Москве или в Ленинграде?*) и специальные, или частные

¹⁾ Вторичные функции ВП с позиций теории речевых актов рассматриваются в работе [Кобозева 1988]. Далее для краткости мы будем называть вопросительное предложение вопросом, не опасаясь омонимии с вопросом как типом речевого акта, так как контекст обычно допускает только одно понимание.

(*Где он живет?*). Разновидностью альтернативного вопроса является общий вопрос (ОВ), пропозициональная часть которого представляет собой дизъюнкцию двух пропозиций, одна из которых является отрицанием другой²⁾.

Для ОВ характерно отражение в поверхностной структуре только одной альтернативы (ср. *Он живет в Москве?*). Мы будем представлять пропозициональную часть вопроса в виде дизъюнкции пропозиций: 'Р или не Р'. Таким образом, главный компонент семантического представления (интерпретации) ОВ имеет вид 'сделай так, чтобы я знал, Р или не Р'.

Тематический компонент. Данный компонент вводится в семантическое представление вопроса для отражения актуального членения ОВ на тему (логический субъект) и рему (логический предикат).

Показатель темы. Следуя А. Вежбицкой, мы будем использовать особый семантический предикат 'думая о' для экспликации темы высказывания. Субъектом этого предиката является говорящий, объектом — содержание темы. Так, высказывание *Суп остыл* может иметь различную тему в зависимости от контекста. В случае, когда оно, например, служит ответом на вопрос *Ну как там суп?*, оно имеет тему 'думая о супе'. В случае, когда оно употребляется при обсуждении вопроса о том, какое блюдо остыло, оно имеет тему 'думая о том, что остыло', и наконец, если оно служит ответом на вопрос *Почему он не стал есть суп?*, то темой его естественно считать 'думая о причине, по которой он не стал есть суп'. С точки зрения формы это высказывание в каждом из указанных случаев будет иметь особую интонацию.

Содержание темы. В случае ОВ содержанием темы является некоторое мыслимое положение вещей, которое является неопределенным в том или ином отношении, и именно эту неопределенность говорящий стремится устранить, задавая вопрос. В ОВ, произносимых без контрастного ударения, мыслимое положение вещей неопределенно только в плане его соответствия действительности (истинность vs ложность). В этом случае содержанием темы является пропозиция вопроса Р со снятой утвердительностью: 'думая о том, Р ли'. Например, вопрос *Они уехали?* при обычной интонации имеет тему 'думая о том, уехали ли они'. В ОВ с контрастным ударением (ниже составляющая предложения, несущая контрастное ударение, выделяется жирным шрифтом) мыслимая ситуация неопределенна в том смысле, что один из ее актантов не конкретизирован, а именно: имеется некоторое ограниченное множество объектов, каждый из которых в принципе мог бы претендовать на данную роль. Иными словами, пропозиция, отражающая некоторую ситуацию, содержит переменную, областью определения которой является указанное множество. Содержанием темы подобных вопросов мы будем считать это множество объектов

²⁾ Ряд лингвистов считает, что ОВ не является разновидностью альтернативного вопроса, ср., например, мнение Д. Болинджера в [Bolinger 1978]. Мы в дальнейшем занимаемся анализом только ОВ.

и записывать его следующим образом: 'думая о множестве тех..., которые...'. Например, вопрос *Первым казнят оружейника Просперо?* имеет тему 'думая о множестве тех, кто мог бы быть казнен первым'. Тема ОВ с контрастивностью тождественна теме соответствующих специальных вопросов (например, *Кого казнят первым?*).

Тематический компонент толкования вопросов предполагает отражение в толковании и ремы вопроса. Таковым является главный компонент толкования, в связи с чем он будет вводиться показателем ремы 'я говорю'. Итак, главный компонент толкования вопроса без контрастивности с учетом актуального членения будет иметь вид: 'думая о том, Р ли, я говорю: сделай так, чтобы я знал, Р или не Р', а для вопроса с контрастивностью — 'думая о множестве тех Х, для которых могло бы быть верно Р, я говорю: сделай так, чтобы я знал Р(А) или не Р(А)'.³⁾

Пресуппозиционный компонент. В пресуппозиционный компонент вопроса входит та часть информации, которую сохраняет любой допустимый ответ на этот вопрос (в том числе и отрицательный). Это те содержащиеся в вопросе суждения, которые адресат, по мнению говорящего, должен считать истинными [Jackendoff 1979]. Пресуппозиционный компонент представляет собой набор пресуппозиций, каждая из которых состоит из показателя пресуппозиционности 'полагая, что ты знаешь' и пропозиции. Например, в пресуппозиционный компонент вопроса *Закончил ли он реферат?* входит пресуппозиция 'полагая, что ты знаешь, что он пишет реферат'. Ниже мы опускаем пресуппозиционный компонент семантического представления общего вопроса, так как эта часть смысла не влияет на выбор того или иного формального типа ОВ (см. ниже).

Установочный компонент. Как указывалось выше, установочный компонент, содержащий так называемое «исходное предположение» вопроса, — наименее исследованная часть смысла ВП. Это те ожидания говорящего, на фоне которых он задает свой вопрос, и которые, как будет показано ниже, проявляются в выборе формы ОВ³⁾. В этом смысле не совсем точным является утверждение О. Есперсена о том, что «...несущественно, как формулируется вопрос — положительно или отрицательно: *Is John rich?* или *Is John not rich?* — это полные синонимы, поскольку подлинный вопрос двусторонен: *Is John rich or not?*» [Есперсен 1958: 374]. Критерий отграничения установки от пресуппозиции состоит в том, что первая, в отличие от последней, сохраняется только при положительном (подтверждающем) ответе на вопрос и отвергается при отрицательном. Установка отражает субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию вопроса. Как будет показано ниже,

³⁾ Как свидетельствуют данные психологии, познание мира осуществляется человеком на основе усвоенных им внутренних схем, которые видоизменяются в ходе познавательной деятельности [Найссер 1981]. В этом смысле вопрос, как одно из средств получения новых знаний, отражает своей формой внутреннюю схему, которую спрашивающий сопоставляет с действительностью.

в случае ОВ это отношение может иметь два аспекта — эпистемический (оценка сравнительной вероятности альтернатив) и аксиологический (оценка альтернатив в терминах хорошо / плохо или желательно / нежелательно).

Условие успешности вопроса — «спрашивающий не знает ответа». То, что это условие не противоречит возможности аксиологической установки — очевидно. Менее очевидно то, что оно не исключает многообразия эпистемических установок. Для того, чтобы квалифицировать отношение говорящего к пропозициям 'Р' или 'не Р' как 'незнание' вовсе не обязательно, чтобы у него не было никаких предположений относительно того, какая из альтернатив имеет место в действительности. Ср. *Я не знаю, он ли написал мне это письмо, но почти уверен в том, что это так.* Итак, условие 'незнания спрашивающим ответа', вполне совместимо с предположениями спрашивающего о том, каким именно будет этот ответ.

Установочный компонент ОВ в общем случае представляет собой набор установок, каждая из которых состоит из субъективно-модального показателя и пропозиции. В отличие от пресуппозиций, имеющих одну и ту же субъективную модальность знания, установки допускают разнообразие модальностей, что будет отражаться в толкованиях ОВ использованием различных показателей: 'полагая', 'заклячая', 'понимая' и др. Пропозициональная часть установки совпадает с положительным или отрицательным членом дизъюнкции, составляющим пропозициональный компонент вопроса. В семантическом представлении ОВ мы будем рассматривать только главный и установочный компоненты, поскольку нас интересует связь между установками и формальной структурой ОВ.

4.1.4. Центральная и периферийная части семантического представления ОВ

Кроме различения установочного и главного компонента толкования, для объяснения сочетаемости ОВ с модальными словами оказалось необходимым ввести противопоставление центральной и периферийной части толкования⁴⁾. Периферийной частью толкования является установочный компонент, центральной — главный компонент, поскольку именно он эксплицирует иллокутивную силу вопроса как особого типа речевого акта. Членение на периферийную и центральную часть может быть многоступенчатым (многоуровневым). Так, в периферийной части семантического представления вопроса — установке — мы, в свою очередь, различаем центральную часть установки — компонент с модальностями 'полагая', 'заклячая', и периферийную часть установки — компонент с модальностью 'понимая'. Такое структурирование элементов

⁴⁾ Понятия центральной и периферийной частей толкования были введены Ю. Д. Апресяном для объяснения различий в значениях частиц *разве* и *неужели* (см. [Апресян 1980: 52]).

толкования необходимо для объяснения сочетаемостных свойств вопросов (см. ниже).

4.1.5. О форме семантического представления (интерпретации)

В качестве семантического представления вопроса будет выступать эксплицитная перифраза на русском языке (как это и принято во многих работах по семантике — см., например, [Апресян 1974]; [Апресян 1980]; [Wierzbicka 1980]). Главная часть этой перифразы эксплицирует главный компонент смысла вопроса, а деепричастные обороты — установочный компонент. Установочный компонент предшествует главному.

4.2. Формальная структура общего вопроса

Семантическая структура ОВ выражается его формой. Каждый компонент семантической структуры имеет обслуживающие его средства выражения. Так, показатель ИФ вопроса выражается интонацией, порядком слов и специфическими вопросительными лексемами (в случае ОВ — частицами *ли*, *разве*, *неужели* и т. д.). Пропозициональный компонент выражается той лексико-синтаксической структурой, которая образуется в результате устранения из вопросительного предложения всех средств выражения вопросительности. В случае ОВ эта лексико-синтаксическая структура, получающаяся по устранению вопросительной частицы, задает дизъюнкцию пропозиций, одна из которых непосредственно выражается этой лексико-синтаксической структурой, а другая представляет собой отрицание первой. Отсюда ясно, что вопросы:

(1а) *У вас есть фонарик?*

(1б) *У вас нет фонарика?*

выражают один и тот же пропозициональный компонент 'У вас есть фонарик или у вас нет фонарика'. Установка может быть выражена как выбором вопросительной частицы, так и выбором одной из двух логически эквивалентных возможностей выражения пропозиционального содержания вопроса: с помощью утвердительной или отрицательной структуры. Будучи логически эквивалентными, вопросы (1а), (1б) не являются семантически эквивалентными (о разграничении этих двух типов равнозначности высказываний см. [Shopen 1972]; [Кобозева 1976: 4]): они выражают различные установки говорящего.

Грамматическая традиция классифицирует ОВ по формальным признакам на два типа: 1) совпадающие с невопросительными предложениями (утвердительными или отрицательными) и отличающиеся от них только той или иной разновидностью вопросительной интонации; 2) имеющие специфическую структуру, т. е. содержащие какую-нибудь вопросительную частицу. Для наших целей представляется удобным ввести следующие два противопоставления: 1) ОВ простые vs ОВ с частицей *ли* (*ли*-вопросы); 2) позитивные vs негативные ОВ.

Противопоставление негативных вопросов позитивным основывается на наличии или отсутствии в структуре ВП показателя отрицания. Примеры негативных ОВ:

- (2) *А какое-нибудь другое колесо нельзя вставить?* (Ю. Олеша).
- (3) *У вас нет дрожжей?*
- (4) *Не согласится ли она выступить?*

Соответствующие им позитивные вопросы:

- (5) *А какое-нибудь другое колесо можно вставить?*
- (6) *У вас есть дрожжи?*
- (7) *Согласится ли она выступить?*

Простые вопросы формально противопоставляются *ли*-вопросам как такие, в которых показателем вопросительности выступает только интонация вопроса (в любой ее разновидности). Примерами простых вопросов являются (2), (3), (5), (6). Вопросы с частицей — (4), (7). Наложение друг на друга этих двух оппозиций дает четыре формальных типа: 1) простые позитивные вопросы, напр., (5), (6); 2) простые негативные вопросы, например, (2), (3); 3) позитивные *ли*-вопросы, например, (7); 4) негативные *ли*-вопросы (или *не-ли* вопросы), например, (4).

Охарактеризовав в общих чертах концепцию семантической и формальной структуры ОВ, мы переходим к анализу на ее основе конкретных форм связи между планом выражения и планом содержания высказываний этого типа, двигаясь в направлении от формы к содержанию.

4.3. Семантическое описание основных типов общих вопросов в русском языке

Поскольку данное описание ориентировано на объяснение закономерностей употребления ОВ в дискурсе, то языковым материалом для нас не могут служить изолированные, вырванные из контекста предложения. Поэтому ниже, приводя примеры как на правильное, так и на некорректное употребление типа ОВ, мы даем в квадратных скобках описание ситуации, относительно которой определяется правильность употребления. Вначале даются примеры на корректное употребление, а затем приводится отрицательный языковой материал, помеченный звездочкой. В контексте данного раздела звездочка при вопросе обозначает не грамматическую его неправильность, а неуместность его употребления в указанном ситуативном окружении или семантическую аномальность, обусловленную невозможностью сочетания значений тех или иных элементов ОВ. Естественно, то же самое предложение может быть вполне уместным в ином типе контекстов.

4.3.1. Позитивные *ли*-вопросы

- (8) (а) [подавлено народное восстание. Тибул — один из его вождей. Вопрос представителя народных масс:] — *А где Тибул? Удалось ли ему бежать?* (Ю. Олеша)
- (б) [Говорящий встречает Самсона Вырина, с которым однажды несколько лет тому назад имел приятную беседу. Тот ведет себя так, будто не узнал его. Вопрос говорящего:] — *Узнал ли ты меня?* (А. Пушкин)
- (в) [Л. Н. Толстой в письме выписывает подстрочные, прозаические переводы полюбившихся стихов и спрашивает:] — *Понравится ли вам это?*
- (г) [Вопрос к мальчику об отце, которого он потерял в раннем детстве:] — *Ты его помнишь ли?* (М. Горький)
- (9) (а) [В обычной ситуации, когда почту приносят регулярно:] — **Принесли ли почту?*
- (б) [На пароходе авария. Пассажир спрашивает капитана:] — **Утонем ли мы?*
- (в) [Профессор просит мальчика показать ему говорящего кота. Мальчик знает, что раньше кот принадлежал профессору. Он не хочет расставаться с котом. Вопрос мальчика к профессору:] — **Заберете ли вы его?*
- (г) [В ситуации, описанной в (8а), вопрос представителя власти:] — *А где Тибул? *Удалось ли ему бежать?*

Анализ контекстов уместного употребления позитивных *ли*-вопросов показывает, что все они характеризуются отсутствием у говорящего предпочтения одной из двух альтернатив в плане ее большей вероятности. Именно этим, на наш взгляд, объясняется то, что позитивные *ли*-вопросы в разговоре на бытовые темы используются реже, чем другие типы вопросов (ср. наблюдения в [Лобанова 1971: 15] о том, что иностранцы, изучающие русский язык, употребляют *ли* в позитивном вопросе излишне часто). Действительно, когда разговор вращается в кругу обыденных тем и сюжетов, тот, кто задает вопрос, обычно имеет более или менее сильные доводы в пользу одной из альтернатив, т. е. имеет основания для ожидания определенного ответа. По ряду причин прагматического характера спрашивающий стремится выразить в своем вопросе ожидание определенного ответа, когда оно у него имеется. Одна из причин та, что таким образом субъект получает возможность проявить такие положительно оцениваемые качества, как сообразительность, информированность и т. п. Вторая причина состоит в том, что, выражая свои ожидания, спрашивающий может оказывать воздействие, «давление» на адресата в нужном ему направлении — например, натолкнуть на желаемый ответ. Возможность оказания давления при употреблении позитивных вопросов без частицы *ли* особенно важна для аргументации (см. ниже).

Все это сужает область применимости позитивных *ли*-вопросов, так как они не выражают предположений говорящего о том, какая из альтернатив скорее всего имеет место. Позитивные *ли*-вопросы используются в трех типах ситуаций. Во-первых, когда предшествующий опыт говорящего не содержит сведений, на основе которых можно было бы построить исходное предположение (ср. вопросы типа):

(10) *Существуют ли веземные цивилизации?*

Во-вторых, когда говорящий «озадачен» конфликтом между равновероятными предположениями, вытекающими из имеющихся у него сведений. Так, в (8а) предположение 'Тибулу удалось бежать' основано на знании о Тибуле как человеке исключительной смелости и ловкости, а предположение 'Тибулу не удалось бежать' — на знании о том, что против восставших брошены превосходящие силы противника; в (8г) имеется противоречие между предположением, вытекающим из знания о том, что дети в первую очередь запоминают своих родителей, и предположением, основанном на мнении, что люди плохо помнят первые годы своей жизни и знанием, что мальчик рано потерял отца. Третья группа ситуаций включает те случаи, когда говорящий «скрывает» имеющееся у него предположение по причинам, связанным с требованиями речевого этикета, например, следуя «правилам вежливости» типа: не оказывая давления на адресата, предоставляя ему максимум свободы в выборе ответной реакции (ср. [Lakoff 1973]). Так, в (8в) автор письма, выписывая примеры полубившихся стихов, очевидно, исходит из предположения, что они скорее понравятся адресату, чем нет (иначе, зачем бы ему было их вставлять), но он избирает форму позитивного *ли*-вопроса, не выражающего этой установки, чтобы не ставить адресата перед необходимостью соотносить свой ответ с предположением говорящего, и тем самым формально никак не ограничивает свободу ответной реакции адресата.

В тех ситуациях, когда употребление позитивного *ли*-вопроса не может быть мотивировано одним из указанных выше способов, оно является неоправданным и воспринимается как некорректное. Ощутимая неестественность вопроса (9а) — сконструированного примера на употребление частицы *ли* в «Русской грамматике» (см. [Русская грамматика 1980: Т. 1]) — по сравнению с вопросами типа:

(11) *Почту (не) приносили?*

объясняется именно тем, что доставка почты при нормальных условиях — регулярное, повторяющееся примерно в одно и то же время событие, в связи с чем спрашивающий не может не иметь предположения о том, какая из двух альтернатив (положительная или отрицательная) более вероятна в момент речи.

Указанная особенность семантики позитивных *ли*-вопросов проявляется в ограничениях на употребление в них вводных слов. Так, слова типа *конечно, наверное, кажется, вероятно, может быть, надо полагать* и прочие «показатели достоверности», отражающие степень уверенности

спрашивающего в истинности своего предположения (эпистемической установки), не могут быть употреблены в составе позитивного *ли*-вопроса именно потому, что этот тип ОВ такой установки не содержит, ср.:

(12) *Конечно (кажется, вероятно и т. п.), пришел ли Иван?*

при том, что они могут употребляться с другими типами ОВ (см. ниже).

Однако как показывают примеры (9б), (9г), отсутствие у говорящего эпистемической установки на определенный ответ — не единственный фактор, обеспечивающий правильность употребления позитивного *ли*-вопроса. Важную роль здесь играет аксиологическая установка. Если позитивная альтернатива Р (например, 'мы утонем' в (9б) или 'Тибуду удалось бежать' в (9г)) нежелательна для говорящего, то вопрос о том, какая из двух равновероятных альтернатив имеет место, не может быть задан в форме *Р ли?* Корректное употребление позитивного *ли*-вопроса предполагает, что позитивная альтернатива, выраженная лексико-синтаксической структурой вопроса, либо желательна для говорящего (как в примерах (8а)–(8г)), либо аксиологически безразлична для него. Так, вопрос:

(13) *Распространится ли забастовка на гостиницу?*

вполне может быть задан бесстрастным, незаинтересованным наблюдателем событий, не имеющим оценочного отношения к пропозиции вопроса)⁵⁾.

Некорректность вопроса (9в) имеет и эпистемическое и аксиологическое объяснение. Во-первых, у говорящего есть предположение о большей вероятности того, что профессор заберет кота. Оно основывается на знании о том, что кот раньше принадлежал профессору, и представлениях о правах, связанных с личной собственностью. Во-вторых, ситуация 'профессор забирает кота' нежелательна для говорящего. Обе эти установки несовместимы с семантикой позитивного *ли*-вопроса.

Рассмотренные выше ограничения на употребление позитивного *ли*-вопроса в первичной функции должны найти отражение в его семантическом представлении, для чего в последнее и вводится установочный компонент. Таким образом, семантическое представление позитивного *ли*-вопроса имеет следующий вид:

Р ли? = 'думая о том, Р ли;
не имея оснований для предположения о том, Р или не Р
более вероятно;
желая Р не меньше, чем не Р;
я говорю: сделай так, чтобы я знал, Р или не Р'.

⁵⁾ Введение в позитивный *ли*-вопрос с нежелательной позитивной альтернативой модальных операторов, например, оператора возможности, ослабляет ограничение на его употребление. Так, вопрос *Можем ли мы утонуть?* несколько лучше вписывается в контекст для (9б). Семантическая сущность этого явления нуждается в уточнении.

4.3.2. Простые позитивные вопросы (ППВ)

Интонационный тип [*Р?*]

Следующие ниже примеры вопросов следует прочитывать с обычной вопросительной интонацией⁶⁾.

- (14) (а) [Отец Сережи приводит домой незнакомую девочку, которой он хочет помочь вырваться из неблагополучной семьи. Сережа спрашивает отца:] — Она всегда будет у нас жить? (М. Рошин).
- (б) [Актриса заболела и не может играть в спектакле. Ее приятель предлагает себя в качестве замены. Реплика актрисы:] — Сегодня идет «Красная шапочка»... Ты помнишь эту сказку? (Э. Успенский)
- (в) [Мать вторично приходит к сыну, зная, что он, попав в плен, был насильственно лишен памяти, и убедившись в этом во время первого разговора с ним.] ...ее появление не произвело на него никакого впечатления... Сын-манкурт как ни в чем не бывало бессмысленно и равнодушно посмотрел на нее... — Садись, поговорим, — ...сказала Найман-Ана. — Ты знаешь меня? (Ч. Айтматов)
- (г) [Вопрос, адресованный человеку, взгляды которого говорящему хорошо известны и мнением которого он дорожит:] — Вы осуждаете меня за такой поступок?
- (15) [Человек дает объявление о продаже шкафа, в котором указывает свой адрес. На следующий день в квартире раздается звонок. Открыв дверь, хозяин видит незнакомца и спрашивает:] — *Вам нужен шкаф?

Данный тип ППВ по условиям своего употребления частично пересекается с позитивными *ли*-вопросами (ПЛВ). А именно: в том случае, когда у говорящего нет оснований для того, чтобы считать одну из альтернатив более вероятной и когда при этом позитивная альтернатива для него желательна, то одинаково возможен и ППВ данного типа и ПЛВ. Так, в контексте (14а) вполне уместным был бы вопрос *Всегда ли она будет у нас жить?*, поскольку ситуация общения не противоречит ограничениям, содержащимся в установочном компоненте данного вопроса. Действительно, Сережа не имеет достаточного опыта для суждения о степени вероятности того, что гостя останется жить с ними навсегда, так как такое событие случается в его жизни впервые. При этом отношение Сережи к такой возможности является во всяком случае не отрицательным (что выясняется по ходу развития действия пьесы). С другой стороны, в контексте примера (8г) мог бы быть употреблен и ППВ: *Ты его помнишь?*. Выбор формы вопроса — с частицей *ли* или без нее — в таком типе контекстов определяется тем, какая из установок (аксиологическая или эпистемическая) важнее для спрашивающего в данном разговоре: в ПЛВ приоритет принадлежит эпистемической

⁶⁾ Подчеркнуты в примерах слова, на которых при произнесении наблюдается максимальное повышение тона.

установке, а в ППВ — аксиологической. В прочих типах контекстов эти два вида вопросов не взаимозаменяемы. Так, только ПЛВ используются в тех случаях, когда спрашивающему надо показать, что он не отдает предпочтения ни одной из альтернатив ни в оценочном, ни в вероятностном отношении. Напротив, только ППВ используются, когда надо подчеркнуть, что положительный ответ представляется более вероятным.

Анализ корпуса примеров на употребление ППВ типа [P?] в контексте показал, что они используются в тех случаях, когда у говорящего имеется эпистемическая и (или) аксиологическая установка на позитивную альтернативу. Наиболее часто встречающиеся ситуации — когда позитивная альтернатива является, по мнению говорящего, и более вероятной, и более желательной. Таков пример (14б), где ситуация 'ты знаешь эту сказку' является и более вероятной (так как «Красная шапочка» — сказка общеизвестная), и желательной для спрашивающего (он заинтересован в том, чтобы это было так, поскольку хочет, чтобы спектакль состоялся). Однако, как показывают другие примеры, одновременно наличие обеих установок на положительную альтернативу не обязательно для обсуждаемого типа ППВ. Так, в разобранном выше примере (14а) присутствует, по-видимому, только аксиологическая установка на позитивную альтернативу. Наиболее интересными являются случаи конфликта оценочной и вероятностной установок, т. е. большей вероятности позитивной альтернативы при желательности негативной или, наоборот, большей вероятности негативной альтернативы при желательности позитивной. Выбор формы вопроса в таких случаях определяется сравнительной важностью для говорящего аксиологического и эпистемического аспектов ситуации общения. Иначе говоря, она зависит от общей «психологической» направленности вопроса. Либо он задан с целью установления истинного положения вещей (независимо от оценочного отношения говорящего к этой истине) — и тогда форма вопроса отражает эпистемическую установку, либо вопрос задан с целью услышать в ответ то, что желательно, независимо от того, какова степень вероятности такого ответа — и тогда форма вопроса отражает аксиологическую установку. Так, ситуация в примере (14в) такова, что и знание матери о том, что происходит с такими пленниками-манкуртами, как ее сын, и ее непосредственные наблюдения за его поведением — все говорит за то, что он не узнает ее (эпистемическая установка на негативную альтернативу). Однако вопрос облекается в форму ППВ, так как аксиологическая установка на позитивную альтернативу в данной ситуации общения «побеждает» эпистемическую: цель общения не в том, чтобы выяснить, имеет ли место узнавание, а в том, чтобы добиться от сына ответа *Да, узнаю*.

Пример обратного соотношения установок с приоритетом, отдаваемым эпистемической установке — (14г). Полагая, что поступок скорее всего вызывает осуждение адресата и искренне желая узнать правду,

говорящий задает вопрос в форме, отражающей это предположение, несмотря на то, что правда скорее всего будет для него нежелательной. Если бы «стратегическая» цель вопроса была иной — получить «индальгенцию» от адресата — то вопрос имел бы простую негативную форму, отражающую негативную альтернативу:

(16) *Вы не осуждаете меня?*

Причина неестественности ППВ типа [P?] в ситуациях, подобных (15), будет рассмотрена ниже.

Итак, семантическая структура ППВ типа [P?] может быть представлена следующим образом:

$P?$ = 'думая о том, P ли;

(полагая, что вероятность P больше вероятности не P ,

и при этом понимая, что возможно не P);

и (или)

(желая, чтобы было P);

я говорю: сделай так, чтобы я знал, P или не P '.

Использование в толковании семантического оператора 'и (или)' (сфера действия которого указана скобками) позволяет описать все классы ситуаций, характерных для использования ППВ типа [P?]: 1) установка на большую вероятность P и установка на желательность P ; 2) установка на большую вероятность P и на безразличие к P ; 3) установка на большую вероятность P и установка на нежелательность P ; 4) установка на желательность P и установка на равновероятность P ; 5) установка на желательность P и установка на большую вероятность не P . Подобным образом формулируются и другие толкования (см. ниже).

Интонационный тип [P?]

(17) (а) [Услышав об аресте оружейника Просперо, девочка заплакала. Ее мать обращается к ней:] — *Отчего же ты плачешь, глупенькая? Ты жалеешь оружейника Просперо? [Не надо его жалеть].* (Ю. Олеша).

(б) [Человек, встретив на улице приятеля, который, по его мнению, должен был находиться в больнице, спрашивает его:] — *Ты выздоровел?*

(в) — *Запишите мой новый номер телефона. — Вы переехали на новую квартиру?*

(г) [Контекст примера (15)] — *Вам нужен шкэф?*

В формальном плане вопросы данного типа отличаются от рассмотренных в разделе своей интонацией. В «Русской грамматике» [Русская грамматика: § 2368] вопрос в (17в) сравнивается с совпадающим с ним на сегментном уровне вопросом интонационного типа, который мы выше обозначили как [P?]:

(18) — *Вы переехали на новую квартиру?*

Отмечается, что центр интонационной конструкции (ИК-3), который в (18) приходится на *переехали*, в (17в) «передвигается на конечное слово». Однако само по себе различие в месте интонационного центра не обязательно связано с различием в установочном компоненте этих типов ОВ, а может выражать различия только в актуальном членении или распределении семантического материала между темой и ремой без изменения установки. Ср.:

(19) Тебе нр̂вится синий кувшин?

(19') Тебе нравится синий кувшин?

С фонетической точки зрения, здесь важно, по-видимому, не только место интонационного центра, но и характер движения тона (именно этот аспект условно отражается в выбранных нами обозначениях [Ṙ?] vs [Ṙ?]), регистр (более высокий для типа [Ṙ?]) и темп произнесения (более быстрый для типа [Ṙ?]). Строгое фонетическое описание интонационной конструкции [Ṙ?] должно составить предмет специального исследования. Для нас же существенно то, что интонационное различие между вопросами типов [Ṙ?] и [Ṙ?] объективно существует и легко распознается носителями языка. Этому различию соответствует семантическая оппозиция. В типе [Ṙ?] интонационный центр маркирует составляющую, содержащую рему вопроса, по отношению к которой устанавливается его тема. В типе [Ṙ?] интонационный центр не имеет этой функции, так как все пропозициональное содержание входит в рему, а тема такого вопроса всегда остается за рамками значения самого вопросительного предложения — в контексте речевого общения. Назовем вопросы первого типа [Ṙ?] — вопросами с ингерентной темой, а второго типа [Ṙ?] — с неингерентной темой. Когда говорящий задает вопрос с неингерентной темой, то пропозициональное содержание вопроса интересует его не само по себе, а в качестве возможного объяснения для ситуации, свидетелем или участником которой он является в момент речи. В (17а) выясняется причина плача дочери, в (17б) — причина появления нового номера телефона и т. д. Тем самым темой вопроса [Ṙ?] является некоторое воспринимаемое положение вещей, а ремой — причина этого положения. Для того, чтобы вопрос типа [Ṙ?] был уместен, нужно, чтобы существовала правдоподобная цепочка умозаключений, связывающих позитивную альтернативу вопроса с тем или иным элементом контекста общения, что совершенно не обязательно для вопросов типа [Ṙ?].

В ряде ситуаций вопрос типа [Ṙ?] может быть заменен вопросом с неингерентной темой; т. е. можно прочесть этот же вопрос с другой интонацией, как, например, в следующем контексте:

(20) [Тетя Соня знает, что сын соседей, Сережа, должен уехать в пионерлагерь, что его собираются провожать отец и что мать, Зоя, находится в командировке. Заходя в квартиру соседей и видя, что

там нет никого, кроме Оли, она спрашивает:] — *Уехали? [Зоинька-то так и не успела, ай-яй-яй!..]* (М. Рошин)

Наиболее естественным в данном контексте является прочтение вопроса как [Р?]. Однако возможен и вариант [Р?]. Такая возможность обеспечивается экстралингвистический контекстом, позволяющим прийти к выводу, соответствующему позитивной альтернативе вопроса: наблюдаемый говорящим факт отсутствия в квартире Сережи и отца плюс имеющиеся у него сведения об их предполагаемом отъезде в лагерь дают основания для предположения о том, что они уехали. Однако с изменением типа интонации меняется и тема вопроса. Если вопрос *Уехали?* выражает интерес тети Сони к тому, уехали соседи или нет, то вопрос *Уехали?* выражает желание «угадать», чем вызвано их отсутствие. Если мы обратимся к фразе, следующей за вопросом, то станет ясно, что в данном тексте предпочтительной является интерпретация вопроса *Уехали?* как относящегося к типу [Р?], поскольку тете Соне важно установить сам факт отъезда Сережи, чтобы высказать свое сожаление о том, что мать не успела вернуться к этому моменту. Понимание вопроса в примере (20) как принадлежащего к типу [Р?] было бы поддержано, если бы в последующей реплике как-то обыгрывался факт отсутствия Сережи и отца в квартире (т. е. не сам факт их отъезда, а его следствие), например, *Ну, теперь мы можем спокойно поиграть в карты.*

Противоположная замена в тексте ОВ типа [Р?] на ОВ типа [Р?] характеризуется различной степенью отклонения от речевой нормы. Обычно она сопровождается ощутимым нарушением «гладкого» развертывания текста (монологического или диалогического), происходящим за счет неожиданной, неподготовленной интродукции новой темы. Так, в контексте (17а) замена типа [Р?] на тип [Р?] практически исключается, так как это приводит к тому, что за вопросом, имеющим одну тему (о причине слез дочери), сразу же идет вопрос, имеющий другую тему (о том, верно ли, что дочь испытывает жалость). В то время как при правильном употреблении типа [Р?] тема у двух следующих друг за другом вопросов одна и та же — второй из них служит естественным развитием первого. При аналогичной замене в (17в) последовательное развитие беседы (когда тема высказывания одного из собеседников становится темой реплики следующего) уступит место «скачкообразному» развитию — «перепрыгиванию» от разговора о новом телефоне к разговору о переезде на новую квартиру. В (17б) вопрос *Ты выздоровел?* возможен, но имеет другую тему — состояние здоровья приятеля. Наконец, в контексте (15) = (17г) вопрос с ингерентной темой неуместен, если только спрашивающий не стремится навязать шкаф первому встречному.

Несовпадение условий употребления типов [Р?] и [Р?] лежит в основе различия возможных ответных реакций собеседника на эти вопросы. Когда задается вопрос вида [Р?], то неясной для отвечающего может быть только причина интереса спрашивающего к теме вопроса, а для вопроса

вида [Р?] неясным может быть скорее всего тот элемент ситуации общения, из которого была выведена положительная альтернатива вопроса: так, в ответ на вопрос *Вы пишете стихи?* несколько лучше звучит реплика *Да / Нет. А почему вы спрашиваете?*, чем *Да. А как вы догадались?* или *Нет. С чего вы взяли?*; а в ответ на вопрос *Вы пишете стихи?* больше подходит реплика *Да. А как вы догадались?* или *Нет. Почему вы так решили?*, чем *Да / Нет. А почему вы спрашиваете?*

Общим для ОВ типа [Р?] и [Р?] является присутствие в их значениях эпистемической установки говорящего на одну из альтернатив. Это позволяет вводить в их структуру вводные слова, указывающие на оценку степени достоверности сообщения («сообщением» в данном случае является установка говорящего). Ср.:

(21) *Вы, конечно (думаю и т. п.), переехали на новую квартиру?*

(21') *Вы, конечно (думаю и т. п.), переехали на новую квартиру?*⁷⁾

При этом ОВ типа [Р?] допускают в своем составе более широкий круг вводных слов, чем ОВ типа [Р?], ср.:

(22) *Видимо (очевидно, наверное и т. п.), вы переехали на новую квартиру?*
несколько лучше, чем

(22') *Видимо (очевидно, наверное и т. п.), вы переехали на новую квартиру?*

однако для объяснения соответствующих сочетаемостных ограничений необходимо было бы погрузиться в описание семантических различий между вводными словами, что увело бы нас в сторону от основной темы.

Итак, важным семантическим различием рассмотренных интонационных типов вопросов является различие в их тематических компонентах, но не менее существенно различие в их установках. Как явствует из примеров (17а)–(17г), при стабильности эпистемической установки на большую вероятность позитивной альтернативы оценка ее говорящим не релевантна для типа [Р?]. Так, в (17а) позитивная альтернатива нежелательна, в (5г) — желательна, в (5в) — аксиологически безразлична. Следовательно, аксиологическая установка не должна включаться в семантическое представление вопросов этого типа⁸⁾. Что же касается

⁷⁾ Следует отметить, что введение в такие ОВ вводных слов указанного типа меняет их коммуникативный статус. А именно: они приближаются к утвердительным высказываниям (ср. с категорией «констатирующе-вопросительных предложений» в «Русской грамматике» [Русская грамматика: § 2623]), что можно отразить в семантическом представлении, поменяв местами главный и установочный компоненты исходного вопроса. Так, в качестве толкования вопроса *Он, конечно, пришел?* предлагается следующая приблизительная экспликация: «желая, чтоб ты сделал так, чтобы я знал, пришел он или нет; я говорю: я почти уверен в том, что он пришел».

⁸⁾ Дополнительным аргументом в пользу такого решения может служить то, что ППВ с инсингерентной темой не употребляется в ситуациях типа (14в), когда «побеждает» аксиологическая установка на позитивную альтернативу при наличии эпистемической установки на отрицательную альтернативу.

эпистемической установки, то ее модальность не отличается от модальности соответствующей установки вопросов типа [P?], если не считать различия, связанного с тематическим компонентом этих типов ОВ.

Изложенный выше материал дает основания для экспликации значения ППВ с неингерентной темой следующим толкованием:

- P?* = 'думая о некоторой актуальной ситуации Q;
полагая, что наиболее вероятной причиной Q является P;
понимая, что возможно не P;
я говорю: сделай так, чтобы я знал, P или не P'.

4.3.3. Простые негативные вопросы (ПНВ)

Графическая форма ПНВ, так же как и ППВ, неоднозначна. Она покрывает три семантических разновидности вопросов, каждой из которых соответствуют свои интонационные характеристики и свои трансформационные возможности. Рассмотрим их последовательно.

Тип ПНВ [не P?]

- (23) (а) [В горах началась пурга. Начальник туристического лагеря спрашивает другого администратора:] — *Наших никогда в горах нет?*
(Из газет)
(б) [Контекст тот же, что и в (9в)] — *А вы его не заберёте?* (Э. Успенский)
(в) — *Мотор не заглохнет?* — *беспокойно спросил Рой* (А. Первенцев)
(г) [Говорящий обращается к человеку, известному своей некоммуни-кабельностью:] — *Петров приглашает на день рождения в субботу. Ты не пойдёшь?*

Данный тип ПНВ является отрицательным коррелятом соответствующего типа ППВ. Смысловое различие между вопросами типа [P?] и [не P?] состоит в противоположности выражаемых ими установок говорящего. Выбор ПНВ [не P?] свидетельствует о том, что у говорящего имеется эпистемическая (см. (23г)) или аксиологическая (см. (23а)–(23в)) установка на отрицательную альтернативу и что эта установка приоритетна для него в данном дискурсе. Замена в конкретном контексте ПНВ на ППВ (так же как и обратная замена) влечет за собой либо изменение установок говорящего, либо, по меньшей мере, перестановку акцента с оценочного аспекта ситуации на эпистемический или наоборот. Так, негативная форма вопроса в (23б) показывает, что у говорящего имеется установка на отрицательную альтернативу и она приоритетна для него. Из контекста ясно, что эта установка аксиологическая: мальчик любит кога и не хочет, чтобы его забрали. Что же касается эпистемической установки, то в данном случае она, как следует из формы вопроса, второстепенна для говорящего. Если бы вместо вопроса *А вы его не заберёте?* в (23б) было употреблено *А вы его заберёте?*, то соответственно нужно было бы либо

предположить, что отношение мальчика к коту внезапно изменилось (ему не жаль с ним расстаться), либо, что аксиологический аспект ситуации менее существенен для него, чем эпистемический (т. е. мальчику важнее получить подтверждение своей догадки, даже если это подтверждение не сулит ему ничего хорошего). В любом случае представление о характере говорящего и его отношении к ситуации общения меняется.

Характер установки вопроса может быть эксплицирован при передаче прямой речи другого лица. Так, в примере (23в) описание ситуации произнесения вопроса как *беспокойно спросил* явно указывает на аксиологический характер установки, беспокойство — эмоциональное состояние, вызываемое ожиданием нежелательного события. Ср. в связи с обсуждаемым примером указание в «Русской грамматике» [Русская грамматика: § 2604] на то, что вопрос с отрицанием и глаголом в совершенном виде может выражать опасение.

Как и следовало ожидать, толкование вопроса типа [не Р?] отличается от соответствующего ППВ типа [Р?] только наличием семы отрицания в пропозициях аксиологической и центральной части эпистемической установок (и, соответственно, отсутствием 'не' в пропозиции периферийной части).

не Р? = 'думая о том, Р ли;
(полагая, что не Р более вероятно;
понимая, что возможно Р;
и (или)
желая, чтобы было не Р);
я говорю: сделай так, чтобы я знал, Р или не Р'.

Тип ПНВ [не Р?]

Аналогичным образом, тип [не Р?] является отрицательным коррелятом ППВ с соответствующим интонационным контуром, отличаясь от него только противоположной полярностью эпистемической установки: говорящий предполагает, что отрицательная альтернатива вопроса является наиболее вероятной причиной наблюдаемого или обсуждаемого положения вещей. Примеры:

- (24) (а) *Гена открыл, и на пороге появилась маленькая обезьянка... Она не произнесла ни слова и только в знак согласия изредка кивала головой. Гена на секунду задумался, а потом спросил напрямик: — Вы... не умеете разговаривать? (Э. Успенский)*
- (б) *Сергея виснет на отце. Оля тоже. Мякишев их стискивает, поднимает обоих, визг, шум. Зоя (кричит): — Володя! Оля! Перестаньте! ...Мякишеву: Ты не соображаешь? (М. Рошин)*
- (в) [X начинает обсуждать с Y-ом событие, которое он считает известным Y-у. Y обнаруживает непонимание того, о чем идет речь. Вопрос X-а:] — Ты ничего не знаешь, что ли? (М. Рошин).

Замена ПНВ данного типа на соответствующий ППВ в конкретном контексте невозможна по вполне понятной причине. Отрицательная альтернатива 'не Р' выдвигается в негативном вопросе как вероятная причина некоторой актуальной (т. е. наблюдаемой или обсуждаемой) ситуации Q. То есть говорящий полагает, что 'не Р' \supset Q (не умеет разговаривать \supset молчит; ничего не знает о случившемся \supset не понимает, о чем идет речь). По определению отношения семантического следования противоположная альтернатива — Р — не может иметь следствием ту же самую ситуацию Q, и, следовательно, позитивный вопрос типа [Р?], выдвигающий в качестве причины ситуации Q позитивную альтернативу Р, будет аномален везде, где вопрос [не Р?] естественен, и наоборот. Ср. аномальность вопроса *Ты что-нибудь знаешь, что ли?* в контексте (24в) или *Вы умеете разговаривать?* в контексте (24а).

Замена интонационного типа вопроса при сохранении его негативности (т. е. [не Р?] вместо [не Р?]) так же, как и в случае замены ППВ типа [Р?] на [Р?], влечет за собой изменение темы вопроса и возможность аксиологической интерпретации установки. Так, при изменении интонации вопроса в примере (24а) *Вы... не умеете разговаривать?* происходит перенос темы вопроса с причины молчания на умение разговаривать, и появляется возможность интерпретации негативной формы вопроса как отражающей желательность (для говорящего) того, чтобы адресат не умел разговаривать.

Следует отметить, что частица *что ли* встречается только в вопросах с неингерентной темой, т. е. в вопросах о предполагаемой причине (при этом такой вопрос не должен содержать вводных слов, связанных с оценкой степени достоверности высказывания, ср. **Вы, наверное, не умеете разговаривать, что ли?*). В этом можно убедиться, произведя подстановку *что ли* в примеры, приведенные в разделе 4.3.2, а также в данном разделе, например, *Ты не соображаешь, что ли?*, *Ты жалеешь оружейника Просперо, что ли?*. Ввести частицу *что ли* в вопросы с ингерентной темой невозможно, не разрушив их связь с контекстом (см. также ошутимую семантическую неправильность примера **Ты жалеешь оружейника Просперо, что ли?*).

Наконец, замена ПНВ типа [не Р?] на ППВ типа [Р?] также вызывает изменение темы вопроса (и тем самым «сбой» в плавном течении дискурса) и возможность аксиологической интерпретации вопроса.

В соответствии с вышесказанным семантическая структура вопроса вида [не Р?] может быть представлена следующим образом:

- не Р?* = 'думая о некоторой актуальной ситуации Q;
полагая, что наиболее вероятной причиной Q
является не Р;
понимая, что возможно Р;
я говорю: сделай так, чтобы я знал, Р или не Р'.

Тип [не Р (ли)?]

Последний тип ПНВ по смыслу совпадает с негативным *ли*-вопросом и может рассматриваться как результат трансформации опущения частицы *ли*. В связи с этим в данном разделе будут только приведены примеры употребления данной разновидности ПНВ, а их семантика рассматривается в разделе о негативных *ли*-вопросах.

- (25) (а) *И вот я не могу исправить эту бедную куклу... Там, в этом хитром механизме есть зубчатое колесо — оно треснуло... — А какое-нибудь другое колесо нельзя вставить? — робко предложила тетушка Ганимед. (Ю. Олеша)*
- (б) *...на первом допросе в милиции у Незамутдинова... нашли несколько плиток шоколада... «Слушай, — спросил следователь, — а не ты это на днях залез в вагон и стащила шоколад?» («Литературная газета»)*
- (в) *...в комнате появился какой-то неизвестный зверь... — Кто вы такой? — обратилась к нему Галя. — Не знаю, — ответил гость... [Галя] — А вы, случайно, не медвежонок? (Э. Успенский)*
- (г) *Олечка! Мальчик [кличка собаки] пропал! Ты не видела? (М. Рошин)*

Подстановка *ли* в вопросы примеров (25а)–(25г) не вносит изменений в их семантику. В то же время подстановка частицы *ли* в ПНВ типа [не Р?] ведет к полному рассогласованию их с контекстом (ср. *Не умеете ли вы разговаривать?* в (24а) и *Не соображаешь ли ты?* в (24б)). Подстановка *ли* в вопросы типа [не Р?] вызывает определенное изменение их смысла с более или менее серьезными последствиями для сохранения их уместности в контексте. Конкретный характер этого изменения будет выяснен в следующем разделе. Здесь же важно обратить внимание на то, что замена *не-ли* вопроса на ПНВ (т. е. опущение частицы *ли*) всегда возможна. Обратная же замена ПНВ на *не-ли* вопрос возможна лишь в строго определенных контекстных условиях.

4.3.4. Негативные *ли*-вопросы (*не-ли* вопросы)

То, что в значение *не-ли* вопросов входит некоторое предположение говорящего, отмечается всеми исследователями, писавшими на эту тему. Однако они отнюдь не единодушны в содержательной характеристике этого предположения (см. начало данной главы). Тот факт, что одни лингвисты связывают с *не-ли* вопросами уверенное предположение говорящего, а другие, напротив, неуверенное, как будет показано ниже, вызвано присущей данному типу ОВ двойственностью установки, наличием в ней двух «разнонаправленных» смысловых составляющих. Начнем с рассмотрения типичных примеров употребления *не-ли* вопросов (конечно, в первичной функции).

- (26) (а) [Говорящий узнает, что слушающий был в командировке в городе N. Брат говорящего живет в городе N, но ни к слушающему, ни к цели его командировки этот факт не имеет отношения. Вопрос:] — *Не встречал ли ты там моего брата?*
- (б) [Речь идет о статье, подписанной псевдонимом. Вопрос:] — *Не Петров ли это написал?*
- (в) [Говорящий, желая избавиться от ненужной ему самому вещи, спрашивает соседа:] — *Не нужна ли вам клетка для птиц?*
- (г) [Вопрос к продавцу магазина о товаре, не относящемся к разряду товаров «широкого ассортимента»:] — *Нет ли у вас..?*

Здесь же следует привлечь к рассмотрению и негативные вопросы с опущенной частицей *ли*.

Анализ примеров показывает, что контекстом уместного употребления *не-(ли)* вопросов является такая ситуация, в которой говорящий, с одной стороны, имеет основания считать, что положение вещей, описываемое позитивной альтернативой вопроса, в данном случае может иметь место, но, с другой стороны, понимает, что этих оснований недостаточно и что противоположная — негативная — альтернатива, вообще говоря, не менее вероятна, чем позитивная. В каждом отдельном случае указанная выше схема контекста наполняется конкретным содержанием. Так, в (26а) говорящий имеет основания предположить, что слушающий мог встретить его брата в городе N, ничто из известного ему не исключает такой возможности, но при этом говорящий понимает, что при данных обстоятельствах такая встреча могла произойти только случайно и, вероятнее всего, не произошла. В (25б) следователь имеет основания предположить, что некто Незамутдинов украл шоколад (ничто не противоречит такому мнению, более того, шоколад, найденный в карманах Незамутдинова, делает такую гипотезу правдоподобной), но он понимает, что этих оснований недостаточно, так как шоколад мог попасть к задержанному и другим способом, и, следовательно, вполне вероятно, что кто-то другой украл шоколад из вагона. Аналогичное отношение спрашивающего к сравнительной вероятности противоположных альтернатив вопроса легко выявляется и во всех прочих примерах. Выдвижение положительной альтернативы в качестве возможной при подчеркиваемом осознании не меньшей вероятности отрицательной альтернативы и составляет специфику негативного *ли*-вопроса. Подчеркивание недостаточной обоснованности собственного предположения осуществляется с помощью лексико-синтаксической (формальной) структуры вопроса, которая совпадает с отрицательной альтернативой, тогда как предполагается истинной позитивная альтернатива. В этом противоречии формы вопроса выдвигаемому в нем предположению и состоит особенность *не-(ли)* вопросов по сравнению с ОВ других типов.

Именно негативные *ли*-вопросы делают необходимым различение центральной и периферийной частей установки. Центральная часть установки *не-(ли)* вопроса — это предположение говорящего о том, что, возможно, имеет место позитивная альтернатива (например, 'возможно, что это написал Петров' в (26б) или 'возможно, что у вас есть...' в (26г)). Периферийная часть — это понимание говорящим того, что не менее вероятной является негативная альтернатива (например, 'не менее вероятно, что это написал кто-то другой' в (26б), 'не менее вероятно, что у вас нет...' в (26 г)).

Существенным является то, что во всех типах ППВ и ПНВ, рассмотренных ранее, вероятность периферийной части установки была, с точки зрения говорящего, меньше, чем вероятность центральной части, а в негативных *ли*-вопросах, наоборот, вероятность периферийной части больше (или равна) вероятности центральной части. В этой связи уместно сопоставить ППВ, например, *Вы поужинали?* и соответствующий ему негативный *ли*-вопрос *Вы не поужинали (ли)?* Оба они могут быть заданы в предположении, что адресат поужинал. Однако в случае ППВ это предположение оценивается говорящим как более обоснованное, чем противоположное, а в случае *не-(ли)* вопроса, напротив, как менее обоснованное. Соответственно, различаются и контексты употребления этих типов ОВ. Так, если, например, в доме принято ужинать в точно определенное время, а говорящий, осведомленный о таком обычае, пришел позже указанного времени, то удостовериться в том, что все идет как обычно, уместно только с помощью вопроса *Вы поужинали?*, соответствующий *не-(ли)* вопрос в таком случае не очень естественен. Напротив, если при тех же самых обстоятельствах говорящий пришел раньше обычного времени ужина, то убедиться в правильности возникшего у него по той или иной причине слабого подозрения, что ужин уже имел место, он может с помощью вопроса *Не поужинали ли вы?* (или *Вы не поужинали (ли)?*). Вопрос *Вы поужинали?* был бы здесь менее приемлем именно по той причине, что он не выражает осознания говорящим экстраординарности, «рискованности» своего предположения.

Почему для описания семантики *не-(ли)* вопросов мы выделяем в качестве центральной части установки предположение о возможности позитивной альтернативы? Помимо чисто интуитивного ощущения, что негативные *ли*-вопросы задаются в предположении, что Р имеет место, в пользу этого имеются и более объективные свидетельства. Сравним *не-(ли)* вопрос с ПНВ, имеющим ингерентную тему и эпистемическую установку. Согласно предлагаемой интерпретации этих типов ОВ, общим в них является большая вероятность отрицательной альтернативы, но при этом у *не-(ли)* вопросов отрицательная альтернатива оказывается в периферийной части установки, а у ПНВ — в центральной; ср. *Иван не пришел?* = 'полагая, что, скорее всего Иван не пришел..., понимая, что, возможно, пришел...' и *Не пришел (ли) Иван?* = 'полагая, что Иван,

возможно, пришел..., понимая, что, скорее всего, не пришел...'. Подтверждение правильности такого анализа можно найти, рассматривая ответные реплики с частицей *да*. Известно, что одиночная частица *да* не может быть ответом на ОВ, содержащий в поверхностной структуре отрицание (ср. — *Иван не пришел?* — **Да*. или — *Не пришел (ли) Иван?* — **Да*.). При этом можно ответить на такой вопрос с помощью реплики, состоящей из *да* и предложения, обозначающего истинную альтернативу. Естественно предположить, что после *да* должна следовать пропозиция, совпадающая с центральной частью установки говорящего (т.е. с его предположением). Оказывается, что на *не-(ли)* вопрос можно ответить *Да, Р*, но не *Да, не Р* (ср. — *Не пришел (ли) Иван?* — *Да, пришел / *Да, не пришел.*), а на вопрос [не \hat{P} ?] можно ответить *Да, не Р*, но не *Да, Р* (ср. — *Иван не пришел?* — *Да, не пришел / *Да, пришел.*). Отсюда явствует, что в центральной части установки *не-(ли)* вопросов находится именно позитивная альтернатива.

Еще одним подтверждением такого анализа может служить употребление *не-(ли)* вопросов во вторичных функциях побуждения к действию или предложения определенной стратегии действий, а также использование в этом типе ОВ некоторых разрядов вводных слов. Использование *не-(ли)* вопросов в указанных вторичных функциях часто связывается с категорией вежливости. Действительно, периферийная часть установки негативных *ли*-вопросов выражает осознание говорящим того факта, что более вероятна альтернатива, противоположная его собственному предположению. Тем самым адресату явно дается понять, что отрицательный ответ будет признан говорящим вполне правомерным. Применительно ко вторичным функциям *не-(ли)* вопросов это будет означать признание за слушающим свободы отказаться от предложения или побуждения, что и создает эффект вежливости.

Вводные слова по-разному взаимодействуют со значением вопросов. Можно выделить, по крайней мере, две большие группы вводных слов, различающихся по характеру взаимодействия с семантической структурой ОВ: первая группа — слова, семантически взаимодействующие с условиями успешности ОВ, (например, *действительно, в самом деле, (и) правда* и др.). Поскольку условия успешности имеют все типы ОВ, вводные слова первой группы могут использоваться в любой разновидности ОВ (ср. *Действительно, он пришел?*; *Действительно, он не пришел?*; *Действительно, пришел ли он?*; *Действительно, не пришел ли он?* и т. п.). Вторая группа — слова, взаимодействующие с центральной частью эпистемической установки и «усиливающие» ее вероятность (например, *конечно, ведь, само собой, разумеется* и т. п.). Слова этой группы, свободно употребляясь в ППВ и ПНВ, не могут использоваться в *не-(ли)* вопросах, так как в центральной части ОВ этого типа содержится менее вероятная альтернатива, а усиление ее вероятности вводными словами второй группы привело бы к уничтожению специфики значения *не-(ли)* вопросов. Лишь небольшой

разряд вводных слов, указывающих на малую вероятность пропозиции, может входить в структуру *не-(ли)* вопросов не употребляясь при этом в других типах ОВ). Этот разряд представлен вводными словами *случайно, случаем, часом, бывает* (диалектное), ср. *Он, конечно, пришел?*; **Конечно, не пришел ли он?* и *Не пришел ли он, случайно?*; **Он пришел, случайно?*; **Случайно, он пришел?*

Выше рассматривались только *не-(ли)* вопросы с ингерентной темой. Существует и неингерентно-тематический тип негативных *ли*-вопросов, который мы специально не разбираем, так как его свойства могут быть легко выведены из характеристик соответствующих простых ОВ.

Итак, для *не-(ли)* вопросов с ингерентной темой предлагается следующая семантическая интерпретация:

Не Р (ли)? = 'думая о том, Р ли;
полагая, что Р возможно;
понимая, что вероятность не Р не меньше;
я говорю: сделай так, чтобы я знал Р или не Р'.

Обобщая результаты проведенного анализа, можно сказать, что позитивная форма простых ОВ типа [Р?] указывает на то, что позитивная альтернатива является, по мнению говорящего, более вероятной и (или) более желательной; аналогично негативная форма любого ОВ говорит о том, что более вероятна и (или) более желательна, по мнению говорящего, отрицательная альтернатива. При расхождении или конфликте эпистемической и аксиологической установок, т. е., например, когда Р и не Р равновероятны и Р желательно или Р более вероятно, а не Р желательно и т. п., побеждает (т. е. влияет на выбор формы) та из них, которая приоритетна для говорящего в данном дискурсе.

Библиография

1. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1975.
2. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений. М., 1998.
3. *Апресян Ю. Д.* К построению языка для описания синтаксических свойств речи // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973. С. 279–325.
4. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. 366 с.
5. *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл \leftrightarrow Текст». Wien, 1980. 119 с.
6. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и толковый словарь // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1986. № 2.
7. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
8. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М., 1995.
9. *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П., Лазурский А. В., Перцов Н. В., Санников В. З.* Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения. М., 1978. 48 с.
10. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
11. *Арутюнова Н. Д.* Сокровенная связка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980. № 4. С. 347–358.
12. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
13. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
14. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 608 с.
15. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 298 с.
16. *Баранов А. Н.* Коммуникативно-смысловая оппозиция «данное-новое» (метаязык и некоторые приложения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984а. 25 с.
17. *Баранов А. Н.* Материалы к семантической типологии: исследование некоторых способов выражения реляции контрастивности в дунганском языке // Восточное языкознание. Грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984б. С. 20–31.
18. *Баранов А. Н.* Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987.
19. *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. № 3. С. 263–274.
20. *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка / Под ред. Т. В. Шмелевой. Красноярск: КГУ, 1984. С. 83–93.

21. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантические метаязыки для описания смысла предложения // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М.: ИНИОН, 1989.
22. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1982, № 2. С. 241–252.
23. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.—Л., 1948–1965.
24. Безменова Н. А., Герасимов В. И. Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. обзоров. М., 1984. С. 146–196.
25. Беллерт И. О связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII.
26. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981.
27. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
28. Бендикс Э. Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. XIV.
29. Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.
30. Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X. С. 177–199.
31. Бирвиш М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. С. 93–152.
32. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
33. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 204 с.
34. Богуславский И. М. Семантика частицы *только* // Семиотика и информатика. М., 1980. Вып. 14. С. 134–158.
35. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1986.
36. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.
37. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Возможности» ЕЯ и модальная логика // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
38. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
39. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44–87.
40. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. (Учен. зап. Башк. ун-та. Вып. 43).
41. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика / Под редакцией Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 225–252.

42. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 251–275.
43. *Виноград Т. К.* Процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 123–170.
44. *Виноград Т.* Программа, понимающая естественный язык. М.: Мир, 1976.
45. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1971.
46. *Винокур Г. О.* Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990.
47. *Горбачевич К. С., Хаблю Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
48. *Городецкий Б. Ю.* К проблеме семантической типологии. М., 1969. 564 с.
49. *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М., 1985. Вып. XVI.
50. *Григорьев В. П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 255 с.
51. *Джонсон-Лэрд Ф.* Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. Вып. XXI-II. С. 234–257.
52. *Димитрова Ст.* Текст и подтекст. Наблюдения над пресупозициите в руския дискурс. София, 1984. 146 с.
53. *Доброхотова И. Ю.* Моделирование соотношения тезауруса и текста при решении некоторых задач прикладной лингвистики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1983.
54. *Доброхотова И. Ю., Кобозева И. М.* Факторы вариативности семантического поля // Прикладные аспекты лингвистики. М.: МГУ, 1989.
55. *Дэвидсон Д.* Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. М., 1986. Вып. XVIII. С. 99–120.
56. *Дэйвисон А.* Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе Перформативности» // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. Вып. XVII. С. 235–269.
57. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I.
58. *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: ИИЛ, 1958.
59. *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л., 1974.
60. *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
61. *Зализняк Анна А.* О понятии имплицативного типа // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 107–121.
62. *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 92–115.
63. *Звегинцев В. А.* Семасиология. М., 1957.

64. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II.
65. *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976. 307 с.
66. *Зевахина Т. С.* Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1979.
67. *Изворска Р.* Формальная семантика // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики* / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М., 1997.
68. *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. М., 1971. Вып. 13.
69. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
70. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
71. *Караулов Ю. Н., Молчанов Н. И. и др.* Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса. М., 1982.
72. *Караулов Ю. Н., Молчанов Н. И., Афанасьев В. А., Михалев В. Н.* Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1982.
73. *Карнап Р.* Значение и необходимость. М.: ИИЛ, 1959. 382 с.
74. *Карттунен Л.* Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // *Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика*. М., 1985. Вып. XVI. С. 303–332.
75. *Карри Х. Е.* Основания математической логики. М.: Мир, 1969. 567 с.
76. *Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965.
77. *Катц Дж.* Семантическая теория // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1981. Вып. X. С. 33–49.
78. Категоризация мира: пространство и время: Материалы конференции. М., 1997.
79. *Кибрик А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопросы языкознания*. 1994. № 5. С. 126–139.
80. *Кибрик А. А.* Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // *Вестник МГУ. Филология*. 1997. № 4. С. 94–105.
81. *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
82. *Кибрик А. Е., Нариньяни А. С.* (ред.) Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
83. *Кнорина Л. В.* Металексика: попытка выделения // *Лингвистика на исходе XX в.: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции*. Т. 1. М., 1995. С. 228–230.
84. *Кобозева И. М.* Отрицание и пресуппозиции. АКД МГУ, 1976.

85. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / Под. ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000 С. 303–359.
86. Кобозева И. М. Опыт прагматического анализа *-то* и *-нибудь* местоимений // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 2. С. 165–173.
87. Кобозева И. М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 95–104.
88. Кобозева И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII.
89. Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности. М., 1988. С. 39–46.
90. Кобозева И. М. Русские модальные частицы и их согласование с иллокутивной функцией высказывания (на примере императивов) // Linguistische Arbeitsberichte. Leipzig, 1989. № 70.
91. Кобозева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Язык ментальных действий. М., 1993.
92. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Аномалии в прозе А. Платонова сквозь призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
93. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991а.
94. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика предикатов долженствования в русском языке // Russistik. 1991б. № 1. С. 68–76.
Кобозева И. М. Представление знаний о физических объектах для систем типа «Рисунок — Текст» // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 117–123.
95. Конрад Р. Лингвистические аспекты формализации структур типа «вопрос—ответ» // Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Новосибирск, 1979. С. 3–18.
96. Котелова Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 48–63.
97. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975.
98. Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // Научно-техническая информация. 1974. Сер. 2. № 10. С. 32–37.
99. Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Денотативный статус отглагольных имен // Научно-техническая информация. 1981. Сер. 2. № 12. С. 17–22.
100. Кришке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика. (Проблемы референции). М., 1982. Вып. XIII.
101. Кронгауз М. А. Тип референции именных групп с местоимениями «все», «всякий», «каждый» // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23. С. 107–123.
102. Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23. С. 124–154.
103. Крылов С. А. Дихотомический подход к классификации референциальных статусов. Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки: Тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. Киев, 1986. С. 21–23.

104. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
105. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. XIV. С. 133–176.
106. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1977.
107. Лакофф Дж. О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 302–349.
108. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII.
109. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
110. Лангакер Р. У. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН, 1992. С. 5–13.
111. Лангакер Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник МГУ. Филология. 1997. № 4. С. 159–174.
112. Латышева А. Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке // Вестник МГУ. Филология. 1982. № 5. С. 45–59.
113. ЛАЯ 1988 — Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
114. ЛАЯ 1989 — Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
115. ЛАЯ 1990 — Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1990.
116. Левин Ю. И. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13.
117. Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика. М., 1990. Вып. 30. С. 115–148.
118. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
119. Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разумеи автора системы предустановленной гармонии // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1983. Т. 2.
120. Леонтьева Н. Н. Семантика связного текста и единицы информационного анализа // Научно-техническая информация. 1981. Сер. 2. № 1. С. 21–29.
121. Лич Дж. К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. XIV. С. 108–132.
122. Лобанова Н. А. Вопросительные и отрицательные предложения в русском языке. М.: МГУ, 1971.
123. Логический анализ естественного языка: материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки», Паланга, 26–28 сентября. Вильнюс, 1982. 175 с.
124. Льюис Д. Общая семантика // Семиотика. М: Радуга, 1983. 253–284.
125. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под. ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
126. МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1957–1961.
127. МакКоли Дж. Д. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 235–301.

128. *Малюткина Л. Г.* Вопросительные предложения с вводно-модальными словами. 1966. Т. 14. С. 20–29. (Учен. зап. Петрозаводского ун-та. Вып. 7).
129. *Мамудян М.* Лингвистика. М., 1985. 200 с.
130. *Мелиг Х. Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике: Современная зарубежная русистика. М., 1985. Вып. XV.
131. *Мельчук И. А.* О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // ВЯ. 1960. № 4. С. 56.
132. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974. С. 52–140.
133. *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 1984. S. 14.
134. *Молчанова С. Ф.* О модальности частицы *-нибудь* // Доклады на научных конференциях. Ярославль: Ярославский ГПИ, 1964. Вып. «Филологические науки». Т. III.
135. *Монелья М.* Прототипические vs непрототипические предикаты: способы понимания и семантические типы лексических значений // Вестник Московского университета. Филология. 1997. № 2. С. 157–174.
136. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 37–89.
137. *Найда Ю. А.* Процедуры анализа компонентной структуры референциального значения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. XIV. С. 61–74.
138. *Найссер У.* Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.
139. *НЗЛ 1982* — Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы: референции / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1982. Вып. XIII. 434 с.
140. *Никитин В. М.* Вводные слова в русском языке, их специфика и типы. 1949. № 8. С. 98–142. (Учен. зап. Ряз. ГПИ).
141. *Никитина С. Е.* Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1980. Ч. 1: Методика построения тезауруса.
142. *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104 с.
143. *Николаева Т. М.* Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 4, № 4. С. 342–353.
144. *Николаева Т. М.* Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
145. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.
146. *НОССРЯ* — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997. 552 с.
147. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1954 и др. годы издания.
148. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 22–129.
149. *Павленис Р. Е.* Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. 286 с.
150. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974. 292 с.

151. *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8. С. 91–124.
152. *Падучева Е. В.* Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // Научно-техническая информация. 1979. Сер. 2. № 9. С. 25–31.
153. *Падучева Е. В.* Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении. Научно-техническая информация. 1981. Сер. 2. № 11. С. 23–30.
154. *Падучева Е. В.* Актуализация предложения в составе речевого акта // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982а. С. 38–63.
155. *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. М., 1982б.
156. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
157. *Падучева Е. В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
158. *Парти Б. Х.* Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 285–305.
159. *Паршин П. Б.* К вопросу о лингвистически ориентированной классификации знаний // Труды по искусственному интеллекту: Диалоговые системы и представление знаний. Тарту, 1981. С. 102–116. [Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 594].
160. *Паршин П. Б.* Тема и топик: к соотношению понятий // Вопросы восточного языкознания. М.: Наука, 1983.
161. *Паршин П. Б.* Топик и 'тоже': границы и интерпретация одной языковой оппозиции // Восточное языкознание. Грамматические и актуальное членение предложения. М., 1984. С. 107–122.
162. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960. 500 с.
163. *Перцова Н. Н.* Семантика слов в лингвистической концепции Лейбница. М.: МГУ, 1985.
164. *Петров В. В., Переверзев В. Н.* Ситуационная семантика. Научно-аналитический обзор. М., 1988.
165. *Пешковский А. М.* Избранные труды. М., 1952.
166. *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Сирконстанты в толковании предиката? // Z. Salon (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.
167. *Попов Э. В.* Общение с ЭВМ на естественном языке. (Пробл. искусств. интеллекта.) М.: Наука, 1982. 360 с. Библиогр.: С. 350–357.
168. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2.
169. *Правдин М. Н.* Словарное толкование, научность и здравый смысл // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 3–15.
170. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967.
171. *Русская грамматика: В 2-х т.* М.: Наука, 1980.
172. *Сааринен А.* О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.

173. Санников В. З. Значение союза *но*: нарушение «нормального положения вещей» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5.
174. Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
175. Санников В. З. Русский язык в контексте языковой игры. М., 1999.
176. САНРЯ — Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.
177. Сафонкина С. А. Соотношение лексико-семантической и энциклопедической информации в лексикографическом описании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 24 с.
178. Севбо И. П., Леонтьева Н. Н., Фитиалов С. Я., Цейтин Г. С., Шрейдер Ю. А. От структурной лингвистики — к искусственному интеллекту // Методологические проблемы искусственного интеллекта. Тарту, 1983. С. 130–156. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 654).
179. Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
180. Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа слов типа *все и кто-нибудь* // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 80–90.
181. Семиотика и информатика. М., 1990. Вып. 30.
182. Семиотика и информатика. М., 1991. Вып. 32.
183. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. XVII. С. 151–169.
184. Скрэгг Г. Семантические сети как модель памяти // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. XII. С. 228–271.
185. Словарь русского языка: В 4-х т. / Ин-т русского языка АН СССР. М., 1957–1961.
186. Словарь современного русского литературного языка / Ин-т русского языка АН СССР. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
187. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды института языкознания. М., 1954. Т. IV.
188. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. 1933. Ч. I. Гл. I, II, Ч. II. Гл. IV // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
189. Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 294–358.
190. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. (Семиологическая грамматика). М., 1981. 360 с.
191. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Филология. 1999. № 1, 4, 6.
192. Татевосов С. Г. Типологические проблемы квантификации в естественном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1997.
193. Телия В. Н. Конпотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
194. ТКС — Мельчук, Жолковский 1984.

195. Толстомятова М. Ф. Принципы формализации (алгоритмизации) семантического анализа текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1976.
196. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
197. УСС — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1978.
198. Уфимцева А. А. Лексическое значение. М., 1986.
199. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 369–495.
200. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983а. Вып. XII. С. 74–122.
201. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // НЗЛ. М., 1983б. Вып. XIV. С. 23–60.
202. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 52–90.
203. Фрумкина Р. М. Об отношении между методом и объектом изучения в современной семантике // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11.
204. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.
205. Фрумкина Р. М. (ред.). Язык и когнитивная деятельность. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989.
206. Фрумкина Р. М. (ред.). Язык и структура знаний. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990.
207. ФЭС 1983 — Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.
208. Хэйрартс Д. Принципы прагматической ономазиологии // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 5. С. 127–135.
209. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 35–73.
210. Чейф У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 2. С. 277–316.
211. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1998. 320 с.
212. Шаляпина З. М. Язык для записи семантической информации о единицах естественного языка: общая структура и некоторые возможности использования // Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Новосибирск, 1979. С. 33–47.
213. Шаляпина З. М. Семантические элементы, семантические отношения и их взаимосвязь в системе элементарных семантических единиц // Представление знаний и моделирование процессов понимания. Новосибирск, 1980. С. 31–46.
214. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд. М., 1972.
215. Шатуновский И. Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

216. *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и неререферентные слова. М., 1996.
217. *Шаумян С. К.* Аппликативная грамматика как семантическая теория естественных языков. М., 1974. 203 с.
218. *Шенк Р.* Обработка концептуальной информации. М., 1980. 361 с.
219. *Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л.* Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 401–449.
220. *Шмелев А. Д.* Парадоксы идентификации // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
221. *Шмелев А. Д.* Референциальные механизмы русского языка. [= *Slavica tamperensis*, V]. Тампере, 1996.
222. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
223. *Шмелева Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–100.
224. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
225. *Якобсон Р. О.* В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102–117.
226. *Якобсон Р. О.* О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.
227. *Ajdukiewicz K.* Die syntaktische Konnexität // *Studia Philosophica*. 1935. № 1. S. 1–27.
228. *Austin J. L.* *How to Do Things with Words*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1962. ix, 166 p.
229. *Bach K., Harnish R. M.* *Linguistic Communication and Speech Acts*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1982.
230. *Bartlett F.* *Remembering*. Cambridge, 1932.
231. *Bartmiński J.* Założenia teoretyczne słownika // *Słownik ludowych stereotypów jknyzkowich. Zeszyt przybny*. Wrocław, 1980.
232. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes // *Journal of Philosophy*. Lancaster, 1981. Vol. 78, № 11. P. 668–691.
233. *Bellert I.* Arguments and Predicates in the Logico-Semantic Structure of Utterances // *Studies in Syntax and Semantics* / Kiefer F. (ed.). Dordrecht, 1969a. P. 34–54.
234. *Bellert I.* On the Use of Linguistic Quantifying Operators in the Logico-Semantic Structure Representation of Utterances // *International Conference on Computational Linguistics*. Stockholm: KWAL, 1969b.
235. *Bendix E. H.* *Componential Analysis of General Vocabulary: the Semantic Structure of Aset of English, Hindi and Japanese*. The Hague: Mouton, 1966.
236. *Berlin B., Kay P.* *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 45.
237. *Bierwisch M.* Some Semantic Universals of German Adjectivals // *Foundations of Language*. Vol. 3, № 1, 1967.
238. *Bogustawsky A.* On Semantic Primitives and Meaningfulness // *Sign Language, Culture*. The Hague, 1970.

239. *Bogustawsky A.* On the Uniqueness Condition on Definite Descriptions and Their Differentiation // *Probleme der Textgrammatik II*. Berlin: Acad. — verl. 1977. P. 159–172.
240. *Bolinger D.* Yes-No Questions are not Alternative Questions // *Questions* / Ed. by H. Hiž. Dordrecht: Holland—Boston, 1978.
241. *Bullwinkle C. L.* Levels of Complexity Discourse for Anaphora Disambiguation and Speech Act Interpretation // *Proceeding of the Fifth International Joint Conference on Artificial Intelligence*, August 1977. Cambridge (Mass.). P. 43–49.
242. *Bybee J. L.* *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam: Benjamins, 1985.
243. *Chafe W.* *Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
244. *Chomsky N.* *Cartesian Linguistics*. N. Y.—London, 1966.
245. *Chomsky N.* *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
246. *Cohen Ph. R.* On Knowing What to Say: Planning Speech Acts, Ph. D. Thesis, University of Toronto, Technical Report № 118.
247. *Dahl O.* *Topic and Comment. A Study in Russian and General Transformational Grammar*. Göteborg, 1969. 53 p.
248. *Daneš F.* *Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text* // *Papers on Functional Sentence Perspective*. Praha, 1974.
249. *Engelcamp J., Zimmer H. D.* *Dynamic Aspects of Language Processing: (Focus and Presupposition)*. — B. etc.: Springer ser. in Language and Communication. Springer, 1983. 104 p. Bibliogr.: P. 92–98.
250. *Evans G., McDowell J.* (eds.) *Truth and Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1976.
251. *Fillmore Ch., Langendoen T.* (eds.) *Studies in Linguistic Semantics*. N. Y.—London, 1971.
252. *Fodor J. A.* *The Language of Thought*. N. Y., 1975.
253. *Fowler R., Hodge R., Kress G., Trew A.* *Language and Control* London: Routledge & Paul, 1979.
254. *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. № 100. S. 25–50. Рус. пер.: *Фреге Г. Смысл и денотат* // *Семиотика и информатика*, М., 1977. Вып. 8.
255. *Geerarts D.* *Cognitive Grammar and the History of Lexical Semantics* // *Rudzka-Ostyn*. 1988. P. 647–677.
256. *Goddard C., Wierzbicka A.* (eds.) *Semantics and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
257. *Grice H. P.* *The Logic of Conversation*. Harvard, 1968.
258. *Haiman J.* *Natural Syntax: Iconicity and Erosion*. Cambridge: Cambridge University Press., 1985.
259. *Harman G. H.* *Logical Form* // *Foundations of Language*. Dordrecht, 1972. Vol. 9. P. 38–65.

260. *Hendrix G. G.* Expanding the Utility of Semantic Networks through Partitioning // Advanced Papers of the Fourth International Joint Conference on Artificial Intelligence. Tbilisi, Georgia, 1975. P. 115–121.
261. *Isard S. D., Longuet-Higgins H. C.* Question Answering in English // Machine Intelligence / Michie (ed.). 1971. Vol. 6. P. 243–254.
262. *Jackendoff R.* Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge (Mass.) — London, 1972.
263. *Jackendoff R.* X-Bar Semantics // BLS. Vol. 13 (General Session and Parasession on Grammar and Cognition). Berkeley, 1987.
264. *Jackendoff R.* Semantics and Cognition. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1983.
265. *Joshi A. K., Weischedel R.* Computation of Subclass of Inferences: Presupposition and Entailment // American Journal of Computational Linguistics, 1977. Microfiche 63.
266. *Karttunen L.* Discourse Referents // Syntax and Semantics. Vol. 7. N. J.: Acad. Press, 1976. P. 364–385.
267. *Karttunen L.* On the Semantics of Complement Sentences // Papers from the Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. Vol. 6. Chicago, Illinois, 1970. P. 328–339.
268. *Karttunen L., Peters S.* Requiem for Preposition // Proceeding of the Annual Meetings of the Berkley Linguistic Society. Vol. 3. Berkley, California, 1977. P. 360–371.
269. *Katz J. J.* Semi-Sentences // The Structure of Language / Ed. by J. A. Fodor, J. J. Katz. Englewood Cliffs, 1964.
270. *Katz J. J., Fodor J. A.* The Structure of a Semantic Theory // The Structure of Language / Ed. by J. A. Fodor, J. J. Katz. Englewood Cliffs, 1964.
271. *Kiefer F.* Some Semantic and Pragmatic Properties of WHI-question and the Corresponding Answers // SMIL. 1977. № 3. P. 42–71.
272. *Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // Bierwisch and Heidolf (eds.) Recent Advances in Linguistics. The Hague: Mouton, 1968.
273. *Klaus G.* Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1963.
274. *Lakoff G.* Presupposition and Relative Well-Formedness // Jacobovits L., D. Steinberg (eds.). Semantics: an Interdisciplinary Reader. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
275. *Lakoff G., Espenson J., Goldberg A.* Master Metaphor List / University of California. Berkeley, 1989 (mimeo).
276. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor / A. Ortony (ed.). Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Second edition. P. 202–251.
277. *Lakoff R.* The Logic of Politeness: or, Minding Your p's and q's // Papers from the 8th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973.
278. *Langacker R.* Functional Statigraphy // Papers from Parasession of Functionalism Chicago Linguistic Society. Chicago, Illinois, 1975. P. 351–397.
279. *Langacker R.* Space Grammar, Analysability and English Passiv // Language. 1982. Vol. 58, № 1.
280. *Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.

281. *Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991.
282. *Lewis D.* General Semantics // D. Davidson, G. Harman (eds.) Semantics of Natural Language. Dordrecht: Reidel, 1972.
283. *Lewis D.* Adverbs of Quantification // Keenan E. (ed.) Formal Semantics of Natural Languages. Cambridge, 1975.
284. *Longuet-Higgins H. C.* The Algorithmic Description of Natural Language // Proceedings of the Royal Society of London. Ser. B. 182. London, 1972. P. 225–276.
285. *Maclaram R. A.* Studies in Language. 1984. Vol. 8, № 1. P. 142–148.
286. *MacMahon W. E.* Hans Reichenbach's Philosophy of grammar. Paris: Mouton, 1976. 284 p.
287. *McCalla G. I.* Analyzing Conversation // Proceedings of the Second Natural Conference of the Canadian Society for Computational Studies of Intelligence. Toronto, Ontario, 1978. P. 224–232.
288. *McCawley J. D.* Everything That Linguists Have Always Wanted to Know about Logic but were Ashamed to Ask. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 508 p.
289. *McCawley J. D.* Review: «Lingua Mentalis» by A. Wiezbicka // Language. 1983. Vol. 59, № 3. P. 654–659.
290. *Minsky M.* A Framework for Representing Knowledge // Winston P. H. The Psychology of Computer Vision. N. Y., 1975.
291. *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Montague R. Formal Philosophy. Selected Papers / Ed. by R. H. Thomason. New Haven, Connecticut: Yale Univ. Press, 1974. P. 247–270.
292. *Nida E.* Componential Analysis of Meaning. The Hague—Paris, Mouton, 1975.
293. *Nerlich B.* Writing the History of Semantics and Pragmatics: Problems and solutions // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. II. М., 1995.
294. *Norwig A., Lakoff G.* Taking: a Study in Lexical Network Theory // BLS. Vol. 13 (General Session and Parasession on Grammar and Cognition). Berkeley, 1987.
295. *Ogden C., Richards.* The Meaning of Meaning. N. Y., 1927.
296. *Partee B.* Formal Semantics and the Lexicon. (Рукопись курса лекций, прочитанного на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ). М., 1996.
297. *Partee B., R. ter Meulen, R. Wall.* Mathematical Methods in Linguistics. Dordrecht: Kluwer, 1990.
298. *Perrault C. R. Allen J. F. Cohen Ph. R.* Speech Acts as a Basis for Understanding Dialogue Coherence // Theoretical Issues in Natural Language Processing-2 / Waltz D. L. (ed.). Urbana, Illinois, 1978. P. 125–132.
299. *Petöfi J. S.* Textgrammar, Texttheory and the Theory of Literature // Poetics. 1973. № 7.
300. *Power R.* A Model of Conversation // Pragmatic Microfiche № 3. 1977.
301. *Quine W.* The Roots of Reference. La Salle, 1973.
302. *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y.: The MacMillan Co, 1947. 435 p.

303. *Reisig K.* Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1839.
304. *Ross J. R.* On Declarative Sentences // R. A. Jacobs & P. S. Rosenbaum (eds.). *Readings in English Transformational Grammar*. Ginn, Waltham, Mass., 1970.
305. *Rudzka-Ostyn B.* (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Philadelphia, 1988.
306. *Sadock J. M.* *Toward a Linguistic Theory of Speech Acts*. N. Y. et al, 1974.
307. *Searle J. R.* *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, 1969.
308. *Schreiber P. A.* Style Disjuncts and the Performative Analysis // *Linguistic Inquiry*. 1972. Vol. III, № 3.
309. *Shank R. C., Abelson R. P.* *Scrips, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures*. Lawrence Elbaum. Hillsdale, N. Y., 1977.
310. *Shopen T.* Logical Equivalence is not Semantic Equivalence // *Papers from the 8th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1972.
311. *Sidner C. L.* Use of a Focus as for Disambiguation for Definite Noun and Phrases // *Theoretical Issues in Natural Language Processing-2* / Waltz D. L. (ed.). Urbana, Illinois, 1978. P. 86–95.
312. *Steedman M. J., Johnson-Laird P. N.* The Production of Sentences, Utterances and Speech Acts: Have Computers Anything to Say? // *Language Production*. Vol. 1: *Speech and Talk* / Ed. by Butterworth B., N. Y., 1980. P. 111–141.
313. *Stern G.* *Meaning and Change of Meaning*. Goteborg, 1931.
314. *Talmy L.* Figure and Ground in Complex Sentences // Greenberg et al. (eds.). *Universals of Human Language*. Vol. 4. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 625–649.
315. *Talmy L.* How Language Structures Space // *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application* / Ed. by Pick H., Acredolo L. N. Y., 1983.
316. *Talmy L.* The Relation of Grammar to Cognition // *Rudzka-Ostyn*. 1988. P. 165–205.
317. *Taylor B. H., Rosenberg R. S.* A Case-Driven Parser for Natural Language // *American Journal of Computational Linguistics*. 1975. № 31. 48 p.
318. *Trier T.* *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*. 2. Auf. Heidelberg, 1973. 347 s.
319. *Ullmann S.* *The Principles of Semantics*. Glasgow, 1951.
320. *Vendler Z.* *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N. Y., 1967.
321. *Vendler Z.* Verbs and Times // *The Philosophical Review*. LXVI. 1957. P. 143–160.
322. *Wierzbicka A.* *Dociekania semantyczne*. Wroclaw etc.: Ossolineum, 1969.
323. *Wierzbicka A.* *Semantic Primitives*. Frankfurt/M, 1972. 235 p.
324. *Wierzbicka A.* *Lingua Mentalis*. Sydney etc.: Acad. Press, 1980. 367 p.
325. *Wierzbicka A.* *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor, 1985.
326. *Wierzbicka A.* *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, 1988.
327. *Wierzbicka A.* A Semantic Basis for Linguistic Typology // *Типология и теория языка. От описания к объяснению* / Под ред. Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельца. М., 1999.
328. *Wilkins J.* *Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language*. L., 1968.

Предметный указатель

А

- автоматический анализ / понимание текста 275, 283
автоматический перевод 123
автоматическое аннотирование 275
автореферентность 262
агенса / агентив 140, 141, 143, 145, 233, 248, 278, 281
адресат 1 [речевого акта] 40
адресат 2 [семантическая валентность / роль] 139, 143
адьюнкт 220
«аксиомы» языкового знака 35
— асимметрия плана выражения и плана содержания (= «асимметрический дуализм») языкового знака 35, 36
— двойное членение см. принцип двойного членения
— произвольность связи между означаемым и означаемым
акт предикации 258
акт референции 258
акт речи см. речевой акт
актант 106, 220
— семантический 140, 141
— синтаксический 141, 142
актантно-ролевая структура 251
актуализатор [денотативного статуса] 86, 228
актуальное (= теморематическое) членение предложения 252, 285
альтернативный вопрос 294
американский структурализм см. дескриптивизм
анафора 230
аномалия (см. также аномальность) 201, 205, 206
— в прозе А. Платонова 181
— семантическая 204
— «стилистическая» 207
— языковая 206
аномальность = неправильность 87, 181, 201
— грамматическая 201, 299
— семантическая (см. также бессмыслица, категориальная ошибка) 207
— — абсолютная
— — относительная 208, 211
— «стилистическая» 207
— языковая 206

- антонимия 72, 73, 104, 105, 268
— векторная 104
— комплементарная = отношение дополнительности 104
— контрарная 105
апликативная грамматика 276
аргумент 118, 145, 151, 152, 220
аргументное место 221, 224, 281
артикуль 86, 230
аспект см. вид
аспектуальный тип 222, 239
ассерция / ассертивный компонент СемII (см. также пресуппозиция) 215, 256, 287
ассоциативная норма 108, 187
ассоциативное отношение / связь 108
ассоциативное поле 108
ассоциация 12, 53, 64, 157, 187
— семантическая см. коннотация
атом (смысла) (см. также сема, семантический множитель, семантический примитив) 119
атомизация значения 221, 278
аффикс 42, 76, 77

Б

- бенефициант 281
бессмыслица 204, 205, 208

В

- важность [коммуникативная категория] 257
валентность 138, 140
— семантическая 140, 141, 143, 144, 146
— синтаксическая 141, 142, 146
вариативность 11, 71, 272
— морфологическая 71
— фонетическая 71
вводное слово 91, 92, 226, 245, 260, 301, 308, 315
вербализация 28
верифицирующий вопрос 255
вероятность (ср. возможность, см. также модальность) 172, 243, 302
вершина [предложения (синтаксическая)] 223, 237, 263
вещь [как означаемое слова] 20, 21
вид [глагола] = аспект 18, 42, 222
— несовершенный 222

— совершенный 167, 222, 310
 визуальная информация 28, 65
 внешнеситуационный аспект пропозиционального содержания 227
 внутренняя форма слова 12, 24
 внутренняя форма языка 23
 возможность (*ср.* вероятность, *см. также* модальность) 33, 96, 121, 226
 — объективная / онтологическая 242–244
 — субъективная / эпистемическая 242–244
 вокабула 64, 168
 вопрос (*см. также* ответ, функции вопросов) 8, 15, 20
 — альтернативный *см.* альтернативный вопрос
 — верифицирующий *см.* верифицирующий вопрос
 — общий *см.* общий вопрос
 — специальный / частный 294, 296
 вопросительное предложение (ВП) 50, 261, 292
 временная локализованность 235
 время 1 [грамматическая категория] 18, 77, 234, 262
 время 2 [понятийная / семантическая категория] 99, 154, 221, 235, 244
 вывод *см.* логический вывод
 выделенность 250
 высказывание = предложение-высказывание (*ср.* предложение) 14, 19, 62, 86, 215, 254, 265, 280
 — аномальное 16, 93, 205
 — семантически правильно построенное 16

Г

генеративная грамматика = порождающая грамматика 17, 26
 гипероним 101, 103, 112
 гипогиперонимия *см.* гипонимия
 гипоним 101–103, 112
 гипонимия = гипонимическая корреляция = гипогиперонимия = родо-видовое отношение 72, 101, 105, 268
 гипотеза 110
 — Сэпира—Уорфа / гипотеза лингвистической относительности 23
 глагол 13, 35
 — иллокутивный *см.* иллокутивный глагол
 — перформативный *см.* перформативный глагол
 глосса 20
 глоссематика 25
 глубинная структура 151, 230

глубинный падеж (*см. также* роль (семантическая)) 21, 137, 145, 278
 говорящий (Г) 260, 264, 288
 грамматика 22
 — аппликативная *см.* аппликативная грамматика
 — генеративная *см.* генеративная грамматика
 — категориальная *см.* категориальная грамматика
 — Монтегло (*см. также* формальная семантика) 26, 277
 — порождающая *см.* порождающая грамматика
 — рациональная 22
 — универсальная 22
 грамматическая зависимость 143
 грамматическая категория 18, 23, 39, 75
 — классифицирующая 77
 — словоизменятельная 77
 грамматическая правильность 204
 грамматическое отношение 76
 граммема 208, 232
 граф (*см. также* дерево) 119, 227, 268, 281, 285
 графические модели знака 44, 47, 48

Д

данное = старое [коммуникативная категория] 253
 дейксис 230
 действие [семантический тип ситуации, понятийная категория] 152, 153
 денотат 21, 45
 — актуальный = референт
 — виртуальный
 — прототипический 160
 денотативный компонент / слой лексической информации = значение денотативное 45, 48, 57, 58, 60, 62, 63, 80–87
 денотативный статус (ДС) (*см. также* актуализатор денотативного статуса) 228
 денотация = референция 227
 дерево [семантического представления] 276, 281
 дериват 93, 100, 186
 десигнат 31
 дескриптивизм = американский структурализм 24
 дескриптор 133, 134, 188–190
 дескрипция 223, 255
 — определенная 232
 дефиниция 22, 113, 117, 121, 133

- деятельность (activity) [семантический тип предиката / ситуации] 221, 222, 239
 диахрония 12
 диктум (ср. модус) 242
 диминутив 90
 дискурс 28, 62, 215, 230
 дистрибутивная методика [в лексической семантике] 105, 149, 150
 — — дистрибутивная формула 150
 — — конструкция 150
 — — ориентированная фраза 149, 150
 дистрибутивность (ср. собирательность) 229, 232
 дистрибуция (синтаксическая) 148
 диффузность (лексического значения) 158, 162
 дихотомия языка и речи 53
 дополнение [член предложения, грамматическое отношение] 136, 141, 145, 241
- Е**
- единичность 232
- З**
- заимствование 40, 72, 94, 175
 закономерности изменения значений слов 23
 залог 18
 — активный 253, 262
 — пассивный 253, 262
 звуковой (= фонетический) символизм = звуко-символизм 20
 «звукоизобразительные» слова 39, 53
 звукоподражание = ономотопея 17, 39
 звуко-символизм = звуковой символизм 17, 39
 знак (см. также аксиомы языкового знака, графические модели знака) 10, 11
 — иконический 21, 37, 39
 — — образ 37
 — — диаграмма 37, 39
 — индексальный / индекс 38
 — интерпретатор знака 13, 31
 — интерпретация знака 13
 — минимальный 35
 — простой = нерасчлененный = глобальный 33
 — символический см. символ
 — условный = конвенциональный 38
 — языковой 13, 20, 30,
 знаковая система = система знаков = семиотическая система 11, 21, 31
 знание языка = языковое знание 12, 14, 28, 63, 67
 знания о мире = экстралингвистические знания 14, 15, 64, 67
 значение (см. также смысл) 8, 14, 16
 — абстрактное 50, 54
 — актуальное 50, 55, 156–158, 199
 — варианты значения 71
 — вещественное 24
 — виртуальное 54, 156, 168, 199
 — грамматическое 18, 63, 75
 — денотативное см. лексико-семантическая информация денотативная
 — денотативно-сигнификативное 45, 58, 62
 — конкретное 55, 136, 219
 — лексическое 18, 47, 63, 75
 — — «ближайшее» 63, 64
 — — «дальнейшее» 64
 — лингвистическое см. языковое
 — логическое 268, 269
 — модальное 243, 245, 246
 — общее 18
 — пейоративное 52
 — переносное 92, 164
 — прагматическое см. прагматический компонент / слой (лексической информации)
 — пропозитивное 236
 — реляционное 30, 44, 46
 — сигнификативное см. сигнификат
 — синтаксическое см. синтаксический компонент / слой лексической информации
 — структурное см. значимость (valeur)
 — сходные значения (см. также сходство значений) 168, 169
 — узуальное 51, 71, 96, 100, 115, 124, 156–166, 168
 — фонетическое 52, 53
 — частное 18
 — языковое = лингвистическое 15, 24, 63, 64, 67, 82
 значение [как слово обыденного языка] 8–11, 13, 29, 84
 — «информационное» употребление слова значение 9
 — истолкование (= экспликация) значения 11
 — контекст / контекстное окружение слова значение
 — носители значения 10, 11
 — определения к значению 12
 «значение» [как термин лингвистической семантики] 8, 16, 43
 — значения термина «значение» 48

- реляционное понимание 46
- субстанциональное понимание 44, 46
- 'значение' [понятие обыденного сознания] 10, 11
- значимость (*valeur*) = структурное значение 83, 95, 96

И

- идеологические слова 12
- идиолект 178
- иерархия «престижности» языковых средств выражения смысла 257
- избыточность 8, 100, 279
- известное (*ср.* данное) 259
- иконичность 38, 39, 43, 102
- изоморфизм 40
- иконическая мотивированность 40, 41
- иллокутивная сила *см.* иллокутивная функция
- иллокутивная функция (ИФ) = иллокутивная сила 259, 288, 293
- иллокутивный акт (ИА) (*ср.* пропозициональный акт, перлокутивный акт)
- иллокутивное вынуждение 63
- иллокутивное предназначение = иллокутивный потенциал (ИП) 259, 263, 289
- иллокутивные показатели (*см. также* индикаторы ИФ) 263
- иллокутивный глагол 261, 263
- иллокутивный потенциал *см.* иллокутивное предназначение
- именная группа (ИГ) (*см. также* интродуктивное употребление ИГ, референциальный статус ИГ) 228–236
- императив 91, 222
- импликатура (дискурса) 207, 215, 290
- импликация 121, 122, 211, 213, 215, 226, 285
- имплицитная информация 215, 264, 288
- имя прилагательное 62, 76, 78, 96, 136
- имя существительное 18, 62, 76, 136
- инвариант 71, 137, 159
- семантический 156
- синонимических преобразований 27
- индикаторы ИФ 263
- интенционал 59
- интонационная конструкция (ИК) 18, 306
- интонационный контур 18, 76, 199, 215, 310
- интонационный центр 306
- интонация 16, 259, 295, 298
- интродуктивное употребление ИГ 283
- интродукция новой темы 307
- интродукция референта 232
- интроспекция 24, 180
- интуиция 180, 212

- информант 186 181–185
- искусственный интеллект (ИИ) 67
- искусственный язык 21
- истинность (*см. также* условия истинности) 26
- исходная точка 252–254
- исходное предположение вопроса = установка вопроса (*см. также* общего вопроса установка) 215, 292, 293, 296, 301
- исчисление предикатов 22, 119, 224

К

- картина мира 125
- наивная 131
- научная 125, 126, 131
- языковая *см.* языковая картина мира
- категориальная грамматика *см.* грамматика категориальная
- категориальная несовместимость *см.* несовместимость категориальная
- категориальная ошибка 204, 206
- категоризация 41
- базовый уровень категоризации 102
- категория 18
- базовая 102
- грамматическая *см.* грамматическая категория
- коммуникативная = упакочная / упакочки 240, 250, 256
- коммуникативно-прагматическая 290
- лексико-грамматическая (*см. также* часть речи) 62, 76, 77, 100
- мыслительная / мышления 43
- понятийная 43
- семантическая / содержательная 124, 152
- семантических единиц (синтаксическая) 120, 224
- каузация 279
- квазисинонимия (*см. также* синонимия) 40, 100
- квантификация 238, 239
- А-квантификация 238
- D-квантификация 239
- кванторные слова 117, 225, 226
- квантор (*см. также* рестриктивный терм, ядерная сфера действия) 120, 223, 224
- общности (V) 224, 282
- подкванторная переменная 224, 225
- существования (Э) 224, 282
- кинемика 39
- класс (единиц языка)
- открытый 76
- закрытый 76

- классификация 24
 — знаков 37, 38
 — растений и животных 41
 — речевых действий Баха—Харниша 261
 когипоним = согипоним (см. также гипонимия) 101
 когитология 15
 когнитивная психология 27, 65
 комитатив 235
 коммуникант 12, 200, 230, 256, 284
 коммуникативная организация смысла (КОС) (см. также коммуникативный компонент смысла предложения) 250, 285
 коммуникативная / речевая ситуация = ситуация (речевого) общения 14, 38, 39, 55, 60, 61, 103, 200, 230, 250, 251, 254, 258, 260, 280, 285, 288, 293, 303, 304, 308, 310
 — официальная 90
 коммуникативная система 31
 коммуникативная цель 62, 218
 коммуникативный акт 126, 198, 229
 коммуникативный (= упаковочный) компонент смысла предложения (см. также коммуникативная организация смысла) 237
 коммуникативный провал 264
 коммуникация 32, 67, 102, 204
 композицион(аль)ность 51
 компонент смысла = смысловой компонент см. семантический компонент I
 компонентный анализ 21, 27, 35, 109, 110, 123
 компьютерная / вычислительная лингвистика 15
 конверсив 105, 250, 253
 конверсивность 72, 105
 конкатенация 275
 коннотация = ассоциация семантическая 12, 81, 92, 93
 константа 223, 277
 конструкция см. дистрибутивная методика [в лексической семантике]
 конструкция-трансформ 250
 контекст 9, 12, 14, 16, 53
 — ситуативный 55, 79, 91, 211
 — типовой 120, 148, 259, 262
 — экстралингвистический 158, 200, 253, 307
 — языковой 79
 контрагент 139, 146
 контрадикция / контрадикторность см. противоречие (логическое)
 контрастивность 256, 296, 317
 контролируемость (ср. неконтролируемость) 222
 концепт (см. также понятие) 13, 125
 концептуализация 248
 концептуальный анализ 59, 84, 85
 концептуальное расстояние 42
 корреляционный анализ 196
 корреляция = парадигматическое отношение 47, 71, 73, 97, 113, 132, 135, 162, 166, 268
 — семантическая см. семантическая корреляция
 культурные слова 12
- Л**
 лексема 65, 77–79
 лексика 64, 70, 71, 75
 — абстрактная 83–85
 — активная 72
 — заимствованная 72
 — исконная 72
 — пассивная 72
 — конкретная 83–85, 113, 115, 181
 лексикография 70, 73, 159
 лексикология 16–18
 лексикон 35, 51, 70, 200
 лексико-семантическая (= лексическая) информация 79–94
 — денотативная см. денотативный компонент / слой (лексической информации)
 — прагматическая = коннотативная = стилистическая = экспрессивная см. прагматический компонент / слой (лексической информации)
 — коннотативная см. прагматическая
 — синтаксическая см. синтаксический компонент / слой (лексической информации)
 — стилистическая см. прагматическая
 — экспрессивная см. прагматическая
 лексико-семантическая парадигма 98
 лексическая информация см. лексико-семантическая информация
 лексическая декомпозиция (см. также компонентный анализ) 188, 214
 лексическая (под)система языка 18, 70
 лексическая семантика 17–19, 21, 70, 75, 77, 78, 80, 82, 87, 91, 95, 98, 110, 111, 118, 119, 135, 136, 140, 152, 159, 162, 180, 183, 198, 199
 лексическая функция 101, 104
 — замена 99, 107
 — параметр 147

- лингвистическая семантика 8, 15, 25, 198
 линейно-интонационная структура (ЛИИС) 252
 — внерематический компонент 252, 253
 — начало 252, 254
 — рема 2 (ср. рема 1) 252
 личная сфера говорящего 90
 логика 22, 203, 218, 223–226, 246, 267, 277
 — аристотелевская = классическая = традиционная 137, 224, 238
 — формальная 25, 59, 271
 — — интенциональная 22, 268, 277, 280
 — — модальная 172, 226, 242, 246
 (логико-)семантическое отношение (между предложениями) 209, 210, 269, 272
 — импликации см. импликация
 — следования / вынуждения см. следование
 — противоречия см. противоречие (логическое) синонимии
 — presupпозиции см. presupпозиция
 — эквивалентности (см. также синонимии предложений) 212, 249, 292
 логическая ошибка 207
 логическая форма 22, 46, 214, 223, 276
 «Логический анализ языка» (семинар) 26
 логический вывод 15, 195, 272, 288
 логический субъект см. тема
 логический язык см. язык логики
 логическое исчисление 25, 280
 ложность 201, 202, 209, 262, 295
 локуция (ср. иллокутивная функция) 259
- М**
 магическая сила слова 20
 манипуляция сознанием 255
 машинный перевод 27, 277, 278
 математическая статистика 196
 ментализм 24
 ментальная сущность 26, 120, 267
 ментальное действие 171
 ментальное имя 320
 ментальное состояние 170, 172, 173
 ментальный акт см. ментальное действие
 ментальный предикат 274
 ментальный процесс 180
 ментальный феномен 27, 47
 местоимение 15
 — действительное 38
 — личное 38, 223
 — неопределенное 86, 117, 231
 — указательное 38, 86, 230
 металексика 78
 метафора = эпидигматическое отношение
 метафорическое 168, 170, 171
 — концептуальная 171
 метафоризация 173, 178
 метаязык (ср. язык-объект) 84, 228, 266
 — семантический см. семантический метаязык
 метод 15
 — семантического анализа / исследования 19, 85
 — — дистрибутивно-трансформационного анализа 151, 165
 — — дистрибутивный 164, 165
 — — интроспекции см. интроспекция
 — — компонентного анализа 21, 35, 110
 — — семантического шкалирования см. семантическое шкалирование
 — — синонимического перифразирования 83, 85
 — — тезаурусный см. тезаурусный метод
 — — трансформационный 150
 — — экспериментальный см. эксперимент
 — сравнительно-исторический см. сравнительно-исторический метод
 метонимия = эпидигматическое отношение
 метонимическое 170
 микрополе 124, 127, 128, 132
 мир дискурса 58, 59, 85, 86, 202
 многозначность = полисемия (см. также метафора, метонимия, синекдоха) 35, 36, 41, 57, 71, 266
 — речевая 158
 — слова 156–157, 168–170
 — — регулярная 16
 — — топологические типы многозначности 170
 — — — радиальная 169
 — — — радиально-цепочечная 170
 — — — цепочечная 170
 множественность 104, 229, 232, 233
 множество ситуационное / объемлющее / релевантное 256
 модальная рамка 240, 242
 модальное значение см. значение модальное
 модальность 237, 240
 — вопросительная 241
 — деонтическая 246
 — ирреальная 240
 — нейтральная 240, 241
 — объективная 240, 242
 — презумптивная 240
 — реальная 240, 241
 — субъективная 240–242, 244
 — утвердительная 240
 модальный оператор 173, 226, 242
 — возможности 226, 242
 — долженствования 242

- необходимости 237, 242
 - модель мира 25, 26, 40, 90, 202, 268
 - модель понимания текста 28
 - модель текстообразования (когнитивная) 28, 29
 - модель управления (МУ) 142, 144
 - модель языка (интегральная) 27, 74, 141
 - «Смысл \Leftrightarrow Текст» (МСТ) 27
 - модус (ср. диктум) 218, 241, 242
 - моносемия 156
 - морфема 17, 34, 35
 - морфология 16–18, 79, 261
 - Московская семантическая школа 27, 28, 74
- Н**
- наклонение 173, 226
 - повелительное 91, 260
 - неизвестное (ср. новое) 254
 - неинформативность 16
 - неконтролируемость 222
 - неодушевленность 76
 - неологизм 94
 - неотчуждаемая принадлежность 42
 - непонимание 19
 - нерелевантность 113
 - несовместимость (см. также противоречивость) 26, 100, 103, 104, 105, 112
 - категориальная 204, 205, 207
 - стилистическая / прагматическая 207, 208
 - новое (ср. данное) 253
 - в тезаурусе 254
 - номинализация 236–238, 245
 - номинация 28, 61, 91
 - норма 61, 89, 93, 181
 - носитель языка 8, 13, 27, 46, 52
 - нотация = нотационные конвенции 272
- О**
- ограничение 14, 26, 78
 - грамматическое 162, 166
 - на сочетаемость = сочетаемостное ограничение 93, 146, 147, 164, 201
 - — морфо-синтаксическое 222
 - — семантическое 222
 - на тип референта / способ референции 87
 - на употребление 26, 80, 90, 162, 301
 - прагматическое 222
 - селекционные 147, 164, 205
 - обстоятельство [член предложения] 141, 154, 222
 - времени 154
 - места 154
 - общевопросительное предложение (ОВП) 292
 - общение 10, 14, 15
 - моделирование общения 290
 - пользователя с компьютером на естественном языке 15
 - общий вопрос (ОВ) 295
 - интонационный тип ОВ 303, 305, 308
 - с частицей *ли* (= *ли*-вопрос) 295, 296, 298–300, 312
 - негативный 298, 299, 311–313
 - позитивный 298–301
 - установка (= исходное предположение) ОВ 296, 297, 298, 301, 305, 306, 310, 311, 313, 314, 315
 - — аксиологическая 297, 302, 304, 308, 309
 - — эпистемическая 297, 302, 304, 308, 309, 310, 315
 - объект 1 [тип сущностей] 10, 38, 40, 41, 59, 61, 64, 65, 82–92, 96–105, 114, 160, 164, 170, 183, 186, 217, 219, 220, 222–223, 248, 251, 258
 - идеальный 40, 170
 - ментальный 180
 - неодушевленный 162
 - физический 32, 64, 65, 162, 168, 178
 - объект 2 [семантическое отношение / семантическая роль / валентность] (см. также пациенс) 106, 142, 153, 154, 164, 172, 181, 192
 - объективизм 24
 - обязательность [как признак грамматичности] 75, 77
 - означаемое (*semainomenon*, *signifié*) = план содержания (см. также знак) 31, 32, 34, 131, 141, 217
 - означающее (*semainon*, *signifiant*) = план выражения (см. также знак) 31, 32, 34
 - связь между означающим и означаемым 33, 35, 37, 38
 - — природная 20, 37, 38
 - — условная 37
 - оксюморон 204
 - олицетворение 206
 - омоним 35
 - омонимия 35, 36, 40, 72, 156
 - омофон 40, 96
 - ономасиологический подход / принцип 124
 - ономатопея см. звукоподражание
 - оператор 120
 - времени 224
 - йота-оператор (*ι*-оператор) 282

- лямбда-оператор (λ -оператор) 282
 - модальный *см.* модальный оператор
 - отрицания
 - утверждения
 - оппозиция *см.* противопоставление
 - определенность (*ср.* неопределенность) 229–231
 - слабая 231
 - ориентированная фраза *см.* дистрибуция
 - осмысленность (предложения) 202, 203, 211
 - условие осмысленности 286
 - ответ (*см.* также вопрос) 8, 12
 - отдельность слова 72
 - отношение 1 (говорящего) 52, 60, 61, 296–297
 - к адресату / собеседнику 60, 89, 258
 - к обозначаемому 87, 88, 258
 - к собственному высказыванию 258
 - эмоционально-оценочное 88, 89
 - отношение 2
 - ассоциативное *см.* ассоциативное отношение / связь
 - грамматическое *см.* грамматическое отношение
 - дополнительной (*см.* также антонимия комплементарная) 104, 112
 - «именования» 20
 - логико-семантическое *см.* логико-семантическое отношение
 - парадигматическое *см.* парадигматическое отношение
 - семантическое *см.* семантическое отношение
 - синтагматическое *см.* синтагматическое отношение
 - эпидигматическое 169
 - отрицание 117, 118
 - нейтральное 285
 - противопоставительное 185, 286
 - отрицательный языковой материал 114, 181, 299
 - отчуждаемая принадлежность 42
 - категориальная *см.* категориальная ошибка
 - языковая *см.* аномалия языковая
- П**
- падеж 18, 41, 62, 137, 147, 148, 201
 - память 33, 51, 65, 230, 284
 - парадигма 1 [грамматическая] 77
 - парадигма 2 [научная] 26, 68, 230, 284
 - парадигматика (*см.* также эпидигматика) 47, 49, 95, 148, 152, 155, 172
 - парадигматическое отношение / связь *см.* корреляция
 - паронимия 72
 - пациенс (*см.* также объект 2) 140, 141, 143, 146, 248
 - перевод 68
 - автоматический *см.* автоматический перевод
 - машинный *см.* машинный перевод
 - перлокутивный акт (*см.* также иллюкутивный акт) 260
 - перлокутивный эффект 260
 - перформативный глагол 260, 262, 263
 - план выражения *см.* означающее
 - план содержания *см.* означаемое
 - поверхностная структура 205, 213, 220, 222, 249, 254
 - подлежащее (*см.* также субъект 1) 62, 86, 141, 145, 201, 230, 251, 253, 262
 - подчеркивание 103, 119, 251
 - познание 27, 43, 47, 296
 - рациональное 81
 - показатель 35, 42
 - грамматический 73, 77–79
 - достоверности сообщения 91, 92, 301
 - имплицитный 77
 - просодический 216
 - формальный *см.* формальный показатель
 - эксплицитный 77
 - поле (семантическое) *см.* семантическое поле, микрополе
 - полисемия *см.* многозначность
 - полупредложение (semi-sentence) 206
 - получатель [семантическая роль] 40
 - понимание [как речемыслительная деятельность] 14, 15, 28, 51, 64, 65, 67, 94, 102, 155, 201, 278, 279, 307
 - понятие (*см.* также концепт, сигнификат) 8, 9
 - наивное 48, 49, 59
 - научное 48, 63
 - элементарное 41
 - понятийное поле (*см.* также семантическое поле) 98, 99, 104, 124
 - понятийное содержание [слова] *см.* сигнификат
 - порождающая грамматика = генеративная грамматика 17, 27, 141, 145, 151
 - порядок слов 18 275
 - постулат значения 121, 122, 270
 - правило 16
 - взаимодействия значений 203, 209, 212
 - грамматики 201, 280
 - проекции 164, 205
 - речевого общения 16

- употребления / использования [языкового выражения] 16, 64, 90
- правильность [языкового выражения] (ср. аномальность) 9, 201
- грамматическая см. грамматическая правильность
- семантическая см. семантическая правильность
- порождающая грамматика = генеративная грамматика 17, 26
- прагмалингвистика 191
- прагматика 8, 15, 32, 46 47, 58, 258
- прагматическая presupпозиция 254, 255
- прагматическая функция [слова] 87, 90, 91
- нетривиальная 91, 92
- тривиальная 91
- прагматический компонент / слой лексической информации = значение прагматическое 60–62, 87–94
- прагматический (иллокутивный) компонент (смысла предложения) 258, 261
- прагматическое значение см. прагматический компонент / слой (лексической информации)
- Пражский функционализм 25
- предикат 87
 - аксиологический 172, 173
 - актуального членения 285, 286
 - гомогенной деятельности 222
 - деонтический 172
 - деятельности (activity) 221
 - достижения (achievement) 221
 - исполнения (accomplishment) 221
 - классификация / типология предикатов (см. также аспектуальный тип) 152, 221, 222, 228, 239
 - логический см. рема I (смысловая)
 - свойства 216, 219, 238
 - состояния (state) 221
 - степень / ранг / порядок предиката 221
 - фактивный см. фактивный предикат
 - *n*-местный 221
- предикатив 120, 216, 226, 246
- предикатор 221
- предикатно-аргументная структура = реляционная структура 219–221, 223
- предикатное употребление (имени) 215, 223
- предикация 190, 244
- предлог 40, 41, 75, 76
- предложение (ср. высказывание, см. также псевдопредложение)
 - аналитически истинное 203
 - аналитически ложное 203, 204
 - бессмысленное 204
 - вопросительное см. вопросительное предложение
 - изолированное 14, 55, 210, 289
 - неполное 14
 - перформативное 202, 261, 262
 - побудительное 202, 206, 261
 - повествовательное 202, 249, 261
 - придаточное 215, 216, 236
 - семантически аномальное / дефектное / некорректное 181, 201, 204
 - семантически правильное / корректное 202
 - синтетически истинное 202
 - синтетически ложное 202, 203
 - структурная схема предложения 219, 294
- предложение–высказывание см. высказывание
- предметная область 33, 82, 223, 275
- презумпция см. presupпозиция
- presupпозитивный компонент СемII
- presupпозитивный компонент СемII / презумпция (семантическая) / presupпозитивный компонент СемII (ср. асерция, см. также прагматическая presupпозитивная) 203, 211, 213, 215
- индикатор presupпозитивной 215
- прилагательное см. имя прилагательное
- примитив (семантический) = атом (смысла) см. семантический примитив
- принцип двойного членения 34
- принцип диффузности значений 158, 159
- принцип композиционности / принцип Фреге 51
- принцип произвольности знака 37, 38
- принцип рациональности 207
- принцип речевого общения 207
- принцип экономии 33
- проблемная область 273
- производные слова 43, 185
- происхождение имен 20
- прономинализация 254
- пропозициональная форма 218, 219
- пропозициональная функция 217, 218
- пропозициональное содержание см. пропозициональный компонент
- пропозициональный акт 258
- пропозициональный компонент = пропозициональное содержание (предложения–высказывания) 217–219
- пропозиция 218
- просодические средства / особенности (см. также показатель просодический) 26, 67, 274–275
- противопоставление = оппозиция 12, 13, 28, 37, 41, 53, 97

противоречивость 208
 противоречие (логическое) = кон-
 традикция (см. также несовместимость) 26,
 203–206, 212–213, 221, 269
 прототип 66, 83, 85
 — прототипная теория значения см. теория
 прототипов
 прохибитив 222
 процедура анализа пересекающихся значе-
 ний 114
 процедура вертикально-горизонтального
 анализа значений 112, 114
 псевдопредложение 199
 псевдотавтологическая конструкция / псев-
 дотавтология 93, 186, 204
 психология 15
 — когнитивная см. когнитивная психоло-
 гия
 психоллингвистика 187

Р

рациональный язык 21, 22
 регулярность 75, 77, 93
 результат [как семантическая валентность /
 роль] 107, 169, 171–173
 реляционная структура см. предикатно-ар-
 гументная структура
 реляция = синтагматическое отношение 72,
 73, 96, 97, 113
 — семантическая см. семантическая реля-
 ция
 рема 1 (смысловая) = логический предикат
 = комментарий (ср. тема) 238, 252,
 285, 295
 — маркер ремы 285
 рема 2 см. линейно-интонационная струк-
 тура
 реплика 62, 63
 референт (см. также денотат) 21, 28, 39, 44,
 46, 58
 референциальный индекс 223
 референциальный статус (РС) 228, 282
 — именной группы (РС ИГ) 228–236
 — — автономный 229
 — — нереферентный 229, 236
 — — — переменный 236
 — — — родовой / генерический 236
 — — — универсальный 238
 — — — экзистенциальный 238, 282, 283
 — — предикатный 86, 229
 — — термовый 229
 — — — референтный / конкретно-рефе-
 рентный 229, 230
 — — — определенный 230

— — — слабоопределенный / полуопре-
 деленный 231
 — — — (собственно) неопределенный
 230, 282–284
 — сентенциальной группы (РС СТ) 239
 референционный потенциал 86
 референция = предметная отнесенность
 (см. также сигматика, теория рефе-
 ренции) 26, 46, 58, 227
 — атрибутивная 236
 — интродуктивная 230
 речевое действие 40, 87, 90, 108, 123,
 127–130
 речевой акт = акт речи 38, 63, 157, 215, 227,
 258, 261, 264
 — обстоятельства речевого акта 264
 речевой аппарат 33
 род [грамматическая категория] 77, 76
 родо-видовое отношение см. гипонимия
 роль (семантическая) (см. также валент-
 ность семантическая, тематическая
 роль) 40, 135, 143, 145, 169, 235, 248

С

самоверифицируемость 262
 связка 30, 120, 214, 223, 226, 238
 сема (см. также атом смысла, семантиче-
 ская единица элементарная) 34, 110,
 111, 113, 119, 151
 семантика 1 [раздел лингвистики] (см. так-
 же лингвистическая семантика) 8, 14,
 15
 — высказывания 19, 22, 29, 227
 — грамматическая 28, 29, 75
 — границы семантики 8, 16
 — — постулат о границах семантики 16
 — «интерпретирующая» 270
 — когнитивная 27, 28, 83, 85, 159, 170
 — концепция / трактовка (границ / пред-
 мета) семантики 13–16
 — — узкая 14, 28
 — — широкая 14, 16, 18, 28
 — лексическая см. лексическая семантика
 — логическая 25, 45
 — морфемная 17, 29
 — «порождающая» 270
 — предложения 17, 29, 51, 67, 118
 — прототипная см. теория прототипов
 — процедурная 28, 268
 — редуccionизм в семантике 15
 — сильная / внешняя (ср. слабая / внутрен-
 ная) 25, 26, 28, 268
 — синтаксическая 17

- слабая / внутренняя (*ср.* сильная / внешняя) 25, 26
- текста 19, 29
- теоретико-модельная (*см. также* формальная семантика, грамматика Монтегю) 26
- трансляционная 27
- формальная *см.* формальная семантика
- семантика 2 [содержание знака] 16
- семантическая ассоциация *см.* коннотация
- семантическая единица (СЕ) (*см. также* семантический компонент 1) 34, 51, 97
- морфо-семантическая 51
- лексико-семантическая 51
- сентенциально-семантическая 51
- тексто-семантическая 51
- элементарная (ЭСЕ) (*см. также* сема) 118
- семантическая интерпретация (*см. также* семантическое представление) 26, 51, 141, 164, 210, 266, 267
- семантическая корреляция = парадигматическое семантическое отношение / связь (*см. также* лексическая функция-замена) 95, 97–99, 105, 106, 131
- антонимическая *см.* антонимия
- гипонимическая / гипогиперонимическая / родо-видовая *см.* гипонимия
- дистрибутивный подход к выявлению семантических корреляций 106
- конверсивная *см.* конверсивность
- несовместимости *см.* несовместимость
- общая 99, 107
- семантической производности 106, 107, 135
- — актантная 106
- синонимии / синонимическая *см.* синонимия
- специфическая 99, 107, 108
- «часть — целое» 104
- семантическая правильность 208, 268
- семантическая пропорция 109–112, 115
- семантическая реляция (*см. также* семантическое отношение синтагматическое) 18, 27, 73, 96
- семантическая репрезентация *см.* семантическое представление
- семантическая роль *см.* роль (семантическая)
- семантическая сеть (*см. также* семантический метаязык сетевой) 268, 277, 281, 282, 284
- семантическая способность 14
- семантическая структура предложения (*см. также* семантическая интерпретация, семантическое представление) 22, 305
- семантическая теория 22, 27, 28, 46, 68, 136
- семантический граф 227, 281, 283
- семантический компонент 1 (*см. также* семантическая единица, семантический признак / маркер) 182
- дифференциальный 182
- — вероятностный 182
- — категориальный 182
- интегральный 188
- нетривиальный 168, 169
- онтологический статус семантических компонентов 120
- семантический компонент 2 [часть модели / теории языка] 73, 201
- семантический маркер *см.* семантический признак
- семантический метаязык / язык 19, 21, 68, 73, 112, 116, 119, 120, 131, 214, 220
- различия между семантическими метаязыками 120–122, 267, 277, 290
- сентенциальный = метаязык для описания значения предложения / смысла высказывания 267–291
- сетевой (*см. также* семантическая сеть) 277, 281, 283
- синтаксис (грамматика) метаязыка 119, 120, 138, 267, 277
- словарь метаязыка *см.* словарь семантического метаязыка
- семантический множитель (*см. также* семантический компонент 1) 110, 111
- семантический признак / маркер (*см. также* семантический компонент 1) 147, 164, 228, 285
- дифференциальный 97, 111, 131, 289
- интегральный 97, 113
- семантический примитив = семантическая единица элементарная 34, 41, 111
- «семантический треугольник» 44
- семантический эффект 18, 103, 248
- семантический язык *см.* семантический метаязык
- семантическое описание 22, 23, 30, 64, 84, 124, 292
- семантическое отношение (*см. также* логико-семантическое отношение) 18, 19, 26, 27, 51, 72, 105, 106, 108, 186
- внутрилексемное *см.* эпидигматическое отношение
- парадигматическое *см.* семантическая корреляция

- синтагматическое (СО) = семантическая реляция 62, 63, 71–73, 96, 135–140, 143, 146, 268, 277–279, 286
- — графическое представление СО 136
- — инвентарь / СО 137–138, 278
- — элементарное СО (ЭСО) 138, 139, 278, 283
- семантическое поле = поле (семантическое) 98, 99
- корреляции семантического поля 99, 106
- семантическое представление (СемП) = семантическая репрезентация (см. также семантическая интерпретация) 27, 67, 68, 118, 152, 209, 210, 212–214, 238, 266, 270, 271, 273, 275, 278, 279, 282, 283, 285–289, 292–298, 302, 308
- семантическое шкалирование 53
- семасиологический подход / принцип 124
- семасиология 19, 23
- семема 156, 168
- семиозис 31, 32, 46, 49, 58
- семиотика 31, 32, 37, 46
- семиотическая система см. знаковая система
- сентенциальная группа (СГ) = сентенциальная составляющая 59, 236–240
- сентенционная / ситуационная форма 118
- сигматика (см. также референция) 46
- сигнификат = сигнификативный компонент / слой (лексической информации) = значение сигнификативное 57–60, 62, 63, 80–83, 85, 87–89, 92, 100, 136, 227, 254
- прототипический 160
- сигнификативный компонент (лексической информации) см. сигнификат
- силлогизм 184
- символ = знак символический 37, 38
- синекдоха = эпидигматическое отношение «часть—целое» 170
- синестезия 39
- синоним (ср. квазисиноним) 9, 19, 36
- абсолютный 40
- синонимические преобразования 27
- синонимия (см. также квазисинонимия) 26, 36, 40, 60, 72, 73, 99, 100, 268
- полная / точная 100
- предложений (см. также логико-семантическое отношение эквивалентности) 212, 221, 249, 269, 274
- синтаксическая 100
- (экспрессивно-)стилистическая 100
- синоптическая схема [тезауруса] 125
- синтагматика 47, 96, 148, 149
- синтагматическое отношение / связь = реляция 71
- синтаксис 16–18, 121
- синтаксическая конструкция 18, 73, 199, 216
- синтаксическая позиция 30, 165, 248
- синтаксическая структура 26, 43
- синтаксический компонент [теории языка] 26
- синтаксический компонент / слой лексической информации = значение синтаксическое 48, 58, 62, 80, 81, 96
- синтаксический признак 76, 151, 289
- синтаксический тип (предложений) = тип предложений по цели высказывания 59, 120, 261
- синтаксическое отношение 32, 52, 63, 119, 212
- синтактика 32, 46, 47
- синхрония 12
- сирконстант 143, 144, 154, 220
- система знаков см. знаковая система
- ситуация = положение дел [как означаемое языкового выражения] 13, 58, 59, 61, 62, 65, 91, 105, 140, 173, 183, 207, 217–222, 224, 227, 237, 238, 241, 242, 244, 247–251, 254, 254, 256–258, 261, 262, 278, 285, 295
- абстрактная / обобщенная 224–225, 248
- квантификация ситуации 239
- конкретная 227, 235, 239, 248
- прототипическая 161
- тип / сорт ситуаций 227, 239
- участник ситуации 9, 105, 118, 140, 142, 143, 219, 225, 227, 250, 251, 256
- — обязательный (см. также актант (семантический)) 106, 140, 144, 220, 248, 249
- ситуация (речевого) общения см. коммуникативная ситуация
- следование = логико-семантическое отношение следования (см. также следствие) 26, 121, 210, 213, 221, 246, 270, 311
- следствие (см. также следование) 185, 190, 210, 213–215, 264, 270, 287, 311
- словарная статья 54, 65, 73, 80, 97, 145
- словарь
- идеологический (см. также тезаурус) 124
- идеографический (см. также тезаурус) 124
- иероглифический 20
- концептуальный (см. также тезаурус) 124

- семантического метаязыка 119–121, 267, 270, 271
 - — семантических примитивов (ЕСМ) 121, 271
 - синонимический 9, 74, 119
 - — тезаурус *см.* тезаурус
 - толковый 9, 11, 22
 - словообразовательная мотивация 12
 - словосочетание 43, 52, 55, 96, 114
 - словоформа 77, 78, 200
 - слой (семантический) = компонент лексико-семантической информации 58
 - денотативный *см.* денотативный компонент лексической информации
 - прагматический = прагматический компонент лексической информации
 - сигнификативный = сигнификативный компонент (лексической информации) *см.* сигнификат
 - синтаксический = синтаксический компонент лексической информации
 - слот (*см.* также фрейм) 65, 67, 170
 - служебное слово 16, 18, 75, 78
 - слушающий (С) 54, 55, 201, 206, 218, 237, 253, 260, 263, 288, 294, 313
 - смысл
 - высказывания (*ср.* значение предложения) 19, 199, 200, 264, 280
 - буквальный / прямой 15
 - переносный 15
 - речевой / актуальный 200
 - целого текста 19, 51
 - смысла* [слово обыденного языка] 8–13
 - «информационное» употребление слова *смысла* 9
 - истолкование (= экспликация) *смысла* 11, 12
 - контекст / контекстное окружение слова *смысла* 10
 - носители *смысла* 10, 11
 - определения к *смыслу* 12
 - «смысл» [термин лингвистической семантики] 46, 199, 266
 - ‘смысл’ [понятие обыденного сознания] 9, 11, 12
 - смысловый атом *см.* атом (смысла)
 - смысловый компонент *см.* компонент смысла
 - собираемость (*ср.* дистрибутивность) 229, 232
 - согипоним *см.* когипоним
 - сознание 8
 - обыденное 11, 195
 - соположенность *см.* конверсивность
 - социальный статус 89, 195, 263
 - социология 15
 - сочетаемое ограничение *см.* ограничение на сочетаемость
 - сочетаемость (*см.* также ограничение на сочетаемость) 11, 26
 - лексическая 147, 148, 166
 - — абсолютная 147
 - — относительная 147
 - морфо-синтаксическая (*см.* также субкатегоризация) 62, 146, 148
 - семантическая 146, 148, 166
 - синтаксическая 164
 - союз 18, 75, 76
 - сравнительно-исторический метод 23
 - старое [коммуникативная категория] *см.* данное
 - статистика 196
 - статус подлежащего (*см.* также тема) 253
 - стереотип 62, 92, 185
 - национального характера (СНХ) 185–187
 - стилистическая фигура 204, 206
 - стиль 72
 - стратификация словарного состава языка 72
 - структурализм 24
 - американский *см.* дескриптивизм
 - европейский 25
 - субкатегоризация (*см.* также сочетаемость морфо-синтаксическая) 62
 - субституция 50, 152
 - субъект 1 [как грамматическое отношение] (*см.* также подлежащее) 76
 - субъект 2 [как семантическое отношение / актант / роль / валентность] 106, 138, 139, 145, 154
 - субъективизм 24
 - суждение 18, 67, 119, 173
 - возможности (проблематическое) 226
 - действительности (ассерторические) 226
 - необходимости (аподиктические) 226
 - существительное *см.* имя существительное
 - сущность [как тип денотата] 8, 30, 32
 - сфера действия 224, 234, 282, 283
 - ядерная 225
 - схема *см.* фрейм
 - сходство значений (*см.* также значение)
 - сценарий 54
- Т**
- тавтология (*см.* также псевдотавтологическая конструкция) 204, 205, 207
 - тезаурус = словарь-тезаурус (*см.* также словарь идеологический, идеографиче-

ский, концептуальный) 123–126, 131–134
 — схема тезауруса *см.* синоптическая схема
 — экспликационный 131
 тезаурусная презентация / тезаурусное определение лексического значения 131, 132
 тезаурусный метод 123
 текст 11, 15, 17
 тема = логический субъект = топик (*ср.* рема) 238, 252, 285, 295
 — ингерентная 306, 307, 311, 314, 316
 — маркер темы 285
 — неингерентная 306, 308
 — смысловая 252
 тематическая группа (*см.* также тематический класс) 12, 123, 124, 133
 тематическая роль (*см.* также семантическая роль)
 тематический класс (*см.* также тематическая группа)
 тематический компонент [общего вопроса] 296, 309
 темп 306
 теория 14
 — знака / знаков (*см.* также семиотика) 31
 — «исправления имен» 20
 — когнитивная теория дискурса 28
 — концептуальной метафоры 171
 — концептуальных зависимостей 28, 68
 — моделей 26
 — общая теория языка 21, 272
 — объяснительная сила теории 14
 — прототипов = прототипная теория значения = прототипная семантика 159–161
 — референции 26, 86, 87, 233, 241, 254
 — речевых актов 29, 126, 258, 288
 — семантическая *см.* семантическая теория
 терм 1 [категория семантических единиц] 119, 219–222
 — рестриктивный 223, 225
 терм 2 [название единиц семантического языка Г. В. Лейбница] 21
 — простой 21
 — сложный 21
 термин 12, 13, 19
 терминология 45, 71, 87, 110, 156
 тест (семантический) 183
 — вопросно-ответный 184
 — имплицитный 184
 тип предложения по цели высказывания = синтаксический тип (предложения) 61, 261, 263

типологическая классификация языков 24
 тождество слова 71
 типология 50, 53, 156
 толкование 1 [деятельность] 19
 толкование 2 [объясняющее выражение] 9, 11, 12, 21, 22, 60, 80, 81, 116–118, 122, 133, 134, 141, 142, 144, 145, 148, 152–154, 159, 169, 170, 184, 212, 214, 243, 246, 247, 277, 290, 293, 294, 296, 298, 305, 308
 — (инвариантное) ядро толкования 245
 — схема толкования 153, 154, 172, 246
 — периферийная часть толкования 297
 — центральная часть толкования 297
 тон 88
 топик (*ср.* комментарий) *см.* тема
 традиция 20
 — грамматическая 61, 261, 298,
 — культурная 92, 185, 208
 — лингвистическая 19, 76, 240
 трансформационная методика разграничения значений 150, 165
 трансформационные возможности 309
 трансформация 148, 149, 250, 312

У

ударение 208, 239
 — контрастное 256, 295
 — фразовое 252
 умозаключение 68, 158, 280, 306
 упаковочный (= коммуникативный) компонент смысла предложения 250, 252, 253, 284
 уровень 1 [языка] 16–19
 — морфем = морфемный 17
 — предложений = синтаксический 17
 — слов = лексический 17
 — фонем = фонемный 17
 уровень 2 [представления языкового выражения]
 — лексико-семантический 51
 — морфо-семантический 51
 — поверхностный 188
 — семантический 117
 уровень 3 [категоризации]
 — базовый 41, 102
 — видовой 41
 — родовой 41
 — «форм живого» (life-form) 41
 условия истинности 202, 203, 209
 условия применимости 82
 — необходимые 12
 — достаточные 12
 условия успешности РА 263, 264

- пропозиционального содержания 264
- подготовительные / предварительные 264
- искренности 264
- существенное условие / условие назначения 243, 264, 265
- установка вопроса *см.* исходное предположение вопроса (*см. также* общего вопроса установка)
- утверждение 104, 184

Ф

- факт [как тип референта сентенциальной группы] 237–238
- фактивный предикат 215
- факультативность / необязательность 66
 - семантическая 143, 144
 - синтаксическая 142
- фигура содержания 111
- философия 31, 57, 84
- фокус внимания 18, 285, 288
- фокус контраста *см. также* контрастивность 285
- фокус эмпатии 256, 257, 285
- фон / фигура [коммуникативная категория] 257
- фонема 17, 33, 34
- фонетика 16, 72
- «фонетическое значение» 52, 53
- фонология 17, 97, 105, 113
- формализация 249, 280
- формальная семантика *см. также* грамматика Монтегю, семантика теоретико-модельная 25, 26, 29, 46, 59
- формальный показатель 18, 75
- формула дистрибутивная *см.* методика анализа лексического значения
- фрагема / фразеологизм / фразеологическая единица 93, 185
- фрейм = схема *см. также* слот
- функтор 276
- функции лексические *см.* лексические функции
- функция вопроса / вопросительного предложения 293
 - первичная 293, 294, 302
 - вторичная 293, 315
- функция языка 25, 32
 - когнитивная / денотативная / референтивная / дескриптивная / репрезентативная / идеационная 198, 217
 - коммуникативная 32, 33, 198

Ц

цветообозначения 78, 99, 102

Ч

частица 18, 76, 184
 часть речи 18, 76, 100, 136
 член предложения 18

Э

эквивалентность *см.* логико-семантическое отношение эквивалентности
 экспериенцер 137, 206
 эксперимент 53, 108, 133, 180, 181

- ассоциативный 187

 экспликация 11, 12, 214, 226, 243
 экстенционал (ср. интенционал) *см. также* денотат 11, 58, 59, 61, 82, 85, 101, 102, 225, 235
 экстралингвистические знания *см.* знания о мире
 элемент смысла *см.* семантическая единица элементарная
 эмоции 12, 39, 82, 88, 90
 эмпатия / точка зрения 257

- фокус эмпатии 256, 257

 эмфаза 257
 эндоцентрический ряд 101
 энциклопедическая информация 14, 63, 200
 энтимема 184
 эпидигматика 169
 эпидигматическое отношение = семантическое отношение внутрилексемное 169

- метафорическое *см.* метафора
- метонимическое *см.* метонимия
- связь по функции 170
- «часть-целое» *см.* синекдоха

 этноботаника 41
 этнозоология 41
 этноним 93, 185, 187, 188

Я

язык логики = логический язык = язык логического исчисления 22, 25, 31, 224, 226, 268, 280, 282

- интенциональной 22, 280
- (исчисления) предикатов 22, 271, 277, 280, 282

 язык искусства 31
 язык мысли (*lingua mentalis*) 22, 27, 121, 131, 270, 287, 289
 язык-объект 121, 266, 270–272, 274, 275, 277
 языковая демагогия 255
 языковая картина мира 23, 185, 196

Оглавление

Предисловие автора	3
Раздел I	
Введение в предмет лингвистической семантики	8
Глава 1. Семантика как лингвистическая дисциплина	8
1.1. Двойственность предмета семантики	8
1.1.1. Значение и смысл — две ипостаси содержания	9
1.1.2. Две концепции семантики: узкая и широкая	13
1.2. Место семантики в кругу традиционных лингвистических дисциплин	16
1.3. Становление семантики как самостоятельного раздела языкознания	19
1.4. Основные направления и школы современной лингвистической семантики	25
Литература	29
Глава 2. Значение в структуре языкового знака	30
2.1. Общие свойства языкового знака	32
2.2. О характере связи между означаемым и означающим в знаке	37
2.3. Значения «значения»	43
Литература	49
Глава 3. Типология значений	50
3.1. Типы значений, выделяемые по уровневой принадлежности означающего	50
3.2. Типы значений, выделяемые по степени их обобщенности	53
3.3. Типы значений, выделяемые по характеру передаваемой информации	57
3.4. Типы значений, выделяемые по связи с определенным типом знаний	63
Литература	69
Раздел II	
Лексическая семантика	70
Глава 1. Лексическая семантика, лексикология и лексикография	70
Глава 2. Лексическое и грамматическое значение	75
Глава 3. Компоненты лексико-семантической информации	80
3.1. Сигнификативный компонент	81
3.2. Денотативный компонент	82
3.2.1. (Виртуальный) денотат лексемы	82
3.2.2. Ограничения на тип референта (актуального денотата)	85

3.3. Прагматический компонент	87
3.3.1. Отношение говорящего к обозначаемому	88
3.3.2. Отношение говорящего к адресату	89
3.3.3. Информация о прагматических функциях лексемы	90
3.3.4. Коннотации лексемы	92
Литература	94
Глава 4. Лексико-семантическая парадигматика	95
4.1. Значимость слова	95
4.2. Семантическое поле	98
4.3. Корреляции семантического поля	99
4.3.1. Синонимия	99
4.3.2. Гипонимия	101
4.3.3. Несовместимость	103
4.3.4. Корреляция «часть — целое»	104
4.3.5. Антонимия	104
4.3.6. Конверсивность	105
4.3.7. Корреляции семантической производности	106
4.3.8. Ассоциативные отношения	108
Литература	108
Глава 5. Компонентный анализ лексического значения	109
5.1. Общая идея компонентного анализа значения	109
5.2. Ранние варианты компонентного анализа значения	112
5.3. Принципы компонентного анализа значения в Московской семантической школе	115
Литература	122
Глава 6. Тезаурус как модель парадигматической структуры плана содержания языка	123
Литература	134
Глава 7. Лексическая синтагматика и средства ее описания	135
7.1. Способы представления семантических отношений	136
7.2. Семантические валентности лексемы как семантические отношения, обусловленные ее лексическим значением	140
7.3. Сочетаемость лексемы	146
7.4. Взаимосвязь между лексической синтагматикой и парадигматикой	148
Литература	155
Глава 8. Моносемия, полисемия, омонимия	156
8.1. На пути от актуальных значений к узуальным: моносемия vs полисемия	157
8.2. От узуальных значений к виртуальным: полисемия vs омонимия	168
8.3. Семантическая структура многозначного слова. Эпидигматика	169
8.4. Взаимосвязь между лексической парадигматикой и эпидигматикой: анализ конкретного примера	172
Литература	179

Глава 9. Эксперимент в лексической семантике	180
9.1. Экспериментирование с контекстами употребления	180
9.2. Эксперименты с использованием денотата слова	181
9.3. Семантические тесты	183
9.4. Конкретный пример лексико-семантического эксперимента: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов	185
Литература	197

Раздел III

Семантика предложения и высказывания 198

Глава 1. Предложение как объект семантического исследования	198
1.1. Значение предложения и смысл высказывания	199
1.2. Семантически правильные и аномальные предложения	200
1.3. Логико-семантические отношения между предложениями	209
1.4. От семантических отношений между предложениями к семантической структуре предложения: пресуппозиция и ассерция	213
Литература	216
Глава 2. Основные компоненты плана содержания предложения	217
2.1. Пропозициональный компонент семантики предложения	217
2.1.1. Предикатно-аргументная, или реляционная структура пропозиции	219
2.1.2. Операторы, кванторы и связки	224
2.1.3. Референциальный аспект пропозиционального содержания	226
2.1.4. Референция именных групп с предметным значением	228
2.1.5. Референция языковых выражений с пропозитивным значением	236
2.1.6. Модальный аспект пропозиционального содержания	240
2.1.7. Типы и виды модальности	240
2.1.8. Модальные операторы возможности, необходимости и долженствования	242
2.2. Коммуникативный (упаковочный) компонент семантики предложения	247
2.2.1. Подчеркивание особой роли одного из участников ситуации	250
2.2.2. Актуальное (теморематическое) членение предложения	252
2.2.3. Данное и новое в предложении	253
2.2.4. Известное и неизвестное в предложении	254
2.2.5. Контрастивность	256
2.2.6. Эмпатия, или точка зрения	256
2.2.7. Важность	257
2.3. Прагматический (иллюкутивный) компонент семантики предложения	258
Литература	265

Глава 3. Семантические метаязыки для описания смысла предложения-высказывания	266
3.1. Тип значения, для описания которого используется метаязык: лингвистическое или логическое значение?	267
3.2. Все ли в значении предложения может и должно фиксироваться средствами семантического языка? (К вопросу о полноте семантического описания)	269
3.3. Словарь метаязыка	270
3.4. Синтаксис (грамматика) метаязыка	275
3.5. Метаязыковые средства для отражения различных аспектов смысла предложения-высказывания	279
3.5.1. Пропозициональный компонент в метаязыковом представлении	280
3.5.2. Метаязыковые средства для отражения референциального аспекта пропозиционального содержания	282
3.5.3. Метаязыковые средства для репрезентации коммуникативного (упаковочного) компонента	284
3.5.4. Метаязыковые средства для репрезентации прагматического (иллокутивного) компонента семантики предложения-высказывания	288
Глава 4. Конкретный пример: семантическое описание общевпросительных предложений русского языка	292
4.1. Семантическая структура общевпросительного предложения (ОВП) и ее отражение в семантическом представлении	293
4.1.1. О первичной и вторичной функциях вопросительных предложений	293
4.1.2. Структурно-семантическое единство вопроса и ответа	294
4.1.3. Общее строение семантического представления вопроса	294
4.1.4. Центральная и периферийная части семантического представления ОВ	297
4.1.5. О форме семантического представления (интерпретации)	298
4.2. Формальная структура общего вопроса	298
4.3. Семантическое описание основных типов общих вопросов в русском языке	299
4.3.1. Позитивные <i>ли</i> -вопросы	300
4.3.2. Простые позитивные вопросы (ППВ)	303
4.3.3. Простые негативные вопросы (ПНВ)	309
4.3.4. Негативные <i>ли</i> -вопросы (<i>не-ли</i> вопросы)	312
Библиография	317
Предметный указатель	332